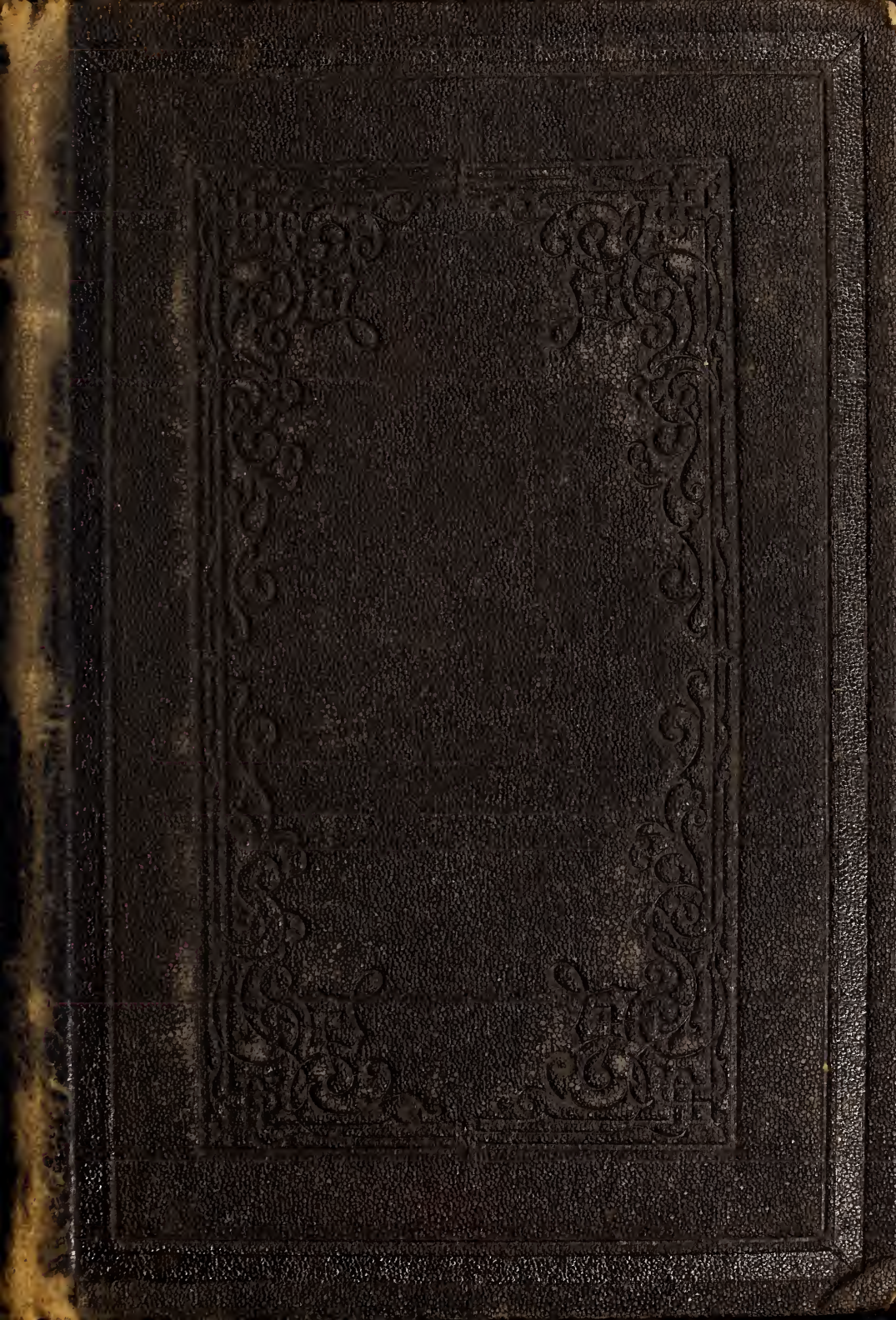

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Mordovtsev, Daniil Lukich

ГАЙДАМАЧИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

Д. МОРДОВЦЕВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе книгопродавца К. Н. Плотникова

1870

DK508
.7
.M6
1870

А.Е. Д3/12

ОТЪ АВТОРА.

Предметомъ большей части своихъ историческихъ изслѣдованій, какъ неоднократно уже замѣчено въ печати, я избиралъ преимущественно темныя стороны изъ историческаго прошлаго русскаго народа. Я имѣлъ основаніе отдавать преимущество этимъ темнымъ сторонамъ передъ свѣтлыми во-первыхъ потому, что первыхъ, къ сожалѣнію, исторія русскаго народа — собственно народа, а не государства—представляетъ болѣе, чѣмъ послѣднихъ, во-вторыхъ потому, что безъ нихъ русская исторія всегда являлась бы неполною, недоконченною книгою, картиною безъ тѣней, красокъ и достаточнаго освѣщенія.

Но «Пугачевщина», «Гайдамачина», исторія всѣхъ политическихъ самозванствъ и возмущающія нравственное чувство человѣка дѣянія атамановъ и разбойниковъ безчисленныхъ шаекъ понизовой вольницы, какъ поволжской, такъ и поднѣпровой, внося мрачный колоритъ и нерѣдко грязныя краски въ отжитыя русскимъ народомъ историческія эпохи, не могутъ однако

остаться темнымъ пятномъ на страницахъ его исторіи.

Я уже имѣлъ честь высказывать въ своихъ историческихъ монографіяхъ глубокое убѣжденіе, что народъ, который, при неблагопріятной жизненной обстановкѣ, выдѣлялъ изъ себя Пугачевыхъ, «чудовищъ» Заметаевыхъ, «главныхъ разбойниковъ» Шагалъ, Богомоловыхъ, Ханиныхъ, Желѣзняка, Гонту и всю массу понизовыхъ разбойниковъ, этотъ народъ, лѣтъ черезъ восемьдесятъ, черезъ три, четыре генераціи, способенъ уже выдѣлять изъ себя благородныхъ представителей во всѣ сферы государственной и общественной жизни — въ сферы литературную, служебную, на поприще широкой коммерческой дѣятельности, на земское дѣло, въ судебный мировой институтъ, и представители эти, правнуки и потомки тѣхъ, которые участвовали въ «Пугачевщинѣ», «Гайдамачинѣ,» въ этихъ массовыхъ историческихъ убійствахъ, заправляютъ нынѣ общественными и другими весьма сложными дѣлами не хуже другихъ почетныхъ историческихъ дѣятелей прежнихъ эпохъ.

Въ своихъ работахъ я исходилъ изъ того убѣжденія, что только при сравненіи съ прошлыми вѣками могутъ рельефнѣе выступать лучшія стороны нашего времени, которымъ мы желали бы гордиться передъ нашимъ прошлымъ, и только при сопоставленіи мрачныхъ и свѣт-

лыхъ явленій въ жизни русскаго народа можно видѣть, *что* пройдено этимъ народомъ и *какъ* пройдено. Потому, выяснить во всей полнотѣ исторію извѣстной болѣзни въ государственномъ организмѣ, написать такъ-сказать скорбный листъ народа за прожитое имъ время и показать этотъ народъ въ болѣе здоровомъ состояніи — это должно быть едва ли не первою задачею для историка нашего времени и его нравственнымъ долгомъ.

Этими именно соображеніями авторъ «Пугачевщины», «Гайдамачины», монографій о политическихъ самозванствахъ и понизовой вольницѣ оправдываетъ свое предпочтительное вниманіе къ наиболѣе темнымъ явленіямъ изъ нашего прошлаго. Въ силу этихъ именно соображеній онъ относитъ такое предпочтительное вниманіе не къ именамъ героевъ, полководцевъ и государственныхъ дѣятелей, которыхъ заслуги и безъ него достаточно оцѣниваются историками, а къ опозореннымъ исторіею именамъ политическихъ самозванцевъ и разбойниковъ, съ ихъ атаманами и есаулами, и гайдамаковъ, съ ихъ «ватажками» и названными «батьками».

Настоящая историческая монографія—«Гайдамачина» — подводится подъ общее опредѣленіе моихъ историческихъ изслѣдованій — «*Политическія движенія русскаго народа*» (имѣющихъ быть изданными въ непродолжительномъ

времени), вслѣдствіе того, во-первыхъ, что и въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, какъ и въ «Гайдамачинѣ,» выясняются аналогическія движенія русскаго народа какъ на Волгѣ, въ Пугачевщину и въ разгарѣ дѣяній понизовой вольницы, такъ и на Днѣпрѣ — въ послѣдней политической вспышкѣ южно-русскаго народа, «уманскою рѣзнею» закончившаго свои ненормальныя политическія отношенія къ полякамъ и историческіе счеты съ ними; а во-вторыхъ потому, что движеніе народа въ поволжьѣ и въ поднѣпровьѣ вызывалось одними и тѣми же историческими и физіологическими условіями жизни русскаго народа обѣихъ половинъ нашего обширнаго отечества, восточной и западной.

С. Петербургъ.
1 іюня 1870.

ГАЙДАМАЧИНА.

(1730—1768)

> Trudno jest wymagać po Opatrzności, iżby z syłało nadzwyczajnych ludzi, coby mogli chylący się narod dzwignąć i ocalić. Jdą zwykle rzeczy ludzkie swym trybem. Wina bez wątpienia narodu rozwijała chylenie się jego. spełniła i ostateczny moment upadku.
>
> Lelewel.

I.

Кровавая народная смута, извѣстная подъ именемъ пугачевщины, всегда будетъ представляться неполною картиною великаго движенія народныхъ массъ второй половины прошлаго вѣка, если не будетъ сопоставлена съ другою, не менѣе кровавою смутою, почти въ одно и тоже время затѣянною другою половиною русскаго народа, хотя значительно меньшею, и на другомъ концѣ русскаго царства. Мы говоримъ о томъ народномъ движеніи, которое извѣстно подъ именемъ „коліивщины“ или „гайдамачины“ и заключительнымъ актомъ котораго была знаменитая „уманская рѣзня“, имѣющая полное право занять такое же видное мѣсто въ исторіи массовыхъ человѣческихъ преступленій, какъ „варѳоломеевская ночь“ и „сицилійская вечерня“.

Исторія гайдамачины имѣетъ такое же отношеніе къ исторіи пугачевщины, какъ исторія южно-русскаго народа къ общей исторіи Россіи. Русскій народъ, вслѣдствіе этнографическихъ и историческихъ причинъ, разбитъ былъ на двѣ большія половины, изъ которыхъ одна стала извѣстна въ исторіи подъ именемъ великорусской вѣтви русскаго народа, а другая малорусской, и вслѣдствіе этихъ же причинъ обѣ половины долго жили отдѣльною политическою жизнью, пока не возсоединились окончательно въ прошломъ вѣкѣ.

Хотя та и другая половина русскаго народа жили подъ различными историческими условіями и каждая выработала себѣ сообразныя съ этими условіями государственныя формы—первая монархическія самодержавныя съ преемственностью власти по наслѣдству, вторая республиканскія съ выборнымъ началомъ, поставленнымъ въ основу политическаго существованія государства, однако и въ томъ и въ другомъ государствѣ, и въ монархическомъ, и въ республиканскомъ, ядро населенія составляли несвободныя сословія русскаго народа и жизнь этихъ несвободныхъ массъ, при діаметрально-противоположныхъ формахъ правленія, представляла довольно замѣтное сходство и въ той и въ другой половинѣ Россіи. Сходство это, въ свою очередь, повело къ одинаковымъ проявленіямъ народнаго духа и тамъ и здѣсь и притомъ почти въ одно и тоже время, потому что и тамъ и здѣсь было одинаково тяжело жить несвободнымъ классамъ, собственно народу. И тамъ и здѣсь народъ, поставленный въ тяжкія условія зависимости, заявилъ о своихъ страданіяхъ кровавымъ протестомъ противъ тѣхъ, отъ кого онъ зависѣлъ и кого считалъ виновникомъ своихъ страданій. Въ Великой Россіи, собственно по юго-восточнымъ ея окраинамъ, пригне-

тенный народъ рѣзалъ помѣщиковъ и чиновниковъ (пугачевщина и понизовая вольница), въ Малой Россіи, тоже по окраинамъ, только юго-западнымъ, онъ рѣзалъ помѣщиковъ-поляковъ и евреевъ (гайдамачина, коліивщина и собственно уманская рѣзня). Послѣдняя, самая страшная вспышка гайдамачины, совпадаетъ съ 1768 годомъ, съ тѣмъ годомъ, когда, въ другой половинѣ Россіи, всего замѣтнѣе обозначились разрушительныя дѣйствія понизовой вольницы, кончившіяся пугачевщиной и разбойническими экскурсіями „чудовища“ Заметаева по Волгѣ и по Каспійскому морю.

Какъ пугачевщина, такъ и гайдамачина являются естественнымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ неудачно сложившагося политическаго и гражданскаго строя обѣихъ половинъ русскаго царства—и монархической и республиканской. Только до сихъ поръ историки ошибочно понимали въ чемъ именно заключались причины незавиднаго положенія южно-русскаго народа и, вслѣдствіе того, ложно истолковывали и самый источникъ народныхъ движеній, которыя разрѣшились уманской рѣзней.

Давно принято за несомнѣнную историческую истину, что южно-русскій народъ былъ доведенъ до политической, такъ сказать, безвыходности неразуміемъ польскаго господства надъ Украиною. Всѣ единогласно обвиняли польскихъ пановъ въ безчеловѣчности ихъ отношеній къ народу, въ абсолютизмѣ права, какъ экономическаго, такъ и гражданскаго, которое паны будто бы такъ жестоко примѣняли къ своимъ южно-русскимъ крестьянамъ. Обвиненія эти стали ходячими фразами, однако, правды въ нихъ только на половину. Писатели, для которыхъ русскіе интересы были ближе интересовъ польскихъ, всю вину въ несчастіяхъ южно-русскаго народа

сваливали на поляковъ. Съ своей стороны писатели, для которыхъ польскіе интересы были дороже русскихъ, отклоняли отъ себя эти обвиненія и сваливали ихъ на самый южно-русскій народъ и на казачество. Какъ тѣ, такъ и другіе писатели руководствовались въ этомъ случаѣ отзывами близко заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Первые писали большею частью на основаніи историческихъ документовъ, оставленныхъ потомству стороною имъ болѣе близкою, со словъ и бумагъ южно-русскихъ историческихъ дѣятелей, которые не скупились на обвиненія своихъ враговъ; вторые писали со словъ и бумагъ, оставленныхъ именно этими врагами. Естественно, что южно-русскіе историческіе дѣятели говорили только о томъ, сколько зла причинили южно-русскому народу „вражьи ляхи," и при этомъ умолчали о томъ, сколько зла причинили этому народу они сами, ихъ сподвижники и помѣщики. А что они много зла причинили южно-русскому народу, это несомнѣнная истина, хотя объ этомъ никто изъ нихъ не упоминалъ, а за ними, само собою разумѣется, не упоминаютъ и ихъ историки.

Вотъ на эту-то сторону исторіи южно-русскаго народа въ XVIII вѣкѣ мы и намѣрены обратить особенное вниманіе, такъ какъ она до сихъ поръ всѣми историками оставляема была въ тѣни, и къ удивленію увидимъ, что не во всемъ виноваты поляки, но что, къ половинѣ XVIII вѣка, южно-русскій народъ доведенъ былъ до безвыходности своими собственными законами, своими собственными порядками и въ особенности своими собственными властями и помѣщиками: не все давилъ ляхъ, но и свой собственный братъ, возвысившійся и разжившійся на счетъ другаго, меньшаго брата. Мы по необходимости должны будемъ убѣдиться, что многіе

изъ южно-русскихъ историческихъ дѣятелей прошлаго столѣтія, которые представлялись до сихъ поръ героями и мучениками за свободу своего народа, окажутся совершенно въ иномъ, не привлекательномъ свѣтѣ: герои превратятся въ грабителей ([1]), а мученики за народъ—въ мучителей этого народа, который, еслибъ былъ подальновиднѣе, то этихъ самыхъ героевъ и мучениковъ повѣсилъ бы на одну осину вмѣстѣ „съ ляхомъ, жидомъ и собакой,“ какъ это дѣлалъ онъ во время уманской рѣзни.

Объяснять страшное кровопролитіе, произведенное гайдамачиною, звѣрствомъ запорожскаго казачества, которое, при своемъ политическомъ издыханіи, въ послѣдній разъ захотѣло погулять на могилахъ пановъ и жидовъ, было бы также близоруко, какъ объяснять начало и страшный характеръ пугачевщины какими-либо интригами и появленіемъ самозванца. Равнымъ образомъ было бы несправедливо приписывать южно-русской черни звѣрскую кровожадность, которая заключена въ его личномъ характерѣ и темпераментѣ. Звѣриная кровожадность въ цѣломъ народѣ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, вызывается слишкомъ сильными причинами, и притомъ временными, но далеко и не всегда темпераментомъ. Темпераментъ южно-русскаго народа и въ XIX вѣкѣ, безъ сомнѣнія, остался тотъ же, что былъ и въ XVIII, а между

([1]) Напр.: «Герой и мученикъ» Полуботокъ: его гнусная исторія 1) съ «дейнеками», которыхъ онъ ограбилъ и—солгалъ, отперся отъ всего, 2) съ Цыбульскимъ — изъ-за табаку, изъ-за покупки мѣди, воловъ, 3) «исторія съ дукатомъ, найденнымъ между червонцами, 4) его взяточничество. А Скоропадскіе, Лизогубы, Милорадовичи—смотр. матеріалы у П. Маркевича, Судіенка, Бѣлозерскаго.

тѣмъ этотъ народъ не выдумываетъ ни съ того, ни съ другаго поголовной рѣзни, не подвергается эпидеміи убійствъ и грабежей, какъ это было ровно сто лѣтъ назадъ: и въ 1768 году, онъ былъ все такимъ же кроткимъ, покорнымъ и поэтическимъ народомъ, какимъ является и въ 1868 году, и въ 1768 году великорусскій собратъ упрекалъ его въ апатіи и лѣни, какъ упрекаетъ и въ 1868 году. И при всемъ томъ, этотъ народъ почти поголовно сталъ убійцею, какимъ въ 1774 году сталъ великорусскій народъ, по видимому, безропотно сносившій до 1774 года и помѣщичье засѣканье, и воеводское грабленье, и московскую волокиту, и канцелярскія „пристрастныя“ плети и батожьи, и комендантскіе зеленые шпицрутены. Человѣкъ не легко отваживается на убійство, и если онъ рѣшается убить другаго, то въ этомъ случаѣ онъ только дѣлаетъ невольный, мучительный, но неизбѣжный выборъ изъ двухъ золъ—или самому быть убиту, погибнуть на висѣлицѣ, скончаться отъ цынги въ тюрьмѣ, умереть съ голоду, или, чтобы спасти себя—убить другаго. Такой же мучительный, но неизбѣжный выборъ представлялся въ XVIII вѣкѣ и южно-русскому народу всякій разъ, когда онъ вынуждаемъ былъ браться за винтовку, за цѣпъ или за дубину. Такой же выборъ выпалъ на его долю и передъ гайдамачиной, что̀ мы и изобразимъ въ послѣдовательномъ рядѣ фактовъ на нижеслѣдующихъ страницахъ.

Эти факты мы находимъ въ законахъ, которыми управлялся южно-русскій народъ, въ общественномъ и экономическомъ строѣ, который довелъ его до нищеты въ благословенной плодородіемъ землѣ, въ отношеніяхъ къ властямъ, къ полякамъ, къ помѣщикамъ, какъ чужимъ, польскимъ,

такъ и къ своимъ кровнымъ, и во многихъ другихъ сферахъ жизни. Все это мы покажемъ послѣдовательно.

Южно-русскій народъ доведенъ былъ до отчаяннаго положенія, а вслѣдствіе того и до ножа—во первыхъ безобразіемъ законовъ, которыми онъ управлялся.

Основнымъ закономъ, которымъ правился южно-русскій народъ и который отдавалъ этотъ народъ въ кабалу, какъ пану-поляку, такъ и пану-украинцу, былъ Статутъ Литовскій. Этотъ странный юридическій кодексъ, въ основаніи котораго лежали республиканскія формы законодательства, дѣйствовавшій въ XVI вѣкѣ, оставался дѣйствующимъ и въ XVIII столѣтіи, въ то время, когда одна половина Малороссіи была подъ монархическимъ протекторатомъ Россіи, а другая подъ республиканскою опекою Рѣчи Посполитой. Рядомъ съ республиканскимъ кодексомъ, исполненнымъ самыхъ варварскихъ юридическихъ абсурдовъ (рѣчь о которыхъ будетъ ниже), дѣйствовали такъ называемые великорусскіе „государевы указы,“ истекавшіе изъ принципа самодержавной власти. Тутъ же рядомъ стояли и юридическіе абсурды такъ называемаго Магдебургскаго права, которое не менѣе Литовскаго Статута было богато юридическими нелѣпостями самаго жестокаго свойства, выдававшими головой слабаго сильному, бѣднаго богатому. Этой юридической путаницѣ помогало еще Богъ вѣсть зачѣмъ прилѣпленное сюда саксонское право или такъ называемый „саксонскій порядокъ,“—и къ этимъ четыремъ сборникамъ абсурдовъ, по свидѣтельству современника, извѣстнаго Теплова, обращались тогдашніе юристы и судьи, чтобы всякое человѣческое дѣло и человѣческое положеніе сдѣлать безвыходнымъ. Эти законодательства четырехъ различныхъ формъ

и направленій, съ совершенно противоположными началами и одна другую отрицающими статьями, способны были окончательно убить юридическій и гражданскій смыслъ народа, и они дѣйствительно убили не только этотъ смыслъ, но и самый народъ, который оказался неспособнымъ къ государственной жизни и угасъ политически, утративъ свою автономію вмѣстѣ съ тѣми умными головами, которыя верховодили и Рѣчью Посполитою, и Малороссіею и которыя погубили и эту несчастную Рѣчь Посполитую и эту несчастную Малороссію.

Въ понятіяхъ Литовскаго Статута, преемственно и неповрежденно перешедшихъ черезъ XVI, XVII и XVIII столѣтія, „человѣка простаго стану“ и „станъ шляхетскій“ раздѣляла такая пропасть, которую перешагнуть никому не позволялось, да которую никто и не осмѣлился бы перешагнуть. Шляхтичъ, позволявшій себѣ унизиться до какого-ли не шляхетскаго труда, пятнавшаго его шляхетское достоинство, лишался своихъ прерогативъ и становился въ уровень съ прочими „подлыми“ людьми: только осмѣлься онъ взять въ руки аршинъ или поселиться въ городѣ съ цѣлями комерческихъ операцій—онъ уже выбрасывался изъ заколдованнаго круга шляхетскихъ волностей (1). Честный трудъ уже пятналъ благороднаго человѣка. Его пятнало и всякое родство съ людьми низшей породы; вдова шляхтянка, рѣшившаяся выйдти замужъ за человѣка „простаго стану“, навсегда теряла все свое достояніе, и не-

(1) См. нашу монографію «Крестьяне въ югозападной Руси XVI вѣка» въ Архивѣ историко-юридич. свѣденій, Н. Калачева, 1861 года, стр. 20.

только то, которое она имѣла отъ мужа, но и собственное свое приданое, свою „отчизну и материзну“ (1). Дѣти, родившіяся отъ шляхтича и не шляхтянки, причисляются къ благородному сословію отца, но съ оговоркой, чтобъ „ремесломъ и шинкомъ не жили, и локтемъ не мѣрили“, т. е. не были бы купцами; однакожъ, и такой шляхтичъ, унизившійся до ремесла или аршина („локоть“), „если бы шинокъ и ремесло мѣщанское и холопское покинулъ и поступковъ шляхетскихъ рыцарскихъ наслѣдовалъ“, то опять возвращался въ сословіе благородныхъ (2). Человѣкъ, родившійся въ простомъ сословіи, никогда не могъ пріобѣсти шляхетскихъ правъ (развѣ за какія либо рыцарскія доблести), ни достигнуть какой бы то ни было должности. Покупка имъ поземельной собственности считалась не дѣйствительною и могла быть отнята прежнимъ хозяиномъ, не взирая на давность владѣнія.

Уголовные законы отличались уже чисто-драконовской жестокостью, но только опять-таки въ отношеніи къ „подлымъ людямъ“. Убійство жены мужемъ, мужа женою, сестры братомъ, брата сестрою и вообще равныхъ равными наказывалось смертью безъ всякаго усиливающаго казнь эпитета; но если холопъ наносилъ только рану шляхтичу, то наказывался, по терминологіи статута, „строго горломъ“ (srogo gardłem) и, какъ измѣнникъ, подлежалъ четвертованью, что въ сущности было не легче казни за отцеубійство, виновнаго въ

---

(1) Статутъ Сигизмунда III (Временникъ, кн. 19, изд. Моск. Общ. Ист., 1854 г.), стр. 203—204.

(2) Тамъ же, стр. 61—62, 60—61, 64, 287—289, 314, 336—337, 334—336.

которомъ возили по рынку, терзая тѣло клещами, потомъ сажали въ кожаный мѣшокъ вмѣстѣ съ собакой, пѣтухомъ, ужомъ и кошкой, зашивали въ мѣшкѣ и топили въ самомъ глубокомъ мѣстѣ рѣки или озера. Если бы люди простаго стану убили шляхтича, то сколько бы ихъ ни было—всѣ наказывались смертью, хотя тамъ же оговорено, что „*три* головы простыхъ полагается за *одну* шляхетскую“—только.

Даже евреи, пользовавшіеся всеобщимъ презрѣніемъ, были поставлены закономъ выше южно-русскихъ крестьянъ, и не только крестьянъ, но и купцовъ. Перекрещенный еврей дѣлался не только шляхтичемъ лично, но и семейство его и потомство пріобрѣтали дворянскія права на вѣчныя времена, такъ что южно-русскій крестьянинъ, при всемъ ужасѣ, внушаемомъ ему евреемъ-арендаторомъ, не могъ не сожалѣть, что онъ христіанинъ.

Подобныя юридическія нелѣпости нерѣдкость въ статутѣ. Крестьянинъ былъ ниже всего, что только могло жить на его земляхъ, въ его родномъ краю. Татаринъ, врагъ христіанства во мнѣніи всей Европы и во мнѣніи самыхъ законодателей, личный врагъ Рѣчи Посполитой и ея интересовъ, даже татаринъ имѣлъ больше защиты въ законѣ роднаго края южно-русскаго народа, чѣмъ этотъ народъ, хотя бы этотъ татаринъ отправлялъ самыя низкія ремесла, занимался продажею скота, дубленіемъ кожъ и т. п., что̀ вообще считалось унизительнымъ.

Само собою разумѣется, что подобные законы защищали только того, кто вовсе не нуждался въ защитѣ и даже мало нуждался въ какомъ бы то ни было законѣ, и не защищали того, кто только въ законѣ и могъ искать убѣжища отъ притѣсненій сильнаго. Не удивительно, если народъ жилъ

подъ такими законами и не бѣжалъ куда глаза глядятъ — только потому, почему арестантъ не бѣгаетъ изъ-за крѣпкаго тюремнаго замка, но едва онъ находилъ эту возможность, какъ тотчасъ же уходилъ въ степь, къ запорожцамъ ли, къ гайдамакамъ ли — все равно, лишь бы не оставаться тамъ, гдѣ никакихъ силъ не было оставаться. Не удивительно, что такой народъ, какъ южно-русскій, который даже по натурѣ менѣе всего склоненъ къ человѣкоубійству, котораго даже нравственная статистика ставитъ, по числу совершаемыхъ убійствъ, ниже великорусса или инородца, котораго наконецъ упрекаютъ даже въ излишней апатіи и неповоротливости, неудивительно, повторяемъ, что такой народъ вдругъ появляется страстнымъ убійцей, поголовно проливаетъ кровь какъ бы въ опьяненіи, не разбирая ни пола, ни возраста. Удивительно только то, что этому народу, доведенному до крайняго отчаянья и въ порывѣ безнадежности хватающемуся за ножъ, у нѣкоторыхъ историковъ нѣтъ другаго названія, какъ „негодяй“, „хищные звѣри“, „люди преступные и жестокіе“, какъ будто тѣ, которые доводили ихъ до забвенія всего человѣческаго, были менѣе негодяи, и какъ будто тѣ, которые ихъ систематически грабили и хладнокровно убивали, имѣли меньше права на названіе хищныхъ звѣрей, на эпитетъ преступныхъ и жестокихъ.

Въ доказательство того, что малорусскіе паны не хуже поляковъ давили свой народъ и довели его до гайдамачины, мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство человѣка, который жилъ во время гайдамачины и который не принадлежалъ ни къ тѣмъ, которые старались закрывать продѣлки поляковъ, ни къ тѣмъ, которые умалчивали о продѣлкахъ малорусскихъ пановъ. Свидѣтельство это принадлежитъ Григорію Николае-

вичу Теплову, члену малороссійской колегіи. Въ царствованіе Елисаветы Петровны составлена имъ записка подъ заглавіемъ: „О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, граматами подтвержденныхъ Малороссіи.“ Съ безпощадной наглядностью онъ изображаетъ безотрадную картину состоянія тогдашней южной Россіи и преимущественно южно-русскаго народа. Онъ не потворствуетъ ни польской, ни южно-русской сторонѣ. Въ его разоблаченіяхъ „хищными звѣрями“, „людьми жестокими и преступными“ являются не тѣ, которые съ отчаянья хватались за ножъ и убѣгали въ лѣса и степи, а тѣ, которые доводили ихъ до этого. Въ этомъ грѣхѣ повинно все, что только пользовалось властью въ южной Россіи, все, что стояло около гетманской булавы, около „атаманскаго пернача“, однимъ словомъ, все, что только не составляло народа, крестьянъ, голытьбы. Все это были хищники и притѣснители народа: въ грабежѣ повинны и гетманы со своею свитою, и гетманскія жены (жена Скоропадскаго, по смерти мужа, захватила не только войсковую казну, но и тѣ принадлежности гетманскаго достоинства, которыми гетманы, какъ лица избранныя, пользовались пожизненно); хищниками и душителями не только народа, но и вольныхъ казаковъ, являются сотники, полковники, есаулы, писаря, судьи; а чѣмъ богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ шире шло его грабительство, тѣмъ больше народа стонало подъ его панскою „власною рукою“. Ни правильнаго суда, ни законнаго распредѣленія правъ, ни имущественнаго и личнаго обезпеченія—ничего не существовало въ южной Россіи въ XVIII вѣкѣ: надъ всею страною царствовалъ деспотизмъ только тѣхъ лицъ, которыя успѣли захватить силой или обманомъ кто булаву, кто пер-

начъ, кто войсковую чернильницу съ перомъ (секретарское достоинство), кто побольше награбилъ земли, лѣсовъ, мельницъ, заводовъ, рыбныхъ ловель и пасѣкъ.

Рѣдко народъ, какой бы онъ ни былъ, отзывается съ укоромъ о *своей собственной* странѣ, въ пѣсняхъ ли то, въ ходячихъ ли преданіяхъ, а южно-русскій народъ до сихъ поръ говоритъ съ укоромъ о своей благословенной Украинѣ. До сихъ поръ украинецъ не добромъ вспоминаетъ свое прошлое:

Якъ одъ кумівщини да до хмелнищини,
Якъ одъ хмелнищини да до брянщини,
Якъ одъ брянщини дай до сего-жъ то дня,
Якъ у землі кралевській да добра не було...

И дѣйствительно не было добра въ южной Россіи, какъ это и подтверждаютъ письменные документы того времени.

Относительно управленія старшинъ Тепловъ отзывается общею рѣзкою фразою, что „все тогда, въ самоволіе превращенное, не правомъ и закономъ управлялось, но силою и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать—обманомъ грамотныхъ людей.“ Это самоволіе и этотъ обманъ сдѣлали то, что въ той странѣ, гдѣ угодья мѣрились не десятинами, а десятками верстъ въ окружности, гдѣ земель могло хватить на каждаго мужика столько, что глазомъ не окинешь, гдѣ почва отличалась плодородіемъ баснословнымъ — въ этой землѣ народъ доведенъ былъ до безземельности, а мелкіе владѣльцы записывались въ цѣловальники у богатыхъ, лишь бы чѣмъ было жить и семью кормить. Всѣмъ этимъ земнымъ раемъ завладѣло панство: тамъ владѣлъ полякъ, тамъ свой сотникъ, разжившійся на счетъ казаковъ, тамъ попы и монастыри. Народъ

могъ разсчитывать на такъ называемыя „дикія поля,“ на свободныя земли, которыя тянулись на необозримыя пространства, но и тѣ были захватаны богачами, и безпутный законъ санктировалъ эти старинные захваты, между которыми были и захваты новенькіе, и все это пошло подъ именемъ „старыхъ займовъ.“ Разъ дозволенное закономъ, грабительство шло все дальше и дальше. Вліятельные люди не остановились на захватѣ земель, плотинъ, мельницъ и рѣкъ: они начали захватывать людей и ихъ свободу. Сначала шелъ въ кабалу посполитый людъ, а тамъ должны были прощаться съ своею волей и свободные казаки, на которыхъ, по видимому, опиралась вся сила государства. Огромное войско, нѣкогда страшное татарамъ, а въ годины смутъ—и полякамъ, мало по малу исчезало, и сами хищники не понимали куда оно дѣвалось, потому что одинъ хищникъ не зналъ, что дѣлалъ другой, а если и зналъ, то не воображалъ, что воровство идетъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ—воровство государственныхъ земель, воровство казны, воровство угодьевъ и людей. Ревизіи производились за ревизіями, и послѣ каждой ревизіи къ удивленію замѣчалось, что народъ въ Малороссіи исчезаетъ, что казаки тоже куда-то пропадаютъ. Моровыхъ повѣтрій нѣтъ, голоду повальнаго тоже не было, татары не угоняли народа въ плѣнъ цѣлыми областями, а между тѣмъ населеніе исчезаетъ, Малороссія пустѣетъ. Начали было истолковывать это тѣмъ, что народъ бѣжитъ за границу, въ Польшу, а оказалось, что народъ томился въ имѣніяхъ хищниковъ, которые при ревизіи утаивали число украденныхъ у государства душъ и вновь производили грабежи до слѣдующей ревизіи. Старшины, чиновные и денежные люди дѣлали что хотѣли, потому что ничего не боялись,

никакимъ законамъ не повиновались и распоряжались какъ въ завоеванной землѣ—жили „въ безстрашіи“, какъ говоритъ современникъ. Для закрытія всѣхъ безчинствъ по управленію беззащитнымъ краемъ употреблялись „способы весьма наглые и не трудные. “Впрочемъ, чиновные и денежные люди не особенно и заботились, чтобы прикрывать свое безобразіе: они безобразничали „явственно, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судные порядки ихъ укрываютъ.“ Притомъ защитой имъ служила круговая порука: такъ какъ всѣ были не чисты, и повальное грабительство продолжало спокойно жить при „взаимной другъ ко другу помощи.“

Таково-то было житье въ свободной Малороссіи, съ ея республиканскими формами правленія. Но это только одна сторона жизни; другія были еще болѣе мрачныя, болѣе безотрадныя.

Южно-русскій народъ считалъ невыносимымъ ярмомъ польское владычество. Служеніе польскимъ панамъ онъ называлъ „плѣненіемъ вавилонскимъ“, „работою лядскою египетскою“. Страданіе Малороссіи подъ польскимъ протекторатомъ стало для историковъ общимъ мѣстомъ, которое повторяется ими на всѣ лады. Народу, слѣдовательно, надо было вздохнуть послѣ Хмѣльницкаго, особенно въ XVIII столѣтіи, когда ляхи владѣли только частью Малороссіи, а вся остальная была свободна и управлялась не чужеземцами, а своими выборными властями. Но тутъ-то народъ и почувствовалъ, что онъ въ египетской неволѣ, но только не у „ляха собаки“, а у своего роднаго „пана-брата“, который однимъ съ нимъ крестомъ крестился, такой же, какъ и онъ, ѣлъ борщъ, только серебряною ложкою, говорилъ такимъ же говоромъ, какъ

и онъ, но только былъ безсердечнѣе своего бѣднаго брата. Уже изъ этой неволи египетской некуда было бѣжать народу, потому что въ самой обѣтованной землѣ народились египетскіе фараоны и закабалили народъ въ новую египетскую работу.

Малороссія видимо приходила въ разоръ. Изъ сильнаго и страшнаго для сосѣдей государства она становилась слабою, беззащитною страною. По количеству своего населенія она могла поставить подъ ружье 60,000 однихъ „списковыхъ или реэстровыхъ казаковъ, а съ выборными ея армія могла выйдти въ поле въ числѣ 150,000 воиновъ. Между тѣмъ уже въ половинѣ XVIII столѣтія оказалось, что хищничество умалило эту армію не на десять, не на двадцать процентовъ, а на 500%: полторастатысячная украинская армія превратилась въ пятнадцатитысячную, и все это вслѣдствіе хищничества и насилія украинскихъ пановъ и денежныхъ людей. При разборѣ дѣлъ оказалось, что старшины, захватившіе государственныя земли съ находившимися на нихъ селами и казаками, сами себѣ понаписали фальшивыя купчія на эти имѣнія, и были примѣры, что какой-нибудь господинъ, пожалованный въ сотники только въ 1745 году, уже въ 1737 году подписывался подъ фальшивой купчей сотникомъ. Все это знали и судьи, и гетманы, но „воспященія никто не чинилъ“, потому что, въ противномъ случаѣ, приходилось бы „воспящать“ самимъ себѣ дѣлать возмутительныя безобразія. Тѣ, которые еще были свободны и сидѣли на свободныхъ земляхъ, постоянно тѣснимые панами и доведенные до нищеты, сами продавали богачамъ и свою землю, и свою свободу. Такимъ образомъ каждый годъ южно-русскій народъ изъ свободнаго превращался въ кабальнаго, и съ каждымъ

годомъ все болѣе и болѣе расширялась и укрѣплялась помѣщичья власть. Самое свободное государство почти незамѣтно преобразовывалось въ самое крѣпостническое, и южнорусскіе паны дѣлались такими крѣпостниками, какими не удавалось быть даже полякамъ, которыхъ такъ боялся южно-русскій крестьянинъ. Этихъ печальныхъ сторонъ южно-русской исторіи не касались историки, а если и говорили о безотрадномъ положеніи Малороссіи, то во всемъ этомъ винили, по старой памяти, поляковъ, не вѣдая, а можетъ быть прикрываясь притворнымъ невѣдѣніемъ въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ роли въ Малороссіи перемѣнились, и потомки героевъ-защитниковъ украинскаго народа превратились въ его тайныхъ мучителей. Конечно, этого могли не знать историки, и оттого южно-русскіе писатели-патріоты, въ родѣ Георгія Канискаго, оплакивая потерю Малороссіею государственной независимости, видѣли или старались видѣть въ ея прошедшемъ только хорошія, поэтическія стороны и не хотѣли видѣть дурныхъ сторонъ, по которымъ можно было судить, какъ разлагался въ государствѣ гражданскій строй и какъ подгнивали основы, на которыхъ оно было построено. Если бы южно-русскіе патріоты вглядѣлись поближе хотя бы въ исторію XVIII вѣка своей родины, они, можетъ быть, пришли бы къ печальному заключенію, что въ государствѣ ихъ давно гнѣздились элементы разложенія, а быть можетъ они задались бы и такимъ вопросомъ, который самъ собою встаетъ передъ вами, когда вы задумаетесь надъ судьбами Малороссіи какъ государства: не было ли причиной недолговѣчности политической жизни Малороссіи ея долгое политическое единеніе съ другимъ государствомъ, которое также было политически несостоятельно? Не заразился ли государственный

организмъ Малороссіи тѣмъ неизлечимымъ недугомъ, которымъ страдала Рѣчь Посполитая и который свелъ ее въ могилу? Вопросъ этотъ весьма серьезенъ и едва ли на него не придется отвѣчать утвердительно. Малороссія, какъ государство, отъ Польши заимствовала смертную болѣзнь, и болѣзнь эта всего явственнѣе проявляется въ эпоху, которою мы въ настоящее время заняты. Таже политическая безтактность, какъ и въ Рѣчи Посполитой, тоже панство, которое изъ народа сдѣлало рабочую скотину, тоже равнодушіе къ государственнымъ интересамъ, тѣже партіи и интриги, тотъ же убійственный деспотизмъ при кажущейся республиканской свободѣ—все это подарила Малороссіи Польша, и этимъ подаркомъ погубила того, кому принесла въ даръ и свою свободу, и свою государственную разнузданность. Въ этомъ отношеніи исторія Малороссіи и Польши напоминаетъ поэтическую сказку Вайделоты въ Конрадѣ Валленродѣ Мицкевича о томъ, какъ зачумленный воинъ приходитъ въ станъ непріятеля и, перецѣловавъ своихъ враговъ, заражаетъ всю непріятельскую армію. Въ концѣ концовъ погибаютъ и онъ самъ, и его непріятели. Такъ погибла и Малороссія, получивъ смертельную болѣзнь отъ Польши, которая погибла въ свою очередь.

II.

Какъ бы то ни было—Польша ли передала государственному организму Малороссіи свои смертельныя болѣзни, подобно гангренѣ разъѣдавшія ея политическое тѣло, или Ма-

лороссія погибла какъ политическій организмъ отъ своихъ собственныхъ болѣзней,—только Малороссія въ XVIII вѣкѣ обнаруживала всѣ признаки политическаго разложенія, и гайдамачина являлась естественнымъ и неизбѣжнымъ симптомомъ неизлечимой болѣзни государства.

Но прослѣдимъ дальше тотъ внутренній хаосъ, въ которомъ зарождалась гайдамачина, подобно тому, какъ среди внутренней безурядицы Россіи зарождалась и созрѣвала около того же времени пугачевщина—два родныя дѣтища деспотизма, не государственнаго, а такъ сказать семейнаго, патріархальнаго.

Грабежъ земель панами въ южной Россіи кончился тѣмъ, что эти паны захватили въ свои руки всю Малороссію и никому не хотѣли уступить ни клочка земли: участокъ земли, который до разграбленія земель можно было купить за пять полтинъ, нельзя уже было потомъ пріобрѣсть и за двѣсти рублей, и оттого безземелье стало удѣломъ всѣхъ бѣдныхъ. Казаки все чаще и чаще дѣлались „мужиками безгрунтовыми“. а затѣмъ поступали въ разрядъ голытьбы, которой оставалось одно спасенье отъ голода — гайдамачество. Къ этимъ безгрунтовымъ примыкали „подсусѣдки“ и „нищетные“. Подати между тѣмъ были положительно разорительны, но они вовсе не попадали въ казну, а расходились по рукамъ тѣхъ же пановъ, сотниковъ, сборщиковъ и писарей. По выраженію Теплова, вездѣ господствовало „великсе воровство народныхъ сборовъ.“

Уже Петръ I обратилъ вниманіе на это бѣдственное положеніе Малороссіи. До него дошли жалобы разоряемаго народа и доносы казаковъ на своихъ старшинъ. Начатыми потомъ слѣдствіями обнаружено множество злоупотребленій. По-

чти всѣ главнѣйшіе старшины, отъ которыхъ стонала вся страна, были взяты и посажены въ петербургскую крѣпость въ 1724 году. Это тѣ самыя лица, которыхъ близорукіе противники Петра и такіе же близорукіе хвалители южно-русскихъ порядковъ не замедлили канонизовать и возвести въ санъ героевъ и защитниковъ свободы. Хотя герои оказались достойными висѣлицы и каторги, однако въ слѣдующее царствованіе ихъ помиловали. Впрочемъ, арестъ главнѣйшихъ грабителей Малороссіи не спасъ ее отъ цѣлаго легіона ихъ преемниковъ и помощниковъ и отъ хищниковъ, такъ сказать, тайныхъ, неофиціальныхъ: пока они сидѣли въ крѣпости, другіе продолжали грабить и угнетать народъ. Мало того: когда брали однихъ офиціальныхъ хищниковъ, тѣ, которые не были взяты, немедленно пускали въ ходъ контрдоносы и ябеды, обвиняли народъ, сажали въ остроги тѣхъ, которые осмѣливались жаловаться, отбирали у нихъ имущества, и такой ходъ давали всякому дѣлу, что выпутывали изъ петли своихъ попавшихся товарищей. Въ концѣ концовъ выходило, что всякое начатое слѣдствіе о злоупотребленіяхъ южно-русскихъ властей, какъ бы оно ни велось строго, „всегда было долговременными многими ябедами заплетено и никогда добраго конца не воспринимало.“ Для того, чтобы это „заплетеніе“ оказалось болѣе дѣйствительнымъ, виновные и ихъ партизаны прибѣгали къ посуламъ, сорили награбленными сокровищами, подкупали чиновниковъ—и вновь покупали себѣ право на разореніе страны, на угнетеніе народа. Въ Петербургъ летѣли изъ Малороссіи богатые презенты „милостивцамъ“, дорогіе кони подъ драгоцѣнными чепраками и съ серебряными, позолоченными стременами, турецкія шали, золотые кубки и чеканеная золотая монета. Провинившіеся

хищники отпускаемы были на свободу, „въ ожиданіи отъ нихъ исправленія“, — но этого исправленія не видала ни Малороссія, ни Россія. Вслѣдъ затѣмъ въ Петербургъ спѣшили новые доносчики, возникали новыя дѣла. На доносы слѣдовали передоносы, которые въ свою очередь „заплетались“ клеветами на доносчиковъ, соперниковъ. Изъ одного дѣла возникало десять съ контрминами противъ прежнихъ дѣлъ, съ новыми ябедами и новыми подкупами. И опять-таки все кончалось тѣмъ, что „соперники сыскивали способы ябедническихъ доносителей опровергать долголѣтнею волокитою и напослѣдокъ всеконечнымъ разореніемъ жизни ихъ“.

Мы уже упоминали выше, какая путаница существовала въ законахъ, которыми управлялась несчастная Малороссія. Это была мѣшанина изъ четырехъ разныхъ законодательствъ, иногда діаметрально одно другому противоположныхъ, какъ законы монархическіе и республиканскіе. Одного судили по Литовскому Статуту, другаго по магдебургскому праву, третьяго по саксонскимъ законамъ или „порядкомъ саксонскимъ“, четвертаго по указамъ государевымъ, а иного и по всѣмъ четыремъ законодательствамъ разомъ. Кого какимъ закономъ хотѣли судить, такимъ и судили—выборъ былъ весьма достаточный. Коли не было статьи, опредѣляющей строгую казнь тому, кого непремѣнно хотѣли казнить, въ Литовскомъ Статутѣ, эту статью искали въ „Магдебургіи“; не находили тамъ—искали въ „саксонскомъ порядкѣ“ или подыскивали въ указахъ. Коли обиженный правъ по монархическимъ законамъ—его осуждали по республиканскимъ ([1]). Мало всего

([1]) ...«Когда судья видитъ, что статутъ истцу или отвѣтчику строгое рѣшеніе, а неполезное опредѣляетъ, тогда онъ ищетъ въ

этого, юристы въ крайнихъ случаяхъ пускали въ ходъ и „право гражданское“, и „право натуральное“: коли человѣкъ, особливо же бѣднякъ, невиненъ по праву гражданскому, его сажали въ тюрьму или били кіями по праву натуральному. Путаница страшная! А между тѣмъ вся эта законодательная путаница, всѣ эти юридическіе абсурды ложились невыносимой тяжестью на страну; дѣло шло о жизни и смерти народа. Только въ хаостическомъ состояніи законодательства могли держаться такіе страшные и безнравственные юридическіе парадоксы, которые назывались статьями дѣйствующихъ законовъ: „ежели шляхтичъ убьетъ въ смерть простолюдина“ и истецъ (?!) семи *шляхтичей же* свидѣтелемъ этого убійства не представитъ, то шляхтичъ, „*хотя* и *разбойникъ, отприсягнуться можетъ*“! (разд. 1, арт. 24.) Вѣдь это просто на-просто узаконеніе убійства, но только убійства „подлыхъ людей“ благородными, а отнюдь не на оборотъ. Гдѣ же мужику найдти семь благородныхъ свидѣтелей, когда шляхтичъ и панъ стояли другъ за друга и готовы были въ чашкѣ воды утопить хлопа. Наконецъ, если такой убійца, панъ, даже и отъ присяги откажется, „то платитъ только малыя деньги за голову“ (разд. 12, арт. 1.). Или, напримѣръ: „преступникъ именныхъ указовъ“ казнится смертью, а по литовскому республиканскому статуту — за это только

порядкѣ саксонскомъ, тогда прибѣгаетъ и къ Магдебургскому... и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сыщетъ намѣренію своему полезное; а простой или иначе неграмотный человѣкъ, будучи въ томъ несвѣдущъ, пріемлетъ все за несумнительный законъ. Временемъ, для облегченія пріятелю казни или для умноженія ненавистному вреда, мечутся и въ законы великороссійскіе...»

шесть недѣль въ тюрьмѣ, какъ за оскорбленіе короля въ республикѣ.

Вотъ почему Тепловъ имѣлъ полное право бросить въ Малороссію свой рѣзкій отзывъ: „изстари сильные безсильныхъ нападеніями грабятъ и обижаютъ.“ А у этихъ сильныхъ, по его же словамъ, „власть почти неограниченна, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.“

Изъ исторіи пугачевщины мы видимъ, что въ числѣ золъ, тяготѣвшихъ надъ Россіею и поднявшихъ измученный народъ на кровопролитный бунтъ, было неустроенное судопроизводство, которымъ заправляли люди съ „омраченными душами“, какъ выражалась императрица Екатерина II. Такое же судопроизводство, съ такими же „омраченными душами“, а едва ли и не худшее, и выпало на долю Малороссіи. Люди, заправлявшіе дѣлами въ этой странѣ, по выраженію Теплова, „суть великіе ябедники,“ и про знающихъ законниковъ обыкновенно говорилось въ то время, что они люди „съ оборотомъ“, т. е. такіе, которые во всякомъ дѣлѣ могли извернуться, могли дать дѣлу такой оборотъ, какой хотѣли, благодаря безтолковости законовъ. Это были „судьи проницательные и скороспѣлые на всѣ ухватки ябедническія.“ Оттого дѣла въ Малороссіи тянутся по судамъ еще дольше, чѣмъ въ Великой Россіи передъ пугачевщиной: истцы всегда были недовольны рѣшеніемъ дѣлъ; апеляціи слѣдовали за апеляціями—изъ „сотенной въ полковую“, изъ полковой въ генеральный судъ, изъ суда—въ войсковую канцелярію, къ гетману, оттуда въ коллегію, въ правительствующій сенатъ, къ государю. Процессы тянулись по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ. Одинъ казакъ у другаго „отнялъ плеть или кнутовище“— и процессъ тянулся болѣе восьми лѣтъ. Одинъ бунчуковый

товарищъ отогналъ у другаго восемь гусей—процессъ длился шестнадцать лѣтъ!

„Сія ябеда въ такомъ у нихъ кредитѣ и почтеніи (говоритъ Тепловъ), что по большей части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ: научивъ его читать и писать по русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславль или Черниговъ для обученія латинскаго языка, котораго не успѣютъ только нѣсколько обучить, спѣшатъ возвратить и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ... происходятъ они въ сотники, хотя казаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слыхали.“

Эти-то мнимо-выборные сотники, мнимо-выборные старшины, дѣти помѣщиковъ и сами помѣщики, эти-то паны и были бичемъ южно-русскаго народа. Съ званіемъ бунчуковаго товарища и войсковаго канцеляриста соединены были не малые „авантажи.“ Они пользовались „великою салвогвардіею“: кому бы такой господинъ ни причинилъ обиду, и гдѣ бы это ни было, въ какомъ бы то ни было полку или повѣтѣ, на него нигдѣ нельзя было жаловаться, какъ только у гетмана. Само собою разумѣется, что всѣ бѣдняки, крестьяне ли то, или казаки, могли быть обижаемы этими „салвогвардійцами“ сколько угодно: до пана гетмана было слишкомъ далеко и слишкомъ велика была дерзость—искать управы на высокопоставленномъ лицѣ. И вотъ эти паны рыщутъ по всей Украинѣ и, никого не боясь, „грабятъ и иногда разбиваютъ во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Малороссіи.“

Таково было въ главныхъ чертахъ такъ называемое „малороссійское право“ или вольность. „Оно судію дѣлаетъ лихоимцемъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными; оно бѣдныхъ простыхъ малороссіянъ въ утѣс-

неніе приводитъ; оно, напослѣдокъ, и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.“ Куда ни взглянешь, вездѣ „помѣшательство и непорядокъ.“ Общественный и экономическій порядокъ поддерживался не правами и вольностями, которыя были хуже неволи, „но грабежомъ и наѣздомъ сильнаго на безсильнаго.

Приведемъ еще нѣсколько данныхъ, доказывающихъ до какого безобразія доведены были всѣ отношенія въ этой злополучной странѣ:

„Помѣщики малороссіяне“, живущіе большею частію „ни у какихъ дѣлъ“, т. е. праздно и безобразно, ровно ничего не дѣлая, проводя время въ гульбѣ и охотѣ, „въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что за лѣса, за тростники, за степи, за мельницы, за подтопы плотинъ другъ на друга наѣзды дѣлаютъ *вооруженною рукою*, и изъ того рождаются многія смертоубійства.“

Начавъ процессъ, помѣщики „волочатся лѣтъ по десяти и двадцати, въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказанную корысть, а главному суду по апеляціямъ въ безконечное обремененіе ябедническими процессами — и сіе есть собственное ихъ разореніе.“ Все это такъ и напоминаетъ, какъ у Гоголя два друга поссорились изъ-за „гусака“, и какъ оба разорились на безконечные процессы, и какъ, наконецъ, свинья украла ихъ дѣло.

Между тѣмъ эти предки Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей держали въ жестокихъ тискахъ не только крестьянъ „грунтовыхъ и безземельныхъ“, не только „подсусѣдковъ“ и „нищетныхъ“, но и вольныхъ казаковъ, ибо „какъ возможно, чтобы казакъ, бѣдный и без-

помощный, воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ и деревнѣ, гдѣ онъ казачествуетъ? Всякій сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то казаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ.“

Помѣщики обыкновенно „выцѣживали“ у себя вина столько, что не могли „вышинковывать“ (распродать) въ своихъ имѣніяхъ, и потому большею частью отдавали какъ бы на комиссію казакамъ, и особенно такимъ, которые бы удобнѣе у нихъ забраться и замотаться могли.“ Когда же казакъ дѣйствительно заматывался, т. е. не могъ всего выплатить, то помѣщикъ, „вымучивъ у него обликъ“ (удостовѣреніе въ долгѣ), билъ на него челомъ, и у казака отбирали землю, домъ, и самъ онъ шелъ въ кабалу къ помѣщику. Такимъ образомъ и безъ захватовъ казаки „претворялись въ мужиковъ“. А эти послѣдніе—„малый народъ или саранча, то есть мужики, остаются безъ пропитанія и мрутъ съ голоду, или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые... съ запасомъ живутъ“. И опять-таки все идетъ къ панамъ, старшинамъ и „ихъ свойственникамъ.“

Наконецъ, бѣдственному положенію южно-русскаго крестьянина способствовало еще одно зло, котораго не было въ великой Россіи передъ пугачевщиной,—это вольный переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, обставленный такими условіями, что всякаго переходящаго непремѣнно велъ къ нищенству и въ разоръ разорялъ не только податные классы, но и бѣдныхъ землевладѣльцевъ. Свобода передвиженій крестьянъ, какъ она понималась въ Малороссіи, была причиною того, что,—какъ говоритъ современникъ,—„бѣдные

помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, *умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ.*"

Этотъ вольный переходъ былъ гибеленъ по слѣдующимъ причинамъ: богатые помѣщики, „изобилующіе землями—или граблеными государевыми, или за долгъ шинковой себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнивцевъ впустѣ лежащими", обыкновенно подсылали къ чужимъ крестьянамъ своего слугу и подсылали преимущественно въ имѣнія бѣдныхъ помѣщиковъ. Слуга прельщалъ крестьянъ великими льготами. Такимъ образомъ между крестьянами проходилъ слухъ о томъ, что у такого-то помѣщика даютъ даромъ землю и такая-то и такая-то ожидаетъ льгота. На основаніи такихъ слуховъ и до сихъ поръ волнуется вся Россія, особенно когда прійдутъ вѣсти, что на Яикѣ сытовыя воды и кисельные берега, что въ Анапѣ даютъ много денегъ за поселеніе, а на Амурѣ каждаго переселенца дѣлаютъ помѣщикомъ надъ китайскими крестьянами. Такъ было и въ Малороссіи. Шпіоны богатыхъ помѣщиковъ, переходя изъ села въ село, волновали народъ тайными обѣщаніями, а между тѣмъ на земляхъ этихъ помѣщиковъ, которые желали привлечь къ себѣ чужихъ крестьянъ, выставлялись большіе деревянные кресты, а на этихъ крестахъ, для грамотныхъ, вывѣшивались писанныя объявленія, а для неграмотныхъ обозначалось *„скважинами проверченными"*, на сколько лѣтъ новопоселившимся обѣщается льгота отъ

всѣхъ „чиншовъ“,—т. е. отъ оброковъ и барщины (1). Крестьяне же съ своей стороны бродили отъ одного мѣста къ другому, выискивая, нѣтъ-ли гдѣ креста и сколько на немъ просверлено скважинъ. И вотъ мужикъ „провѣдаетъ о новой кличкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и такимъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе.“ Все это было новымъ поводомъ къ разоренію крестьянина: зная, что имъ скоро придется выискивать крестовъ и скважинъ, они не заводятся своимъ имѣніемъ, чтобы удобнѣе было тайкомъ выселиться, а иначе „помѣщикъ, подъ претекстомъ тѣмъ, яко бы мужикъ все, что ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ объ его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе, на которое онъ, по силѣ статута, право имѣетъ.“

И вотъ пополняются и безъ того богатыя имѣнія пановъ-магнатовъ, и бѣднѣютъ бѣдные помѣщики, и окончательно нищаютъ крестьяне. Магнатамъ хорошо жить на Украинѣ; цвѣтутъ ихъ имѣнія; пополняются кладовыя сокровищами; къ тысячамъ душъ крестьянъ прибавляются новыя тысячи; на ихъ поляхъ пасутся табуны лошадей, стада овецъ,— и поэтъ послѣдующихъ поколѣній говоритъ о нихъ:

Богатъ и славенъ Кочубей,
Его луга необозримы,

---

(1) Иногда въ просверленныя на крестахъ отверстія вбивались колышки, и по числу колышковъ народъ узнавалъ, сколько лѣтъ дается ему льготы. По прошествіи года одинъ колышекъ вынимался, и такъ далѣе, и тогда вмѣсто колышковъ на крестахъ оставались отверстія или скважины, какъ ихъ называетъ Тепловъ.

Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками...

За то нехорошо жить бѣдному народу на Украинѣ.

Таскаясь отъ креста къ кресту весь свой вѣкъ, онъ ничего не пріобрѣтаетъ, пока окончательно не успокоивается подъ могильнымъ крестомъ. Но болѣе страстныя натуры не примиряются съ этой страдальческой жизнію и, не вытерпѣвъ тяжкаго гнета, уходятъ куда глаза глядятъ, кто въ запорожье, кто въ гайдамачину.

Всматриваясь ближе въ положеніе тогдашней Малороссіи, невольно удивляешься, какъ еще могло существовать государство съ такимъ безобразнымъ строемъ. Читаешь и не вѣришь, чтобы все это было только сто лѣтъ назадъ,—а между тѣмъ дѣйствительно было и, къ сожалѣнію, долго оставалось.

„Сіи суть токмо генерально показанные непорядки въ малороссійскомъ народѣ (говоритъ честный современникъ); но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію: тогда множайшіе еще показаться могутъ.“ Намъ кажется, что и этихъ ужъ слишкомъ довольно! Укажемъ развѣ еще на одно явленіе того времени, на отношеніе пановъ къ панамъ (отношенія пановъ къ крестьянамъ и казакамъ мы видѣли). Въ этихъ

отношеніяхъ замѣчается тотъ же возмутительный сословный деспотизмъ, который проявился въ Малороссіи еще въ болѣе грубомъ видѣ, чѣмъ деспотизмъ сословій въ Венеціанской республикѣ передъ ея паденіемъ. Г. Кулишъ, въ предисловіи при изданіи записки Теплова, приводитъ одинъ изъ множества грустныхъ примѣровъ, доказывающихъ, что принципъ давленія слабаго сильнымъ былъ какъ бы краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держался безобразный механизмъ Малороссіи, какъ государства. *Панъ* Коржевскій, бывши на пиру въ „поважномъ домѣ“ *пана* Горленка, осмѣлился напомнить хозяйкѣ о старомъ долгѣ. Оскорбленный этимъ, панъ Горленко подалъ на пана Коржевскаго жалобу въ полковой судъ, и судъ заставилъ послѣдняго отречься отъ своего требованія и сознаться, что онъ въ домѣ Горленка, „яко песъ своею губою брехалъ.“ Но въ этомъ не вся возмутительность факта. Возмутительно то, *какъ* эта ревокація вымучена у Коржевскаго. Бумаги говорятъ, что панъ Коржевскій „за опороченіе такъ поважной персоны былъ наказанъ публично на рынку“ (1).

Въ такомъ безотрадномъ положеніи находились дѣла въ Малороссіи передъ гайдамачиной.

Къ сожалѣнію и стыду нашему, историческая безпристрастность обязываетъ насъ сказать, что въ такомъ мрачномъ свѣтѣ рисуется собственно та половина Малороссіи, которая не принадлежала Польшѣ. Въ этомъ случаѣ никакимъ образомъ не представляется возможности историку, изъ ложнаго патріотическаго чувства, свалить всю вину кровавыхъ смутъ гайда-

---

(1) Записки о южной Руси, П. Кулиша, т. II, Спб. 1857 г., стр. 171—196.

мачины и разореніе народа на поляковъ, какъ это силились сдѣлать нѣкоторые писатели, слѣдовавшіе изстари принятому рутинному мнѣнію, что во всемъ виновата Польша. Правда, она виновата во многомъ, но не въ этомъ. Она виновата въ политической деморализаціи страны, она виновата тѣмъ, что дала Малороссіи такія формы правленія, которыя погубили и ее самое, и Малороссію; она виновата тѣмъ, что, какъ выражался нѣкогда знаменитый южно-русскій патріотъ Мелешко, по ихъ милости, „украинская кость обросла польскимъ мясомъ и воняла польскимъ духомъ.“ Она виновата въ томъ, что развратила высшія сословія Малороссіи, дала имъ свою политическую близорукость, свою гражданскую безтактность, свои жестокіе законы въ отношеніи низшихъ сословій и свой деспотизмъ, измельчавшій до того, что панъ пана могъ сѣчь „на коберцу.“ Она виновата, однимъ словомъ, тѣмъ, что отъ продолжительнаго политическаго единенія съ Польшей Малороссія сама сдѣлалась неспособною къ самостоятельному политическому существованію. Но въ томъ, что мы сказали вообще о положеніи Малороссіи передъ гайдамачиной, Польша невиновата, а если виновата, то лишь косвенно, по законамъ рефлекса и исторической преемственности. Тутъ виноваты во всемъ коноводы Украины XVIII вѣка, ея собственныя дѣти, родившіяся въ ней отъ отцовъ-освободителей Украины и мучениковъ за ея свободу, выросшія, вспоенныя ея молокомъ, развивавшіяся подъ вліяніемъ родной природы матери Украины. Польша тогда уже откинута была за Днѣпръ, а на этой сторонѣ управлялись украинскіе паны, да наѣзжавшіе иногда изъ Петербурга чиновники. Напротивъ, въ польской заднѣпровской сторонѣ Малороссіи было сравнительно лучше.

Какъ на фактъ, особенно поразительный, мы должны ука-

зать, что тамъ именно, гдѣ свирѣпствовала гайдамачина, на правой сторонѣ побережья Днѣпра, отошедшей къ Польшѣ, польскіе паны — что покажется, можетъ быть, невѣроятнымъ при общепринятомъ понятіи о жестокости польскихъ помѣщиковъ въ отношеніи къ находившимся въ ихъ владѣніяхъ южно-русскимъ крестьянамъ — что польскіе паны были милостивѣе къ южно-русскимъ своимъ крестьянамъ, чѣмъ малороссійскіе паны къ своимъ, которые были ихъ чуть ли не родными братьями, и что южно-русскому крестьянину было легче жить въ XVIII вѣкѣ подъ польскимъ владычествомъ, чѣмъ подъ своимъ украинскимъ и русскимъ. Въ основѣ гайдамачины, какъ и въ основѣ пугачевщины, лежалъ протестъ слабаго противъ излишнихъ притязаній сильнаго. Въ пугачевщину шли или крестьяне противъ помѣщиковъ и властей или казаки противъ правительственной регламентаціи и противъ стѣсненія ихъ старинныхъ вольностей. Казалось бы — да оно такъ и было — что въ гайдамачину крестьяне, особенно „голота“, а также казаки должны были идти противъ своихъ притѣснителей, противъ пановъ и старшинъ. Такъ какъ въ гайдамачинѣ, по всѣмъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, дѣйствовали большею частью обитатели не праваго, не польскаго, а лѣваго, русскаго побережья Днѣпра и такъ какъ эти же обитатели составили главное ядро скопищъ гайдамачины, да и затѣяли ее вообще лѣвобережцы, т. е. русскіе подданные, а польскіе примкнули къ нимъ уже послѣ, то и слѣдовало бы ожидать, что вся гроза должна была разразиться надъ головами тѣхъ, кто былъ причиною и бѣдности, и страданій этой голоты, кто заставилъ ее бросить родные хутора и родныя колокольни и идти въ степь съ рѣзнею и пожарами — именно надъ головами пановъ и старшинъ русскаго лѣ-

вобережья. А между тѣмъ гроза разразилась за Днѣпромъ, на польскомъ правобережьѣ, гдѣ, какъ мы сказали, было сравнительно легче въ то время жить южно-русскому крестьянину.

Что южно-русскимъ крестьянамъ, отошедшимъ къ Польшѣ, было легче жить подъ властью польскихъ пановъ, чѣмъ тѣмъ, которые остались подъ властью украинскихъ помѣщиковъ съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, на это мы имѣемъ документальныя доказательства. Что южно-русскимъ крестьянамъ было скверно и положительно невыносимо жить, даже при протекторатѣ Россіи, подъ властью своихъ малороссійскихъ старшинъ-гетмановъ, сотниковъ и помѣщиковъ изъ малороссіянъ же, это мы уже видѣли; но что этимъ крестьянамъ было сравнительно легче жить подъ властью польскихъ пановъ, это мы сейчасъ увидимъ.

Послѣ опустошительныхъ войнъ Хмѣльницкаго, самый центръ Малороссіи обезлюдѣлъ. Это—правобережье Днѣпра, нынѣшніе уѣзды черкасскій, чигиринскій и каневскій, или вообще западная Украина. Что осталось на правомъ берегу послѣ этихъ войнъ,—все перешло на лѣвый, на русскій берегъ. Столица того края—Чигиринъ—была разорена. Изъ уцѣлѣвшихъ селеній, нѣкогда богатыхъ, были перевезены на русскій берегъ даже деревянныя церкви, которыя были разобраны и сложены на воза. Прекраснѣйшая и богатѣйшая часть Малороссіи представляла дѣйствительную пустыню, по которой только „волки сѣроманцы“ рыскали, да „орлы чернокрыльцы“ клектомъ на кости звѣрей созывали, Эту пустыню видѣлъ южно-русскій лѣтописецъ Самуилъ Величко въ 1705 г., проѣздомъ на Волынь и, подобно Іереміи пророку, оплакивалъ безлюдье славной Украины. „Поглянувши

паки, пишетъ онъ, видѣхъ пространныя тогобочныя украино-малороссійскія поля и розлеглыя долины, лѣсы и обширные садове, и красные дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлыя, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослыя. Видѣхъ же ктому на розныхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, только небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ „кто суть сія"? Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душою, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша украино-малороссійская во область пустынѣ Богомъ оставленна и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася."

Эту пустыню скоро оживили поляки и южно-русскіе переселенцы. Началось заселеніе Уманщины и Смилянщины—главнаго театра дѣйствій будущей гайдамачины. Колонизаторами этой разоренной страны явились польскіе магнаты, Потоцкіе, Любомирскіе, Яблоновскіе, Сангушки и друг., которые были владѣльцами богатыхъ тамъ имѣній до разоренія страны. Они оповѣстили по всей Малороссіи, какъ польской, такъ преимущественно и русской, что вызываютъ поселенцевъ на свои свободныя, богатыя земли, съ обѣщаніемъ новонасельникамъ льготъ отъ всѣхъ податей и господскихъ работъ. Это называлось выкликать „на свободу." Какъ и помѣщики восточной Украины, польскіе помѣщики выставляли на своихъ свободныхъ земляхъ кресты съ колышками, обозначавшими на сколько лѣтъ дается льгота, и съ повѣшенными на крестѣ снопомъ хлѣба, цѣпомъ и серпомъ.

И вотъ потянулись украинцы на свободныя земли со всѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ было тяжело жить и гдѣ трудъ не обезпечивалъ безбѣднаго существованія. Кто возвращался на ро-

дину предковъ, покинувшихъ правобережье Днѣпра въ эпоху такъ называемой „Руины“, и селился на „слободѣ“. Кто просто шелъ туда искать счастья, котораго онъ не нашелъ на русской сторонѣ Малороссіи. Кого соблазняли обѣщаемыя польскими панами долголѣтнія льготы. Шелъ на новыя свободныя земли и предпріимчивый мужикъ, тянулась и голытьба, бѣжали и несчастные, или чѣмъ либо провинившіеся на родинѣ и желавшіе укрыть въ Польшѣ свою буйную голову или просто тѣснимые сосѣдями, обижаемые помѣщиками, однимъ словомъ, все, что ищетъ новыхъ мѣстъ, новыхъ условій жизни и новаго лучшаго добра, по пословицѣ, что отъ добра добра не ищутъ. На новыхъ мѣстахъ принимались и не совсѣмъ чистые люди, какъ это было и при заселеніи поволжья, особенно иргизскихъ пустошей раскольниками и всякимъ сбродомъ, который и составилъ потомъ ядро пугачевщины. Въ этомъ-то и заключается отчасти внѣшнее сходство въ пугачевщинѣ и гайдамачинѣ, такъ что въ первой, есть основаніе думать, участвовали потомъ нѣкоторыя и изъ такихъ личностей, которыя участвовали въ гайдамачинѣ, но что въ понизовой вольницѣ участвовали чада гайдамачины—то это несомнѣнно. „Сходцы“ принимали дѣятельное участіе въ пугачевщинѣ и понизовой вольницѣ; „сходцы“ же не послѣднюю роль играли и въ гайдамачинѣ. Однимъ словомъ, и въ той и въ другой народной вспышкѣ сказалось свободное, дикое броженіе народныхъ элементовъ, которые болѣе могущественною силою — правительственною регламентаціею и давленіемъ помѣщичьей власти—заковывались въ тѣсныя и несовсѣмъ удобныя государственныя формы. Въ этихъ формахъ, какъ въ узкихъ рамкахъ, не могли уложиться бродячіе элементы, потому что рамки эти жали

ихъ со всѣхъ сторонъ, дышать было нечѣмъ — но это бы еще куда ни шло; русскому крестьянину и бѣдняку не до чистаго и свободнаго воздуха, — а ѣсть иногда было нечего, — и вотъ дикіе и голодные элементы раздавили стѣснявшія ихъ рамки и на свою же голову погуляли на свободѣ и на просторѣ.

На правой сторонѣ Днѣпра „сходцамъ“ были рады польскіе помѣщики и потому льготами манили ихъ къ себѣ, и крестьянинъ въ этихъ льготахъ находилъ себѣ роздыхъ, какого онъ давно не видѣлъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подъ братскою рукою малорусскихъ старшинъ и пановъ. Осталось преданіе, что князь Ксаверій Любомирскій дозволилъ своимъ закликаламъ объявлять на ярмаркахъ, на торжкахъ, на переправахъ и на народныхъ сборищахъ, что къ нему на свободныя земли могутъ идти всѣ, хотя бы кто пришелъ съ чужою женою и чужими волами — онъ и того приметъ и будетъ отстаивать гдѣ нужно. Сторона считалась слишкомъ богатою и баснословно плодородною, чтобъ не привлечь новонасельниковъ, да притомъ же льготная жизнь, незначительность поборовъ и ничтожное число рабочихъ барскихъ дней — все это манило къ себѣ украинскую чернь. Казна брала необременительное „подымное“ (съ дыму), а панщина требовала всего только дѣнадцать дней въ году съ хаты — баснословно легкія отношенія къ панамъ. Земли родили великолѣпно, обширныя поля и луга, озера, рѣки и лѣса давали возможность всѣмъ безъ труда нагуливать дешево покупаемый скотъ, держать богатыя пасѣки для меду и воску, добывать сало, любимую приправу южно-русскаго крестьянина, и выцѣживать достаточное количество бочекъ горѣлки. Запорожье давало сюда отличныхъ и дешевыхъ лошадей въ

обмѣнъ за мѣстные продукты и за фабричныя издѣлія, а равно предметы роскоши. А фабричныя издѣлія и предметы роскоши давала Польша. Крестьянину жилось привольно. Шляхта безобидно богатѣла. Магнаты извлекали сокровища изъ земель, еще недавно представлявшихъ „руину.“ Польское дворянство, по видимому, не тѣснило украинца, по крайней мѣрѣ, въ экономическомъ отношеніи: а это уже много значитъ. А если и была натянутость въ нравственныхъ отношеніяхъ, если украинскій крестьянинъ и польскій дворянинъ видѣли между собою огромную пропасть, вырытую между ними изстари, закономъ и предразсудкомъ, пропасть, раздѣлявшую пана отъ хлопа, потомка Сима отъ потомка Хама, то этимъ дикимъ предразсудкомъ крестьяне не обижались, сами себя считали ниже пановъ, хотя и удивляясь, что хамская тѣнь не удлиняется отъ производства Хама въ дворяне: какъ бы то ни было, предразсудокъ, унаслѣдованный отъ дикаго состоянія человѣчества, предразсудокъ о бѣлой и черной кости не ухудшалъ отношеній между хамитами и симитами. Правда, между тѣми и другими существовала нравственная пропасть, которую поляки считали не болѣе какъ щелью, однако крестьяне не раздѣляли этого мнѣнія и считали пропасть пропастью.—Это—разность религій. Поляки хотѣли замазать эту щель—и вотъ начало разлада между помѣщикомъ въ западной Украинѣ и крестьяниномъ, собственно въ той части Украины, гдѣ свирѣпствовала гайдамачина, хотя въ остальной Польшѣ крестьянамъ было тяжело жить и далеко хуже, чѣмъ въ новоколонизованной Украинѣ, въ Смилянщинѣ, Уманщинѣ и вообще по границамъ съ русскою Украиною.

III.

Нравственный разладъ, существовавшій между такъ называемыми симитами и хамитами въ заднѣпровской Малороссіи, между католическими панами и греко-русскими крестьянами, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ, которымъ выдвинута была на историческую арену кровавая гайдамачина. Какъ во всѣхъ историческихъ переворотахъ и народныхъ смутахъ новѣйшаго времени, главнѣйшими двигателями являются неразрѣшенные экономическіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ идетъ или ненормально или насильственно несправедливо, такъ и въ гайдамачинѣ, подобно тому какъ и въ пугачевщинѣ, главнымъ стимуломъ смуты были запутанные экономическіе вопросы. Массы пугачевцевъ двигались магическими словами—„земля и воля“, съ прибавкою словъ дешевая и безпошлинная соль, свободное пользованіе рѣками и озерами, истребленіе дворянъ, заѣдавшихъ и землю, и волю. Гайдамачина также выдвинута была дурно сложившимся экономическимъ бытомъ крестьянъ въ восточной половинѣ Малороссіи недостаткомъ земли и излишнимъ давленіемъ сильныхъ на безсильныхъ. Но какъ въ поднятіи пугачевщины, такъ и въ основѣ гайдамачины, кромѣ экономическаго стимула, хотя на второмъ планѣ, дѣйствуетъ также и стимулъ нравственный. Послѣ всесильныхъ словъ—земля, воля, безпошлинная соль, озера и рѣки, почти всегда раздавались слова: крестъ и борода, и этими словами Пугачевъ поднималъ на ноги цѣлыя массы народа. Въ толпахъ черни, ва-

лившей въ гайдамачину, на Умань, на Смилу и Чигиринъ, также слышались возгласы: „ксендзы“, „іезуиты“, „вѣра поганая латинская“, „ляхи католики“.

Съ этой точки зрѣнія гайдамачина является не чисто экономическимъ народнымъ движеніемъ, но и религіознымъ, хотя особенно сильнаго и невыносимаго давленія въ этомъ случаѣ и не было ни со стороны польскихъ помѣщиковъ, ни со стороны католическаго духовенства.

Какъ мы видѣли выше, колонизаторами и устроителями приднѣпровской части западной Малороссіи, гдѣ собственно началась и кончилась гайдамачина, были польскіе помѣщики. Дѣйствуя довольно гуманно, и вообще далеко гуманнѣе украино-русскихъ помѣщиковъ въ отношеніи къ новонасельникамъ, къ южно-русскимъ крестьянамъ, предоставляя имъ экономическія льготы, польскіе помѣщики представляли этимъ крестьянамъ и льготы нравственныя, религіозныя. Хотя это дѣлали они изъ чисто практическихъ разсчетовъ, потому что, въ противномъ случаѣ, они не могли бы заманить къ себѣ украинскихъ колонистовъ и обширныя имѣнія ихъ долго оставались бы пустынями, однако ближайшій и видимый результатъ былъ одинъ и тотъ же: они не тѣснили крестьянъ ни налогами, ни навязываньемъ имъ своей религіи. Но они не могли же оставить страны вовсе безъ церкви и духовенства. Будучи сами католиками, они, само собою разумѣется, желали, и весьма естественно, чтобы въ ихъ имѣніяхъ были католическія церкви съ католическимъ духовенствомъ. При всемъ томъ они строили въ новонаселенныхъ селахъ церкви уніатскія. Православныя церкви строились сами собой, усердіемъ крестьянъ и иногда по вчинанію греко-русскаго духовенства, которое тоже стало появляться въ новонаселенныхъ

земляхъ. Все по видимому шло мирно и безобидно для обѣихъ сторонъ. Мало по малу начали возникать и католическіе монастыри, также какъ возникли и православные. Польскіе помѣщики и въ особенности католическіе монашествующіе ордена позаботились и о народномъ образованіи, о чемъ, къ сожалѣнію, не могло позаботиться или не хотѣло духовенство православное, какъ оно мало заботилось и въ русской Малороссіи, кромѣ развѣ большихъ городовъ, гдѣ существовали школы. Конечно, католическое духовенство имѣло больше средствъ и власти, на его сторонѣ были и сами помѣщики—католики. Какъ бы то ни было, католическое духовенство и больше умѣло, и больше хотѣло, чѣмъ православное, захватить въ свои руки народное образованіе страны. Всѣ школы очутились въ рукахъ базиліянъ. Въ этихъ школахъ учились дѣти и бѣдной шляхты, и зажиточнаго крестьянства. Искусные пропагандисты, базиліяне повели пропаганду самымъ раціональнымъ образомъ, начавъ ее съ молодаго поколѣнія.

Все было бы по видимому хорошо, но къ счастью или къ несчастью—въ народѣ жили воспоминанія прошлаго, и притомъ такія славныя, хотя кровавыя воспоминанія. На этихъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ новонасельники и украинцы обзаводились своимъ хозяйствомъ, на этихъ поляхъ, перепаханныхъ ихъ плугами, предки ихъ, подъ предводительствомъ „батька“ Хмѣльницкаго, лили потоки и своей и польской крови за свою свободу, за свою вѣру, за своихъ дѣтей и за послѣдующія поколѣнія — за нихъ, за этихъ пашущихъ теперь землю и обзаводящихся хозяйствомъ. Эти плуги, которыми они пахали свои нивы, хрустѣли иногда о бѣлыя кости человѣческія, о сухіе черепа—и эти кости, и эти че-

репа, можетъ быть, принадлежали ихъ славнымъ и несчастнымъ дѣдамъ и прадѣдамъ. Дѣти этихъ новонасельниковъ, играя въ полѣ, находили иногда заржавленныя и поломанныя сабли, пули и стремена — и эти сабли, можетъ быть, тоже принадлежали ихъ славнымъ предкамъ, этими пулями, можетъ быть, убиты ихъ несчастные дѣды и прадѣды, отстаивавшіе отъ поляковъ этотъ край, свою свободу и вѣру. Понятно, что нехорошее чувство пробуждали въ украинскихъ крестьянахъ эти невольныя воспоминанія прошлаго. Народъ, разъ пожившій самостоятельной исторической жизнью, не легко забываетъ свою исторію, и для него несравненно тяжелѣе потеря политической самостоятельности и независимости, чѣмъ для народа, никогда не жившаго самостоятельною политическою жизнью. У новоселенцевъ западной Украины были общія историческія воспоминанія со всѣмъ южно-русскимъ народомъ. А эти воспоминанія говорили имъ, какъ поляки живаго сожгли героя ихъ Наливайка, какъ Остраницу и нѣсколько десятковъ старшинъ казацкихъ мучили эти поляки страшными муками и, четвертовавъ мученическія тѣла ихъ, развезли по всей Украинѣ, какъ Зиновія Богдана и сына его Тимоѳея полякъ Чарнецкій, коронный гетманъ, мертвыхъ вырылъ изъ могилъ и, кощунствуя надъ тѣлами, сжегъ ихъ на срамъ всей Украинѣ, какъ этотъ же Зиновій Богданъ вырѣзалъ болѣе 40,000 поляковъ надъ Росью, какъ Тарасъ Трясило вырѣзалъ поляковъ надъ Альтою, а Богунъ топилъ ихъ въ Ингулѣ, какъ поляки запрягали украинцевъ и ѣздили на нихъ какъ на волахъ, какъ босикомъ заставляли ихъ ходить по льду—все поляки и во всемъ такія кровавыя отношенія къ полякамъ. Рядомъ съ поляками въ воспоминаніяхъ южно-русскаго народа стояли

ксендзы и жиды—и насильственныя крещенья младенцевъ въ католическую вѣру и отдача жидамъ на откупъ церквей. А тамъ „старци“, кобзари, бандуристы и лирники, слѣпые народные поэты, ходя по торжкамъ и площадямъ или сидя у церковныхъ оградъ, поютъ о славной старинѣ, о предкахъ, о войнахъ ихъ съ турками и поляками. Одинъ поетъ:

Ой не розвивайся, ти зелений дубе,
Бо на завтра морозъ буде!
Ой не розвивайся, червона калино,
Бо за тебе, червона калино, не одинъ тутъ згине.
Ой лугами та берегами розвивалися віти:
«Хочутъ тебе, Перебійносе, та ляшеньки вбити»...
. . . . . .
Ой та не вспівъ же а панъ Перебійнісъ на коника сісти,
Якъ почавъ ляхівъ, вражихъ синівъ, на капусту сікти:
Ой якъ повернется та панъ Перебійнісъ на правую руку,
Ажъ не вискочить его кінь вороненькій изъ ляшского трупу...

Другой поетъ о томъ, какъ у героя украинскаго народа Морозенка ляхи и турки вырѣзали живое сердце:

Ой повели та Морозенка та на Савуръ могилу:
«Ой подивися, та Морозенку, та на свою Украину!»
Вонижъ его а не вбили, а не въ чверті рубали,
Ой тількі зъ его, зъ его молодого та живцемъ сердце взяли.

Третій поетъ о томъ, какъ жиды заарендовали всѣ дороги казацкія, всѣ торги и ярмарки, рѣки и озера и даже церкви украинскія:

Ище жъ то жиди—рандари
У тому не перестали:

На славній всі Україні козацьки церкви заорандовали.
Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословиться.
Да йди до жида—рандара, да положъ шостакъ, щобъ позволивъ церкву отчинити,
Тую дитину охрестити.

Такія воспоминанія, конечно, не могли дѣйствовать успокоительно: въ нихъ отзывалась или горечь пережитой славы, или горечь пережитой, не забываемой обиды. Между тѣмъ старые обидчики: ляхи, ксендзы и жиды, вездѣ являлись, и хотя довольно милостиво пановали надъ потомками славныхъ украинцевъ, все же пановали, и хотя евреи уже не арендовали церквей, а арендовали только торги и захватывали всю торговлю—все же это были „жиды-рандари", что когда-то на „славной Украинѣ всѣ казацкія церкви заарендовали" и не позволяли крестить казацкихъ дѣтей безъ арендаторскаго дозволенія. Рядомъ съ полновластными ксендзами украинскіе крестьяне видѣли своихъ священниковъ, которые, въ сравненіи съ ксендзами, являлись на второмъ планѣ, въ тѣни, и которые, волей-неволей, возбудили въ своей паствѣ не совсѣмъ пріятное чувство и къ полякамъ-помѣщикамъ, и къ ксендзамъ, и къ арендаторамъ-евреямъ.

Иргизскіе монастыри во время пугачевщины играли не маловажную роль. Въ этихъ монастыряхъ давали убѣжище всѣмъ бродягамъ и безпаспортнымъ, которымъ негдѣ было голову преклонить. Въ иргизскихъ скитахъ проживалъ знаменитый въ пугачевщинѣ раскольничій старецъ Филаретъ, къ которому польскіе и малорусскіе раскольники-коноводы направили Пугачева, скитавшагося въ то время безъ паспорта

и уже задумавшаго, по мысли, поданной раскольниками же, явиться подъ именемъ покойнаго императора Петра III. Въ иргизскихъ скитахъ созрѣла окончательно мысль о самозванствѣ и въ этихъ же скитахъ, подъ руководствомъ старца Филарета, сдѣланы, такъ сказать, первые наброски той великой интриги, которая поколебала Россію. Въ иргизскихъ скитахъ скрывался Пугачевъ предъ появленіемъ своимъ подъ именемъ Петра III. Такимъ образомъ, фактическій починъ кровавой драмы принадлежитъ иргизскимъ скитамъ.

Ту же аналогію явленій и даже многихъ фактовъ замѣчаемъ мы въ исторіи гайдамачины.

Филаретомъ украинской драмы является игуменъ Мельхиседекъ Яворскій. Какъ по Иргизамъ, басейнъ которыхъ въ то время только что колонизовался, такъ и въ западной, польской Украинѣ, по рѣкамъ Роси и Тясмину, находились русскіе монастыри, скиты и отдѣльныя пустынножительства. Какъ иргизскіе скиты принимали къ себѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, такъ равно и въ монастыряхъ по Роси и Тясмину находили убѣжище всѣ безпріютные украинцы, странники, нищіе и даже гайдамаки. Мельхиседекъ, подобно Филарету, подготовилъ гайдамацкое возстаніе, далъ убѣжище Желѣзняку, какъ Филаретъ далъ пріютъ у себя Пугачеву, и Мельхиседекъ же освятилъ ножи, которыми гайдамаки перерѣзали потомъ столько тысячъ поляковъ и евреевъ.

Еще есть аналогическія явленія въ пугачевщинѣ и гайдамачинѣ, на которыя нельзя не обратить вниманія, потому что явленія эти невольно бросаются въ глаза при сопоставленіи гайдамачины съ пугачевщиной. Въ сосѣдствѣ съ иргизами жило воинственное поселеніе, имѣвшее частыя сношенія съ иргизскими скитами. Это—яицкое войско. Такое же

воинственное братство жило въ сосѣдствѣ съ той частью Украины, гдѣ разразилась гайдамачина и гдѣ пустынножительствовали русскіе монахи по рѣкамъ Роси и Тясмину. Это— запорожское войско. Какъ яицкіе казаки, такъ и запорожцы имѣли не мало основаній быть недовольными существовавшимъ порядкомъ вещей: и яицкихъ казаковъ, и запорожцевъ русское правительство вдавливало мало по малу въ тѣсныя государственныя рамки, и надъ тѣми и другими тяготѣла правительственная регламентація, и у тѣхъ и у другихъ мало по малу урѣзывались ихъ старинныя вольности, накладывалась правительственная рука на ихъ порядки, на ихъ владѣнія. И тамъ и здѣсь являлись русскіе и преимущественно нѣмецкіе генералы, полковники и офицеры, вводившіе въ полудикихъ краяхъ европейско-нѣмецкіе порядки. Результатомъ аналогичности обстоятельствъ въ той и другой странѣ, столь далеко одна отъ другой отдаленныхъ, была аналогичность и дальнѣйшихъ явленій. Въ пугачевщинѣ первое знамя бунта подняли яицкіе казаки и довели это дѣло до конца. Въ гайдамачинѣ также запорожцамъ первымъ пришлось взять въ руки „свяченые ножи", которыми они рѣзали поляковъ и евреевъ,—запорожцы предводительствовали рѣзней и запорожцы довели ее до конца.

Вообще гайдамачина подготовлялась исподволь какъ въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она разразилась, такъ равно въ восточной Украинѣ, гдѣ было тяжело жить крестьянамъ, и въ Запорожьѣ. Вновь колонизованная заднѣпровская часть Украины, при всемъ благосостояніи ея жителей, какъ поляковъ-помѣщиковъ, такъ и крестьянъ-украинцевъ, имѣла все-таки значительный процентъ бродячаго населенія, которое переходило съ правой стороны Днѣпра на лѣвую и обратно,

и переносила вѣсти къ своимъ одновѣрцамъ и однородцамъ о томъ, что въ польской Украинѣ, собственно въ Смилянщинѣ, въ Уманщинѣ и проч., жить хорошо, что богатствъ много, особенно у пановъ и ксендзовъ. Переходъ черезъ границу былъ легокъ: вездѣ были земляки, которые могли укрыть бродягъ. У голытьбы, скитавшейся съ одного берега Днѣпра на другой, нерѣдко возбуждалось страстное желаніе поживиться на счетъ пановъ и ксендзовъ, и на эту поживу голытьба смотрѣла не какъ на разбой, а какъ на рыцарскіе подвиги, какъ на продолженіе славныхъ войнъ „батька" Хмѣльницкаго съ ляхами за вѣру и какъ на справедливую месть голоты надъ панствомъ за то, что голота бѣдна, а панство богато, за то, что голоту панъ можетъ давить явно, а голота можетъ придушить пана только тайно, разбойническимъ образомъ. Эта голытьба, съ своей стороны, подготовляла къ гайдамачинѣ и украинскихъ крестьянъ, стонавшихъ подъ ярмомъ своихъ единородныхъ пановъ и старшинъ. Для запорожцевъ также былъ не труденъ переходъ за Днѣпръ, въ польскую Украину: туда она приводила на продажу своихъ коней; на заднѣпровскихъ ярмаркахъ, въ Умани и въ Смилой, запорожцы закупали издѣлія польской и европейской мануфактуры, и привозили въ Запорожье разсказы о богатствѣ тамошнихъ пановъ и ксендзовъ, о владычествѣ ненавистныхъ имъ евреевъ, и разжигали въ своихъ товарищахъ или желаніе награбить польскихъ сокровищъ, или же рыцарскую отвагу побиться съ ляхами, какъ бились отцы и дѣды, и порастрепать, вмѣстѣ съ жидовскими пейсами, ихъ сундуки, набитые золотомъ, и отмстить имъ старыя историческія обиды.

Какъ въ гайдамачинѣ, такъ и въ пугачевщинѣ мы ви-

дѣли общія аналогическія явленія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія; одинаковые мотивы, одинаковые элементы дѣйствуютъ и тамъ и здѣсь. По всему видно, что одинаковыя причины вызвали и явленія болѣе или менѣе одинаковыя. Самая подготовка гайдамачины имѣетъ много общаго съ подготовкой пугачевщины. Раньше общаго взрыва, совмѣстившагося цѣликомъ въ пугачевщинѣ, бродячія силы народныя начинаютъ дѣйствовать взрывами мелкими, разсѣянными. Предшественниками Пугачева являются атаманы понизовой вольницы, Шагалы, Дегтяренки, Буковы или самозванцы въ родѣ Богомолова, и Поволжье волнуется, партіи вольницы разъѣзжаютъ по Волгѣ, шалятъ на Каспійскомъ морѣ. Но страна еще покойна. Общаго взрыва нѣтъ, пока не приспѣла пора этого общаго взрыва, и тогда является Пугачевъ, которымъ и завершается великое народное движеніе на юго-восточныхъ окраинахъ. На юго-западныхъ окраинахъ Россіи было тоже самое, въ одно и тоже время, хотя нѣсколькими годами раньше, такъ какъ и вообще юго западная половина Россіи начала много раньше жить исторической жизнью, чѣмъ половина восточная. Гайдамацкія вспышки, какъ и вспышки понизовой вольницы, начинаются — первыя въ низовьяхъ Днѣпра, къ морю, вторыя — въ низовьяхъ Волги, тоже къ морю. Волненіе изъ окраинъ переходитъ къ центру. На Волгѣ дѣйствуютъ понизовые атаманы, или изъ казаковъ, или изъ малороссіянъ (это вообще очень замѣчательный фактъ), или изъ дезертировъ, а иногда и изъ крестьянъ и даже семинаристовъ, поповичей. Въ днѣпровской Украинѣ дѣйствуютъ гайдамацкіе *ватажки*—тоже атаманы, большею частью запорожцы, подъ знаменемъ которыхъ идетъ все недовольное, одинокое, горемычное, идутъ тѣ, кому нечего терять въ жи-

зни. Главный сбродъ въ шайкахъ понизовой вольницы, какъ мы видѣли, составляли безпріютныя головы, или доведенныя до разбоя несчастіями, или личности загулявшіяся, потерянныя. На Волгѣ дѣйствуетъ „голытьба“, за Днѣпромъ, въ Польшѣ—„голота“, что совершенно одно и тоже не только въ этимологическомъ, но и въ логическомъ смыслѣ слова. И тамъ и здѣсь дѣйствуютъ „бурлаки“. Въ пѣсняхъ понизовой вольницы мать говоритъ своему сыну, чтобъ онъ не водился съ „бурлаками“:

Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Со бурлаками, со ярыгами,
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина—
Потерять тебѣ буйну голову...

Въ гайдамацкой пѣснѣ украинская понизовая вольница тоже называетъ себя „бурлаками“:

Свіснувъ вітеръ, свіснувъ,
Загула холодна хвортуна,
Словце Максимъ (1) писнувъ—
Збіралась дружина.
Дві тысячи бурлакъ
Лепнули на Вкраіну польску,
Рушили вони изъ байракъ
Дати ляхамъ хлосту.
Ой годі жъ намъ, козаченьки,
Рибу по Дніпру и Богові ловити,
Сідайте въ човники, бурлаченьки,
Та підемъ жидову и ляха палити.

---

(1) Максимъ Желѣзнякъ, коноводъ уманской рѣзни.

Зібравъ Максимъ, зібравъ бурлакъ,
И всю Вкраіну збунтовавъ:
Тисячу сіромахъ, тисячу гайдамакъ
Въ ватагу свою звербувавъ—и т. д.

Понизовая вольница разъѣзжаетъ въ косныхъ лодочкахъ, „хорошо разукрашенныхъ“, а иногда и въ жалкихъ лодчонкахъ. Украинская вольница тоже разгуливаетъ въ „човнахъ“, пока не выбралась на польскую землю. Однимъ словомъ, и поволжскіе „понизовые“ бурлаки, „добрые молодцы“, и украинскіе бурлаки, гайдамаки, которые тоже называли себя „добрыми молодцами“ изъ „понизоваго“ запорожскаго войска были родные братья.

Впрочемъ, въ исторіи гайдамачины мы находимъ еще одно важное обстоятельство, котораго не представляетъ намъ исторія пугачевщины и понизовой вольницы. Шайки понизовой вольницы и толпы Пугачева дѣйствовали хотя противъ помѣщиковъ и дворянъ, но они видѣли въ нихъ все-таки своихъ, русскихъ. Тутъ не было ни національной вражды, ни рвенія религіознаго; сюда не примѣшивались и историческія воспоминанія: была только вражда слабаго къ сильному, угнетеннаго къ притѣснителю, и какъ бы нравственный долгъ, въ глазахъ народа, дать волю мести убогаго надъ богатымъ. Въ исторіи гайдамачины мы видимъ иныя условія: тамъ была и старинная національная вражда, и религіозное рвеніе, и воспоминаніе историческихъ обидъ, за которыя слѣдовало, по мнѣнію народа, отомстить. Для украинскаго крестьянина эта месть казалась болѣе нравственнымъ долгомъ, чѣмъ для великорусскаго: послѣдній украинскій гайдамакъ, подобно боготворимымъ имъ героямъ, Хмѣльницкому, Остраницѣ, Морозенку и др., смотрѣлъ на войну противъ своихъ помѣщиковъ какъ на нрав-

ственный и религіозный подвигъ и ставилъ себя какъ бы на одну доску съ этими героями, прославленными исторіею. Малороссіянинъ никогда не былъ друженъ съ полякомъ: ни политическая связь, ни общіе законы, ни долголѣтнее единеніе съ поляками, ни союзъ съ ляхами во время войнъ съ общимъ врагомъ христіанства—татарами и турками—ничто не сдружило и даже не сблизило ихъ. Но унія, религіозныя гоненія, вынесенныя Малороссіею, господство евреевъ, покровительствуемыхъ поляками, и наконецъ казни такихъ лицъ, какъ Остраницы и Наливайка—окончательно и навсегда поставили стѣну между украинцемъ и полякомъ, и сближенія между ними уже не могло быть. Было преданіе, что кровь русская и кровь „лядская“ могла смѣшаться только посредствомъ насилія—на войнѣ, въ пожарѣ, въ гайдамацкомъ наѣздѣ. Супружескія связи не могли существовать между тѣмъ и другимъ народомъ. Тарасъ Бульба убилъ свое родное дѣтище за любовь къ польской дѣвушкѣ. Всякая польская мать и жена боялись больше всего вліянія на своихъ сыновей и мужей украинокъ, которыхъ онѣ называли „чаровницами.“ Это были во всѣхъ отношеніяхъ двѣ враждебныя національности, вѣчные враги и тогда, когда они были вмѣстѣ, и тогда, когда разъединились.

Этой враждебности историческихъ, національныхъ и религіозныхъ отношеній помогали еще другія обстоятельства, которыхъ мы тоже не видимъ въ исторіи понизовой вольницы и пугачевщины. Когда выходцы изъ Малороссіи, по выклику польскихъ помѣщиковъ, стали заселять Заднѣпровье, опустошенное въ эпоху такъ называемой „руины“, старосты, губернаторы и помѣщики польскіе въ округахъ Уманскомъ, Смилянскомъ, Чигиринскомъ, Черкасскомъ и вообще въ по-

граничной Польшѣ, для охраненія края отъ татаръ, а также, въ случаѣ надобности, и отъ запорожцевъ, организозали особыя войска—такъ называемыя „надворныя хоругви“,—которыми предводительствовали польскіе дворяне, а самыя хоругви состояли отчасти изъ бѣдной шляхты, отчасти изъ украинскихъ крестьянъ. Эти мѣстныя войска назывались также и городовыми казаками. Кромѣ того, магнаты польскіе, наѣзжавшіе иногда въ свои украинскія имѣнія и подолгу тамъ пировавшіе, имѣли при себѣ почетную стражу, гвардію, рейтаръ и другіе отряды, въ которыхъ училась военному искуству польская молодежь. Вмѣсто лѣтнихъ практическихъ занятій, войска эти устраивали нерѣдко воинственныя экспедиціи въ степи, во владѣнія запорожскихъ казаковъ, и экспедиціи эти назывались „наѣздами“ и „заѣздами“ (najazdy, zajazdy). Въ этихъ наѣздахъ польская воинственная молодежь упражняла свои военныя познанія, готовясь къ командирскимъ и полководческимъ должностямъ въ своей свободной, войнолюбивой республикѣ. Въ явленіи этомъ, конечно, отразились дикія идеи того времени, и хотя эти идеи господствовали почти во всей Европѣ, однако отъ этого не легче приходилось тѣмъ, надъ кѣмъ изощрялись воинственные таланты дворянскихъ головъ. Жизнь того времени была вообще веселая и разнообразная при дворахъ магнатовъ, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе: въ продолжительные промежутки между псовыми охотами, между придворными турнирами (gonitwy), пиршествами и танцовальными вечерами, устраивались болѣе серьезныя охоты,—охота на людей,—особенно же съ того времени, когда начали появляться гайдамацкія шайки.

Эта охота на людей состояла въ томъ, что отрядъ поль-

ской молодежи, съ легкимъ, а иногда и съ тяжелымъ вооруженіемъ, отправлялся въ запорожскую глушь, выжигалъ запорожскіе хутора, „паланки“ и зимовники, вытаптывалъ ихъ хлѣба, угонялъ скотъ, табуны лошадей, убивалъ и уводилъ въ плѣнъ запорожскихъ казаковъ.—Съ приличной торжественностью отряды возвращались въ свои имѣнія, при звукѣ трубъ и литавръ входили въ замки, ведя связанныхъ плѣнниковъ, какъ римскіе полководцы вводили въ Римъ побѣжденныхъ царей. Молодые побѣдители награждались общими рукоплесканіями старыхъ пановъ, улыбками прекрасныхъ паннъ и названіемъ героевъ, а грубые плѣнники, безъ всякаго суда, въ силу юридическихъ абсурдовъ магдебургскаго права, о которыхъ мы говорили выше, отправлялись на висѣлицу или на колъ. Все это было въ порядкѣ вещей въ то дикое, безчеловѣчное время. Загудѣли рожки, затрещали литавры, пушки палятъ неистово, все валитъ на площадь, на мѣсто казни, чтобъ полюбоваться, какъ сажаютъ на колъ человѣка или затягиваютъ его шею веревкой. Грубые запорожцы—хлопы—должны были и умирать грубо, некрасиво. Но чтобъ не ударить лицемъ въ грязь передъ „вражьими ляхами“, иной добрый молодецъ, умирая на колу, попроситъ, чтобъ ему дали въ послѣдній разъ покурить люльки—и люльку давали, и онъ курилъ и обводилъ страшными глазами своихъ жестокихъ враговъ.

Подобные наѣзды и захваты людей были нерѣдки и начались довольно рано съ польской стороны. Еще лѣтъ за тридцать до уманской рѣзни, поляки захватили въ Брацлавѣ и въ другихъ своихъ городахъ всѣхъ запорожскихъ казаковъ, заѣхавшихъ туда для торга рыбою, и всѣхъ перевѣшали. Запорожье требовало отъ Польши удовлетворенія—и

удовлетворенія не получено. Лѣтъ за двадцать слишкомъ до уманской рѣзни отрядъ польской кавалеріи, переправившись черезъ рѣку Синюху, устроилъ свою дикую охоту на земляхъ бугогардовской паланки, захватилъ у Мертвоводья казачью усадьбу, сжегъ полковничій зимовникъ, основалъ тамъ свое воинское поселеніе и оттуда дѣлалъ безпрестанные набѣги на окрестности, убивалъ людей, уводилъ скотъ и вообще устраивалъ любимые поляками zajazdy.

Съ 1733 года, со времени возвращенія запорожцевъ подъ русскую державу, по 1750 годъ, какъ свидѣтельствуютъ архивные документы той эпохи, бывшіе въ рукахъ у г. Скальковскаго, поляки только и дѣлали что вѣшали запорожцевъ, какими бы судьбами они ни попадались къ нимъ въ руки. Когда русскія войска, предводительствуемыя Минихомъ и Лассіемъ, возвращались изъ днѣстровскаго похода противъ турокъ и проходили черезъ Польшу, раненые и измученные дорогою казаки, тоже попавшіе съ этими войсками въ Польшу, были тамъ безчеловѣчно умерщвляемы. Въ 1738 году казацкій отрядъ, въ числѣ 102 человѣкъ, зашедшій въ Умань для покупки хлѣба, былъ приглашенъ въ домъ уманскаго коменданта Антона Табана „на кушанье". Тамъ у этихъ казаковъ обманомъ отняли оружіе и лошадей и публично перевѣшали всѣхъ на рынкѣ. Имущество ихъ было заграблено комендантомъ. Другая партія, возвращавшаяся изъ того же похода, числомъ 18 человѣкъ, остановилась въ мѣстечкѣ Стеблевѣ для покупки припасовъ. Поляки окружили ихъ, схватили и отвели въ Немировъ, какъ военноплѣнныхъ. Немировскій губернаторъ всѣхъ ихъ перевѣшалъ. Въ слѣдующемъ году губернаторы смилянскій, чигиринскій и богуславскій предали смерти—первый семь

казаковъ, второй тоже семь, третій двухъ—опять-таки по своему собственному приговору. Надо замѣтить, что губернаторами назывались тамъ просто управляющіе имѣніемъ. Такихъ убійствъ въ теченіе семнадцати лѣтъ было 202 случая, и все это погибали запорожцы. Притомъ это только случаи, сдѣлавшіеся извѣстными русскому правительству; а сколько осталось въ тайнѣ, сколько убито казаковъ во время zajazd'овъ?

Частыми и жестокими наѣздами прославились въ то время два офицера польской службы: Станиславъ Костка Ортынскій и Михаилъ Закржевскій. Ортынскій былъ комендантомъ въ Умани, въ чинѣ полковника. Изъ жалобъ запорожскаго войска видно, что этотъ польскій офиціальный разбойникъ „съ злодѣйскою партіею своею, безпрестанно наѣзжалъ на запорожскія земли и найденныхъ тамъ казаковъ, скотарей и табунщиковъ убивалъ, кололъ, ранилъ, захватывалъ въ плѣнъ, а стада ихъ, и особенно табуны лошадей, уводилъ съ собою въ Польшу.“ Закржевскій отличался еще болѣе широкими воинственными подвигами. Отряды его наполнены были не только польскими гультаями, но бесарабскими цыганами, молдавскими чабанами и татарами. Съ этимъ сбродомъ онъ охотился на запорожцевъ, опустошалъ ихъ зимовья по рѣкамъ Карабельной, Ингульцу, Солоной и др., убивалъ народъ, а имущество грабилъ и увозилъ въ Польшу.

Такими наѣздниками отличалась Польша во время мирнаго царствованія короля Августа III. Внѣшнихъ войнъ не было. Дворянство, особенно благородная молодежь, скучала, а человѣческая жизнь была такъ дешева, потому что на нее, какъ на товаръ, не было спроса: предложеніе пре-

вышало спросъ—и вотъ свободные люди и раздували, сами того не понимая, страшную искру, которая скоро превратилась въ пожаръ.

IV.

Приведенныя нами неблаговидныя дѣйствія отдѣльныхъ личностей польской націи, само собою разумѣется, должны были увеличить эту пропасть, которая съ незапамятныхъ временъ лежала между двумя народами, постоянно сталкивающимися на своей исторической дорогѣ. Поселившіеся на польской Украинѣ крестьяне видѣли, какъ на площадяхъ ихъ городовъ вѣшали невинныхъ запорожцевъ, и хотя лично къ своимъ панамъ они не могли питать враждебнаго чувства, которое превратилось въ чувство болѣе пріятное за льготную жизнь, предоставленную имъ панами, однако старыя историческія обиды должны были всплывать въ ихъ памяти и подготовить месть, которой въ сущности поляки отъ нихъ и не заслуживали. Эти же крестьяне видѣли, какъ нѣкоторые изъ молодыхъ пановъ отправлялись въ русскую Украину, какъ въ землю непріятельскую, и привозили оттуда вѣсти о своихъ грабежахъ и убійствахъ—и историческія обиды опять-таки вставали въ памяти и требовали отплаты. Еще худшее чувство должно было, въ этихъ случаяхъ, пробуждаться въ сердцахъ запорожцевъ, товарищи которыхъ погибали такою ужасною смертью. Вся Малороссія, какъ польская, такъ и русская, мало-по-малу опять начала электризоваться тѣмъ настроеніемъ, какому она под-

давалась въ самыя страшныя и самыя славныя эпохи своей прошлой исторіи. Вспоминалось при этомъ давнишнее нарушеніе поляками правъ и вольностей украинскаго народа, за которое не вполнѣ отплачены поляки, потому что продолжаютъ пановать надъ половиною Украины. Вспоминалось насильственное обращеніе православныхъ церквей въ латинскіе и уніатскіе костелы. Вспоминалось господство евреевъ — отдача на откупъ продажи вина и пива, рыбныхъ ловель, перевозовъ черезъ украинскія рѣки и торговля солью, столь необходимой для каждаго бѣдняка. Вспоминалось поруганіе святыни — отдача на откупъ церковныхъ и монастырскихъ требъ. Къ этимъ воспоминаніямъ присоединялись огорченія ближайшія, матеріальныя стѣсненія со стороны старшинъ и давленіе со стороны русской администраціи какъ на русскую Малороссію, такъ и на Запорожье. Прежде, въ старыя времена, отъ всякихъ невзгодъ можно было хоть укрыться въ Сѣчь. Теперь не осталось и этого убѣжища: тамъ заводилась непривычная строгость, но не казацкая, а московская или скорѣе нѣмецкая. Разгуляться нельзя было и нѐгдѣ. Старшины запорожскіе сами боялись новыхъ московскихъ порядковъ и тихонько сожалѣли о старинѣ, а между тѣмъ должны были молчать и приказывать молчать своимъ подчиненнымъ. Если бы была возможность, недовольная Малороссія вся поднялась бы на ноги, какъ она поднялась при Хмѣльницкомъ или Остраницѣ. Но они получили уже нѣсколько горькихъ историческихъ уроковъ и знали, что теперь не такъ-то легко подняться. Участь Мазепы и всѣхъ ему подобныхъ была въ свѣжей памяти у старшинъ и у народа. Полтава, Петръ и московскія пушки были слишкомъ памятны. Притомъ старшинамъ,

сотникамъ, помѣщикамъ и гетманамъ нечего было подниматься: имъ хорошо было жить; ихъ сундуки наполнялись золотомъ на счетъ народа, для нихъ ляхи были нестрашны подъ московскою сильною рукою; гетманы защищали ихъ въ Петербургѣ, и если петербургскіе чиновники иногда опустошали ихъ сундуки, то эти сундуки опять пополнялись народнымъ пòтомъ и народными слезами, которыя превращались въ золото. Опять-таки оставались недовольными только простые казаки, крестьяне да голота. Въ Запорожьѣ тоже тяготились своимъ положеніемъ больше всего простые, а не чиновные люди. И такъ Малороссіи нельзя уже было подняться всею массою. Она начала подниматься частями, „ватагами“.

Но противъ кого идти? Противъ своихъ прямыхъ притѣснителей, противъ гетмановъ и старшинъ идти было невозможно: ихъ защищала сильная московская рука; у нихъ подъ руками сильное московское войско. Выхода положительно не было. Въ это тяжелое время народъ понялъ, что какъ ни было скверно прежде, подъ поляками, но теперь, за своими старшинами, подъ московскою опекою стало еще хуже, и съ языка народа сорвалось это историческое четверостишіе, которое ложится позоромъ на украинскія власти прошлаго вѣка и которое говоритъ:

Якъ були ми поляничими,
Годувались паляницями;
А якъ стали за москалями,
Годуемось сухарями (¹)...

---

¹) Какъ были мы подъ польскимъ владычествомъ, кормились калачами, а теперь кормимся сухарями.»

Оставался одинъ выходъ—идти противъ поляковъ, которые хотя были и добрѣе своихъ собственныхъ старшинъ и помѣщиковъ, однако иные изъ нихъ, какъ Ортынскій и Закржевскій, дѣлали наѣзды на украинскія земли и тѣмъ напоминали о старинныхъ долгахъ.

Но кличъ противъ поляковъ кликнуть было некому, да и вообще гласно этого дѣлать уже нельзя было, потому что московскіе нѣмцы, какъ, напримѣръ, маіоръ Вульфъ, стоявшій съ отрядомъ на Орловскомъ форпостѣ, или полковникъ Корфъ, стоявшій въ крѣпости св. Елисаветы, были очень строги.

И вотъ началась тайная гайдамацкая война противъ притѣснителей, война какъ бы партизанская, которая скоро превратилась въ открытую войну, едва только недовольные почувствовали свою силу и нашли предводителя въ лицѣ Желѣзняка, а со стороны церкви—благословеніе въ лицѣ игумена Мельхиседека Яворскаго.

Вербовка гайдамацкихъ шаекъ производилась такъ же, какъ и вербовка шаекъ понизовой вольницы. Соглашеніе происходило тайно на какихъ-нибудь отдаленныхъ хуторахъ или уметахъ. Болѣе достойныя личности избирались предводителями или сами себя назначали коноводами партій. Эти предводители въ одной мѣстности назывались атаманами, въ другой „ватажками“, иногда полковниками. Вся шайка обязана была къ нимъ безмолвнымъ повиновеніемъ, и добрые молодцы относились къ нимъ съ почтеніемъ, называя „батюшками“— въ понизовой вольницѣ и „батьками“ — въ гайдамацкихъ шайкахъ. Само собою разумѣется, что добрые молодцы украинскіе, и особенно ихъ батьки, смотрѣли на свои подвиги не какъ на преступныя дѣйствія, но какъ на дѣло геройское

и святое. Если народная память освятила глубокимъ сочувствіемъ дѣло Хмѣльницкаго и Наливайка, если въ этой памяти остались дорогими подвиги Перебійноса, Нечая, Павлюка, Морозенка, Полторакожуха, Лободы и Кривоноса, то и гайдамацкіе „батьки" разсчитывали на такое же сочувствіе народа, и, какъ оказывалось на дѣлѣ, они находили это сочувствіе. Если гайдамачество Хмѣльницкаго имѣло въ основаніи своемъ великую цѣль—освобожденіе народа украинскаго изъ подъ ига „лядскаго египетскаго," если эта святая цѣль доводила нерѣдко героевъ народныхъ до плахи, до висѣлицы, то тѣми же самыми мотивами руководствовались и гайдамацкіе „ватажки" и также какъ для тѣхъ историческихъ мучениковъ для ватажковъ не казалась позорною смерть на полѣ битвы, отъ сабли ли вражеской или отъ веревки. И тѣ и другіе искали одного и того же—„до грунту зруйновать лядскую землю." Это, по мнѣнію народа, святое дѣло не оправдывалось только русскимъ правительствомъ да командирами-нѣмцами: Москва, по народному выраженію, „прибуркала" крылья у добрыхъ молодцовъ. Нужно было, слѣдовательно, разрѣшеніе Москвы, а Москва разрѣшенія не давала, и потому, чтобы удачнѣе набрать ватагу, ватажки прибѣгали къ хитрости. По землямъ запорожскихъ казаковъ разсѣяны были, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ, запорожскіе хутора, зимовники, пикеты („постныя команды"), рыболовныя заведенія и отдѣльныя усадьбы. Въ эти уединенныя казацкія жилья шло все безпріютное, а иногда и безпокойное, что даже не могло быть принято въ самомъ кошѣ. Искать эти безпокойныя головы въ степяхъ не было никакой возможности. Невозможность подобныхъ по-

исковъ народъ выразилъ характеристической пословицей: „шукать вѣтра въ полѣ“ или ловить вѣтеръ въ полѣ.

Въ эти-то пустыни отправлялись предпріимчивые ватажки и кликали кличъ. Со всѣхъ сторонъ стекалась голытьба—и, казаки и крестьяне. Были такіе, которые шли слѣпо за своимъ предводителемъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ и зачѣмъ бы ни привелось идти: противъ ляховъ—такъ противъ ляховъ, а то и противъ москаля. Болѣе осторожные намекали на то, что какъ бы не навлечь на себя неудовольствія старшинъ, а еще горше—Москвы, что теперь уже безъ бумаги ничего нельзя сдѣлать. Тогда ватажокъ показывалъ какую нибудь бумагу, приказъ, грамату, а иногда успокоивалъ своихъ подчиненныхъ и тѣмъ, будто старшина поручилъ ему, тайно, словесно, идти „руйновать и плюндровать лядскую землю“ истреблять нехристь, вызволять изъ полону церкви божія и души христіанскія. И вотъ гайдамаки вооружаются, добываютъ коней, обвѣшиваются, у кого есть, пистолетами и ружьями, а у кого нѣтъ, тотъ дѣлаетъ себѣ „ратище“ (копье), да суетъ за поясъ или за голенище ножъ — и вооруженіе готово. Самый обыкновенный костюмъ гайдамака—бѣлая рубаха, убранная въ широкіе штаны, сапоги или „постолы,“ за поясомъ ножъ, на головѣ высокая мѣховая (смушковая) шапка, съ выпущеннымъ верхомъ, по казацки, и въ рукѣ „ратище.“

Но вотъ шайка готова и вооружена. Остается только выбраться за границу, во владѣнія Рѣчи Посполитой. Эти границы оберегались крѣпостями, шанцами, пикетами и разъѣздными командами, которыя такъ ловко умѣла обманывать понизовая вольница на Волгѣ. Въ самый разгаръ гайдамачины границы оберегались довольно крѣпко. Русскіе гарни-

зоны сидѣли въ укрѣпленіяхъ Орловскомъ (Орликъ, нынѣ Ольвіополь) противъ Богополя, въ Архангелогородѣ (Новоархангельскъ), противъ Тарговицы, и Крыловѣ, противъ Крылова польскаго. Затѣмъ на границахъ растягивались запорожскія паланки, бугогардовская и ингульская, которыя отъ устья Синюхи въ Бугъ съ одной стороны, и отъ впаденія въ него Ингула съ другой, оберегали русскую грань и дозорили за степями посредствомъ шанцовъ, пикетовъ и разъѣздовъ, ходившихъ отъ Александръ-шанца (нынѣ Херсонъ) до Кременчуга. Польская граница также охранялась мѣстными войсками, о которыхъ мы говорили выше. Польскіе магнаты Потоцкіе, Ржевускіе, Браницкіе, Мнишекъ, князья Любомирскіе, Сангушки, Радзивиллы, Яблоновскіе и Чарторійскіе, владѣльцы земель, гдѣ большею частію гуляла гайдамачина, располагали своею собственною кавалеріею, которая называлась „народовою“, и на свой счетъ оберегали принадлежавшій имъ край. Въ Умани, Чигиринѣ, Немировѣ, Черкасахъ, Смилой, Саврани, Корсуни, Грановѣ, Тарговицѣ, Лисянкѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ жили ихъ управляющіе, которые назывались „губернаторами.“ Они были и коменданты этихъ военныхъ постовъ. Каждое комендантство имѣло укрѣпленный замокъ, съ башнею и пушками. Если не было замка, то имѣлся „лямусъ“ (lamus)—укрѣпленныя казармы со стрѣльницами. Въ этихъ-то войскахъ, называвшихся также и „народною гвардіею,“ отличались гайдамацкими подвигами Ортынскій и Закржевскій.

Гайдамаки, такимъ образомъ, должны были обманывать бдительность пограничной стражи какъ съ своей стороны, такъ и со стороны Польши. Если пробраться было невозможно черезъ рубежъ, то шайка направлялась въ Гардъ, на

Бугѣ—обыкновенное мѣсто переходовъ или „перелазовъ“ на непріятельскую сторону. Когда и тамъ не удавалось перебраться, когда старшина на паланкахъ не желала имъ потворствовать, то гайдамаки находили тайные, имъ однимъ вѣдомые „перелазы“ черезъ Бугъ, или по этой рѣчкѣ спускались внизъ до Лимановъ („до Лями на рыбалкахъ“). Оттуда они пускались въ очаковскую степь, изготовляли себѣ въ лѣсахъ лодки или отнимали ихъ у рыбаковъ, и уже съ „ханской стороны“ налетали на польскую Украину, добравшись до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они намѣревались уже начать свой сухопутный походъ. Въ Польшѣ они усиливались присоединеніемъ къ нимъ одновѣрцевъ, изъ пѣхоты превращались въ кавалерію, брали мѣстныхъ проводниковъ, ознакомлялись съ мѣстными обстоятельствами и грозою налетали на богатыя земли, на монастыри, брали приступомъ города, выжигали ихъ до тла, кололи пановъ и евреевъ,—и возвращались съ богатою добычею. Иногда они обрубались въ лѣсахъ, на островахъ рѣчекъ, снова выходили и доопустошали то, что не успѣвали опустошить сразу. Захваченные ими табуны лошадей навьючивались польскимъ и жидовскимъ добромъ, плѣнными паненками и ксендзами, и слѣдовали за шайками въ видѣ войсковаго скарба. Страна наполнялась ужасомъ и отчаянными криками: „гайдамаки! гайдамаки!“ Ужасная вѣсть передавалась отъ регимента къ регименту, отъ города къ городу, и губернаторы ставили подъ ружье всю свою милицію, поднимали артиллерію и спѣшили противъ врага. Но врагъ рѣдко оставался побѣжденнымъ: онъ всегда отчаянно пробивался сквозь польскіе отряды, скакалъ на перемѣнныхъ лошадяхъ по нѣскольку сутокъ, налеталъ на другіе города и замки, снова бралъ ихъ приступомъ, зажигалъ и опять

начиналъ, подобно урагану, кружить по польской землѣ, пока вьючныя лошади не въ состояніи уже были тащить за собою награбленнаго добра, а гайдамацкіе пояса („чересъ"), куда они прятали золото, не разрывались отъ тяжести. Дѣлая роздыхъ, гайдамаки устраивали укрѣпленный таборъ, обрубались въ лѣсахъ и окапывались валами, зажигали костры и отдыхали, пока ватажокъ не отдавалъ новаго приказа, куда идти. Заходя въ новонаселенныя слободы, обитатели которыхъ были такіе же, какъ и гайдамаки, украинцы, шайки находили нерѣдко радушный пріемъ, и тогда начиналась гульня, бандуристы пѣли думы о старыхъ войнахъ съ ляхами, прославляли настоящихъ героевъ, пока не раздавался новый крикъ: „ляхи! ляхи!"—и гайдамаки опять на коняхъ, и опять кровавыя схватки, опять скачки по степямъ, опять грабежъ и пожары. Польскія семейства и евреи бросаютъ свои дома, имущества и бѣгутъ прятаться или въ укрѣпленныхъ замкахъ или въ лѣсахъ. Боясь, что не устоятъ и замки, поляки и евреи бѣгутъ за Днѣпръ подъ защиту русскихъ укрѣпленій или даже къ татарамъ. Нагулявшись досыта, гайдамаки снова возвращаются въ степь.

Одинъ изъ первыхъ предводителей гайдамацкихъ шаекъ, по времени ихъ появленія на Украинѣ, былъ Сава Чалый. Личность эта пріобрѣла огромную славу, которая ставитъ его на ряду съ самыми крупными героями южно-русскаго народа. Много романическаго въ жизни этого человѣка и чѣмъ то миѳическимъ отзываются его подвиги. Сынъ знатныхъ родителей и правнукъ кошеваго атамана, память котораго не забывало Запорожье, Сава дѣлается предводителемъ страшной гайдамацкой шайки. Онъ въ одно время и запорожецъ и ренегатъ. Онъ дѣлаетъ страшныя опустошенія и въ Поль-

шѣ и въ Малороссіи. Приверженецъ Орлика, потомъ „согласникъ“ короля Станислава Лещинскаго, онъ является страшилищемъ той польской партіи, которая стояла за королей саксонскаго дома. Обласканный потомъ поляками, онъ дѣлается членомъ Рѣчи Посполитой, богатымъ польскимъ помѣщикомъ и наконецъ умираетъ въ Запорожьѣ подъ кіями казаковъ у позорнаго столба. Долго личность эта была предметомъ пѣсенъ украинскихъ бандуристовъ; но историки не знали, когда жила эта странная личность. О Савѣ Чаломъ пѣли въ Кіевѣ, на Подолѣ и на Волыни, и народъ, создавшій изъ его жизни цѣлую эпопею, самъ путался въ показаніяхъ о времени, которому принадлежитъ этотъ народный герой, какъ онъ путаетъ эпохи Хмѣльницкаго, Наливайка и Мазепы. Сава Чалый, наконецъ, далъ богатый сюжетъ для исторической драмы одному изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, скрывшему свое имя подъ псевдонимомъ. Но обстоятельства жизни и подвиги Чалаго, какъ лица историческаго, разъяснены только въ послѣднее время.

Сава или Савка Чалый былъ сынъ извѣстнаго запорожца той же фамиліи. Во время смутъ въ Малороссіи, которыми закончилась первая четверть XVIII столѣтія, Сава Чалый сдѣлался извѣстнымъ своею привязанностью къ Орлику. До сихъ поръ неизвѣстны причины, заставившія его бѣжать изъ крымскаго коша и объявить себя сторонникомъ Польши; собственно „согласникомъ“ короля Станислава Лещинскаго, только народная поэзія какъ бы упрекаетъ его отца въ томъ, что онъ выкормилъ такого сына:

Ой бувъ въ Січі старший козакъ, прозваніемъ Чалий,
Вигодовавъ сина Саву у Польщу на славу.

Ой не схотівъ та панъ Сава козакамъ служити:
Вінъ пійшовъ до ляшенькiвъ слави залучати.
Вінъ пійшовъ до ляшенькiвъ служби відправляти,
И зъ ляхами православну церковъ руйновати.
Ой бувъ Сава, та івъ сала, та все паляниці,
Не кохавъ Сава молодихъ дівчать, та все молодиці,
Не кохавъ Сава панівъ козаківъ, та все католики,
Загубивъ Сава, протесавъ Сава своего віру на віки.

Какъ бы то ни было, но, бѣжавъ изъ Запорожья, Чалый сформировалъ значительную шайку гайдамаковъ и, называя себя запорожцемъ и въ тоже время „согласникомъ“ короля Станислава, онъ отъ имени Россіи и Польши производилъ грабежъ въ имѣніяхъ тѣхъ польскихъ владѣльцевъ, которые держали сторону короля саксонскаго. Поляки, считая Чалаго дѣйствительно представителемъ запорожскаго войска, требовали отъ русскаго правительства удовлетворенія за нанесенное Рѣчи Посполитой оскорбленіе и ущербъ ея владѣніямъ, и кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ фонъ-Вейсбахъ, тотъ, который основалъ украинскую военную линію, долженъ былъ принять мѣры къ прекращенію кровавыхъ подвиговъ Чалаго. Онъ написалъ въ запорожское войско о Чаломъ и требовалъ, чтобы оно командировало въ польскую Украину казаковъ, подъ начальствомъ искуснаго старшины, для поимки разбойника Савки. Но геройскіе, по мнѣнію казаковъ, подвиги Чалаго сдѣлали имя его популярнымъ между низовымъ воинствомъ, и эта популярность, вмѣстѣ съ обаяніемъ имени бывшаго запорожца, пріобрѣла ему сторонниковъ между казаками. Хотя запорожцы и отрядили казацкую команду въ Немировъ и Умань, гдѣ всего чаще видѣли Чалаго, однако тамъ его уже не нашли. Узнавъ отъ своихъ запорожскихъ

поклонниковъ о состоявшейся противъ него экспедиціи, Чалый оставилъ въ Польшѣ своего эсаула Василія Шутку и черезъ Балту пробрался во владѣнія Бесарабіи. Шутка и три другіе гайдамака были пойманы, приведены въ Сѣчь и повѣшены.

Но Чалый и за границей не оставался въ бездѣйствіи. Странствуя по Бесарабіи и Молдавіи, онъ нашелъ возможность примѣнить къ дѣлу свои гайдамацкія способности и что̀ потерялъ въ Польшѣ, то нашелъ за границей. Въ Молдавіи онъ столкнулся съ такими же бродячими силами, какими богаты были окраины Россіи—тотъ же бездомный людъ, тѣже недовольные судьбой, тѣже безпріютныя головы. Изъ молдавскихъ „бродниковъ“ и бесарабскихъ цыганъ онъ сформировалъ новый гайдамацкій отрядъ и повелъ его на свою родину. Имя Чалаго привлекло къ нему еще бо̀льшія толпы, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ прежде, и шайка его усилилась присоединеніемъ запорожскихъ рыбаковъ, которые всегда охотно шли къ гайдамакамъ. За ними пошли и польскіе крестьяне, давно слышавшіе о подвигахъ Чалаго. Мало того, Чалый нашелъ сочувствіе въ запорожской бугогардовской паланкѣ, въ лицѣ очень вліятельной тамъ особы, именно полковника Пхайки.

И вотъ опять загремѣло имя Чалаго по Польшѣ и по Украинѣ. Шайка его нигдѣ не встрѣчала препятствія, а если и высылались противъ него отряды, то развѣ только затѣмъ, чтобы доставить новую славу имени страшнаго гайдамака. Во всѣхъ городахъ онъ имѣлъ тайныхъ приверженцевъ, которые извѣщали его о замыслахъ польской партіи, о движеніяхъ командъ и другихъ приготовленіяхъ, клонившихся къ гибели неустрашимаго ватажка. Все русское на-

селеніе польской Украины открыто ему сочувствовало, и Чалый безопасно могъ жить въ многолюдныхъ селахъ и городахъ, не опасаясь, что его выдадутъ полякамъ. Такъ онъ часто бывалъ въ Немировѣ у своей любовницы, и никто изъ жителей, знавшихъ о его посѣщеніяхъ этого города, не доносилъ на него польскому начальству.

Всего болѣе доставалось отъ Чалаго богатымъ имѣніямъ короннаго гетмана Франца Потоцкаго, который былъ противникомъ партіи Станислава Лещинскаго, а слѣдовательно и его „согласника“ Савы Чалаго. Притомъ имѣнія Потоцкихъ и ихъ многочисленныхъ родственниковъ находились именно въ польской Украинѣ, главномъ поприщѣ дѣяній какъ Чалаго, такъ и всей послѣдующей гайдамачины. Наконецъ партія Лещинскаго пала. Всѣ украинско-польскіе магнаты, въ томъ числѣ и коронный гетманъ Потоцкій, не видя спасенія отъ дерзости Чалаго, рѣшились принять самыя энергическія мѣры, чтобы положить конецъ дерзкимъ и кровавымъ вакханаліямъ шаекъ Чалаго. Но никакія мѣры не помогали. Дерзость Чалаго не уменьшалась, а польскіе паны все болѣе и болѣе теряли увѣренность въ своей безопасности. Имя Чалаго, какъ имя Пугачева, стало какимъ-то нарицательнымъ именемъ всякаго, въ комъ гайдамацкія качества выдавались наиболѣе рѣзко. Всякій гайдамакъ сталъ идти подъ именемъ Савы Чалаго, подобно тому, какъ атаманамъ и полковникамъ Пугачева давалось имя Пугача, когда они налетали неожиданно на какую либо мѣстность, и ему оказывались такія же царскія почести—колокольный звонъ, поднятіе хоругвей церковныхъ, колѣнопреклоненія, поднесеніе хлѣба и соли—какъ и настоящему самозванцу. Мало того, поляки должны были окончательно растеряться,

не зная кого ловить и кого казнить. Сегодня ловили Саву Чалаго, приводили въ замокъ и казнили. Поляки и трепетные отъ страха евреи видѣли, что казнять наконецъ страшнаго разбойника, видѣли его на колу или на висѣлицѣ собственными глазами, и вдругъ черезъ нѣсколько дней опять слышны въ окрестностяхъ отчаянные крики: „Сава Чалый идетъ! Сава Чалый! Гайдамаки!“ Опять скачутъ гонцы по замкамъ и хоругвямъ, опять идетъ гонка за Чалымъ, а Чалый неожиданно является въ совершенно противоположной отъ поисковъ сторонѣ. Общее смятеніе и страхъ переходятъ въ суевѣрную панику. Въ подвигахъ Чалаго видятъ что-то сверхестественное. Его считаютъ колдуномъ, котораго ни пуля не беретъ, ни веревка задушить не можетъ. Оказалось, что всякій гайдамакъ, попадавшійся въ плѣнъ, называлъ себя Савою Чалымъ, и шелъ на колъ и на висѣлицу, а настоящій Чалый оставался живъ и невредимъ и продолжалъ свою кровавую охоту за поляками и евреями.

За то евреи и отмстили страшному гайдамаку.

Евреи донесли коронному гетману Потоцкому, что Чалый часто бываетъ въ Немировѣ у своей любовницы, что онъ проводитъ у нея цѣлые дни, пріѣзжая въ городъ съ однимъ только слугою (въ народной поэзіи—„джура“) и оставляя свою страшную свиту далеко отъ Немирова, и что въ этомъ городѣ онъ ведетъ себя такъ неосторожно потому, что надѣется на преданность къ нему всего русскаго населенія. По этимъ указаніямъ евреевъ Потоцкій послалъ своихъ людей и приказалъ имъ схватить гайдамака. Чалаго окружили и взяли. Потоцкій предложилъ ему на выборъ два исхода: или онъ будетъ посаженъ на колъ, какъ разбойникъ, или принимаетъ польское подданство съ обязательствомъ за хо-

рошую плату служить Польшѣ противъ казаковъ и Россіи. Чалый выбралъ послѣднее, такъ какъ въ Россію онъ все равно не могъ возвратиться, гдѣ его ждали казацкіе кіи или смерть на висѣлицѣ, и откуда онъ самъ бѣжалъ, когда имя его, какъ предводителя гайдамаковъ, еще не было страшно ни Польшѣ, ни Запорожью. Онъ впрочемъ равно ненавидѣлъ и Польшу и Россію, потому что и та и другая грозили ему смертью. Но въ Польшѣ у него были свои привязанности; наконецъ, съ Польшею его связывали привычки и воспоминанія послѣднихъ лѣтъ. Онъ отлично говорилъ по-польски. Народная пѣсня о Чаломъ повѣствуетъ, что когда запорожцы задумали наконецъ схватить его въ самой Польшѣ и тихонько пробирались въ польскія земли, Чалый въ это время гулялъ въ Немировѣ у поляковъ на обѣдѣ, и, какъ выражается пѣсня, такъ и „рубитъ по-польски“:

Ой пье Сава въ Немірові въ ляхівъ на обіді,
Та й не думае й не гадае о своій горькій біді.
Ой пье Сава и гуляе, *ляхомъ вирубае,*
А до ёго що до Савы гонецъ приізжае.

Во всякомъ случаѣ Польша тянула его къ себѣ болѣе, чѣмъ Россія, хотя въ этой послѣдней, именно въ запорожскомъ кошѣ, еще живъ былъ его старикъ отецъ, „выгодовавшій“ такого сына не казакамъ, а Польшѣ на славу, и тосковавшій по этомъ сынѣ. Въ кошѣ же оставалась могила его прадѣда, Якова Чалаго, который былъ даже кошевымъ въ Запорожьѣ.

Гетманъ Потоцкій, желая заручиться такимъ союзникомъ, какъ Чалый, который былъ страшною грозою для Польши,

а потому равнымъ образомъ можетъ сдѣлаться грозою и для Россіи, сдѣлалъ его атаманомъ и предводителемъ отрядовъ, которые иногда направлялись на русскіе предѣлы съ такъ называемыми „подъѣздами.“ Опытность Чалаго ручалась за успѣхъ подобныхъ польскихъ экспедицій, и Чалый не обманулъ общаго довѣрія. Онъ сталъ опаснымъ врагомъ Запорожья, котораго обычаи и слабыя стороны онъ хорошо изучилъ какъ запорожецъ и какъ предводитель гайдамаковъ, часто набѣгавшихъ къ нему изъ Россіи. Чалый женился и зажилъ бариномъ. Народная поэзія иначе не называетъ его, какъ „паномъ Савою.“

Наѣзды поляковъ на Россію, подъ начальствомъ Чалаго, доказали, что поляки пріобрѣли себѣ хорошаго союзника. Въ одну изъ такихъ экспедицій Чалый повелъ свой отрядъ въ запорожскій Гардъ, разорилъ тамъ станъ запорожскій, захватилъ ихъ походную церковь и разрушилъ самый Гардъ (плотины, устроенныя для ловли рыбы). Въ Польшѣ побѣдителя ждала награда—дарованіе особаго имѣнія въ потомственное владѣніе, за то въ Запорожьѣ накипала больше и больше злоба казаковъ противъ своего измѣнника. Такимъ образомъ Чалый сдѣлался польскимъ помѣщикомъ, владѣльцемъ села Рубани.

Запорожцы пришли въ негодованіе, узнавъ, что Гардъ разоренъ не поляками, а Чалымъ. Надо было во что бы то ни стало уничтожить ренегата, который такъ жестоко надругался надъ своею родиною. Мало того, Чалый однажды оскорбилъ Запорожье и тѣмъ, что, какъ говоритъ преданіе, приглашалъ запорожцевъ въ кумовья къ своей собакѣ, которой кличка была „Улитка.“ Въ пѣснѣ о Чаломъ, записанной Н. И. Костомаровымъ въ 1844 году на Волыни и

помѣщенной въ нашемъ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ“, говорится, что когда казаки обманомъ взяли Саву Чалаго въ Немировѣ и наказывали его смертью, то приговаривали:

Отсе жъ тобі, пане Саво, за твоі ужитки,
Щобъ не кликавъ у куми до сучки Улитки!

Вообще поэтическія преданія о мести запорожцевъ надъ Чалымъ и о смерти этого народнаго героя въ высшей степени полны драматизма. Когда получена была вѣсть о разбойническомъ походѣ Чалаго противъ запорожскаго Гарда, казаки собрались на совѣтъ, чтобы рѣшить что имъ дѣлать. Всѣ пришли на совѣтъ—не пришелъ только старикъ Чалый, отецъ Савы.

Отъ и зібралися запорожці, у раду схожали:
За походи, туди-сюди проміжъ себе рахували.
Усі прийшли, усі прийшли, одного нема.
—«Ой чомъ же тебе, батьку Чалий, у раді нема?
—«Ой чого жъ то мені, панове, у раду ходити?
»Що хочете моего сина Саву на віки згубити.
«Хочъ вінъ ставъ собі до ляхівъ, та вже жъ синку милий.
«Чомъ ти ставъ та до насъ, такий ставъ спесивий?»
«Ой спесивий не спесивий—пани кажутъ—Сава,
Та не добра, зурівочна стала его слава.
Що не тілько що панъ Сава церковъ та руйнуе:
И зъ бісами ставъ за право—барзо знахоруе.

Слѣдовательно, сами запорожцы были увѣрены, что Чалый знается съ дьяволомъ, что онъ „знахоруетъ“. Такого человѣка у запорожцевъ называли „характерникомъ“: объ немъ говорили, что онъ „знаетъ“. Такого человѣка не легко было

извести, и потому противъ сверхъестественной силы нужны были и сверхъестественныя средства, нужно было найдти другаго „характерника“. Такимъ оказался запорожецъ Игнатъ Голый или Гнатко. Пѣсня говоритъ, что запорожцы урекали старика Чалаго тѣмъ, что сынъ его жестоко обращается съ плѣнными запорожцами, водитъ ихъ въ желѣзахъ:

Ой чи бачишь, старий Чалий, что синъ Саба робить:
Якъ піймае запорожцівъ—у кайданахъ водить...

Старикъ говоритъ, что ему хотѣлось бы побывать въ Польшѣ, повидать сына—можетъ быть, онъ и помогъ бы дѣлу:

Коли бъ мені, милі братя, въ Польщі побувати.
Въ Польщі, въ Польщі побувати, Саву повидати...

Казаки отвѣчаютъ:

Да не май его старий Чалий,—всею Січью взяти ..

На радѣ порѣшили предоставить это дѣло Игнату Голому. Голый былъ великій „характерникъ“, но еще сильнѣе его былъ Сава Чалый. О Чаломъ говорили въ народѣ, что онъ такъ заколдовалъ себя чарами и заклинаньями, что его не иначе можно было захватить, какъ только въ такомъ случаѣ, когда противникъ его одною ногою будетъ стоять на польской землѣ, другою на запорожской. Это зналъ Игнатъ Голый и принялъ свои мѣры. При описаніи похода на Польшу, одинъ варіантъ пѣсни, записанной г. Костомаровымъ въ полтавской губерніи, говоритъ, что у Игната была:

Одна нога у саньянці, а другая боса.

Это значитъ, что Игнатъ положилъ себѣ въ одинъ сапогъ

запорожской земли, а другую ногу разулъ и босикомъ ступалъ по польской землѣ изъ опасенія, что на сапогѣ могла остаться частица земли запорожской.

Но не смотря, однако, и на эти предосторожности, въ первый походъ Чалаго не могли захватить. Безъ сомнѣнія, Чалый былъ предупрежденъ о походѣ противъ него запорожцевъ, а поляки отразили удачно ихъ нападеніе, такъ что Голый долженъ былъ бѣжать съ своими товарищами. Волынская пѣсня въ сборникѣ г. Костомарова такъ говоритъ о первомъ походѣ Голаго:

Да ще-жъ не світъ, да ще-жъ не світъ, да ще-жъ не світае,
Да вже-жъ Гнатко зъ кравчиною коника сідлае,
Посідлали кониченьки, стали меду пити—
Стали ляхи, вражи сини, у вікна палити.
Ой обмахнулись два ляшеньки навхресть шабельками,
Утікъ Гнатко зъ кравчиною по-підъ рученьками,
Да пішовъ Гнатко зъ кравчиною по-надъ Богомъ (Бугомъ?) тихо:
Ой ні кому наказати—буде Саві лихо!

Второй походъ Голаго былъ удачнѣе перваго. Казаки пріѣхали къ Чалому въ то время, когда его не было дома—онъ былъ въ Немировѣ на обѣдѣ у какого-то пана. Во время обѣда прискакалъ къ нему изъ дому гонецъ съ извѣстіемъ, что дома что-то неладно, что около усадьбы начинаютъ бродить подозрительныя личности. Пѣсня говоритъ:

Ой бувъ Сава въ Немирові въ ляха на обіді,
Вінъ не знае, не гадае о своій гуркой біді.
»Да чому-сь мині, милі братя, медъ-вино не пьеться,
Где-сь на мене молодого бідонька кладеться».

Когда пріѣхалъ къ нему посланный изъ дому и сказалъ объ угрожающей опасности, Чалый началъ хвастаться своимъ войскомъ:

—«А що ти тутъ Хомку? Чи все гораздъ дома?
—«Протоптана, пане, стежка до вашого дворка.
«Та все гараздъ, та все гараздъ, усе хорошенько—
«Споглядають гайдамаки зъ за гори частенько:
«Отто лихо! виглядаютъ! Я-жъ ихъ не боюся;
«Хиба-жъ нема въ мене війска—я не забарюся».

Хотя варіанты пѣсенъ о Чаломъ и рознятся между собою въ подробностяхъ и нѣкоторыхъ выраженіяхъ, однако въ общемъ они сходны и достаточно пополняютъ одна другую. По всему видно, что Сава пользовался большою популярностью. Объ немъ поютъ по всей Малороссіи. Его знаютъ даже въ Австріи, въ Галицкой Руси—даже туда прошла его слава. У народа свои герои въ исторіи и свои дѣятели, которымъ онъ отдаетъ свое сочувствіе, а нашихъ героевъ онъ никогда и знать не хочетъ. Народъ помнитъ тѣхъ, которые имѣли активное соприкосновенье съ его жизнью и дѣйствовали нерѣдко вмѣстѣ, рука объ руку, и рѣдко помнитъ тѣхъ, кого мы называемъ историческими дѣятелями, какъ между благодѣтелями человѣчества, такъ и между его врагами и историческими злодѣями, которыхъ — только подъ другимъ именемъ — было не мало. Для историка необходимо имѣть въ виду народное воззрѣніе на свое прошлое, и онъ не долженъ обходить тѣхъ историческихъ фактовъ, которые затеряла исторія и которые сохранилъ народъ въ своей памяти.

Сава Чалый является однимъ изъ такихъ народныхъ дѣятелей, которыхъ онъ почтилъ своей памятью, потому что дѣло

народа и дѣло этихъ дѣятелей имѣли общія стороны: народъ помнитъ гайдамаковъ, потому что они были его дѣтища.

Прослѣдимъ же жизнь Чалаго по народной памяти до конца.

Когда изъ дому прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ объ опасности, Чалый велѣлъ слугѣ осѣдлать лошадь.

«Да сідлай, джуро, сідлай, малий, коня вороного,
А собі сідлай, джуро малий, старого гнідого,
Да поідемо до господи, хочъ насъ и немного.»
Стоіть явіръ надъ водою, въ воду похилився,
Іде Сава за Немирова, тяжко засмутився.

Когда, пріѣхавъ домой, онъ спросилъ у челяди, все ли благополучно дома, „челядоньки“ отвѣчали, что госпожа родила сына.

Ой приіхавъ то домоньку, та и скрипнувъ дверима.
Питается челядоньки: «що чувати въ доми?»
—«Гараздъ, гараздъ, пане Саво, счастлива година:
Твоя жінка, наша пані, породила сина.»

Варіантъ этотъ о рожденіи у Чалаго сына въ самый день смерти Савы имѣется только въ червонорусской пѣснѣ. Въ другихъ говорится, что подъѣзжая къ дому, онъ задумался о своей долѣ, которая дѣйствительно была такая страшная, не подходящая подъ участь другихъ людей, „Охъ ты, доля моя—говоритъ Сава—щербатая доля!“ И спрашиваетъ онъ свою челядь:

— Все ли благополучно въ домѣ?

— Все хорошо, пане Саво, только съ тобою лучше, когда

мы видимъ тебя на вороном конѣ... Все благополучно, пане Саво, все хорошо, только часто казаки выглядаютъ изъ-за горы (въ другихъ варіантахъ вмѣсто казаковъ упомянуты гайдамаки).

Сѣлъ Сава у конца стола, думаетъ тяжкую думу, а молоденькая жена его купаетъ ребенка. Сидитъ Сава у конца стола, пишетъ мелкія письма, а жена молодая качаетъ ребенка. Сидитъ Сава, читаетъ письма, а жена тяжко вздыхаетъ. Сава и говоритъ слугѣ:

— Поди, хлопку, принеси горѣлки: я выпью за здоровье жены. Да ступай, хлопку, принеси вина—выпью за здоровье сына. Да принеси, хлопку, меду: что-то мнѣ тяжко, тошно—головы не подниму.

Сидитъ Сава у конца стола, читаетъ письма, а молодая жена думаетъ-гадаетъ, качая ребенка: „баю, баюшки, мое дитя прекрасное.“ И она горько плачетъ.

Не успѣлъ слуга снять со стѣны ключи, какъ явился Игнатъ Голый съ дружиною, и стали ворота ломать. Едва Сава успѣлъ открыть окно, какъ гайдамаки были уже въ сѣняхъ. Это казаки пріѣхали въ полонъ брать Саву. И говорятъ казаки:

— Здравствуй, здравствуй, пане Саво! Здорово ли живешь? Издалека пріѣхали къ тебѣ гости — чѣмъ ихъ угощать будешь. Будешь ли угощать медомъ, или пивомъ, или горѣлкою?... Прощайся же съ сыномъ и женою.

— Я не знаю, милые братья, чѣмъ мнѣ угощать васъ... Богъ далъ мнѣ сына—я васъ въ кумовья возьму.

— Мы не затѣмъ къ тебѣ пришли, чтобы кумовать у тебя, мы пришли, чтобы разсчитаться съ тобою... Если бы ты хотѣлъ, пане Саво, насъ въ кумовья брать, не ходилъ

бы ты разорять Гардъ... Мы не затѣмъ пришли къ тебѣ, чтобы кумовать, а затѣмъ, чтобы голову твою снять.

Чалый бросился къ своему оружію.

— Постой, говорятъ запорожцы,—постой, пане Саво!.. Это тебѣ не въ чистомъ полѣ.

Бросился Чалый къ своему ясному мечу—запорожцы подняли его на три копья. Бьется на копьяхъ Сава, шатается и съ женою прощается.

— Дайте мнѣ, братцы, съ женою проститься. Дайте мнѣ, братцы, съ силою собраться.

Въ это время молоденькая жена Савы выскочила въ окно и

Зъ чистихъ устокъ на словонько кухарці віддала:
—«Ой кухарко, вірна слуго, подай мі дитину,
Будешь досі пановати, поки я не згину».

А запорожцы говорятъ Чалому:

— Веди насъ, пане Саво, въ новую кладовую, да отдавай намъ новую сбрую, да отдавай намъ, пане Саво, сукна, бархаты, что ты нажилъ, вражій сынъ, по милости казаковъ.

Потомъ казаки спрашиваютъ его:

— А гдѣ твои, пане Саво, гайдамацкіе кафтаны, въ которыхъ ты ходилъ по Украинѣ, водя свои шайки? Гдѣ твои, пане Саво, битые талера, что набралъ на Украинѣ, водя свои ватаги? Гдѣ твои, пане Саво, китайки, атласы, что ты набралъ на Украинѣ женѣ на пояса? Гдѣ твои, пане Саво. дорогія дамасскія шали, что ты набралъ на Украинѣ женѣ на платья? А гдѣ твоя, пане Саво, великая сбруя?.. Вотъ гдѣ она, виситъ на колушкѣ, да уже не твоя!

Ударился Чалый объ полы руками: „пришлось мнѣ погибать съ женою и сыномъ!“

— Будетъ тебѣ, пане Саво, будетъ уже воевать—не надо было тебѣ церковь грабить.

Заковали Чалаго въ кандалы и положили на возъ. Пѣсня, записанная И. И. Срезневскимъ, говоритъ, что связанный Сава обратился къ казакамъ съ такою рѣчью:

— Развѣ-жъ то слава для васъ, паны запорожцы, что забитый въ кандалахъ лежитъ у васъ Сава? Еслибъ вы его на волю изъ кандаловъ выпустили, вотъ тогда-бъ вы себѣ залучили большую славу. Еслибъ вы его вольнаго къ себѣ приняли—вотъ тогда бы была вамъ слава.

Запорожцы дали ему волю и остались довольны „богатыремъ Савою“. Не успѣлъ Сава на коня сѣсть, какъ началъ ляховъ класть какъ снопы.

Видно, впрочемъ, что конецъ этой пѣсни относится уже не къ Чалому. Участь же Чалаго рѣшилась скоро: онъ погибъ самой ужасной смертью на родинѣ. Запорожцы привезли его, израненнаго и закованнаго, въ Сѣчь, гдѣ военнымъ судомъ онъ приговоренъ былъ къ казни. По обычаю запорожскому, Сава былъ убитъ кіями у позорнаго столба. Съ этимъ согласно говоритъ и пѣсня, которая поется въ Галиціи о Чаломъ:

Зашуміла шабелечка якъ изъ ліса притинка,
Нї зісталася по Саві его молодая жінка.
Гей бачили многи люде вкраинску совочку,
Що принесла пану Саві смертельну сорочку.
Прилетіли къ пану Саві вкраинскі ворони—
Задзвонили пану Саві разомъ во всі дзвони.

Такъ кончилъ свою жизнь одинъ изъ первыхъ и одинъ изъ самыхъ страшныхъ гайдамаковъ, которому выпала, какъ онъ самъ выражается въ пѣснѣ, какая-то „щербатая доля“. Что сталось съ его товарищами—неизвѣстно.

Однако жена и сынъ Чалаго спаслись. Польскій писатель Войцицкій думаетъ, что Сава Чалый былъ отецъ одного польскаго генерала, Цалинскаго, и погибъ въ половинѣ XVIII вѣка. Оно такъ выходитъ и по всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ. Вѣроятно, этотъ генералъ Цалинскій былъ именно то лице, которое, въ 1790 году, одинъ членъ польскаго сейма представилъ палатамъ, какъ жертву привязанности Савы Чалаго къ Польшѣ. Сеймъ даровалъ ему дворянство и имѣніе въ чигиринскомъ староствѣ (у Скальковскаго).

V.

Трагическая смерть Савы Чалаго не остановила того народнаго движенія, которое подготовлялось въ тиши, въ безмѣрныхъ южно-русскихъ степяхъ, по уединеннымъ хуторамъ, въ темныхъ лѣсахъ Заднѣпровья и въ бѣдныхъ хаткахъ недовольнаго населенія въ пограничныхъ съ Польшею мѣстностяхъ Малороссіи. Со смертью Чалаго гайдамачина только начала разыгрываться, захватывая все болѣе и болѣе широкій кругъ.

Жестокая месть, которая обрушилась на голову Чалаго со стороны запорожцевъ, не доказывала, что запорожцы, по убѣжденію, строго отнеслись къ гайдамачинѣ и желали задавить ее въ самомъ началѣ. Напротивъ, въ послѣдующихъ

подвигахъ гайдамаковъ запорожцы, конечно отдѣльныя личности, всегда являлись коноводами, потому что, какъ мы сказали выше, въ сердцѣ ихъ давно накипало недоброе чувство и въ отношеніи къ полякамъ и евреямъ, и въ отношеніи къ москалямъ, и въ отношеніи ко всему порядку вещей, который тѣснилъ ихъ на каждомъ шагу и былъ предзнаменованіемъ того, что настаютъ послѣдніе часы Запорожья, что враги свободы давно порѣшили—запорожцевъ и ихъ старые обычаи, и ихъ старинныя вольности „въ шоры убрать". Запорожская злоба не могла открыто выявиться, потому что они сами были въ тискахъ. Но если они съ такой жестокостью отнеслись къ Чалому, такъ это потому, что Чалый измѣнилъ имъ, что Чалый сталъ „паномъ" и не только грабилъ запорожскую землю съ поляками, но разорялъ и церкви православныя. Его упрекали тѣмъ, что все, что онъ награбилъ, водя свои шайки, было украинское. Мало того, онъ разорилъ Гардъ съ рыбными ловлями—главный источникъ доходовъ Запорожья. На прочіе же подвиги гайдамацкихъ вожаковъ запорожцы не только не претендовали, но даже способствовали имъ. Самый кошъ запорожскій, есть основаніе думать, не только смотрѣлъ сквозь пальцы на гулянки своихъ молодцовъ по польской землѣ, но и видимо потакалъ имъ, когда русское и польское правительства требовали расправы или отысканія виновныхъ. Этихъ виновныхъ гультаевъ никогда не отыскивалось. Правительство называло ихъ по именамъ, иногда указывало откуда они, объясняло ихъ примѣты, а куренные атаманы стояли на своемъ, что такихъ они знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, что такихъ казаковъ въ ихъ куреняхъ никогда и не бывало, что и въ спискахъ казацкихъ они никогда не были записаны.

Тоже явленіе мы видѣли въ исторіи понизовой вольницы, на Волгѣ. Вольницѣ потворствовали нерѣдко мѣстныя власти, особенно въ волжскомъ войскѣ, гдѣ станичные атаманы обвинялись не только въ потворствѣ атаманамъ разбойниковъ, но и въ соумышленности съ ними. Мало того, въ исторіи атамана Брагина и его товарища Зубакина замѣшанъ былъ даже войсковой атаманъ. Такія качества обнаружились въ то смутное время во всѣхъ самостоятельныхъ военныхъ общинахъ—въ войскѣ яицкомъ, въ вольскомъ и въ Запорожьѣ; это были послѣднія судорожныя движенія передъ послѣднимъ издыханіемъ всѣхъ изстари существовавшихъ и отживавшихъ свой вѣкъ военныхъ общинъ, братствъ и кошей, которые уступали мѣсто другимъ, болѣе свѣжимъ современнымъ силамъ.

Между Савою Чалымъ и сотникомъ Харько, который былъ до Желѣзняка и о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, особенно крупныхъ личностей между предводителями гайдамаковъ не являлось, а можетъ быть объ нихъ только не сохранилось ни письменныхъ документовъ, ни сказаній въ народной поэзіи. Чалый дѣйствовалъ въ сороковыхъ годахъ, Харько въ пятидесятыхъ, а Желѣзнякъ уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Между сороковыми и пятидесятыми годами упоминается гайдамацкій предводитель Ѳедоръ Таранъ. Таранъ, по обыкновенію, былъ, кажется, запорожецъ. Изъ его разбойничьихъ походовъ указываютъ на одинъ, когда онъ напалъ на село Салышки, въ корсунскомъ староствѣ. Село было разграблено; табунъ лошадей угнанъ въ степи. Корсунскій губернаторъ Млотовскій писалъ о грабительствахъ Тарана русскому генералу Леонтьеву, требуя сатисфакціи потому, что на основаніи гржимултовскаго трак-

тата, заключеннаго Россіею съ Польшею при королѣ польскомъ Іоаннѣ III, въ 1686 году, подобныя нападенія гайдамаковъ, которыхъ обыкновенно считали запорожцами, признавались нарушеніемъ дружественныхъ связей между сосѣдними державами. Леонтьевъ съ своей стороны требовалъ отъ коша удовлетворенія Польши за обиду. Онъ отправилъ въ Сѣчь ордеръ съ корсунскимъ офиціалистомъ Маевскимъ и требовалъ отъ кошеваго Василія Ѳедорова немедленной выдачи гайдамаковъ и удовлетворенія обиженной стороны. Но тутъ ясно высказалось то, какъ смотрѣло запорожское начальство на подвиги Тарана и подобныхъ ему гультаевъ. Требованіе генерала Леонтьева, выраженное отъ лица русскаго правительства, едва не произвело бунтъ во всемъ войскѣ. Старымъ атаманамъ казалось обидою, что русскій генералъ, по настоянью ляховъ, какъ бы насильно врывается въ ихъ домъ, въ ихъ семейные порядки и въ казацкія вѣковѣчныя вольности. Вышло то, что пріѣхавшій въ Сѣчь съ ордеромъ офиціалистъ, а въ лицѣ его Рѣчь Посполитая—„жадной сатисфакціи не одебрала.“ Самъ кошевой былъ безсиленъ заставить войско сдѣлать то, что̀ ему было нелюбо и казацкой чести обидно: „всѣ атаманы, со всѣхъ куреней собравшись, на то не позволили и самого вельможнаго пана кошеваго не послухали.“

Другая шайка гайдамаковъ, имя предводителя которой неизвѣстно, напала на село Колозны, близъ Погребищъ, въ кіевской губерніи, и обратилась на домъ помѣщика. Помѣщикъ этотъ былъ ружанскій стольникъ Модрицкій, „товарищъ гусарскаго знамени присвѣтлаго королевича польскаго Ксаверія,“ сына короля Августа III. Модрицкаго гайдамаки захватили въ домѣ. Они требовали отъ него

имущества и грозили поднять на копья и сжечь на жаровнѣ. Поджаривать на жаровнѣ людей была одна изъ пытокъ, которую употребляли и гайдамаки и польскіе конфедераты. Иногда сыпали горячіе угли за голенища своихъ жертвъ. Солили по живому тѣлу солью, какъ это дѣлали и пугачевцы. Но гайдамаки не убили Модрицкаго: они только разграбили его домъ, угнали лошадей и скрылись. Изъ описи имущества Модрицкаго видно, что этотъ панъ былъ большой щоголь: кармазинные жупаны и сапфирные кажаны, размариновые кунтуши, лисьи шубы съ золотыми снурками — таковъ костюмъ Модрицкаго.

Около пятидесятыхъ годовъ, передъ Харькомъ, подвизался гайдамацкій ватажокъ Пилипко. Разбойническія экскурсіи его, какъ видно, были довольно разнообразны, такъ что шайка Пилипка гуляла не только по Польшѣ, но и по владѣніямъ татарскимъ. Въ 48 году онъ ворвался въ уманскую губернію, откуда выгналъ въ степь табунъ болѣе чѣмъ въ сто лошадей. Въ одной схваткѣ съ поляками былъ взятъ въ плѣнъ подчиненный ему гайдамакъ, и оказалось, что гайдамакъ этотъ былъ изъ польскихъ дворянъ, изъ дома Сулистровичей, новогрудскаго воеводства. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ попалъ въ гайдамаки черезъ Запорожье. Прежде Сулистровичъ служилъ въ дворцовой гвардіи у разныхъ польскихъ вельможъ, а потомъ съ генераломъ Мокрановскимъ прибылъ въ Кіевъ. Тамъ онъ столкнулся съ запорожскими казаками, которые подговорили его поступить въ запорожское товариство. Сулистровичъ согласился. Запорожцы свезли его на своихъ лодкахъ Днѣпромъ до Сѣчи, гдѣ этого польскаго дворянина приняли и записали въ казачій реестръ по каневскому куреню, подъ именемъ

Ивана Ляха. Изъ Запорожья онъ ходилъ съ разными ватажками на разбой въ Польшу и въ татарскія области. Во время этихъ похожденій, Сулистровичъ или Ляхъ сошелся съ Пилипкомъ. На возвратномъ пути изъ своихъ экскурсій, при грабежѣ польскихъ табуновъ, Сулистровичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Какова дальнѣйшая судьба Пилипка, какъ и Тарана—неизвѣстно.

Къ пятидесятымъ годамъ все болѣе и болѣе разыгрывалась гайдамачина. Шайки ея стали многочисленнѣе, нападенія безстрашнѣе и опустошительнѣе. Жажда гайдамачества, какъ при Хмѣльницкомъ поголовное стремленіе въ казаки, охватывала постепенно большее число и казаковъ, и простыхъ, и посполитыхъ. Эту смутную эпоху народъ очертилъ мѣткимъ выраженіемъ: „що не байракъ, то козакъ, що не ярокъ—то гайдамачокъ.“ Но гайдамаки все еще продолжали дѣйствовать разъединенными силами, и хотя имѣли почти общую цѣль—месть сильнымъ и богатымъ, и поживу ихъ добромъ, однако, все еще не имѣли общаго знамени и такого имени, около котораго могли бы сгруппироваться. Чѣмъ больше было шаекъ и ватажковъ, тѣмъ труднѣе было указать, кто наиболѣе изъ нихъ дерзокъ и опасенъ, что, конечно, происходило еще и отъ того, что имена ватажковъ были извѣстны только ихъ товарищамъ и подчиненнымъ. По всему видно было, однако, что подготовлялось что то страшное, и конечно то, что подготовлялось, было не капризомъ народа, происходило не отъ дерзости отдѣльныхъ личностей, которыя, дѣлаясь предводителями ватагъ, увлекали за собой народъ: явленіе это указывало на болѣе глубокія причины, которыя коренились въ самомъ строѣ общественной жизни и въ горькомъ созна-

ніи народа, что не въ мочь уже стало ему житье тяжкое. Такъ всегда бываетъ передъ какою нибудь большою бѣдой въ государствѣ и передъ великими народными событіями: такъ предсказывались опасными явленіями въ народѣ великія бѣды—передъ возстаніемъ Хмѣльницкаго, такъ было въ Россіи передъ пугачевщиной, такъ было въ Малороссіи и Польшѣ передъ гайдамачиной. И поляки, и русскіе видѣли эти опасныя явленія, догадывались, что надо ожидать чего-то страшнаго, а чего именно—не знали, и не вполнѣ знали также съ которой стороны ждать несчастья. Поляки и русскіе не могли не видѣть, что безъ причины народъ бунтовать не можетъ, что каждогодное умноженіе гайдамаческихъ набѣговъ лежитъ не въ капризѣ народа, не въ прихоти гайдамацкихъ атамановъ, а въ роковой необходимости, которая волнуетъ край, по видимому успокоенный на вѣки.

Въ виду этихъ опасеній, Польша и Россія согласились учредить особую международную комиссію для разсмотрѣнія взаимныхъ притязаній русскаго и польскаго пограничнаго населенія. Такимъ образомъ опасные признаки, грозившіе великими бѣдами обоимъ государствамъ, поняты были какъ „взаимныя притязанія“! Эти притязанія думали замазать чиновничьей комиссіей, не догадываясь, что канцелярскими средствами — отписками и повтореніями—не излечиваются глубокія раны въ государственномъ организмѣ. Въ комиссію эту назначены были: съ русской стороны—пограничный комисаръ полковникъ Мироновъ и кіевскаго гарнизона подполковникъ Рославлевъ, съ запорожской стороны—Николай Багно, Василій Зеленскій и Дмитрій Романовскій. Польша прислала въ комиссію своего представителя—уманскаго полков-

ника Ортынскаго, который, какъ мы говорили выше, отличался неумолимымъ преслѣдованіемъ и истребленіемъ гайдамаковъ.

Такъ какъ комиссія учреждена была для разсмотрѣнія взаимныхъ притязаній, то представитель всего Запорожья, кошевой Василій Григорьевъ Сычъ, представилъ кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву обширный списокъ претензій своего войска на Польшу, и въ этомъ спискѣ показалъ, что не проходило ни одного года, чтобы поляки не изрубили или не повѣсили одного или многихъ запорожцевъ. Тутъ напомнили Польшѣ и то, какъ уманскій комендантъ Табанъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ отрядъ въ 102 человѣка запорожцевъ, возвращавшійся изъ турецкой войны съ войсками Миниха и Лассія, и всѣхъ ихъ на рынкѣ перевѣшалъ, и то, какъ немировскій губернаторъ перевѣшалъ другую партію казаковъ, тоже возвращавшихся изъ турецкой кампаніи. Тутъ же напомнили и о другихъ губернаторахъ, вѣшавшихъ казаковъ ни за что, ни про что. Напомнили и о томъ, какъ неистовствовалъ самъ членъ комиссіи, панъ Ортынскій, и такой же другой истребитель запорожцевъ, панъ Закржевскій. Съ своей стороны поляки указывали на грабежи ватажковъ Пилипка, Тарана, на дерзости гайдамаковъ, грозившихъ сжечь на жаровнѣ пана Модрицкаго. Казаки выставляли на видъ, что въ послѣдніе годы польскія власти и частныя лица повѣсили или инымъ образомъ предали смерти, безъ всякаго суда, счетомъ 202 запорожцевъ. Поляки требовали удовлетворенія за разбои Пилипка, и кошъ отвѣчалъ на запросы, что ни Пилипка, ватажка гайдамацкой партіи, ни товарища его Ивана Ляха или польскаго дворянина Сулистровича онъ не знаетъ, что

Ляхъ никогда даже въ куренѣ каневскомъ не считался и т. п.

Такимъ образомъ пограничная комиссія ничего не сдѣлала, но все-таки эта неудача не убѣдила кого слѣдуетъ, что канцелярскими средствами нельзя спасать государства отъ народныхъ смутъ.

Между тѣмъ гайдамаки продолжали свое дѣло, не взирая на то, что объ нихъ-то и шла рѣчь въ комиссіи. Въ то время, когда происходили совѣщанія этой комиссіи, поляки успѣли заручиться крупными доказательствами виновности и неистовства гайдамаковъ и имѣли право надѣяться, что ихъ поличное послужитъ сильнымъ средствомъ къ убѣжденію Россіи въ томъ, въ чемъ поляки хотѣли убѣдить ее. Такъ какъ гайдамаки, подобно саранчѣ, продолжали налетать на польскую Украину крупными и мелкими партіями, то мѣстныя власти, отбиваясь отъ нихъ по мѣрѣ возможности, успѣли нахватать на мѣстѣ преступленій болѣе 200 запорожскихъ гайдамаковъ, именно 212 человѣкъ, которыхъ уже не было никакой возможности загородить ни русскимъ, ни запорожскимъ властямъ. Тогда рѣшились учредить другую комиссію въ Крыловѣ на Днѣпрѣ. Но эта вторая комиссія даже не состоялась. Со стороны Россіи въ эту комиссію былъ присланъ комисаромъ изъ сената особый чиновникъ, именно Литышовъ, со стороны запорожской прибыли старшины Романовскій, который участвовалъ и въ первой комиссіи, и Якимовъ. Думали, что перемѣной чиновниковъ поправятъ дѣло, а между тѣмъ кровавое-то дѣло шло своимъ чередомъ, и не только гайдамаки ожесточались все болѣе и болѣе, но и народъ сталъ смотрѣть такъ подозрительно, что нечего было и думать о скоромъ возстановленіи

спокойствія. Это поняли польскіе комисары, и потому, опасаясь за свою жизнь, не рѣшились ѣхать въ Крыловъ для участія въ комиссіи: они боялись уже не гайдамаковъ только, но и самыхъ крестьянъ.

Впрочемъ, положительно нельзя было ожидать, чтобъ и эта комиссія привела къ какому-нибудь серьезному результату. Разладъ лежалъ глубже, чѣмъ это казалось обѣимъ сторонамъ, и разладъ болѣе основательный, чѣмъ пограничныя претензіи. Притомъ же обоюдныя пререканія между Россіею и Польшею въ послѣднее время все болѣе и болѣе запутывались и усложнялись, такъ что во всякомъ случаѣ ни изъ русскихъ, ни изъ польскихъ претензій, надо полагать, ничего бы не вышло. Еще въ сороковыхъ годахъ, когда незамѣтно было общаго броженія и ожесточенія на югѣ Россіи, русское правительство обратилось съ своею претензіею, по одному малороссійскому дѣлу, къ польскому правительству, и ничего не получило. А претензія была довольно серьезная и основательная. Мы говорили выше, что въ 1742 г. одинъ отрядъ польской кавалеріи, разбойничавшій, подобно записнымъ гайдамакамъ, въ Бугогардовской паланкѣ запорожскаго войска, укрѣпился у Мертвоводья и дѣлалъ оттуда, какъ изъ укрѣпленнаго лагеря, нападенія на русскія владѣнія. Объ этомъ знала сама императрица, до которой дошли извѣстія о похожденіяхъ польской кавалеріи на русской землѣ. Объ этомъ русскому послу въ Варшавѣ приказано было спросить польскій дворъ и получить удовлетвореніе. Но польскій дворъ приказалъ своему послу въ Петербургѣ, великому обозному литовскому, графу Огинскому, отвѣчать русскому двору, что нападеніе польской кавалеріи на малороссійскія земли послѣдовало изъ мести, что поляки дѣлали въ Запорожьѣ

тоже, что запорожцы въ Польшѣ, что запорожцевъ хотятъ наказать за ихъ гайдамацкіе набѣги на Польшу и въ особенности за убіеніе казака Савы Чалаго, бывшаго запорожца, служившаго въ польскомъ войскѣ. Это говорилось, конечно, о той ловушкѣ, которую устроилъ Игнатъ Голый знаменитому Чалому, захвативъ его въ Польшѣ и доставивъ въ Сѣчь для убіенія кіями. Такимъ образомъ русское правительство ничего не добилось. Само собою разумѣется, что и прочія обоюдныя претензіи того и другаго правительства, въ отношеніи подавленія съ той и другой стороны гайдамацкихъ смутъ, грозили такимъ же неудачнымъ концомъ. Казацкая честь требовала не выдавать ляхамъ запорожцевъ, хотя бы они и дѣйствительно были коноводы гайдамаковъ, какъ Пилипко, Таранъ и другіе. По законамъ и обычаямъ товарищества, всякаго провинившагося казака наказывали по приговору всего войска, товарищески. А это товарищеское наказаніе состояло или въ біеніи кіями до смерти у позорнаго столба, или въ біеніи кіями слегка, до увѣчья, или въ осужденіи на тяжкія работы. Первымъ изъ этихъ способовъ наказанъ былъ, т. е. забитъ кіями до смерти, Сава Чалый, вторымъ способомъ наказанъ былъ полковникъ Пхайко, соумышленникъ Чалаго въ его бугогардовскихъ похожденіяхъ. Такъ запорожское начальство наказывало и другихъ гайдамаковъ, если они попадались; но чтобы даже попавшагося на разбоѣ выдать ляхамъ—это было унизительно для казацкой чести. „То не шкода, що козакъ ляхамъ нашкодивъ, лядську землю зруйновавъ, жидову пошарпавъ, а то шкода, якъ козака злапаютъ—одъ московьскаго суда не одхрестишься: сказано, не той здоровъ, що поборовъ, а той, що вивернувся. Умій гайдамакувать, умій и москаля у шори

убрать,“ говорили батьки атаманы, читая наставленіе своимъ дѣткамъ. А кто не умѣлъ „москаля у шори убрать“—вывернуться, тотъ попробуй казацкой каши—отеческаго наказанія кіями. Но выдавать своихъ провинившихся дѣтокъ ляхамъ на поругу, къ этому и московскіе нѣмцы не могли принудить атамановъ, особенно когда со стороны поляковъ устраивались такія облавы на гайдамаковъ, что казаку нельзя было и носа показать въ степь, чтобы его не поймали и не повѣсили. Поляки же еще меньше расположены были удовлетворять чьи бы то ни было требованія—запорожскія ли, русскія ли — все равно. Въ Варшавѣ даже хорошенько не знали, что дѣлалось въ польской Украинѣ, потому что тамъ было не до гайдамаковъ. Въ Варшавѣ готовилась барская конфедерація; Польша еще болѣе разбивалась на враждебные лагери: Чарторійскіе не хотѣли слушать Потоцкихъ, Потоцкіе Чарторійскихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Понятовскихъ. Въ польской Украинѣ распоряжались Потоцкіе, какъ самые богатые землевладѣльцы, которымъ принадлежала чуть ли не вся Украина. Между тѣмъ въ Варшавѣ начинали верховодить Чарторійскіе, приверженцы Россіи, а слѣдовательно и Понятовскаго, какъ своего родственника. Естественно, что если изъ Варшавы спрашивали о причинахъ безпорядковъ въ польской Украинѣ, то указывали на гайдамацкія смуты. Потоцкіе не считали себя обязанными давать отчетъ Варшавѣ въ томъ, что̀ дѣлается у нихъ въ имѣніи, т. е. въ цѣлой польской Украинѣ, тѣмъ болѣе, что Потоцкіе имѣли право сказать, что украинскіе крестьяне ими облагодѣтельствованы, какъ мы это и говорили въ свое время. Изъ недоброжелательства же къ Россіи, Потоцкіе и весь ихъ обширный родъ, владѣвшій цѣлою Украиною польскою, не обра-

щали вниманія на претензіи русскаго правительства въ дѣлѣ гайдамаковъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ были свои гайдамаки на жалованьѣ, въ родѣ Савы Чалаго, Станислава Ортынскаго и пана Закржевскаго. Притомъ это было такое запутанное, несчастное время для Польши, что трудно рѣшить, кто тамъ былъ правъ, кто виноватъ. Поляки видимо потеряли голову, предчувствуя, что настаютъ послѣдніе дни ихъ царства, хоть не знали, что волосокъ, на которомъ висѣлъ надъ ихъ головами дамоклесовъ топоръ, они сами оборвутъ. Потому есть основаніе довѣрять свидѣтельству самихъ поляковъ, которые увѣряютъ, будто самъ Потоцкій не чистъ въ дѣлѣ гайдамачины, будто онъ ихъ поднялъ на зло господствующей въ королевствѣ партіи, приверженной Россіи, не предчувствуя, что его собственные родичи и кліенты захлебнутся въ крови, которую начнутъ точить гайдамаки изъ праваго и виноватаго. Не даромъ современныя той кровавой эпохѣ украинскія пѣсни приписываютъ Потоцкому „бабій разумъ“:

Ой Потоцькій, Потоцькій,
Въ тебе розумъ жіноцькій...

Другая пѣсня говоритъ, что Потоцкій погубилъ не только Польшу, но и Украину:

Ой ти, пане Потоцькій, ти прескурвий сину,
Запропастивъ еси Польщу и всю Украину:
Поки світа сонця на небесахъ стане.
Буде на тебе весь міръ плакать, та й не перестане.

Безъ сомнѣнія, это тяжкое народное обвиненіе не даромъ падаетъ на голову Потоцкаго, хотя мы опять-таки повторяемъ, что народъ едва ли могъ плакаться на него, какъ

на помѣщика: какъ помѣщикъ, Потоцкій былъ лучше другихъ помѣщиковъ чисто-украинской крови, и крестьянамъ въ его помѣстьяхъ, какъ и въ помѣстьяхъ его богатыхъ родичей во всей западной Украинѣ, жилось хорошо и было чѣмъ кормиться, тогда какъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, на русской, было жить имъ очень тяжко. Но народъ не даромъ бросилъ словомъ укора въ память Потоцкаго, какъ государственнаго человѣка: если въ дымѣ пожаровъ, которые напустила на Россію пугачевщина, виднѣется фигура конфедерата Пулавскаго, помогавшаго Пугачеву своими совѣтами и указаніями, то и подошвы графа Потоцкаго не совсѣмъ должны быть чисты отъ крови, которою упитали польско-украинскую почву гайдамаки.

Какъ бы то ни было, ни русское, ни польское правительство ничего не успѣли сдѣлать къ 50-му году для успокоенія страны, а съ этого именно года гайдамачина и начинаетъ разыгрываться и наконецъ превращается въ уманскую рѣзню.

VI.

Въ исторіи понизовой вольницы, дѣйствовавшей во второй половинѣ прошлаго вѣка, на юго-восточныхъ окраинахъ Россіи, мы замѣтили какое-то колебаніе въ отношеніи появленія разбойничьихъ шаекъ и ихъ многочисленности: въ иные годы на окраинахъ Россіи какъ бы все нѣсколько затихало. въ другіе же годы какъ бы все опять поднималось на ноги. Это колебаніе—то временное затишье, то учащенное повтореніе народныхъ вспышекъ — мы замѣчаемъ и въ исторіи

народныхъ движеній того времени и на другихъ окраинахъ Россіи, на юго-западныхъ. Безъ сомнѣнія, явленіе это могло зависѣть отъ причинъ чисто внѣшнихъ: въ иные годы, распоряженія лицъ, противодѣйствовавшихъ народнымъ движеніямъ, нѣсколько парализировали дѣятельность бродячихъ народныхъ силъ; въ иные же годы нечаянное послабленіе или оплошность со стороны противодѣйствующихъ этому движенію силъ вызывало наружу тѣ элементы, броженіе которыхъ было насильственно останавливаемо. Могло же зависѣть это явленіе и отъ внутреннихъ, болѣе сложныхъ причинъ, которыя неблагопріятно отражались на народной жизни и заставляли выходить народъ изъ его молчаливой, страдательной роли.

Въ нравственной статистикѣ и даже въ администраціи давно замѣчена повторяемость и какъ бы колебаніе случаевъ преступленій въ народныхъ массахъ, смотря по тому какіе были годы, благопріятные или неблагопріятные, хорошіе или дурные. Число преступленій въ народѣ обыкновенно увеличивается во времена голода, неурожаевъ въ извѣстной мѣстности и въ другихъ неблагопріятныхъ для народной жизни обстоятельствахъ. Неурожайные годы влекутъ за собою не только накопленіе недоимокъ, умноженіе дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ, но и усиленіе практики для полиціи и для судебныхъ мѣстъ. Кражи повторяются чаще, грабежи становятся болѣе дерзки, случаи поднятія мертвыхъ тѣлъ, умершихъ насильственною смертью, становятся многочисленнѣе, начинаются разбои, поджоги. И полицейскіе чины и судьи въ такое время положительно завалены работою, и все по дѣламъ о преступленіяхъ.

Эти обстоятельства, по видимому, вызывали болѣе силь-

ныя и учащенныя вспышки какъ въ понизовой вольницѣ, такъ и въ гайдамачинѣ.

Такими вспышками ознаменованъ, въ исторіи гайдамачины, 1750 годъ, когда на смѣну предводителей гайдамацкихъ шаекъ Савы Чалаго, Тарана, Пилипка и Шутки являются Харько, сотникъ въ Жаботинѣ, Черный и другіе менѣе извѣстные ватажки.

Г. Кулишъ, въ „Запискахъ о южной Руси“, говоритъ, между прочимъ, что сотникъ Харько представляетъ загадочное явленіе въ исторіи польской Украины, что г. Маркевичъ въ своей „Исторіи Малороссіи“, упоминая о его возстаніи, ссылается на неизданную статью г. Максимовича о коліивщинѣ (гайдамачинѣ), но что г. Скальковскій въ „Наѣздахъ гайдамакъ“ не говоритъ о немъ ни слова, хотя не долженъ былъ пропустить его безъ вниманія уже и потому, что о немъ поются пѣсни, изъ которыхъ одна была напечатана г. Максимовичемъ задолго до выхода въ свѣтъ книги г. Скальковскаго. Можно бы подумать, замѣчаетъ дальше г. Кулишъ, что сотникъ Харько былъ предшественникъ Мартына Бѣлуги въ Жаботинской сотнѣ и погибъ не задолго до возстанія своего преемника, по темному подозрѣнію въ какихъ-то замыслахъ. Въ мѣстечкѣ Смилой г. Кулишъ встрѣтилъ старика, Кондрата Тарануху, который будто бы зналъ лично Харька, и по его разсказу выходитъ, что Харько заправлялъ Жаботинскою сотнею спустя десять лѣтъ послѣ коліивщины. Но г. Кулишъ сомнѣвается, чтобы Тарануха обстоятельно опредѣлилъ время появленія и дѣйствій Харька въ Жаботинѣ, потому что Тарануха будто бы зналъ Харька послѣ 1775 года, т. е. послѣ разоренія Сѣчи, а г. Кулишу передалъ свой разсказъ въ 1843 году, и слѣ-

довательно, если онъ, въ 1775 или 76 году, былъ двадцатилѣтнимъ парнемъ, который могъ, какъ самъ говоритъ, „добре гулять“ съ товарищемъ Харька, Лелекою, то ему въ 43 году могло быть не менѣе 87 лѣтъ, что для г. Кулиша представляется подверженнымъ сомнѣнію. Тарануха могъ приписать лично себѣ то, что онъ слышалъ, можетъ быть, отъ отца или дѣда, который дѣйствительно могъ лично знать сотника Харька и „добре гулять“ съ Лелекою. Вообще г. Кулишъ полагаетъ, что Харько правилъ сотней въ Жаботинѣ никакъ не послѣ коліивщины и не послѣ разоренія Сѣчи, потому что послѣ 1775 года въ Украинѣ наступило спокойствіе, не возмущаемое возстаніями ни со стороны городовыхъ и надворныхъ казаковъ, ни со стороны крестьянъ, ни кознями со стороны поляковъ. Кромѣ того, въ преданіи Таранухи ляхи опасаются, чтобы Харько не сдѣлался вторымъ Хмѣльницкимъ, тогда какъ имъ всего ближе и естественнѣе было опасаться, чтобы онъ не сдѣлался вторымъ Гонтою или Желѣзнякомъ, еслибъ дѣятельность его, напугавшая поляковъ, была послѣ гайдамачины. Наконецъ, еслибъ Харько жилъ послѣ гайдамачины, то пѣсня, сложенная о немъ послѣ разоренія Сѣчи, не могла бы стать народною въ землѣ черноморскихъ казаковъ, гдѣ ее записалъ черноморецъ Вареникъ и куда ее занесли запорожцы, свято хранившіе пѣсенныя воспоминанія о своихъ „батькахъ“.

Дѣйствительно, сотникъ Харько жилъ и дѣйствовалъ раньше разоренія Сѣчи, раньше даже уманской рѣзни, въ которой отличался его преемникъ, Мартынъ Бѣлуга. Г. Маркевичъ упоминаетъ о возстаніи Харька подъ 1765 годомъ, а о смерти подъ 1766. У г. Костомарова находимъ тоже

(въ нашемъ „Малорус. литератур. сборникѣ", стр. 191—192). У г. Скальковскаго Харько упоминается въ числѣ гайдамацкихъ предводителей. Мы полагаемъ, что сотникъ Харько есть именно тотъ гайдамацкій ватажокъ, который выводится у г. Скальковскаго подъ 1750 годомъ (стр. 56). Этотъ годъ былъ особенно тяжелъ для поляковъ южныхъ украинскихъ провинцій. Гайдамаки дѣлали такія неистовства и разоренія, особенно въ брацлавской и кіевской польскихъ областяхъ, что „почти весь край сдѣлался пустынею: иногда въ одну ночь цѣлое поколѣніе дворянъ—помѣщиковъ, пасторовъ, управителей истребляла гайдамацкая пика, а села, дома ихъ и даже укрѣпленные замки превращались въ развалины и пепелъ" (Скальковскій).

Въ это-то горячее время дѣйствовалъ и Харько. Тарануха такъ описываетъ его со словъ очевидцевъ: „Славный казакъ былъ! бывало ѣдетъ—жупанъ голубой на немъ сверху, красный подъ-исподью, сапоги сафьянцы, шапка черная набокъ, самъ онъ человѣкъ плечистый, русоволосый, полнолицый. Бывало одинъ разъ проѣдетъ на сѣромъ конѣ, въ другой на ворономъ, въ третій на буланомъ, въ четвертый на бѣломъ... точно генералъ... а казакъ! А на войнѣ такой былъ дока, что съ нимъ казаки ничего не боялись. Проговоритъ наизворотъ „Отче нашъ"—ступай смѣло: пуля тебя не тронетъ."

Объ отношеніяхъ его къ польскимъ панамъ говорятъ, что когда онъ былъ сотникомъ въ Жаботинѣ, то бывало посылаетъ къ панамъ: „я васъ заслоняю и берегу, а вы за то поставляйте мнѣ содержаніе и провизію." Паны и шлютъ ему все это въ Жаботинъ. Вслѣдствіе ли этого самоуправства Харька или поляки начали видѣть въ немъ страшнаго

гайдамака, только пошла такая молва, что противъ Харька не устоитъ никто. И начали думать поляки о его погибели. „Кормимъ мы этого вражьяго сына (говорятъ), да пожалуй выкормимъ такого разбойника, какъ Хмѣльницкій. Тогда была „хмѣльнищина“, а теперь будетъ „харьковщина“.

Въ исторіи сотника Харька, какъ и въ исторіи Савы Чалаго, народная память сохранила только нѣкоторыя отрывочныя событія изъ жизни этихъ двухъ славныхъ гайдамацкихъ предводителей. И пѣсни и преданія, какъ это всегда бываетъ, вращаются около послѣднихъ дней жизни и того и другаго.

Поляки погубили Харька обманомъ. Начальникъ польскаго регимента, а можетъ быть и другія лица, подученныя имъ, но которымъ Харько могъ довѣриться, пригласилъ его въ Паволочь въ гости. По словамъ лирника Дмитра Погорѣлаго, въ Звенигородкѣ, Харько поддался обману и безъ опасенія поѣхалъ въ Паволочь, потому что у него тамъ была крестная мать, госпожа знатнаго рода. Онъ надѣялся, что у такой важной особы его не тронутъ.

Разсказъ о смерти Харька начинается съ того (по варіанту г. Костомарова), что онъ былъ съ своими семью стами „молодцами“ въ мѣстечкѣ Буланомъ, гдѣ и загулялъ.

Ой ишовъ сотникъ Харько черезъ Булане місто, да сівъ горілку пити.
А затимъ, за имъ сімсотъ молодцувъ: «стуй, батьку, не журися!»
«Ой якъ же мині, панове молодцове, якъ мині не журиться,
Коли подо мною муй кунь вороний да найліпший становиться?» (1).

---

(1) Малорус. литератур. сборникъ, Д. Мордовцева, стр. 191—192.

Дальнѣйшій разсказъ—какъ онъ отъѣзжалъ въ Паволочь, какъ его провожала жена и предупреждала объ измѣнѣ, какъ его принялъ паволочскій региментарь и напоилъ пьянымъ—имѣетъ много общаго по всѣмъ варіантамъ и у г. Метлинскаго, и у г. Костомарова, и у г. Максимовича. Отъѣздъ Харька такъ описывается:

Ой присилали отъ лементаря до сотника Харька листи:
Ой приідь, приідь, сотнику Харьку, меду-вина до насъ пити.
Ой якъ ставъ Харько, ой якъ ставъ Харько зъ дому свого виіжжати.
А за нимъ его сотничка стара съ хлібомъ-солью провожати:
«Ой не ідь, Харьку, ой не ідь, Харьку: бо то проклятая зрада,
Лучче-бъ ти въ замку бувъ зъ козаками, тобъ я тобі була рада».
Ой тимъ же вінъ собі та поіхавъ, що дуже горилки впився,
А за нимъ его та козаченьки: «Ой, стій, батьку, не журися!»
«Ой якъ же мині, пани молодци, якъ мині не журиться,
Що підо мною кінь буланенький та почавъ становиться!
А ще къ тому, мої козаченьки, и на серденьку стуга,
Що покидаю я въ Жаботині свого вірненькаго друга».

Когда Харько подъѣзжалъ къ Паволочи, его встрѣтилъ „панъ паволоцкій,“ а по другимъ — сотникъ паволоцкій, онъ же вѣроятно и начальникъ регимента. Этотъ полякъ и провелъ Харька въ „палацъ“ къ его крестной матери:

Ой якъ ставъ сотникъ, ой якъ ставъ Харько у Паволочь уіжати,
Охъ ставъ его сотникъ, охъ ставъ его паволочинській Харька зостричати:
Охъ якъ ставъ сотника, а сотника Харька медомъ-виномъ частовати,
У паньскі палаци и къ матці хрещеній у гостину зазивати.
Охъ якъ ставъ же сотникъ, а сотникъ Харько, та й ставъ забуваться,
На панські перини ставъ вінъ похиляться.

Крестная мать Харька, участвовавшая въ заговорѣ противъ него, тотчасъ же извѣстила о томъ его враговъ:

«Ой теперъ ви, ляшки, охъ теперъ ви, пани, охъ и теперъ ви позволяйте:
Охъ лежитъ же пьяний сотникъ Харько, то теперъ его збавляйте!
Теперъ маете часъ, маете годину—теперъ ви его оступайте».

Въ одномъ варіантѣ, записанномъ г. Вареникомъ, говорится, что враги Харька убили его не въ Паволочи, а увезли въ Шамраевку и тамъ убили:

Ой якъ приіхали та два ляхи до Харька та зъ порадою,
Ой взяли, взяли сотника Харька у Шамраівку зъ собою.
Ой якъ заржавъ же кінь буланенький, стоячи біля пекарни,
Ой залили сотника Харька въ Шамраівці у кайдани (1).

До какой степени велико обаяніе на народъ этихъ героевъ народной вольницы, видно изъ того, что говоритъ помимо пѣсенъ особое народное преданіе о смерти Харька. Какъ стали поляки рубить закованнаго въ кандалы Харька, то три дня рубили, и никакъ не могли изрубить — сабля иззубрилась пуще желѣза. Только послѣ догадались, что его надо рубить его же саблею: а у него была богатырская сабля—она-то его и погубила.

Не мало также поэтическаго и чудеснаго въ разсказахъ и пѣсняхъ о послѣднихъ минутахъ Харька. Разсказывая о своихъ любимыхъ герояхъ, народъ переноситъ насъ къ поэтическимъ временамъ грековъ и римлянъ, и потому совершенно забывается, что лица эти дѣйствовали еще такъ недавно, а между тѣмъ облеклись уже ореоломъ чудеснаго. Видно, что, такъ или иначе, а *за народъ* стояли эти

---

(1) Народныя южно-русскія пѣсни, А. Метлинскаго, стр. 425—427.

страшные люди, если народъ такъ дорожитъ памятью объ нихъ, и не дорожитъ памятью тѣхъ людей, которыхъ мы называемъ великими. Народъ говоритъ, что Харька поляки потому только могли погубить, что заранѣе успѣли приковать его коня, а иначе онъ бы выручилъ своего господина: это былъ такой богатырскій конь, что побилъ бы всѣхъ, разрушилъ бы самый домъ, гдѣ убивали Харька, еслибъ былъ на волѣ. Но поляки приковали его по всѣмъ четыремъ ногамъ въ конюшнѣ. Конь, почуявъ кровь Харька, сильно и жалобно ржалъ, но уже ничего не могъ сдѣлать.

Мало того, для народа дороги малѣйшіе штрихи, обрисовывающіе его героевъ и все ихъ окружающее и близкое. Когда пришли въ Жаботинъ вѣстники смерти Харька, жена его выбѣжала къ нимъ, оторвавшись отъ своихъ домашнихъ занятій, и пѣсня говоритъ, что у нея были „руки въ тѣстѣ.“

А вжи прислали пані сотниці да ляхи вісти,
Ой вибігла пані сотничка, а въ неі рученьки въ тісті.

Загубленнаго такимъ образомъ измѣною народнаго героя схоронили въ зеленомъ хворостѣ. Далѣе пѣсни говорятъ о женѣ Харька, которую называютъ „бѣдною, несчастною вдовицею“ и сравниваютъ съ „приблудною (присталою) яркою.“ Она плачетъ и проклинаетъ начальника польскаго регимента:

Бодай тобі пане лементарю, въ світі три літі боліти,
Що посиротивъ бідну Харчиху и маленькі зъ нею діти.

Тарануха, разсказывая о смерти Харька и о томъ, какъ его поляки подпоили, прибавляетъ: Ну хоть бы онъ не напивался! Надобно-бъ было ему выливать вино въ карманъ. Были у него платки—надобно-бъ въ платки выливать, такъ

его все бы еще не взяли. А то какъ напился, такъ его пьянаго взяли къ черту да и погубили“ ([1]).

Въ числѣ другихъ предводителей гайдамацкаго ополченія упоминается Черный, обстоятельства жизни котораго, впрочемъ, намъ неизвѣстны. Судя потому, что въ 1750 году учреждена была въ южныхъ провинціяхъ Польши особая милиція для огражденій страны отъ гайдамаковъ, надо полагать, что въ этомъ году нападенія ихъ на Польшу были слишкомъ часты и многочисленны, и оттого документы того времени и не сохранили намъ именъ отдѣльныхъ дѣятелей этого кроваваго дѣла. Есть, напримѣръ, такія свѣдѣнія, сообщаемыя протестомъ регента или королевскаго прокурора въ Винницѣ, брацлавскаго воеводства, что гайдамаки овладѣли винницкимъ замкомъ и изъ судебной палаты захватили всѣ акты, изъ коихъ одни разбросали, другіе изорвали или употребили на патроны и пыжи къ своимъ ружьямъ. Тутъ же они разграбили и архивы воеводства.

Всѣ эти дѣянія гайдамаковъ совершенно сходны съ тѣми безобразіями, какія чинились и ихъ собратьями въ восточной половинѣ Россіи, именно пугачевцами по Поволжью. Канцелярскія дѣла они непремѣнно или бросали въ огонь, или топили въ рѣкахъ, или, разрывая на части, бросали на произволъ вѣтровъ, приговаривая: „Топи его! Жги! — это злодѣйское, господское.“

Есть основаніе предполагать, что причиною особаго свирѣпства гайдамаковъ въ 1750 году были сильныя засухи, нѣсколько лѣтъ передъ этимъ стоявшія въ Малороссіи, и

([1]) Зап. о южной Руси, П. Кулиша, I, стр. 94—99.

послѣдовавшіе отъ того плохіе урожаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Голодный народъ валилъ толпами въ мѣстности наиболѣе урожайныя, а мужское поколѣніе, особенно батраки „аргаты“ (поденщики), а также рабочіе на винокуренныхъ заводахъ, которыхъ заработки уменьшились, всѣ эти жалкія личности, носившія названія „наймитовъ“, „сиромахъ“, „панскихъ попихачей“, „гольтепакъ“ и „голоты“ — бросились на другаго рода заработки, ушли за Днѣпръ, иные къ запорожцамъ, а оттуда въ гайдамаки. Всеобщая эпидемія гайдамачества была такова, что поляки рѣшительно не знали, что̀ имъ дѣлать, особенно въ южныхъ территоріяхъ Рѣчи Посполитой, отъ Кіева черезъ Брацлавское воеводство до Волыни и Подоли. Государственныя войска не могли ихъ защищать, да притомъ войска эти были въ довольно жалкомъ положеніи, потому что все долголѣтнее царствованіе въ Польшѣ саксонской династіи отличалось только тѣмъ, что внѣшнихъ войнъ не было, слѣдодовательно, и войска было держать не зачѣмъ, и потому каждый долженъ былъ „пить, ѣсть и распускать поясъ“ (пословица того времени) и защищать самъ себя. Гайдамаки, слѣдовательно, могли прійдти и всѣхъ вырѣзать. Они такъ и дѣлали.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи дворянству оставалось защищать себя своими собственными средствами, а иначе весь край могъ быть взятъ на копья, чего не безъ основанія боялись польскіе владѣльцы западной Украины.

Лѣтомъ 1750 года Винница была взята гайдамаками и разграблена, а въ сентябрѣ этого года все дворянство брацлавскаго воеводства собралось въ Винницу, на малый сеймъ, для обсужденія мѣръ, какія слѣдовало принять въ

томъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ находился край. Сюда собрались члены палатъ, т. е. депутаты и сенаторы, „государственные сановники“, чиновники и земскіе, и полицейскіе, и все рыцарство воеводства брацлавскаго. Какъ великъ былъ страхъ этихъ людей, можно судить потому, что, собравшись въ Винницѣ, они прежде всего должны были благодарить Бога за то, что онъ, „въ столь злополучное время, по причинѣ разореній, чинимыхъ въ краѣ гайдамаками, позволилъ имъ безопасно собраться.“ Все это дѣйствительно напоминаетъ пугачевщину, когда русское дворянство Поволжья сожалѣло даже о томъ, что судьба привела его родиться въ такое ужасное время.

Собравшееся такимъ образомъ въ разграбленномъ гайдамаками городѣ, дворянство постановило учредить особую милицію или земское ополченіе. Такія же милиціи для защиты страны отъ гайдамаковъ учреждены были, какъ видно изъ документовъ, и въ другихъ воеводствахъ, угрожаемыхъ украинскими ватагами. На самомъ собраніи составленъ актъ „laudum boni ordinis“, въ которомъ говорится, что всѣ эти представители страны, собравшіеся въ Винницѣ, избрали единогласно „высокородныхъ господъ депутатовъ главнаго короннаго трибунала, для представленія королю его милости, примасу, великому гетману и другимъ о томъ, что воеводство брацлавское, in confinio (въ сосѣдствѣ) россійской, татарской и волосской границъ лежащее, представляетъ теперь изъ себя печальное доказательство, что среди всеобщаго мира, beata tranquillitate sua gaudere (блаженнымъ спокойствіемъ наслаждаться) не можетъ, ибо своевольныя заграничныя ватаги, уже не furtivo transitu (не тайно), но большими дорогами, violente et aperte marte dimi-

cando (насильственно и явно вооруженною рукою) на земли воеводства tumultuarie (толпами) наѣзды дѣлаютъ.“ Далѣе документъ этотъ увѣряетъ, что „ихъ (т. е. гайдамаковъ) неукротимое неистовство, стремясь in depopulationem (къ опустошенію) нашего края praedium et favillam городовъ, селъ, замковъ и дворовъ помѣщичьихъ, монастырей и храмовъ utriusque ritus, къ жестокому избіенію людей utriusque sexus, свѣтскаго и духовнаго чина, которыхъ кровь, невинно пролитая, вопіетъ о мщеніи, — свидѣтельствуетъ, что они о конечномъ истребленіи нашемъ помышляютъ.“

Что гайдамаки дѣйствительно помышляли, какъ было бы хорошо, еслибъ имъ удалось „до грунту зруйновать лядскую землю,“ видно и изъ того, что они, не скрывая, сознавались въ этомъ и даже выражали это желаніе письменно подъ портретами своихъ казаковъ — „лицарей“,

Отже-жъ весна наступаеть, що на умі треба оконати:
Якъ день, такъ нічъ, все на думці ляха обідрати,
Або въ жида мішокъ грошей узять на рострати.

„Обращая вниманіе — говоритъ далѣе „laudum boni ordinis“ — на это несчастное угнетеніе страны нашей, наѣздами своевольныхъ гайдамаковъ нѣсколько уже лѣтъ продолжающееся, такъ что не только въ домахъ нашихъ безопасно пребывать, но даже государственной службы исполнять не можемъ, не говоря уже о безпрестанно угрожающей намъ потерѣ имѣній, здоровья и жизни, — зная также, что всякій имѣетъ природное право думать о своей защитѣ, — мы пожелали, ad norman другихъ коронныхъ воеводствъ, учредить у себя свою внутреннюю милицію. Вслѣдствіе сего, со всеобщаго всѣхъ насъ согласія, на защиту воеводства нашего опредѣлили и полагаемъ: учредить ландмилицію, обязываясь, amore

boni publici, со всѣхъ имѣній нашихъ, королевскихъ, земскихъ, дворянскихъ и духовныхъ, въ воеводствѣ нашемъ находящихся, со всякихъ ста двадцати избъ — осѣдлыхъ, тяглыхъ или пѣшихъ крестьянскихъ, свободныхъ (gracials-kich) и чиншовыхъ, и филипонскихъ (1), съ тою только разницею, что одна изъ раскольничьихъ избъ за двѣ простыхъ считаться будетъ—давать по одному солдату изъ людей, знающихъ уже военную службу, хорошаго поведенія, здоровыхъ и къ службѣ годныхъ. Мундиръ онаго долженъ быть: катанка и шаравары зеленаго или травяваго цвѣта (вѣроятно для того, чтобы зеленый цвѣтъ давалъ имъ возможность иногда прятаться въ травѣ или между деревьями и кустами для скрытнаго наблюденія за гайдамаками), на доброй лошади, не менѣе ста злотыхъ стоющей, съ хорошимъ кожаннымъ сѣдломъ, съ ружьемъ, пикою, бердышомъ и съ запасомъ пуль и пороху на всю кампанію.“

Земское ополченіе должно было собираться ежегодно 2 апрѣля, т. е. около того времени, когда обыкновенно гайдамаки, подобно волжской понизовой вольницѣ, отправлялись на свои опасные промыслы, только съ той разницей, что тамъ большею частію экспедиціи предпринимались на лодкахъ, а здѣсь на коняхъ, а иногда и пѣшкомъ.

Ландмилиціоны подлежали военному суду своихъ ротмистровъ или отрядныхъ командировъ. Командиры же обязаны

---

(1) «Филипоны»—русскіе раскольники, поселившіеся въ Польшѣ и въ западной Россіи во время гоненій на нихъ въ началѣ прошлаго вѣка. Между филипонами, какъ извѣстно, проживалъ одно время Пугачевъ и изъ филипоновъ же вышли нѣкоторые изъ его сподвижниковъ.

были на свой счетъ содержать прочихъ субалтерныхъ офицеровъ, поручиковъ и хорунжихъ, и имѣть знамя съ гербомъ воеводства. Фуражъ и провіантъ долженъ былъ доставляться земствомъ въ опредѣленной пропорціи. Главнымъ командиромъ всеобщаго вооруженія избранъ князь Михаилъ Святополкъ Четвертинскій, подкоморій брацлавскій. Главнымъ региментором былъ Ожджа, староста романовскій, а дворяне Богуславъ Старжинскій и Илья Клитынскій—командирами отрядовъ или „подъѣздовъ“.

Въ это-же время всѣ украинскіе магнаты-поляки, князья Любомирскіе, Чарторійскіе, Яблоновскіе и Радзивилы, графы Браницкіе и крупные земледѣльцы польской Украины—Потоцкіе учредили въ своихъ имѣніяхъ особыя казачьи команды и полки, которые только и повиновались своимъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ (губернаторамъ), а королевской власти и „свѣтлѣйшихъ“ сеймовъ знать не хотѣли, тѣмъ болѣе, что въ 29 лѣтъ царствованія короля Августа III, который, по выраженію одного нѣмецкаго историка (Вебера), „велъ такую жизнь, какую едва ли можно назвать царствованіемъ“, ни одного сейма не состоялось (Скальковскій „Наѣзды гайдамаковъ“).

Между тѣмъ, въ это же самое время, когда поляки посылали къ королю депутацію съ изъясненіемъ своего безвыходнаго положенія, когда они сами сознавали, что гайдамаки „помышляли о конечномъ ихъ истребленіи“, въ то время, когда имъ грозила опасность потерять имѣнія и жизнь, когда разрушались ихъ города, села и замки, а „люди utriusque sexus, свѣтскаго и духовнаго чина“ жестоко избивались, — въ это самое время въ польскомъ дворянствѣ шла самая безобразная жизнь, съ попойками и танцами точ-

но они танцовали на своихъ собственныхъ похоронахъ. Лице, которое само видѣло гайдамачину и лично участвовало въ походахъ противъ гайдамаковъ, говоритъ съ возмутительной наивностью: „пировали мы беззаботно и жилось намъ хорошо въ тѣ времена, по пословицѣ: Za króla Sobka nie było w polu snopka, a za króla Sasa człowiek jadł, pił i popuszczał pasa (при королѣ Собкѣ, т. е. Собѣскомъ, не было въ полѣ ни снопа, а при королѣ Сасѣ, т. е. Августѣ III Саксонскомъ, каждый ѣлъ, пилъ и распускалъ поясъ). Пить тогда было у всѣхъ въ обычаѣ: у пановъ и у мелкаго дворянства (исключая молодыхъ людей, которымъ запрещалось прикасаться къ бутылкѣ), у духовныхъ и свѣтскихъ, у судей и адвокатовъ, у военныхъ и статскихъ; а кто отказывался, того умѣли и принудить. Паны не нуждались въ средствахъ къ жизни, а мелкая шляхта живилась отъ пановъ... Внѣшней войны мы не вели тогда, но что касается до безопасности внутренней, особенно на пограничьѣ со стороны Запорожья, то трудно было этимъ похвалиться. Даже и на Волыни не разъ смущали насъ посреди нашихъ увеселеній въ панскихъ домахъ преувеличенные слухи о гайдамацкихъ наѣздахъ. Мнѣ самому случалось два раза участвовать въ походѣ противъ этихъ бродягъ“ (1).

Земское ополченіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, на-

---

(1) Это говоритъ старый польскій панъ, Симонъ Закржевскій, по разсказамъ котораго составлено описаніе двухъ походовъ противъ гайдамаковъ, переведенное г. Кулишомъ на русскій языкъ и помѣщенное въ Зап. о южн. Руси, т. II. Не родственникъ ли этотъ Закржевскій тому пану Михаилу Закржевскому, который былъ бичемъ гайдамаковъ и который по справедливости можетъ назваться «офиціальнымъ польскимъ гайдамакомъ»?

биралось изъ мѣстныхъ поселянъ, т. е. изъ украинскаго же элемента, но не изъ польскаго. Въ милиціи, какъ и въ украинской казачинѣ, существовало выборное начало: ополченцы сами избирали себѣ атамановъ, есауловъ и сотниковъ. Такими сотниками были Харько, Мартынъ Бѣлуга—въ Жаботинѣ, а впослѣдствіи Гонта въ Умани, которую они погубили вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ. Только высшіе начальники, командиры, ротмистры и региментари были поляки, а иногда и нѣмцы. Само собою разумѣется, что такое ополченіе могло быть надежно только до поры до времени: гайдамаки были родные братья ополченцамъ по крови, языку и вѣрѣ. И тѣ и другіе пѣли однѣ и тѣже пѣсни про Вдовиченка, про Саву Чалаго, даже про битвы съ ляхами и про неволю лядскую, египетскую. И у тѣхъ и у другихъ было „на думці ляха обідрати". Въ уманскую рѣзню ополченье доказало, какъ опасно было на него полагаться.

VII.

Въ періодъ времени между составленіемъ земскаго ополченія и уманской рѣзней, обнимающій семнадцать лѣтъ, дѣйствовали извѣстные намъ по описанію пана Закржевскаго гайдамацкіе предводители Иванъ Чуприна и Семенъ Чортоусъ.

До сихъ поръ изъ всѣхъ свѣдѣній о гайдамакахъ видно было, что кругъ дѣятельности ихъ ограничивался большею частью правымъ побережьемъ Днѣпра и не выходилъ за предѣлы западной Украины. Большею частію они переправля-

лись черезъ Синюху и, держась праваго берега Днѣпра, дѣлали свои нападенія на ближайшія къ русскимъ границамъ поселенія, или же расправлялись въ округахъ городовъ и мѣстечекъ Крылова, Немирова, Жаботина, Умани, Корсуни, Звенигородки или въ воеводствѣ брацлавскомъ, около Винницы и въ ближайшихъ къ Бугу польскихъ имѣніяхъ. Хотя случалось, что, пробравшись вмѣстѣ съ весной на польскія територіи, они оставались тамъ до глубокой осени, перебираясь съ мѣста на мѣсто, набѣгая на одинъ замокъ и минуя другой, перетаскивая свое добро изъ лѣса въ лѣсъ, однако въ глубь польскихъ тогдашнихъ провинцій не заходили, вѣроятно находя себѣ достаточно разгула и въ этихъ богатыхъ вотчинахъ магнатовъ. Но Чуприна и Чортоусъ забираются уже дальше. Они колесятъ выше истоковъ Буга. Они пускаютъ краснаго пѣтуха въ такихъ отдаленныхъ отъ Днѣпра селахъ, что надо имѣть слишкомъ безграничную дерзость, чтобы рѣшиться, подобно Ганнибалу въ центрѣ Италіи, устраивать свои засады вблизи укрѣпленныхъ и многолюдныхъ городовъ чужаго государства. Чуприна и Чортоусъ доводятъ свои ватаги до самаго Полѣсья, въ Полѣсьѣ жгутъ деревни, а потомъ, съ награбленнымъ добромъ, съ плѣнными панами, паненками, ксендзами и жидами колесятъ черезъ Волынь, укрѣпляются въ неприступныхъ мѣстахъ, пробиваются сквозь ряды польскихъ отрядовъ и окольными дорогами возвращаются въ свои родныя степи. У Чуприны и Чортоуса такіе кони, которымъ завидовали князья Любомирскіе. Саблю „рѣдкаго достоинства“, которую носилъ при себѣ Чортоусъ и которою онъ рубилъ головы полякамъ и жидамъ, не постыдился надѣть на себя князь Мартынъ Любомирскій.

По всему этому видно, во первыхъ, что гайдамачина уси-

лилась до того, что противъ нея были безсильны даже такія мѣры, какъ земское ополченіе, а во вторыхъ, что и земское ополченіе или было слишкомъ слабо, чтобы подавить гайдамачину, или дѣйствовало слишкомъ оплошно. Да и когда, было земскому ополченію дѣйствовать противъ общественнаго зла, когда оно должно было вмѣсто того, чтобы защищать страну—увеселять своихъ господъ во время ихъ танцевъ и питья безчисленнаго множества тостовъ, осушаемыхъ непремѣнно „при громѣ мортиръ и ручнаго оружія“? Гдѣ было войскамъ гоняться за гайдамаками, когда артилерія требовалась не для войны съ врагами общественной безопасности, а для присутствованія, вмѣстѣ съ лакеями, при панскихъ обѣдахъ и танцахъ, чтобы при каждомъ поднятомъ кубкѣ (а кубки поднимались за кубками, какъ говоритъ современникъ) стрѣлять по воздуху. Военная музыка также нужна была не въ полѣ военномъ, но въ полѣ заѣзжемъ, когда „настрѣлявши бездну сернъ, волковъ, дикихъ кабановъ, лосей, а иногда и медвѣдей, паны садились за охотничій обѣдъ“, а военная музыка, рога и валторны должны были трубить въ знакъ торжества, когда паны „трубили въ кубки“?

Замѣчательна въ этомъ случаѣ одинаковость явленій въ то смутное время и на дальнемъ юго-западномъ углу нынѣшней Россіи, на Волыни и въ Подоліи, и на дальнемъ сѣверо-востокѣ той же Россіи, въ Оренбургѣ. Когда Чуприна и Чортоусъ жгли село за селомъ на Волыни, пробирались въ Полѣсье и дѣлали свои засады подъ самымъ Ровнымъ, въ эти самые дни князья Любомирскіе пировали въ Ровномъ съ своими безчисленными гостями дни и ночи, танцовали, пили до безобразія, устраивали фейерверки, „сгоняли тысячи народа“, чтобы на безлѣсной горѣ насадить цѣлую

рощу и напускать въ нее дикихъ звѣрей *въ теченіе одного дня*, — вѣдь это сказки, которымъ бы никто не повѣрилъ въ наше время, а между тѣмъ это правда! И въ этой новонасаженной рощѣ паны охотились, когда Чуприна подбирался къ нимъ съ своими ватагами и могъ захватить ихъ всѣхъ врасплохъ и перевѣшать! Точно также, когда Пугачевъ бралъ крѣпость за крѣпостью и подходилъ уже къ Оренбургу, забирая правительственныя войска и артилерію съ припасами, вѣшая командировъ и разстрѣливая картечью непокорныхъ солдатъ и казаковъ, въ это самое время въ Оренбургѣ, у губернатора Рейнсдорпа, танцовало на балу избранное оренбургское общество, и, по случаю бала, не могли принять необходимыхъ мѣръ къ подавленію мятежа, а въ Петербургѣ въ это время тоже шли пиршества за пиршествами по случаю бракосочетанія великаго князя, у котораго грубый казакъ хотѣлъ отнять наслѣдственную корону.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что и при земскомъ ополченіи гайдамаки расправлялись въ западномъ краѣ такъ, какъ бы въ немъ, кромѣ робкихъ евреевъ и такихъ же робкихъ женщинъ, не было ни одного мужчины, не говоря уже о казакахъ и солдатахъ.

Чтобы яснѣе выказалась вся поразительность той противоположности, какая господствовала въ это тяжелое для края время, въ панскихъ богатыхъ замкахъ и въ селахъ, никѣмъ не защищенныхъ отъ гайдамаковъ,—приведемъ разсказъ самовидца о томъ, что дѣлали безпечные паны въ тѣ самые моменты, когда шайка Чуприны подбиралась уже къ мѣстамъ, гдѣ паны такъ беззаботно веселились.

„Находился я при дворѣ князей Любомирскихъ болѣе десяти лѣтъ, но не въ качествѣ дворянина, а въ качествѣ

пріятеля дома (говоритъ панъ Симонъ Закржевскій). Шумно и весело жили тогда въ Ровномъ. Домашнихъ толпа, гостей каждый день биткомъ набито; пиры, музыка, танцы, открытые столы, кубки за кубками, осушаемые при громѣ мортиръ и ручнаго оружія; горящіе вензеля и фейерверки. Княгиня, урожденная Поцѣева, принесла мужу богатое приданое. Чудная была пани и прелестная и чрезвычайная охотница до увеселеній. Помню, какъ она бывало отброситъ въ сторону нѣмецкіе роброны да помпадуры и явится въ старо-польскомъ нарядѣ: въ бархатномъ кунтушѣ, въ станикѣ (родъ наружной шнуровки) изъ золотой парчи, въ собольей шапочкѣ, на которой сверкаетъ алмазное перо, и въ красныхъ сапожкахъ, унизанныхъ жемчугомъ и подкованныхъ золотомъ. Пустится бывало въ первой парѣ, въ польскомъ, или въ мазуркѣ, по огромной дворцовой залѣ,—ну, просто лань: заглядѣнье да и только. А какъ на поворотѣ въ танцахъ звякнетъ подковками, сердце такъ бывало разыграется, что танцуешь—чуть изъ кожи не выскочишь.

„Князь, коронный подстолій, съ своей стороны любилъ заохочивать собственнымъ примѣромъ къ частымъ кубкамъ (въ тѣ времена всѣ пили въ Польшѣ). Былъ онъ горячій охотникъ и часто устраивалъ охоту для своихъ гостей въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Тучинѣ у него обыкновенно содержалась безчисленная псарня, на которую онъ опредѣлилъ всѣ доходы изъ этого ключа (извѣстное число селъ). Обширные лѣса были полны крупныхъ звѣрей, на которыхъ мы охотились съ сѣтями и заборами, при помощи безчисленнаго множества мужиковъ. Настрѣлявши бездну сернъ, волковъ, дикихъ кабановъ, часто также убивали нѣсколько лосей, а иногда и медвѣдей, садились мы за охотничій обѣдъ. Сколь-

ко тамъ было разсказовъ объ охотничьихъ приключеніяхъ, сколько лжи, сколько нахальства! Рога и валторны гремѣли между тѣмъ въ знакъ торжества, а мы трубили въ кубки, и я не помню, чтобъ когда нибудь возвратились домой трезвыми.

„Однажды случилось князю пожаловаться, что у него нѣтъ подъ Ровнымъ рощи, въ которой онъ могъ бы иногда охотиться хоть за зайцами. Что же? сосѣди и пріятели сговорились сдѣлать ему сюрпризъ въ день его имянинъ. Князь выѣхалъ, кстати, на нѣсколько дней въ Дубно къ князю ординату Сангушко и долженъ былъ воротиться только въ день святаго Станислава. Наканунѣ этого дня „согнали“ тысячу подводъ съ молодыми деревцами, да тысячу рабочихъ изъ ближнихъ и дальнихъ околицъ, насадили самымъ старательнымъ образомъ довольно обширный звѣринецъ, пересѣченный правильными просѣками, и пустили въ него множество разныхъ звѣрей. Какъ изумился и обрадовался князь, когда, воротясь ночью въ Ровно и проснувшись утромъ, увидѣлъ передъ городомъ гору, покрытую лѣсомъ! Этотъ лѣсъ потомъ старательно поддерживали, и до сихъ поръ онъ существуетъ. Въ день святаго Станислава мы, правда, не охотились, такъ какъ это былъ праздникъ патрона польской короны; но всѣ мы, сколько у насъ было гостей и домашнихъ, двинулись, подъ предводительствомъ князя и княгини, къ лѣсу, который какъ будто какимъ волшебствомъ выросъ изъ земли. Дивное было явленіе — видѣть стада зайцевъ и сернъ, испуганныхъ пріѣздомъ экипажей и шумомъ всадниковъ. Они метались въ разныя стороны, но не могли никуда уйдти, потому что лѣсъ былъ окруженъ сѣтьми. Только на третій день вечеромъ начали мы охотиться, при свѣтѣ фо-

нарей и плошекъ. А въ день самыхъ имянинъ было шумное пиршество.

„Помню, какъ послѣ обѣда показывали на замковомъ дворѣ коня изъ княжескихъ конюшенъ. Всѣ дамы вышли съ княгиней Гонoратой на огромную дворцовую галерею, которая идетъ вдоль залы, на второмъ этажѣ. Я приказалъ подвесть мнѣ моего сѣраго въ яблокахъ и давай выдѣлывать на немъ разныя штуки. Дамы хлопали мнѣ, а иногда приходили въ ужасъ. А князь, стоя на галереѣ съ полнымъ бокаломъ, закричалъ мнѣ сверху: „пане Симоне! пью за ваше здоровье въ ваши руки, но только возьмите бокалъ, не слѣзая съ коня!“

„Не нужно было повторять мнѣ этого вызова: я пришпорилъ своего сѣраго и въ нѣсколько прыжковъ по ступенькамъ въ переднія сѣни, потомъ далѣе во внутреннія, а оттуда въѣхалъ по лѣстницѣ въ залу и явился на галереѣ, приведя дамъ въ немалый страхъ. Князь подалъ мнѣ большой бокалъ; я опорожнилъ залпомъ за его здоровье, повернулъ коня и той же самой дорогой, хоть уже нѣсколько осторожнѣе, воротился на замковый дворъ.

„Такъ-то въ тѣ годы подвизались мы въ этомъ Ровномъ, которое теперь такъ отрезвилось. А въ Дубнѣ, въ замкѣ князя ордината, надворнаго маршала литовскаго, текло вино рѣкою, потому что крутоусаго Сангушка не легко было побѣдить на попойкѣ. Лилъ онъ какъ въ бочку и любилъ видѣть вокругъ себя питковъ. Въ замковой залѣ зачастую поднимались пары надъ головами собесѣдниковъ, а на дворѣ клубился дымъ отъ стрѣльбы драгуновъ, которые гремѣли изъ ружей за каждымъ тостомъ“ ([1]).

([1]) Запис. о юж. Руси.

Вотъ гдѣ были и вотъ чѣмъ занимались драгуны въ то время, когда заряды, пускаемые на воздухъ послѣ каждаго тоста, и храбрые воины, упражнявшіеся въ такомъ полезномъ занятіи, нужны были для другаго дѣла. Не надо забывать, что это говоритъ полякъ, лично участвовавшій въ походахъ противъ Чуприны и Чортоуса. Отзывъ его, какъ поляка, о своихъ врагахъ, долженъ быть для насъ особенно важенъ. Онъ говоритъ, что гайдамацкія шайки, человѣкъ въ пятьдесятъ, во сто, а иногда и въ нѣсколько сотъ, выходили почти каждую весну изъ запорожской Сѣчи и только осенью возвращались въ свои логовища. Прочіе поляки были того же убѣжденія, что причиною появленія гайдамачины было Запорожье. Панъ Закржевскій говоритъ, что всякое гайдамацкое скопище состояло „изъ однихъ отъявленныхъ негодяевъ“ и пополнялось разными бѣглецами изъ сосѣднихъ земель, но всего больше украинскими мужиками, между которыми гайдамаки имѣли много доброжелателей и которые указывали имъ куда безопаснѣе и вѣрнѣе пройдти за добычею. По словамъ Закржевскаго, украинныя воеводства, кіевское и брацлавское, всего больше терпѣли отъ этихъ хищниковъ; но иногда проникали они на Подолье, на Волынь и даже въ Мозырю, потому что пограничнаго войска было очень мало, магнаты держали надворныя хоругви при себѣ, а городовые казаки были втайнѣ расположены къ гайдамакамъ (сотники Харько и Гонта). Гайдамаки эти совершали свои походы иногда пѣшіе, но большею частью верхомъ и увозили добычу на вьючныхъ лошадяхъ, что у нихъ называлось „батовнею“. Каждая шайка имѣла своего предводителя, котораго они называли „ватажкомъ“. Ватажка выбирали обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ, которые сдѣлали уже нѣ-

сколько разбойничьихъ походовъ и знали всѣ переходы и дорожки. Чтобы внушить своимъ увѣренность, а суевѣрному народу страхъ, разсказывали о немъ, что онъ „характерникъ“, то есть чародѣй, что онъ умѣетъ заговаривать пули, такъ что его можно убить только серебряною пулею, а въ случаѣ надобности можетъ сдѣлаться и невидимымъ. Сколько они увозили изъ края богатой добычи, замѣчаетъ Закржевскій, и сколько проливали невинной крови, когда ими управляло мщеніе! Ужасъ, овладѣвавшій жителями при извѣстіи, что идутъ гайдамаки, превосходитъ всякое описаніе: каждый прятался съ чѣмъ только могъ куда ни попало. Но очень часто вѣсть объ ихъ вторженіи приходила слишкомъ поздно, потому что они пробирались какъ волки и дѣлали свои отдыхи по уединеннымъ хуторамъ и пасикамъ.

Если въ исторіи понизовой вольницы насъ поражало то явленіе, что шайки разбойниковъ, уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Пугачева, безнаказанно могли совершать экспедиціи на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, если они забирались вглубь нынѣшнихъ населенныхъ губерній въ самую Русь, какъ они выражались, и безпрепятственно возвращались потомъ въ Поволжье, какъ напримѣръ партія атамана Брагина, то еще болѣе поразительною должна быть дерзость гайдамацкихъ ватажковъ, которые, выходя изъ самаго Запорожья или изъ нынѣшнихъ новороссійскихъ степей, проводили свои ватаги безпрепятственно до Мозыря, исходя такимъ образомъ почти изъ конца въ конецъ все Царство Польское. Притомъ, Брагину сравнительно легко было блудить между Волгою и Вороною, переходить даже эту рѣку, потому что въ той мѣстности войскъ не было, а разъѣздныя команды самымъ жалкимъ образомъ оправдывали свое

назначеніе, да и населеніе въ тѣхъ мѣстахъ было довольно рѣдкое. Но дерзость такихъ разбойниковъ, какъ Чуприна и Чортоусъ, которые проходили съ своими ватагами и съ своими батовнями по довольно населеннымъ мѣстностямъ Царства Польскаго, гдѣ даже существовало особое земское ополченіе, единственная цѣль котораго была ловить такихъ, какъ Чуприна и Чортоусъ—дерзость этихъ разбойничьихъ коноводовъ поистинѣ изумительна. Надо прибавить къ этому, что первый изъ нихъ сдѣлалъ пятнадцать походовъ на Польшу—и всякій разъ возвращался съ богатою добычею, хоть неоднократно долженъ былъ пробиваться сквозь ряды польскихъ драгуновъ. Онъ дѣйствительно могъ назвать себя чародѣемъ, а свои маленькіе легіоны непобѣдимыми, потому что, при непріятельской атакѣ, ему стоило только скомандовать своей ватагѣ: „або добути, або дома не бути!“—и ватага пробивалась сквозь сомкнутые ряды польскихъ жолнеровъ, и не только пробивалась сама, но и уводила съ собою своихъ вьючныхъ лошадей съ награбленною добычею.

Послѣдній походъ Чуприны на Польшу стоилъ жизни этому знаменитому ватажкѣ. О послѣдней битвѣ съ нимъ поляковъ подробно разсказываетъ Закржевскій, лично участвовавшій въ этой битвѣ. Она происходила недалеко отъ Ялтушкова, на Подольѣ. Въ ней участвовали два князя Любомирскихъ, Антоній и Мартынъ, тысячи двѣ польскаго войска съ компутовыми гусарами и панцырными, тысячи три вооруженныхъ крестьянъ и всѣ городовые казаки, какихъ только можно было собрать. Это была цѣлая армія съ достаточнымъ числомъ артилеріи, съ гренадерами, тогда какъ у Чуприны было не болѣе полутораста молодцовъ. Но такова была отчаянная отвага украинской понизовой вольницы,

что на нее не безопасно было идти съ силами, не превышающими ее въ двадцать-тридцать разъ.

Однажды, когда князь Любомирскій, владѣлецъ Ровна, гостилъ въ Полонномъ у своего дяди, князя Антонія Любомирскаго, и общество наслаждалось однимъ изъ такихъ роскошныхъ и веселыхъ обѣдовъ, о которыхъ мы говорили выше, въ Полонное прискакалъ гонецъ отъ генеральнаго региментаря такъ-называемой „украинской и подольской партіи“, Яна Тарлы, воеводы любельскаго, съ приказомъ, чтобы гетманскій региментъ „иноземнаго авторамента“, которымъ начальствовалъ князь Антоній Любомирскій, поспѣшилъ къ Ялтушкову на Подолье. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тарло просилъ его выслать часть собственнаго гарнизона изъ полонской крѣпости съ десятью пушками,—и все это для того, какъ замѣчаетъ съ удивленіемъ Закржевскій, чтобы переловить нѣсколько десятковъ гайдамаковъ, которые скрылись съ своей добычей въ ялтушковскихъ лѣсахъ, когда имъ преградили путь къ границѣ, и обрубились тамъ засѣками.

Князь не замедлилъ выступить съ войскомъ лично. На третьи сутки около полудня подошли они на четверть мили къ лѣсу, въ которомъ укрѣпились гайдамаки. Для большей поспѣшности, пѣхоту и пушкарей привезли на подводахъ. Войско построилось въ боевой порядокъ, поставивъ пушки по крыльямъ. Региментарь сдѣлалъ смотры. Потомъ сломали шеренги и отданъ былъ приказъ, чтобы жолнеры подкрѣпились и выспались, потому что всю ночь будутъ бодрствовать. Войско, нѣсколько отдохнувъ, облегло весь лѣсъ, въ которомъ засѣли гайдамаки. Лѣсъ былъ огромный. Кругомъ него, подъ самой опушкой, разставили въ разныхъ мѣстахъ крестьянъ, которыхъ согнали туда тысячи три. Нѣкоторые

изъ нихъ были вооружены ружьями, но большая часть копьями, косами, или просто цѣпами. Имъ было приказано крѣпко стеречь, а ночью зажечь огни и часто кричать: wer da ([1])? Позади крестьянъ, шагахъ въ ста-пятидесяти, стояло войско, какъ то, которое прибыло изъ Полоннаго, такъ и то, которое региментарь Тарло привелъ еще прежде съ собою, всего тысячи двѣ человѣкъ, между которыми были компутовые гусары и панцырные, въ полномъ вооруженіи, въ леопардовыхъ и волчьихъ шкурахъ, а также и пѣхота. Сверхъ того собрано было тамъ „безъ числа городовыхъ казаковъ". Все это разставлено было нѣмцемъ полковникокъ, который служилъ у региментаря адъютантомъ. Панцырными начальствовалъ намѣстникъ князя подстолія литовскаго чесникъ Нурскій.

Настала ночь. Приказано было наблюдать осторожность и тишину. По мѣстамъ горѣли костры, разложенные крестьянами, сторожившими всѣ выходы изъ лѣсу.

Когда Закржевскій, бывшій на этотъ разъ волонтеромъ въ командѣ намѣстника, выразилъ ему удивленіе, что столько войска соединилось противъ какихъ нибудь полутораста бродягъ, намѣстникъ отвѣчалъ, что для поимки гайдамаковъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть слишкомъ много рукъ, потому что эти злодѣи защищаются отчаянно и гибнутъ до послѣдняго, зная, что имъ пощады не будетъ.

„Ихъ ожидаетъ, продолжалъ онъ, собачья смерть на вѣтви дерева, или страшное сидѣнье на колу, и потому они бросаются, какъ бѣшенные, одинъ на десятерыхъ, и часто

([1]) Этотъ обычай—употребленіе нѣмецкихъ терминовъ въ командѣ—осуждали сами поляки.

пробиваются сквозь засаду не только сами, но и съ добычею. Вотъ увидите завтра, въ какихъ они богатыхъ нарядахъ. Это они у насъ такъ пріодѣлись, потому что изъ Сѣчи выходятъ только въ напоенныхъ саломъ рубашкахъ и кожанкахъ ([1]) изъ телячьей кожи.“

Предводитель гайдамацкой партіи, которую теперь окружили въ лѣсу, былъ именно тотъ знаменитый Чуприна, который сдѣлалъ пятнадцать походовъ на Польшу и всякій разъ возвращался побѣдителемъ, обремененный добычею. За три года до этого онъ напалъ съ шестьюдесятью молодцами на Шаргородъ, замучилъ отца чесника Нурскаго, настоящаго предводителя панцырныхъ, ограбилъ его домъ и захватилъ въ немъ 40,000 злотыхъ наличныхъ денегъ. Когда же онъ проникнулъ въ самую Волынь и его, въ навьюченною батовнею, окружило триста драгуновъ изъ регимента королевы, Чуприна ударилъ на нихъ ночью, убилъ полковника, увелъ нѣсколько драгунскихъ лошадей и ушелъ безъ всякой потери.

Этому-то Чуприне и жаждалъ теперь чесникъ Нурскій отмстить за пролитую имъ кровь отца. Чесникъ Нурскій помнилъ и другія обиды, которыя оставались еще не отомщенными гайдамакамъ. Гайдамаки напали и на другой его домъ, находившійся въ Сельницѣ, и забрали все что могли. Но жена его, которая какъ бы предчувствовала посѣщеніе разбойниковъ, спаслась. Она предчувствовала его потому, что одинъ изъ находившихся въ домѣ парубковъ ушелъ къ гайдамакамъ. Жена чесника нѣсколько недѣль не ночевала съ дѣтьми подъ собственнымъ кровомъ, а ночевала въ оврагахъ,

---

([1]) Кожаная куртка.

въ коноплѣ и въ лозѣ, перемѣняя мѣсто ночлега каждую ночь и только на день возвращаясь домой. Только эта осторожность спасла ее. Разбойники, вломясь въ домъ чесника, застали при мамкѣ самую маленькую его дочь и хотѣли разбить ее о стѣну, но мамка упала имъ въ ноги и только слезами и просьбами обезоружила гайдамаковъ. Вскорѣ потомъ гайдамаки напали на мѣстечко Красное, гдѣ маленькій сынъ чесника воспитывался въ парафіальной школѣ у директора. Школьники спрятались въ небольшомъ острожкѣ, но наставникъ ихъ попалъ въ руки гайдамаковъ. Разграбивъ мѣстечко, они приступили къ острожку и требовали сдачи. Но „губернаторъ ключовый“ (управляющій) не отворилъ имъ воротъ маленькаго Гибралтара. Тогда они рѣшились поджечь дубовый частоколъ, который составлялъ главную защиту этого жалкаго укрѣпленія, и начали подкидывать подъ него солому, а чтобы не изнурять перевозкой лошадей своихъ, запрягли въ возъ школьнаго директора вмѣстѣ съ жидомъ. Этимъ способомъ подвезено было уже нѣсколько возовъ соломы, и при этомъ досталось обоимъ не мало жестокихъ ударовъ. Но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета за мѣстечкомъ, гдѣ гайдамаки поставили свою стражу. Узнавъ по этому сигналу, что приближаются драгуны, они торопливо собрали свой багажъ и поскакали во весь духъ къ Кимчаню (большой лѣсъ въ окрестностяхъ Краснаго). Драгуны, правда, перерѣзали имъ дорогу, но гайдамаки ударили на проломъ, застрѣлили изъ ружей двухъ драгунъ и одного коня и ушли съ добычею.

Теперь Чуприна, окруженный сплошною облавою, выжидалъ утра.

Едва начало свѣтать, какъ вдругъ въ той сторонѣ лѣса,

гдѣ стояла польская пѣхота, раздались выстрѣлы изъ ружей, сперва рѣдкіе, потомъ чаще и чаще, и наконецъ загремѣли пушки. Гулъ, крикъ, громъ стрѣльбы и трескъ валящихся деревьевъ широко разнеслись по лѣсу въ утреннемъ влажномъ воздухѣ. Панцырные бросились ихъ останавливать. Въ это время сорокъ человѣкъ гайдамаковъ, съ двумя десятками вьючныхъ лошадей, выскочили неожиданно изъ лѣсу и дружно ударили на три волошскія хоругви, стоявшія впереди. Волохи не устояли противъ удара и, не сдѣлавъ даже выстрѣла, опрокинулись въ безпорядкѣ на компутовыхъ и, вмѣстѣ съ бѣгущею чернью, произвели такое замѣшательство въ рядахъ панцырнаго войска, что не могли прійдти въ себя и построиться. Пользуясь этимъ, гайдамаки выстрѣлили изъ ружей и, убивши нѣсколько рядовыхъ, повернули въ скачь къ ближайшему селу. Намѣстникъ и Закржевскій настигли ихъ близко, первый даже положилъ одного гайдамака изъ пистолета; но оглянувшись и видя, что они гонятся за ними только вдвоемъ, остановились. Гайдамаки между тѣмъ, пройдя черезъ село и зажегши его за собой, достигли сосѣдняго лѣса. Хотя за ними была послана погоня, которую региментарь, занятый на другомъ пунктѣ, едва черезъ часъ могъ нарядить, однако безъ всякаго успѣха. Гайдамаки, сидя на быстрыхъ лошадяхъ, не дали себя настигнуть и ушли въ Сѣчь, оставляя вездѣ за собой пожары.

Не такъ удачно подвизались тѣ гайдамаки, на которыхъ наступила въ лѣсу польская пѣхота. Защищались они отчаянно, убили польскаго подполковника, двухъ или трехъ офицеровъ и около пятидесяти рядовыхъ; нѣсколькихъ также ранили, и въ томъ числѣ маіора; но трудно было имъ стоять противъ польскихъ ружей и пушекъ, которыя ломали деревья

и пришибали ихъ стволами и сучьями. Къ тому же самъ ватажокъ былъ убитъ, и гайдамаки, смущенные этимъ событіемъ, почти всѣ были перебиты. Остальные недобитки и раненые захвачены въ плѣнъ. Погибло ихъ около восьмидесяти, а изувѣченныхъ и здоровыхъ схвачено около сорока.

Чуприна палъ отъ руки молодаго князя Мартына Любомирскаго, который, при самомъ вступленіи въ лѣсъ на челѣ своихъ гренадеровъ, замѣтилъ его и убилъ изъ ружья въ ту самую минуту, когда вожакъ, стоя на колѣняхъ подъ дубомъ, прицѣливался въ него. При Чупринѣ найдено было богатое турецкое вооруженіе въ серебрѣ, нѣсколько брильянтовыхъ перстней на пальцахъ, пять золотыхъ часовъ и полторы тысячи червонцевъ въ поясѣ. У другихъ гайдамаковъ также нашли множество денегъ въ поясахъ и сѣдельныхъ подушкахъ, часовъ и оружія, а въ батовнѣ ихъ—безчисленное количество серебра, дорогихъ матерій, золотыхъ поясовъ, женскихъ нарядовъ и мѣховъ, церковныхъ орнатъ, капъ, рясъ, чашъ и другихъ принадлежностей богослуженія (католическаго), а также и жидовскихъ одеждъ, жемчуговъ, серегъ и тому подобныхъ вещей. Все это было награблено ими въ этомъ несчастномъ пограничномъ краѣ. Взято также нѣсколько десятковъ лошадей, между которыми много было отличной породы. Прочіе валялись въ лѣсу убитые или тяжело раненые.

Послѣ этого польское войско расположилось обозомъ на возвышеніи и отдыхало трое сутокъ. Въ теченіе этого времени составлена была опись добычѣ и сдѣланъ дѣлежъ между офицерами и рядовыми. Не забыли и вдовъ, оставшихся послѣ убитыхъ въ бою. Каждому капитану досталось по 50 дукатовъ, поручикамъ по 30, унтеръ-офицерамъ по 10, а

рядовымъ по 4 дуката. Церковныя же вещи и украшенія разосланы по костеламъ и церквамъ уніатскимъ.

Такъ велика была добыча, захваченная только у тѣхъ изъ гайдамаковъ, которые были убиты или попались въ плѣнъ. А сколько унесли съ собой золота и драгоцѣнностей тѣ сорокъ молодцовъ, которые ускакали въ степь, ведя за собой двадцать навьюченныхъ лошадей! Все это конечно было потомъ пропито и проѣдено: иное пошло на гульню, другое на вознагражденіе бандуристамъ, которые воспѣвали имъ ихъ же и ихъ дѣдовъ геройскіе подвиги; много добра бросалось въ шапки бѣдныхъ людей, а иногда разбрасывалось пригоршнями по базарамъ и площадямъ. Иное пошло, можетъ быть, и въ монастыри: что содрано съ врага православія, то не могло быть противно Богу. Такъ думали запорожскіе молодцы. Но большею частію добытое у ляховъ проѣдалось, пропивалось и протанцовывалось: идетъ запорожскій гуляка по рынку, увидитъ „перерѣзъ“ (смоляная кадка) дегтю, заплатитъ за него не торгуясь, выкупается въ дегтю, обваляется потомъ въ пуху и перьяхъ—и тѣшитъ добрый народъ. Такъ гуляли эти ужасныя дѣти того ужаснаго вѣка.

Пока войско отдыхало послѣ побѣды, прибылъ изъ Каменецъ-Подольска войсковой судья съ инстигаторомъ и палачъ съ своими прислужниками. Начался допросъ пойманныхъ гайдамаковъ. Ихъ пытали и изъ ихъ показаній оказалось, что шайка ихъ состояла изъ ста шестидесяти молодцовъ и что ватажко ихъ Иванъ Чуприна остановился и обрубился въ этомъ лѣсу, поджидая своего отряда еще изъ пятнадцати гультаевъ, который онъ выслалъ на грабежъ въ другую сторону съ своимъ братомъ. При батовнѣ ихъ, какъ они показали, находилось двѣнадцать городовыхъ казаковъ,

которыхъ они и поименовали, но объявили, что они невинны, потому что служили у нихъ по принужденію. Въ эту ночь Иванъ Чуприна, который былъ большой характерникъ, усомнился въ своемъ счастьѣ, замѣтивши зловѣщій признакъ: когда онъ грѣлся у огня, вся „нужа“ сползлась у него къ воротнику. Тогда онъ сказалъ: „Оттеперъ намъ буде лихо зъ вражими ляхами!“

Несчастье дѣйствительно случилось. Раздѣлившись на четыре отряда, гайдамаки намѣрены были ударить на разсвѣтѣ всѣ вдругъ по данному знаку, на проломъ въ разныя стороны. Знакомъ этимъ долженъ былъ служить выстрѣлъ ватажка изъ пистолета, на который каждый отрядъ отвѣтилъ бы двумя ружейными выстрѣлами. Но этотъ планъ былъ разстроенъ непредвидѣннымъ случаемъ. Когда начало разсвѣтать, ватажко поползъ на четвереньках къ опушкѣ лѣса, чтобъ высмотрѣть что дѣлаютъ ляхи. За нимъ поползло нѣсколько молодцовъ, и вдругъ у одного изъ нихъ ружье, зацѣпясь за вѣтку, выстрѣлило. На этотъ фальшивый сигналъ отвѣтили другіе выстрѣлы, и прежде, нежели гайдамаки сѣли на коней и построились въ боевой порядокъ, польская пѣхота двинулась въ лѣсъ и произвела между ними замѣшательство, тѣмъ болѣе, что Чуприна палъ отъ первой пули.

Судья записалъ показанія плѣнныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ длинный списокъ убитыхъ и живыхъ гайдамаковъ и произнесъ послѣдній приговоръ. Однихъ осудилъ онъ на висѣлицу, другихъ на колъ, третьихъ на четвертованье. Живыхъ отослали подъ сильной стражей въ каменецъ-подольскую крѣпость для исполненія этого приговора. *Мертвыхъ же четвертовали* на мѣстѣ *и разослали головы,*

руки и ноги по городамъ и мѣстечкамъ для всенародной выставки на кольяхъ. Остальныхъ зарыли въ ялтушевскомъ лѣсу надъ большой дорогой и насыпали надъ ними, для вѣчной памяти, курганъ.

Истязанье мертвыхъ преступниковъ было въ обычаяхъ того ужаснаго вѣка, что̀ служило выраженіемъ крайняго поруганія надъ виновнымъ. Наруганье надъ трупами было тогда и въ Россіи: это мы знаемъ изъ исторіи понизовой вольницы. Въ Польшѣ четвертовали мертвыхъ и разсылали части ихъ тѣлъ по разнымъ мѣстамъ для всенародной выставки—таковы были всенародныя выставки сто лѣтъ назадъ! Въ Россіи же мертвыхъ преступниковъ сѣкли, т. е. надъ преступникомъ, не выдержавшимъ жестокаго истязанія, совершали приговоръ, хоть бы онъ былъ и мертвъ. Такъ „чудовище“ Заметаевъ былъ наказываемъ послѣ смерти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя были ознаменованы его разбоями. Есаулъ атамана Беркута былъ сѣченъ кнутомъ въ Астрахани, въ Черномъ Яру и въ Царицынѣ, и хотя онъ дорогой умеръ, его всетаки довезли до Саратова и вновь наказывали публично его разлагавшійся трупъ, когда въ немъ уже завелись черви. Это тоже были народныя выставки того дикаго времени, которое, кажется, такъ недавно было.

Что касается до пятнадцати другихъ гайдамаковъ, которыхъ Чуприна отрядилъ съ своимъ братомъ для подвиговъ въ другихъ мѣстахъ и съ главною шайкой поджидалъ въ лѣсу, то они тоже не ушли отъ бѣды. Двое изъ нихъ, высланные „на чаты“ (для развѣдываній), были схвачены. Старый гайдамакъ не высказалъ ничего и вытерпѣлъ до конца всѣ муки, какими его пытали. Но молодой, вовсе

не разбойничьей наружности парень, допрошенный особо, объявилъ, что товарищи его засѣли уже нѣсколько дней тому назадъ въ оврагѣ, посреди степей, между скирдъ, миляхъ въ десяти отъ того мѣста по направленію къ Константинову. Его поколебали увѣренія, что ему не только будетъ дарована жизнь, но что будетъ онъ даже принятъ въ особенную панскую милость и поступитъ въ число надворныхъ казаковъ, потому что онъ понравился молодому князю Любомирскому. Онъ объявилъ также, что шайка ихъ увеличилась до тридцати новобранцами изъ поселянъ, что они высылаютъ на „Черный шляхъ“ сторожу для поимки прохожихъ, которыхъ она уводитъ въ свой притонъ, и что у нихъ ужъ множество лошадей, добычи и плѣнныхъ. Въ заключеніе, онъ обѣщалъ проводить къ тому мѣсту поляковъ.

Все это опять изъ глубины Рѣчи Посполитой переноситъ насъ къ степямъ средняго поволжья, и приводитъ на память подобныя же черты изъ исторіи понизовой вольницы. И тамъ былъ свой „Черный шляхъ“—эта большая дорога, шедшая по горной возвышенности, раздѣлявшей Волгу отъ Дона и Медвѣдицы. Съ возвышеній, отдѣльно выдающихся на этомъ плоскогорьѣ, видно на далекое разстояніе. Съ иного кургана видна Волга на цѣлые десятки верстъ, видно заволжье и видны степи вправо и влѣво и къ сѣверу. Видно было съ кургановъ, какъ караваны судовъ шли по Волгѣ. Хорошій глазъ понизоваго добраго молодца могъ разсмотрѣть даже лодки разъѣздныхъ командъ, которыя усердный воевода или комендантъ высылалъ изъ Саратова или изъ Царицына для поимки воровскихъ людей. Къ этимъ курганамъ, господствующимъ надъ всѣми окрестно-

стями, атаманы понизовой вольницы высылали своихъ соглядатаевъ, которые и сторожили всякаго проѣзжаго и прохожаго. Проѣзжалъ ли богатый купецъ изъ Макарья—его залерживали добрые молодцы. Слѣдовалъ ли изъ Астрахани въ Саратовъ самъ губернаторъ, подъ особу котораго ставилось по пятидесяти лошадей и который окруженъ былъ цѣлой ватагой канцеляріи и вооруженныхъ провожатыхъ, стража атамана и за нимъ слѣдила, и при первой возможности добрые молодцы нападали и на губернатора. Въ оврагахъ и лѣсистыхъ балкахъ „дуванили“ (дѣлили) потомъ добрые молодцы свою добычу: кому доставалась казна золотая, кому кони быстрые, а кому и красная дѣвица. Въ оврагахъ и въ лѣсистыхъ балкахъ поэтому нерѣдко валялись разломанные экипажи, убитыя лошади и никому не пригодное добро.

Туже самую картину мы видимъ и здѣсь, при описаніи схватки польскихъ войскъ съ тою партіею изъ шайки Чуприны, которую онъ выслалъ съ своимъ братомъ для отдѣльныхъ дѣйствій и для наблюденія за движеніемъ на „Черномъ шляху“. Часовые этого отряда тоже сидѣли подъ курганомъ, тогда какъ весь отрядъ съ добычею былъ въ закрытомъ мѣстѣ.

Когда региментарь, воевода Тарло, узналъ отъ молодаго плѣннаго гайдамака о мѣстѣ расположенія всего отряда, онъ тотчасъ выслалъ противъ него триста человѣкъ пѣхоты, посадивъ ихъ на коней, взятыхъ въ волошскихъ хоругвяхъ, и триста городовыхъ казаковъ, съ двумя пушками, подъ начальствомъ молодаго князя Мартына Любомирскаго, который за успѣшное дѣло въ лѣсу произведенъ былъ въ полковники.

Уже изъ одного этого распоряженія можно видѣть, какою страшною силою казались полякамъ гайдамаки: противъ пятнадцати или тринадцати человѣкъ посылался отрядъ въ шестьсотъ человѣкъ съ двумя пушками. Это значитъ, что на каждаго гайдамака посылалось по 40 человѣкъ польскаго воинства.

Такимъ образомъ помянутый отрядъ двинулся къ указанному мѣсту около „Чернаго шляха". Онъ шелъ быстрымъ маршемъ, а предводители съ остальнымъ войскомъ выступили вслѣдъ за этимъ отрядомъ. Молодой Любомирскій и здѣсь отличился. Онъ такъ искусно подступилъ къ гайдамакамъ и такъ хорошо воспользовался указаніями помилованнаго разбойника, что окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а высланныхъ на черный шляхъ казаки нашли спящими за курганомъ. Но тѣ, что сидѣли въ оврагѣ, не хотѣли сдаться, хотя для устрашенія по нимъ выстрѣлили изъ пушекъ; напротивъ, они принялись рѣзать своихъ плѣнниковъ, запертыхъ въ одной хаткѣ. Въ этой хаткѣ нашли потомъ зарѣзанными восемнадцать жидовъ, нѣсколько жидовокъ, одного уніята и одного ксендза. Остальные были спасены приспѣвшею пѣхотою. Гренадеры приняли гайдамаковъ въ штыки и кололи какъ дикихъ кабановъ. Трое были убиты, остальные перевязаны; но всѣ они были такъ изранены, что большая часть ихъ перемерла до трехъ дней. Съ польской стороны убитъ былъ только одинъ барабанщикъ и ранено ножами нѣсколько рядовыхъ. Выручено было изъ плѣна шестеро уніятовъ съ женами, шестеро ксендзовъ, два іезуита, болѣе двадцати женщинъ и дѣвицъ шляхтянокъ и болѣе дюжины шляхтичей. Всѣ они были биткомъ набиты въ помянутой лачужкѣ и раздѣты почти до нага. Но потомъ

было открыто еще въ сосѣднихъ оврагахъ человѣкъ пятнадцать замученныхъ шляхтичей. Найдено около полутораста лошадей, какъ въ батовнѣ, такъ подъ сѣдлами и безъ сѣделъ. Между скирдъ нагромождено было великое множество колясокъ, брикъ, повозокъ, дорожныхъ возковъ, разнаго рода сундуковъ, чемодановъ, шкатулокъ и погребцовъ, награбленныхъ на большой дорогѣ, на „Черномъ шляху". Региментарь Тарло и князь Антоній Любомирскій только на третій день прибыли съ войскомъ на мѣсто этого послѣдняго пораженія гайдамаковъ. Освобожденные изъ разбойничьихъ рукъ, плѣнники вышли имъ на встрѣчу, какъ къ своимъ спасителямъ. Добыча, найденная при самихъ гайдамакахъ и въ повозкахъ, была очень значительна. Всему сдѣлана обстоятельная опись, и оставшіеся въ живыхъ владѣльцы показывали что̀ у нихъ заграблено, обозначая разныя вещи, платья и мѣшки. Потомъ ихъ отвели подъ особенный навѣсъ, гдѣ разложено было все это имущество, и каждый получилъ то, что̀ было признано ему принадлежащимъ.

И здѣсь войско отдыхало трое сутокъ. По распоряженію начальствующихъ, отслужена была печальная панихида въ долинѣ смерти, какъ выражается панъ Закржевскій, и тѣла замученныхъ христіанъ погребены были приличнымъ образомъ на кладбищѣ сосѣдняго села, а евреямъ позволено было забрать трупы своихъ единовѣрцевъ для погребенія ихъ по своимъ обрядамъ. Остальная добыча опять была раздѣлена между войскомъ, а молодой князь Мартынъ Любомирскій наименованъ генераломъ, и тотчасъ отправленъ былъ гонецъ къ королю съ просьбою объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ.

Для войсковаго судьи и палача открылось новое поприще допросовъ и пытокъ. Нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ гайдамаковъ четвертовали на мѣстѣ или посадили на колъ, а одному переломали руки и голени и потомъ повѣсили, зацѣпивъ желѣзнымъ крюкомъ за ребро, такъ какъ онъ признался въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. То былъ какой-то поповичъ изъ Волыни. Приглянулся онъ какой-то немолодой уже госпожѣ, отравилъ ея мужа и женился на ней. Она записала ему свое имѣніе, и онъ началъ было уже называться дворяниномъ и даже паномъ мечникомъ. Потомъ, когда жена ему надоѣла, онъ также отравилъ и ее, и имущество ея присвоилъ себѣ. Наконецъ началъ дѣлать сосѣдямъ насилія, наѣзжая на ихъ дома. Его судили и приговорили къ смерти; но онъ ушелъ изъ Волыни и присталъ къ гайдамакамъ, которыхъ онъ изумилъ изысканною жестокостью, съ какою онъ забавлялся муками несчастныхъ жертвъ, допрашивая ихъ, гдѣ у нихъ спрятаны деньги и потому заслужилъ отъ прочихъ гайдамаковъ имя „Исповѣдника“.

Такихъ же поповичей видѣли мы и въ понизовой вольницѣ, и если между понизовыми добрыми молодцами замѣшивался поповичъ, то это была большею частью крупная личность. Атаманъ Заметаевъ, котораго Суворовъ и Панинъ въ публикаціяхъ, разсылаемыхъ по Россіи, называли „чудовищемъ“, противъ котораго высылали цѣлые отряды и поимку котораго могли довѣрить только Суворову, котораго, наконецъ, не смѣли выслать изъ Царицына въ Астрахань подъ конвоемъ цѣлаго деташемента,—это самое крупное страшилище въ понизовой вольницѣ былъ поповичъ. Встрѣчались между ними и другіе поповичи, которые большею частью

рѣзко выдѣлялись изъ массы прочихъ разбойниковъ. Таковъ вѣроятно былъ и тотъ гайдамакъ, который остался въ исторіи подъ именемъ „Исповѣдника“.

Когда надъ упомянутыми гайдамаками шайки Чуприны, въ томъ числѣ и надъ Исповѣдникомъ, совершена была казнь, то трупы ихъ зарыты были тѣмъ же порядкомъ, какъ и трупы первыхъ. Руки и ноги казненныхъ опять-таки развезены были по городамъ и большимъ дорогамъ для поучительныхъ выставокъ. Войско разошлось по старымъ становищамъ, а регментарь и воевода Тарло отправились съ княземъ Антоніемъ Любомирскимъ въ Полонное. Въѣздъ ихъ въ этотъ городъ былъ тріумфальный. Они были встрѣчены пушечною и ружейною пальбою съ крѣпостныхъ валовъ. У самаго въѣзда въ Полонное комендантъ крѣпости, старый французъ, поднесъ князю на бархатной подушкѣ ключи отъ воротъ, а тотъ передалъ ихъ генеральному регментарю. Мѣщанскіе цехи и еврейскіе кагалы ожидали ихъ у городскихъ воротъ, а у гашковыхъ воротъ ректоръ іезуитовъ, на челѣ своего духовенства, встрѣтилъ вождей и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой сравнивалъ ихъ съ римскимъ великимъ Помпеемъ, который также нѣкогда воевалъ съ разбойниками, а молодаго князя Мартына Любомирскаго, за его смѣлое вступленіе въ лѣсъ, уподобилъ герою Курцію, который бросился въ открытую бездну. Во дворцѣ, княгиня Любомирская, окруженная многочисленными гостями, привѣтствовала на крыльцѣ побѣдителей... Великолѣпный обѣдъ, частые бокалы, пальба съ валовъ, а вечеромъ фейерверкъ и танцы завершили этотъ день. И надобно сказать—добавляетъ очевидецъ, какъ бы для большаго контраста съ тѣмъ, что еще такъ недавно эти самые люди, теперь беззаботно веселящіе-

ся, рѣзали руки и ноги гайдамакамъ, вѣшали ихъ на крюкъ, сажали на колъ—надобно сказать, добавляетъ онъ, что никто не заставлялъ себя упрашивать къ очереднымъ бокаламъ или тянуть за ухо къ танцамъ. Молодой князь Любомирскій и его дядя, князь Францискъ Любомирскій, только что прибывшій изъ-за границы, и нѣсколько другихъ одѣтыхъ въ короткіе французскіе кафтаны, танцовали минуэтъ, экоссесъ, страсбургскій и штрайеръ. Прочіе дворяне, въ кунтушахъ, отплясывали съ почетными паннами княгини (respektowe panny) мазурку, краковякъ и польскій; а всѣ вмѣстѣ окончили балъ быстрымъ драбантомъ.

Такъ веселились побѣдители Ивана Чуприны и его шайки въ Полонномъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ бродили другіе Чуприны съ своими шайками и также собирали богатую дань съ веселой страны, и также дрожали по селамъ евреи, а іезуиты и ксендзы по монастырямъ, боясь, что некому будетъ защищать ихъ.

Но увеселенія въ Полонномъ не кончились одними танцами и однимъ днемъ. Побѣда надъ гайдамаками была слишкомъ радостнымъ и рѣдкимъ событіемъ, чтобъ радость эта могла скоро пройдти. Надо было отпраздновать эту побѣду чѣмъ нибудь необыкновеннымъ—и веселое панство устроило необыкновенный спектакль.

Дѣйствительно, на третьи сутки около Полоннаго устроенъ былъ спектакль, представлявшій—по выраженію самовидца—пораженіе гайдамаковъ въ долинѣ скирдъ. Не вдалекѣ отъ одного изъ предмѣстій пріискана была мѣстность, напоминающая тотъ оврагъ, около котораго произошло это пораженіе. Были тамъ и скирды, сложили и хатку въ оврагѣ. Нѣсколько рядовыхъ было одѣто въ гайдамацкіе костюмы.

Другіе переодѣлись захваченными на Черномъ шляху проѣзжими. Не было недостатка и въ переодѣтыхъ женщинахъ. Навели туда множество лошадей, навезли повозокъ, сундуковъ, словомъ—всего, что было нужно для подражанія дѣйствительному происшествію. Все общество двинулось изъ замка къ этому мѣсту—дамы и пожилые мужчины въ многочисленныхъ и блестящихъ экипажахъ, а молодежь вся верхомъ. Когда зрители усѣлись на приготовленныхъ для того лавкахъ, расположенныхъ уступами и покрытыхъ коврами, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и спектакль начался тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ происходилъ онъ на самомъ дѣлѣ. Пѣхота и городовые казаки, разставленные въ отдаленьѣ, начали приближаться и окружать гайдамацкій притонъ. Молодой Любомирскій взобрался на стогъ сѣна и наблюдалъ все въ зрительную трубу, а французъ — гувернеръ, какъ свидѣтель происшествія, объяснялъ княгинѣ и другимъ дамамъ разныя обстоятельства этой стычки съ гайдамаками. Молодой Любомирскій выслалъ одного изъ пойманныхъ шпіоновъ къ разбойникамъ, требуя сдачи, потому что они окружены уже со всѣхъ сторонъ. Вмѣсто отвѣта двѣнадцать гайдамаковъ выѣхали верхомъ на возвышенность и принялись ругать и раззадоривать ляховъ. Выстрѣлили по нимъ изъ двухъ пушекъ: двое повалились съ лошадей; остальные поскакали къ хатѣ и стали терзать плѣнниковъ. Тутъ гренадеры прибѣжали и выломали дверь, съ криками: „бей ихъ! руби ихъ! коли!“ Началась схватка на копьяхъ и ножахъ. Начали таскать убитыхъ и раненыхъ гайдамаковъ и плѣнныхъ. Искуственная кровь лилась потоками, обагряя побѣдителей и побѣжденныхъ. Княгиня мать

и присутствовавшія дамы осыпали ласками молодаго князя Любомирскаго, который былъ героемъ дня.

Но и этимъ не кончилось торжество побѣдителей — они продолжали свои увеселенія еще нѣсколько дней. Мы не будемъ, впрочемъ, говорить о томъ, какъ они плясали и пили, какъ, послѣ гайдамацкаго спектакля, давали французскій спектакль, какъ потомъ охотились на кабановъ, какъ пили за охотничьимъ обѣдомъ, вмѣсто кубковъ, изъ охотничьихъ роговъ, и какъ, наконецъ, перепились всѣ до того, что потеряли память и движенье, а гайдуки укладывали ихъ въ экипажи и отвозили въ замокъ. Все это ничего не прибавить къ тому, что мы уже говорили о распущенности и безпечности того общества, подъ бокомъ у котораго гайдамаки задавали свои кровавые, національные спектакли.

VIII.

Какъ ни жестоки были казни, которымъ подвергались гайдамаки, когда они попадались въ руки противодѣйствующей имъ силы, какъ ни впечатлительны были для народа такія зрѣлища, какъ воткнутыя на колья головы разбойниковъ, разсылаемыя и развѣшиваемыя по большимъ дорогамъ и по всѣмъ людным мѣстамъ отрѣзанныя у гайдамаковъ руки и ноги, однако гайдамаки продолжали свое, не менѣе жестокое дѣло, какъ бы въ отомщенье за воткнутыя на колья головы ихъ товарищей и за развѣшанныя на людныхъ мѣстахъ и на перекресткахъ ихъ руки и ноги, а народъ продолжалъ изъ своей среды выдѣлять этихъ страшныхъ мстителей своихъ

обидъ, и кровавое дѣло не кончалось. Было же что нибудь, по этому, въ общественной жизни того времени, такое, что заставляло людей такъ дешево ставить и свою жизнь, и свои физическія страданія, и идти или мучить другихъ безчеловѣчными истязаньями или самому подвергаться мукамъ, какія только въ состояніи выдумать существо болѣе жестокое и болѣе изобрѣтательное на муки, чѣмъ звѣрь, и болѣе безжалостное, чѣмъ самое кровожадное изъ дикихъ животныхъ. Когда въ началѣ новыхъ вѣковъ западная Европа была потрясена крестьянскими войнами, она видѣла гдѣ ихъ источникъ. Когда нидерландскіе крестьяне, поднявшись многочисленными толпами, выставили на своихъ знаменахъ „хлѣбъ и сыръ", тѣ, противъ кого шли эти крестьяне, знали, что голодный народъ требуетъ „хлѣба и сыру" у тѣхъ, кто его имѣетъ съ излишкомъ и добылъ его неправымъ отнятіемъ куска у безсильнаго. Въ Шпейерѣ и прирейнскихъ провинціяхъ хорошо понимали то, чего добивались толпы народа, выставившія на своихъ знаменахъ крестьянскій башмакъ. „Бѣднякъ Конрадъ" добивался того же, чего добивались крестьяне въ Нидерландахъ и въ Шпейерѣ, чего добивались массы народа, собравшіяся вокругъ отставнаго солдата Ганса Мюллера съ его краснымъ плащемъ и въ кроваваго цвѣта шапочкѣ; вокругъ дворника Георга Метцлера и вокругъ Геца фонъ-Берлихингенъ — желѣзная рука. Хотя вождей этихъ стотысячныхъ народныхъ шаекъ и называли „пророками убійства и бѣсами разбойничьихъ шаекъ", хотя испугавшійся Лютеръ и громилъ ихъ своимъ посланіемъ „противъ убійцъ и разбойниковъ крестьянъ", хотя наконецъ эти народныя движенія кончились тѣмъ, что тамъ замучили кровавыми муками одного народнаго вождя, тамъ положили на мѣстѣ до

семнадцати тысячъ труповъ народа, тамъ до двадцати тысячъ, наказывая бунтовщиковъ „не только ранами, но и скорпіонами“ и превращая цвѣтущіе и многолюдные края въ пустыни, — однако то, чего добивались эти люди, рано ли, поздно ли досталось получить дѣтямъ и внукамъ погибшихъ во время кровавыхъ смутъ, и въ результатѣ выходило, что не даромъ лилась кровь и что смерть сотенъ тысячъ народа была не безплодна.

Того же самаго, въ сущности, добивались, если не для себя, то для своихъ внуковъ и правнуковъ, и тѣ, по видимому, свирѣпые и дикіе люди, головы которыхъ торчали на кольяхъ, а ноги и руки вывѣшивались для всенароднаго зрѣлища, хоть при политической близорукости своей и общей неразвитости, они иногда ошибались и не всегда пика ихъ колола тѣхъ, которыхъ бы слѣдовало. Разница только въ томъ, что тамъ въ Европѣ началось это раньше, какъ и вся Европа ранѣе насъ начала жить историческою жизнью, а у насъ, въ общемъ медленномъ поступательномъ движеніи къ политическому и гражданскому развитію, запоздали и народныя движенія.

Какъ бы то ни было, но погибель Чуприны и его шайки не остановила гайдамачины. Общій народный взрывъ продолжалъ подготовляться, а до того времени отдѣльныя шайки, подъ предводительствомъ такихъ же смѣлыхъ, какъ Чуприна, ватажковъ, продолжали тревожить сытыхъ, безпечныхъ пановъ, нерѣдко оставляя послѣ себя пожарища и разрушеніе.

Въ исторіи гайдамачины этого времени выдается еще одна крупная личность—это ватажко Чортоусъ.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ пораженія шайки Чуприны въ ялтушковскомъ лѣсу, какъ начали ходить по Во-

лыни слухи, что сильная гайдамацкая шайка вышла изъ-за рѣки Синюхи, ограбила разныя панскія помѣстья въ кіевскомъ воеводствѣ, углубилась далеко въ Полѣсье и будетъ возвращаться черезъ Волынь. Но гдѣ она появится изъ лѣсовъ и зарослей на поляхъ и какимъ именно путемъ будетъ идти — никто не знаетъ. Всеобщій ужасъ распространился между жителями отъ этихъ слуховъ. Съ каждой милей отъ Ровна къ Полонному они становились страшнѣе и страшнѣе. Только и рѣчей было всюду, что о гайдамакахъ. Тамъ видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей, то бродягъ, вѣроятно шпіоновъ гайдамацкихъ; въ другомъ мѣстѣ разсказывали, какъ гайдамаки сожгли домъ съ хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Въ овручскомъ повѣтѣ, они, будто бы, обратили въ пепелъ цѣлое мѣстечко, а евреевъ вырѣзали до одного. Въ мозырскомъ ограбили костелъ и нѣсколько уніатскихъ церквей; а еще гдѣ-то вторгнулись въ монастырь, жгли монаховъ на огнѣ и пороли имъ жилы. И съ каждымъ днемъ силы гайдамаковъ въ этихъ разсказахъ увеличивались, такъ что ужъ ихъ насчитывали, можетъ быть, въ десять разъ больше, нежели ихъ сколько было въ самомъ дѣлѣ. На дорогахъ безпрестанно встрѣчались шляхта и евреи, перевозившіе женъ, дѣтей и лучшее изъ движимости въ города и небольшія укрѣпленія въ магнатскихъ имѣніяхъ, гдѣ они надѣялись найдти какую нибудь защиту.

Однимъ словомъ, явленіе было одно и тоже, что и въ пугачевщину, когда дворяне бѣжали въ города, а воеводы, воеводскіе чиновники и канцеляристы бѣжали изъ уѣздныхъ городовъ въ губернскіе и вмѣстѣ съ тѣмъ тащили съ собой казну для отдачи подъ крѣпкую охрану комендантовъ и оберъ-комендантовъ.

Въ Ровномъ было довольно надворнаго войска. Но слухи о гайдамакахъ такъ напугали магнатовъ, что князь Любомирскій, опасаясь, чтобъ гайдамаки не овладѣли Ровнымъ, гдѣ не было укрѣпленій, рѣшился, для большей безопасности и спокойствія, перевезти свою жену, которая была беременна, въ Полонное, гдѣ былъ укрѣпленный замокъ. Другой Любомирскій, Антоній, находился въ то время съ женой въ своихъ сандомирскихъ имѣніяхъ, и потому, по предложенію Мартына Любомирскаго, рѣшился искать защиты въ укрѣпленіяхъ Полоннаго. Онъ двинулся изъ Ровна въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя рейтаръ и казаковъ, а пѣхота послана была впередъ. Въ славутскихъ лѣсахъ встрѣтилъ князя и княгиню молодой Любомирскій, Мартынъ, побѣдитель ватажка Чуприны, съ сильнымъ отрядомъ войска и четырьмя пушками, изъ которыхъ, во время отдыха въ лѣсу, приказалъ для забавы княгини раздробить нѣсколько сосенъ. Достигши благополучно Полоннаго, они застали всѣ постоялые и мѣщанскіе дома наполненные шляхтою, которая собралась туда изъ близкихъ и далекихъ окрестностей, ища убѣжища подъ защитой крѣпости.

Но долго не было навѣрное извѣстно, куда повернули гайдамаки. Посылали развѣдывать евреевъ, но они возвращались ни съ чѣмъ, потому что хоть ихъ и соблазняла богатая награда, которую имъ обѣщали, но опасеніе попасться въ руки гайдамаковъ подавляло въ нихъ и самую жадность къ деньгамъ.

Наконецъ князь Мартынъ Любомирскій выслалъ восемь вѣрныхъ и расторопныхъ казаковъ, давши каждому по десяти червонцевъ на дорогу, и обѣщалъ дать въ десять разъ больше тому изъ нихъ, кто привезетъ вѣрныя вѣсти о на-

правленіи пути и силѣ гайдамаковъ. Казаки отправились каждый въ свою сторону, и долго не было о нихъ никакого слуху. Наконецъ четверо воротились ни съ чѣмъ. Собравшаяся въ Полонномъ шляхта, будучи принуждена дорогою цѣною платить за неудобныя помѣщенія и негодные съѣстные припасы, начала ужъ роптать, что ее обманываютъ баснями, что, если гайдамаки и были гдѣ нибудь, то ужъ должны воротиться въ свои притоны, и стала разъѣзжаться по домамъ. Въ это время двое изъ высланныхъ казаковъ, Гладкій и Лобода, воротились изъ соглядатайства. Ихъ тотчасъ же представили князю Мартыну Любомирскому. Оба они пришли пѣшкомъ, въ крестьянской одеждѣ, и принесли такія вѣсти:

Долго они съ трудомъ пробирались въ одиночку по лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ. Наконецъ случайно встрѣтились у одного хутора въ глухомъ бору надъ ручьемъ и только тамъ получили вѣрныя извѣстія о гайдамацкомъ становищѣ отъ стараго пасичника. Старикъ этотъ знался съ гайдамаками, а казаки прикинулись, что тоже хотятъ пристать къ молодцамъ. Онъ и наставилъ ихъ, какъ къ нимъ пробраться, и какъ онъ имъ сказалъ, что гайдамаки покупаютъ лошадей, то они воротились въ мѣстечко Звяхло и, промѣнявъ тамъ свою казацкую одежду на крестьянскую, купили за деньги, данныя имъ княземъ Любомирскимъ, по другой еще лошади и уже знакомыми „мановцами“ (напрямикъ) пустились къ гайдамацкому притону, подъ видомъ парубковъ, которые привели лошадей на продажу. Гайдамаки стояли отъ Полоннаго миляхъ въ десяти, посреди дремучихъ лѣсовъ, въ урочище Обозовище. Казаки-шпіоны застали уже тамъ своихъ товарищей-казаковъ, Кирила Ласуна и Ивана

Ворону, которые тоже были отправлены на поиски. Тѣ прикинулись, какъ будто пристали къ гайдамакамъ, и показывали видъ, что другъ съ другомъ не знакомы. Особенно Ласунъ полюбился гайдамакамъ и жилъ съ старшиною ихъ за панибрата. Онъ ходилъ въ золотѣ и серебрѣ, точно какой вельможа. Да и на всѣхъ гайдамакахъ они замѣтили золотые пояса, красные суконные кунтуши, шелковые жупаны и собольи шапки, а оружіе у нихъ такое дорогое, что и турецкій паша не постыдился бы носить при боку. Гладкій и Лобода продали имъ своихъ купленныхъ лошадей съ сѣдлами. Гайдамаки заплатили имъ за нихъ щедро. Ворона старался держаться отъ нихъ подальше, чтобъ не дать подозрѣнія, посматривалъ только сбоку, поглаживая только усъ, и изрѣдка подмигивалъ имъ, нахмуривши брови. Но Ласунъ былъ при продажѣ лошадей, помогалъ торговаться, могорычъ пилъ и просилъ ихъ еще привести лошадей съ сѣдлами, а между тѣмъ украдкою шепнулъ Гладкому и Лободѣ, что ватажко Семенъ Чортоусъ до сихъ поръ не собралъ еще всѣхъ своихъ молодцовъ, разосланныхъ за добычею, которыхъ у него человѣкъ триста слишкомъ, что пока еще соединились только два отряда, а другихъ двухъ поджидаютъ, что они черезъ два дня выступятъ оттуда двѣ мили дальше, въ урочище Мазепина Могила, гдѣ назначенъ былъ сборъ всѣмъ шайкамъ. Оттуда они намѣрены пуститься дальше искать счастья. Ласунъ велѣлъ Гладкому и Лободѣ летѣть птицей и увѣдомить князя Любомирскаго тайно, чтобы всѣ были готовы и держали ногу въ стремени, и ни съ кѣмъ бы не говорили, потому что у гайдамаковъ вездѣ есть свои шпіоны. Когда же гайдамаки перейдутъ къ Мазепиной Могилѣ, то Ласунъ обѣщалъ остаться съ ними, чтобъ ихъ об-

манывать, а Ворона убѣжитъ и проведетъ войско польское прямо къ гайдамакамъ.

Начали готовиться къ походу, никому не объявляя цѣли этихъ приготовленій и дожидаясь прибытія Вороны. Гладкій и Лобода были награждены, и имъ велѣно было до времени скрыться. Но вотъ на третьи сутки, въ полночь, явился у воротъ Полоннаго гонецъ на усталомъ и задыхающемся конѣ и требовалъ, чтобъ его тотчасъ впустили въ замокъ. То былъ Ворона. Но его никто бы не узналъ: онъ былъ въ богатомъ кунтушѣ съ рубиновыми пуговицами и въ гайдамацкомъ вооруженіи. Сторожевой офицеръ, по сдѣланному напередъ распоряженію, тотчасъ отвелъ его въ караульню, куда вскорѣ пришелъ и князь Мартынъ Любомирскій. Поклонившись князю въ колѣни, Ворона началъ разсказывать, что когда, на другой день по прибытіи къ Мазепиной Могилѣ, пришла въ таборъ другая шайка, онъ, воспользовавшись общимъ говоромъ и суматохою, ушелъ отъ гайдамаковъ, не будучи никѣмъ замѣченъ и преслѣдуемъ. Ворона прибавлялъ, что надо поспѣшать, потому что на другой день и остальные гайдамаки соединятся съ ватажкою, а черезъ нѣсколько дней они выступятъ въ степи, къ Константинову, на который намѣрены напасть среди бѣла дня. разграбить и зажечь, потому что чувствуютъ себя довольно для того сильными. Настоящее становище ихъ заросло молодымъ боромъ и довольно просторное. Но окружить ихъ можно, потому что становище расположено на острову, окруженномъ рѣкою и топкимъ болотомъ, черезъ которое не пройдетъ ни человѣкъ, ни конь, ни собака. Ворона говорилъ, что надо взять съ собою хлѣба и другихъ припасовъ дня на четыре, такъ какъ онъ обѣщалъ вести войско лѣсами и зарослями, и только

будутъ переходить одно село, чтобъ переправиться тамъ черезъ Случъ. Пѣхоту и пушкарей надо везти на подводахъ. Гайдамаки ободрились своею удачею и не очень осторожны, потому что до сихъ поръ никто и въ глаза имъ не заглянулъ; а между тѣмъ шпіоны ихъ, которые были и въ Полонномъ, донесли имъ, что укрѣпляютъ замокъ, что ихъ боятся, и потому гайдамакамъ не придетъ въ голову, чтобы кто вздумалъ искать ихъ. Безпечныхъ легко застать въ расплохъ, лишь бы не терять времени.

Поляки тотчасъ собрались въ походъ. Уже пришли въ Полонное, два дня тому назадъ, изъ Бара одинъ казацкій и одинъ пѣшій полкъ, которые вмѣстѣ заключали въ себѣ до шести сотъ человѣкъ. Прибавивъ сюда первый региментъ старосты казимірскаго, князя Антонія Любомирскаго, отрядъ пѣхоты изъ Ровна, часть гарнизона, надворныхъ рейтаръ, да казаковъ полонскихъ и ровенскихъ, насчитали 600 человѣкъ конницы, 750 пѣхоты и 18 пушекъ.

Въ полдень поляки выступили изъ Полоннаго. За городомъ, около Дертки, стояло на готовѣ нѣсколько сотъ подводъ. На каждой изъ нихъ помѣстилось по три пѣхотинца, и войско двинулось въ путь. Впереди казакъ Ворона указывалъ дорогу. Участникъ этого похода замѣчаетъ, что это была охота на крупнаго звѣря, у котораго и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе очень остры, а когти еще острѣе, и потому, подъ строжайшею карою, запрещено было не только разговаривать, кашлять, но даже высѣкать огонь и курить табакъ. Ворона повернулъ съ большой дороги на тропинку вправо. Войско ѣхало лѣсомъ молча, тихо, такъ что развѣ изрѣдка троечное колесо стучало, наскочивъ на древесный корень, или трещали сухіе сучья на дорогѣ. Останавливались на самое

короткое время для отдыха, а потомъ шли опять день и ночь. До Случи переправы были еще сносны, но потомъ забрались они въ такія трущобы, заросли, вертепы и выбои, что съ трудомъ вытаскивали возы и пушки изъ этого истинно полѣсскаго колтуна. Къ счастью поляковъ, эту часть пути случилось имъ проходить при дневномъ свѣтѣ. Когда они выбрались изъ этой пущи и достигли болѣе жидкаго бора, Ворона соскочилъ съ коня и отъ радости поцѣловалъ землю, благодаря Бога, что помогъ войску выйдти безъ всякаго несчастія изъ этой трущобы: ночью имъ удалось бы это развѣ какимъ нибудь чудомъ. Рѣдкіе люди эти казаки—руссины! (говоритъ Симонъ Закржевскій). Что за проворство, что за смѣтливость! а проводниковъ не найдти нигдѣ подобныхъ. Въ бѣдѣ всегда придумаютъ какъ извернуться, и если который изъ нихъ привяжется душою къ пану, то и швейцарца не нужно.

Не вдалекѣ отъ этихъ зарослей находился хуторъ того пасичника, о которомъ говорили казаки Гладкій и Лобода. Поляки тотчасъ его окружили и схватили старика. Нѣсколько рядовыхъ было оставлено въ его хатѣ для стражи, чтобы кто нибудь изъ его семьи не увѣдомилъ гайдамаковъ о польскомъ войскѣ, а самого старика взяли съ собой и велѣли ему вести отряды къ гайдамацкому притону. Ворона предупредилъ, что версты черезъ двѣ по этой дорогѣ стоитъ небольшая лѣсная деревушка, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ, и совѣтовалъ также окружить ее неожиданно, чтобы и оттуда гайдамакамъ не передалъ никто вѣсти, а между тѣмъ можетъ быть удастся,—говорилъ онъ,—схватить кого нибудь изъ ихъ шайки. Для этого отправленъ впередъ полковникъ Мурзенко съ его казаками и Вороною,

а прочіе слѣдовали за ними поодаль, по указаніямъ пасичника и Лободы. Мурзенку посчастливилось не только окружить деревушку, но и поймать двоихъ гайдамаковъ, которые пріѣхали туда покупать сало и хлѣбъ. И здѣсь, какъ и въ шайкѣ Чуприны, красивый и ловкій молодецъ оказался менѣе закоренѣлымъ, нежели его пожилой товарищъ. На особомъ допросѣ онъ признался князю Любомирскому со слезами, что его гайдамаки похитили еще ребенкомъ на Подольи изъ шляхетскаго дома, что онъ взросъ на Сѣчи, какъ воспитанникъ и слуга реестроваго казака, что теперь вышелъ впервые въ походъ подъ надзоромъ этого старшаго гайдамака, котораго приказано ему называть „дядькомъ“, и что на него еще не полагаются и ни на шагъ отъ себя не отпускаютъ. Когда же князь обѣщалъ не только простить его, но еще принять въ число надворныхъ казаковъ, если искренно во всемъ сознается и проводитъ къ табору ватажка, тогда онъ обѣщалъ и поклялся не только провести, но и указать мѣста, по которымъ всего удобнѣе обложить находящійся среди болотъ островъ, и заградить на трехъ плотинахъ изъ него выходъ. Онъ сообщилъ, что уже всѣ шайки соединились наканунѣ у Мазепиной Могилы, а черезъ день намѣрены двинуться въ степи, къ Константинову. Что касается до описанія мѣстности гайдамацкаго притона, то показанія его согласовались съ разсказомъ Вороны. Но старый гайдамакъ не сознался ни въ чемъ. Ни обѣщанія и увѣщанія войсковаго судьи, ни пытка, въ которой палачъ работалъ отъ всего сердца—не въ силахъ были прервать упорнаго молчанія закаленнаго въ терпѣливости разбойника. Войско провело ночь въ этой деревушкѣ, а между тѣмъ пришли толпы крестьянъ, согнанныхъ изъ

ближайшихъ селъ, съ заступами и топорами, всего человѣкъ тысяча. Рано утромъ пустились въ дальнѣйшій путь. Мурзенко съ казаками служили авангардомъ. Послѣ дневнаго похода достигли одного урочища, гдѣ въ старину должно было существовать какое-то поселеніе, потому что въ лѣсу замѣтны были на большомъ пространствѣ слѣды садовъ и загоновъ. Остатки хатъ и колодцы также указывали на пребываніе жителей въ этомъ мѣстѣ. Тамъ новообращенный гайдамакъ сказалъ, что до Мазепиной Могилы остается только пол-мили и совѣтовалъ, чтобы обождать тамъ до двухъ часовъ по полуночи, или, какъ выражался онъ, указавъ на искрящееся звѣздами небо, „поки не зайдутъ хозаре". А когда князь Любомирскій высказалъ опасеніе, чтобы гайдамаки не замѣтили ихъ въ этихъ мѣстахъ, онъ отвѣчалъ: „Не бойтесь, ни одинъ изъ нихъ не осмѣлится ночью заглянуть сюда, потому что урочище считается заклятымъ, на которомъ упыри и вѣдьмы дѣлаютъ разныя пакости и пугаютъ прохожихъ,—его называютъ „Куцаго Черта слобода".

По мѣрѣ того, какъ потухали звѣзды, на небѣ становилось замѣтнѣе зарево отъ разбойничьихъ огней. Основываясь на показаніяхъ Вороны и молодаго гайдамака, составленъ былъ планъ обложенія разбойниковъ. При началѣ каждой изъ трехъ плотинъ рѣшено было поставить по шести пушекъ, обезопасивъ ихъ отрядами пѣхоты и рвомъ. Крестьянъ разставили вокругъ острова, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, съ тѣмъ, чтобы они, лишь только начнется пушечная пальба, рубили деревья и кустарники для устройства засѣки,—Мурзенко и Бериславскій съ казаками и рейтарами должны были присматривать за дрово-

сѣками и понуждать ихъ къ работѣ. Остальную пѣхоту предположено было разставить въ качествѣ стрѣльцовъ надъ болотомъ вокругъ острова.

Послѣ этого, въ порядкѣ и молчаньѣ, двинулись изъ Слободы Куцаго Черта въ два часа по полуночи, оставивъ тамъ брики, подводы и крестьянскихъ лошадей. Все шло благополучно. Слабый свѣтъ только-что начинающагося утра позволялъ расположить какъ слѣдовало пушки, войско, крестьянъ надъ болотомъ, — и спящимъ послѣ попойки гайдамакамъ даже и не грезилось, что они уже попались въ западню, тѣмъ болѣе, что они полагались на недоступность зарослей и топей, и не считали даже нужнымъ поставить на плотинахъ сторожу.

Князь Любомирскій, объѣхавъ всѣ пункты и удостовѣрившись, что уже всѣ на своихъ мѣстахъ, подалъ условный знакъ. Первыя шесть пушекъ, поставленныя противъ самой большой плотины, грянули, раздробляя въ щепки деревья. Имъ отвѣчали двѣ другія батареи, и тысяча топоровъ вдругъ застучали о сосны. Не весело было проснуться гайдамакамъ среди подобнаго гула и треска. Сдѣлавъ по два выстрѣла, пушки умолкли. Остановились и топоры. Ворона закричалъ разбойникамъ въ жестяную корабельную трубу, чтобы сдались, потому что окружены со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько минутъ не было слышно никакого отвѣта. Вдругъ на главной плотинѣ раздался топотъ десяти или пятнадцати лошадей и крики:

— Гони! лови! постой! Кирило!

Прежде, нежели пѣхота выстрѣлила изъ ружей, прискакалъ на распущенномъ какъ вихрь конѣ ѣздокъ и бросился между пушекъ. Тогда только узнали въ немъ Кирила Ла-

суна. Преслѣдовавшіе его гайдамаки отбиты были густой пальбой изъ карабиновъ и нѣсколько человѣкъ повалилось съ лошадей. Между тѣмъ разсвѣло. На троекратно повторенное воззваніе сдаться, гайдамаки наконецъ отвѣчали грубіанскимъ и оскорбительнымъ крикомъ, въ которомъ они не щадили ни поляковъ, ни ихъ матерей. Пушки опять загремѣли и застучали по лѣсу топоры. Въ нѣсколько часовъ крѣпкая засѣка окружила гайдамацкій притонъ и пушечныя ядра поваляли по острову множество сосенъ, которыя давили людей и лошадей. Гайдамаки пробовали отстрѣливаться изъ ружей, взобравшись на деревья, и польская пѣхота по нимъ тоже стрѣляла. Но болото было слишкомъ широко для ручной перестрѣлки. Съ польской стороны было убито нѣсколько человѣкъ, да человѣкъ пятнадцать ранено.

Такъ прошелъ цѣлый день.

Кирило Ласунъ присовѣтовалъ подѣлать на плотинахъ высокіе завалы изъ сучьевъ, пней, стволовъ древесныхъ и хворосту, на которыхъ бы лошади спотыкались и падали, потому что ватажко непремѣнно рѣшится пойдти на проломъ. Поляки поступили благоразумно, послушавшись его, потому что, какъ оказалось, Чортоусъ, раздѣливъ своихъ молодцовъ на три отряда, предпринялъ въ эту ночь ударить разомъ въ три стороны на пушки и проломить себѣ дорогу. Поляки сторожили его въ полномъ вооруженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На плотины наведены были пушки, заряженныя картечью.

И вотъ, въ глубокую ночь, вдругъ послышался тихій лошадиный топотъ, который по мѣрѣ приближенія къ плотинамъ становился яснѣе. Наконецъ загудѣли плотины отъ стуку копытъ. Гайдамаки громко закричали.

— Нуте, браття, або добути, або дома не бути!

Тутъ они поскакали во весь духъ. Поляки дали имъ приблизиться, чтобъ они всѣ въѣхали на плотину, такъ какъ поляки разсчитывали, что они увязнутъ на переднихъ завалахъ. Наконецъ грянули пушки. Наступилъ страшный судъ, какъ выражается самовидецъ. Черезъ каждыя двѣ-три минуты батареи отвѣчали одна другой. Стоны умирающихъ и раненыхъ, топотъ лошадей, трескъ раздробленныхъ картечью деревъ раздавались по лѣсу, и все это происходило въ ночной темнотѣ, которая только отъ времени до времени озарялась пушечными выстрѣлами и увеличивала еще болѣе ужасъ этой сцены. До самаго разсвѣта продолжался громъ пушекъ. Это былъ—по выраженію очевидца—новый родъ игры въ кровавыя жмурки, въ которой пушкари, съ завязанными чернымъ платкомъ ночи глазами, поражали всякаго, кто подвернется подъ выстрѣлъ. Только при утреннемъ свѣтѣ увидѣли поляки, какое бѣдствіе постигло гайдамаковъ. На каждой изъ трехъ плотинъ лежало по нѣсколько десятковъ убитыхъ людей и лошадей, а въ болотѣ видно было нѣсколько утопшихъ. На большой плотинѣ, посреди вѣтвей и кольевъ, которыми она была загромождена, лежалъ, завязнувши и уже мертвый, ватажко Семенъ Чортоусъ. Подлѣ него издыхалъ конь чудной красоты. Узнали ватажка Ворона и Ласунъ. Богатая сбруя и рѣдкаго достоинства сабля, которую нашли при немъ, сдѣлались добычею князя Мартына Любомирскаго ([1]).

([1]) «Должно быть опасно носить оружіе, добытое отъ чародѣя, какимъ считали Чортоуса, замѣчаетъ самовидецъ Симонъ Закржевскій. Можетъ быть, въ этой саблѣ заключена была тайная

По приказанію князя, Ласунъ закричалъ въ рупоръ, чтобы оставшіеся въ живыхъ сдались, если не хотятъ погибнуть. Черезъ нѣсколько времени показалось на плотинѣ 36 разбойниковъ здоровыхъ и 8 раненыхъ—только всего и уцѣлѣло ихъ изъ трехсотъ отборныхъ молодцовъ, да еще вытащено нѣсколько человѣкъ изъ болотныхъ зарослей. Къ нимъ поставили караулъ и велѣли ихъ переодѣть въ крестьянское платье, и изъ каждаго ихъ жупана выпороли по нѣсколько сотъ червонцевъ. Потомъ приступлено къ вытаскиванью изъ болота труповъ и перебитыхъ лошадей. Съ однихъ снимали одежду и вооруженіе, а съ другихъ сѣдла и чепраки. У гайдамаковъ вездѣ были зашиты золото, серебро и драгоцѣнности, награбленныя въ католическихъ и уніатскихъ церквахъ и въ частныхъ домахъ. Наконецъ гренадеры вступили въ гайдамацкій станъ, чтобъ разорить его. Тамъ нашли въ батовнѣ 80 лошадей живыхъ и около 15 убитыхъ. Вытащили изъ лѣсу трупы. Оружіе и сбрую снесли къ мѣсту дѣлежа и тотчасъ приступили къ описи добычи. Прибылъ войсковой судья съ слѣдователями и палачъ съ своими прислужниками—*одни для изреченія приговора трупамъ, а другіе — для глумленія надъ ними*, какъ выражается Закржевскій. Живыхъ плѣнниковъ, для подробнѣйшаго допроса, тотчасъ отправили, въ оковахъ и подъ сильною стражею, въ подземелья полонскаго замка, которыя назывались „Индіею“. Войско оставалось въ гайдамацкомъ притонѣ до слѣдующаго дня, и въ это время

сила, тянувшая владѣтеля къ насиліямъ и грабежу, которыми, къ несчастью, запятналъ себя впослѣдствіи побѣдитель гайдамаковъ у Мазепиной Могилы.»

раздѣлена добыча между офицерами и рядовыми. Даже крестьянамъ дали нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Не забыли также ни блюстителя правосудія, ни исполнителей его приговора—палачей.

Палачи увеличили свою награду, найдя въ желудкѣ одного четвертованнаго гайдамака сто червонцевъ, которые онъ проглотилъ, свернувши въ трубочки.

Наконецъ наступила обычная въ такихъ случаяхъ разсылка по мѣстечкамъ и большимъ дорогамъ головъ, рукъ и ногъ гайдамацкихъ, что, правду сказать, производило больше отвращенія въ прохожихъ, нежели спасительнаго страха въ продавшихъ себя черту злодѣяхъ, какъ выражается современникъ, присутствовавшій и даже участвовавшій въ этой странной разсылкѣ по странѣ человѣческихъ головъ, рукъ и ногъ.

Такъ погибъ знаменитый гайдамацкій предводитель съ его отчаянною шайкою.

Если въ повѣствованіи о послѣднемъ походѣ польскаго войска противъ Чортоуса, какъ и въ повѣствованіи о битвѣ съ предшественникомъ его Чуприною, и замѣчается, можетъ быть, излишняя картинность и битье на эфектъ, то это зависитъ частью отъ эфектности самыхъ происшествій, частью же отъ того колорита, который старался придать имъ разсказчикъ-самовидецъ. Какъ самовидецъ, панъ Закржевскій могъ передать самые выдающіеся моменты изъ этихъ двухъ стычекъ польскаго войска съ двумя гайдамацкими коноводами, а какъ полякъ и искусный разсказчикъ, онъ не могъ не придать самимъ фактамъ того колорита, которымъ, въ его собственныхъ глазахъ, окрашивались эти оба событія. Оттого мы и удерживали почти вездѣ дословно

его собственную редакцію въ передачѣ извѣстій о Чуринѣ и Чортоусѣ.

Изъ шайки Чурины, какъ мы видѣли, нѣсколько человѣкъ съ вьючными лошадьми пробились сквозь тысячное польское войско и ушли въ свои степи. Изъ шайки же Чортоуса не спаслось никого, кто могъ бы принести въ Сѣчь извѣстіе о погибели трехсотъ украинскихъ добрыхъ молодцовъ съ атаманомъ-батюшкою. Нѣкоторыхъ изъ этихъ добрыхъ молодцовъ могли развѣ узнать знакомые по обезображеннымъ головамъ, воткнутымъ на колья, если только это возможно, и передать въ заднѣпровскую или русскую Украину вѣсть о пораженіи гайдамаковъ.

IX.

Для болѣе правильнаго пониманія характера гайдамачины, мы должны указать на одно обстоятельство, отличающее это народное движеніе отъ родственнаго ему народнаго же движенія, выразившагося въ понизовой вольницѣ и пугачевщинѣ.

Обстоятельство это—отсутствіе въ южно-русской народной поэзіи одного отдѣла пѣсенъ, именно разбойничьихъ. Богатая пѣсня великорусскаго народа удѣляетъ большое мѣсто для разбойничьей пѣсни. Въ циклъ этихъ пѣсенъ входятъ и былевыя пѣсни о Ермакѣ, о Стенькѣ Разинѣ, о первомъ русскомъ эмигрантѣ, донскомъ казакѣ Игнашкѣ Некрасовѣ. Этотъ же циклъ богатъ пѣснями собственно объ удалыхъ добрыхъ молодцахъ, о понизовыхъ бурлакахъ и о всѣхъ тѣхъ личностяхъ, которыя положили основаніе понизовой вольницѣ.

Въ пѣсняхъ этихъ, добрые молодцы иногда откровенно называютъ себя „разбойниками“. Хотя содержаніе этихъ разбойничьихъ или удалыхъ пѣсенъ весьма разнообразно, но въ большей части изъ нихъ это содержаніе мотивируется понятіемъ о томъ, что добрый молодецъ видитъ себя поставленнымъ во враждебныя отношенія съ общественнымъ порядкомъ, съ властями и съ закономъ. Одна пѣсня говоритъ, напримѣръ, что плыветъ по Волгѣ лодка съ удалыми добрыми молодцами, а на этой лодкѣ красна дѣвица плачетъ, потому что она видѣла сонъ, предвѣщающій, что атаману добрыхъ молодцовъ быть пойману, есаулу быть повѣшену, добрымъ молодцамъ головы срубятъ, а красной дѣвицѣ въ темницѣ быть. Содержаніемъ другой пѣсни служитъ то, что удалый добрый молодецъ сидитъ въ темной темницѣ, и растужится, и расплачется онъ въ этой темницѣ, потому что ему, добру молодцу, приходится во темницѣ головушку свою положить. Въ третьей, — добрые молодцы призадумались и закручинились, повѣсили свои буйныя головы, оттого что лихъ на нихъ супостатъ злодѣй, воевода лихой, высылаетъ онъ изъ Казани частыя высылки, что ловятъ и хватаютъ добрыхъ молодцовъ, называютъ ихъ ворами, разбойниками; но добрые молодцы говорятъ, что они не воры, не разбойники, а люди добрые, ребята все поволжскіе, и что ходятъ они на Волгѣ не первый разъ, пьютъ, ѣдятъ на Волгѣ все готовое, цвѣтное платье носятъ припасенное — „воровства, грабительства довольно есть.“ Или тоскуетъ удалый, добрый молодецъ о лѣсочкахъ, лѣсахъ темныхъ, о кусточкахъ, кустахъ частыхъ, о станочкахъ, станахъ теплыхъ, потому что всѣ кусточки повыжжены, всѣ станочки разбойничьи поразорены, всѣ его товарищи переиманы и сидятъ эти товарищи кто во градѣ

Кіевѣ, кто въ каменной Москвѣ, кто въ славномъ Питерѣ, одинъ только онъ остался во темныхъ лѣсахъ, да и этотъ добрый молодецъ сталъ кончаться и проситъ, чтобъ его похоронили между трехъ дорогъ, и въ руки бы дали ему саблю острую, чтобы люди, проходя мимо него, устрашалися, зная, что тутъ похороненъ воръ-разбойникъ. Или, наконецъ, удалая пѣсня говоритъ, что далече во чистомъ полѣ, при пути, при широкой дороженькѣ, стоитъ береза кудрявая, а подъ той подъ кудрявой березой стоятъ станицы воровскія, а въ той станицѣ красна дѣвица воетъ, плачетъ, что она сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила, сорокъ душъ съ душою погубила, и батюшкѣ, и матушкѣ не спустила, и родъ красна дѣвица потребила; а добрые молодцы жалѣютъ, что не стало у нихъ атамана, что засаженъ ихъ атаманъ въ темницу, и въ темницѣ онъ тяжко, больно воздыхаетъ, къ сердечушку бѣлы ручки прижимаетъ, любимую свою рощу вспоминаетъ: „Ой, свѣтъ же ты моя *воровская роща!* Ужъ какъ мнѣ по тебѣ, роща, не тужити? Надъ широкой дорожкой не стояти, *купеческихъ людей не разбивати, столько злата и сребра не отбирати*“!

Такими являются въ пѣснѣ великорусскіе удалые добрые молодцы. Они сами сознаются, что они враги общественнаго спокойствія, что они воры и разбойники, хотя не позволяютъ называть себя этими именами, потому что гордятся своими подвигами. Но они знаютъ, что ихъ не пощадятъ ни воеводы, лихіе супостаты, ни люди добрые; они не скрываютъ отъ себя, что ихъ ждетъ темная темница и два столба съ перекладиной. Они свою рощу называютъ „воровскою“, свои станы — „станицами воровскими“, и признаются, что купеческихъ людей разбиваютъ и у нихъ злато и сребро от-

нимаютъ. Они даже каются въ томъ, что души губили, какъ та красная дѣвица, которая погубила „сорокъ душъ съ душою“ и не спустила отцу съ матерью. Такимъ образомъ русскіе удалые добрые молодцы являются дѣйствительно ворами и разбойниками, потому что грабятъ и убиваютъ *своихъ*, не минуя отца съ матерью, за что и получаютъ возмездіе *отъ своихъ же*, какъ преступники.

Но южно-русскій удалый добрый молодецъ, украинскій гайдамакъ—не воръ и не разбойникъ: ни онъ на себя такъ не смотритъ, ни пѣсня его такимъ не называетъ. Точно также ни народъ, ни сами гайдамаки не считаютъ себя преступниками передъ закономъ и передъ обществомъ, въ которомъ они живутъ. Да разбойниковъ, какъ поминаются они въ исторіи великорусскаго народа, и не представляетъ намъ исторія южно-русскаго народа, потому что историческія условія, въ которыя былъ поставленъ и тотъ и другой народъ, на столько различны, что не вызывали необходимости появленія на Украинѣ такихъ точно разбойниковъ, какіе были въ великой Россіи. Великорусскій человѣкъ, доведенный непривѣтливою общественною обстановкою до безвыходности и до необходимости искать спасенія внѣ рутиннаго общественнаго строя, обрушивалъ и свое горе, и свою накипѣвшую злобу, и вынесенныя въ жизни обиды на то же общество, которое выдавило его изъ себя, какъ негоднаго или опаснаго члена. Несчастный или испорченный русскій человѣкъ накидывался въ такомъ случаѣ на русскихъ же людей, потому что обидчики его были свои же русскіе люди, а подъ бокомъ не было ни ляховъ, ни татаръ, на которыхъ можно было бы сорвать злобу, и добромъ которыхъ можно было бы поживиться. Оттого онъ шелъ на Волгу, въ лѣсъ, въ степь,

въ воровскую станицу, къ понизовымъ бурлакамъ, и дѣлался удалымъ добрымъ молодцомъ, понизовой вольницей и, нарушая связи съ обществомъ, становился преступникомъ, котораго ждала своя же русская темная темница, своя висѣлица съ веревкою, свитою изъ русской пеньки, и свой топоръ палача, сдѣланный изъ сибирскаго желѣза. Оттого добраго молодца преслѣдовали воеводы, лихіе супостаты, да частыя высылки. Оттого добраго молодца русскіе люди ужасалися. Оттого отъ добраго молодца отецъ съ матерью отказалися, и весь родъ и племя отрекалися, потому-де у нихъ въ роду воровъ не было, ни разбойниковъ, а вступалась за него только красна дѣвица, его прежняя полюбовница.

Совершенно не то было на Украинѣ. Южно-русскій человѣкъ, доведенный непривѣтливою общественною обстановкою до безвыходности и до необходимости искать спасенія внѣ рутиннаго общественнаго строя, обрушивалъ накипѣвшую въ сердцѣ злобу и вынесенныя въ жизни обиды и горе бѣдности не на то общество, которое его такъ или иначе воспитало и воскормило, хотя и не уберегло отъ горя и обидъ; напротивъ, такой несчастный или даже испорченный украинецъ зналъ на кого накинуться, потому что историческими обидчиками своими онъ, какъ и его дѣдъ и батько, считалъ ляха и еврея, которые, какъ и татары, жили у него подъ бокомъ, и на нихъ-то срывалъ онъ свою злобу и ихъ добромъ живился. Каждый гайдамакъ видѣлъ въ себѣ носителя преданій батька Хмѣльницкаго, Наливайка, Косинскаго, Полтораковжуха и прочихъ героевъ, сражавшихся съ ляхами, евреями и татарами за свою родную Украину, и каждый такой гайдамакъ считалъ себя однополчаниномъ Хмѣльницкаго и прочихъ украинскихъ героевъ, какъ Пій IX считалъ себя вправѣ

надѣть на свою ногу сандалію, носимую когда-то апостоломъ Петромъ. Назвать гайдамака преступникомъ, разбойникомъ, „злодіемъ“, по его мнѣнію, значило тоже, что назвать такими именами Хмѣльницкаго или Наливайка, и хотя начальство въ XVIII вѣкѣ преслѣдовало всякія столкновенія съ поляками, какъ преступленія, а въ томъ числѣ и гайдамацкіе набѣги, однако гайдамаки понимали это какъ политическую мѣру со стороны своего начальства, вынужденную москалемъ и нѣмцемъ. Оттого игуменъ Мельхиседекъ благословлялъ Желѣзняка и все его гайдамацкое воинство на битву съ ляхами и окропилъ святою водою ножи, которыми гайдамаки должны были рѣзать своихъ историческихъ враговъ. Ножи эти и назывались „свячеными ножами“, какъ „свячена паска“, и „свячене яйце“. Оттого гайдамака ждала „лядская невола“ и „лядская темница“, и вѣшала его лядская висѣлица съ веревкою, свитою изъ лядской пакли, или пробивала насквозь лядская „паля“ (колъ). Оттого и родная мать не отрекалась отъ гайдамака, какъ отрекалась отъ русскаго удалаго добраго молодца. Оттого южно-русская народная поэзія представляетъ намъ пѣсни колыбельныя, любовныя, свадебныя, семейно-родственныя, поминальныя, веснянки, русальныя, купальскія, петровочныя, косарскія, гребецкія, зажнивныя, осеннія, пѣсни и думы поучительныя, думы и пѣсни былевыя (историческія)—до временъ казачества, съ казачества до уніи, отъ уніи до Хмѣльницкаго, потомъ XVIII вѣка съ небольшимъ цикломъ гайдамацкихъ пѣсенъ, наконецъ пѣсни казацкія, чумацкія, бурлацко-сиротскія, солдатскія, промышленницкія и шуточныя, но не представляетъ тѣхъ пѣсенъ, которыя въ великорусскихъ сборникахъ пѣсенъ носятъ названіе удалыхъ, разбойничьихъ, воровскихъ. Украинскому доброму молодцу

незачѣмъ было дѣлаться ни воромъ, ни разбойникомъ: онъ могъ быть только „лицаремъ“ или „гайдамакою“—въ позднѣйшее время. Онъ не воровалъ и не грабилъ, а воевалъ, руйновалъ лядскую и татарскую бусурманскую землю, какъ земли непріятельскія, и „шарпалъ“ непріятельскіе города и села. Вмѣсто „купеческихъ людей“, которыхъ грабилъ великорусскій добрый молодецъ, онъ обиралъ евреевъ, считая ихъ нехристью, христопродавцами. Вмѣсто же господъ и воеводъ, которыхъ ненавидѣлъ великорусскій его собратъ, онъ враждовалъ противъ „пана“, разумѣя подъ этимъ словомъ непремѣнно поляка, хотя свои паны были у него несравненно хуже польскихъ. Оттого, если гайдамакъ хвастается тѣмъ, что онъ добылъ себѣ коня непозволительными средствами, то онъ сознается, что добылъ этого коня у „пана“, т. е. у поляка, убивъ самого пана.

Ми того коника въ того пана купили.
Въ зеленій діброві гроші полічили,
Въ холодній криниці могоричъ запили,
Підъ гнилу колоду пана підкотили.

До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ домахъ сохраняется старинная картина, изображающая добраго молодца. Добрый молодецъ сидитъ подъ яворомъ и играетъ на бандурѣ. Голова бритая, чубъ (оселедецъ) за ухомъ, длинные усы. Самъ онъ въ богатой красной курткѣ съ золотымъ позументомъ и кистями, и въ „широкихъ какъ море шараварахъ“. Около него на травѣ бутылка и стаканъ. На яворѣ виситъ его красная феска съ кистью, пороховница, а за плечами винтовка. Тутъ же въ землю воткнуто копье и къ копью привязанъ конь. Подъ картиной подпись: „А что ти

на мене дивишься? Хиба не угадаешь, відкіль родомъ и какъ зовуть—не чичиркъ не знаешь. У мене имя не одно, а есть ихъ до ката: якъ улучишь на якого свата. Якъ хочь назови, на все позволяю, тілько крамаремъ не называй, бо за те полаю. Я ніколи не міряю по аршину, хиба кому изъ винтівки гостинця подарую у спину. Та правда, лучалось ярмарковати и зъ ляхами кожухи на жупани міняти, та и горілочку добре куликати. Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ: Що-то въ мене за сила була; що ляхівъ борючи и рука не мліла, а теперъ здаеться що и вошъ сильніша якъ козакъ: зъ ляхами тільки день побиться, плечи и кихті болять" (1).— Какъ картины эти, такъ и изображенные на нихъ добрые молодцы пользуются почетомъ у южно-русскаго простолюдина.

Такимъ образомъ съ понятіемъ о гайдамакѣ никакъ нельзя соединить понятія объ удаломъ добромъ молодцѣ понизовой вольницы. Если между гайдамаками и были разбойники и воры въ полномъ значеніи этого слова, то это только исключенія, но въ отношеніи къ полякамъ и евреямъ даже и эти послѣдніе не считались ни ворами, ни разбойниками. Они также мало могутъ называться разбойниками, какъ всѣ военные люди. въ средѣ которыхъ, разумѣется, встрѣчается значительный процентъ сданныхъ въ рекруты за порочную жизнь, за воровство и другія провинности, не терпимыя въ гражданскомъ обществѣ.

---

(1) Такой портретъ имѣется въ семействѣ автора. Время, когда его написали, опредѣлить мы никакъ не могли. Подпись подъ портретомъ, находящимся у насъ, не схожа съ тою, которая напечатана г. Кулишомъ (Зап. о юж. Руси), ни съ тою, какая помѣщена у г. Скальковскаго.

*

Изъ этого само собою явствуетъ, что мѣры, къ которымъ прибѣгали поляки для удержанія южно-русскаго народа отъ гайдамачества, какъ-то втыканье на колъ гайдамацкихъ головъ и разсылка по городамъ и селамъ отрубленныхъ у гайдамаковъ рукъ и ногъ, нетолько не удерживали этотъ народъ отъ походовъ на Польшу, но еще болѣе разжигали въ немъ чувство мести къ панамъ, прибѣгавшимъ къ такимъ позорнымъ мѣрамъ. Г. Скальковскій говоритъ даже, будто поляки нарисовали ту картину, изображающую казака съ бандурою, о которой мы говорили и на которой, для устрашенія народа, нарисованъ былъ повѣшенный на деревѣ гайдамакъ, съ отрубленными ногами и руками — изображеніе участи, ожидающей будто бы въ Польшѣ всякаго гайдамака. Эту картину будто бы поляки старались распространить въ странѣ и тѣмъ удержать народъ отъ гайдамачества, но, какъ видно, всѣ усилія ихъ остались тщетными, потому что народъ совершенно иначе, чѣмъ поляки, смотрѣлъ на подвиги своихъ добрыхъ молодцовъ, что и выразилъ въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ о главныхъ дѣятеляхъ гайдамачины.

При всемъ томъ, такое странное явленіе, какъ постоянные походы украинскихъ гультаевъ на Польшу, должно же было наконецъ понудить оба сосѣднія государства, и Россію, и Рѣчь Посполитую, принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ гайдамачины, хотя мѣры эти, во всякомъ случаѣ, могли быть только паліативными средствами противъ болѣзни, глубоко коренившейся въ организмѣ котораго либо изъ двухъ сосѣдственныхъ государствъ. Скорѣе всего приходится согласиться, что болѣзнь эта существовала въ южно-русскомъ общественномъ строѣ. Правда, въ то время Польша доживала послѣдніе дни, и ей не мало могло быть своего дѣла и безъ

гайдамаковъ, еслибъ она и рѣшилась избавить свои южныя провинціи отъ гайдамацкихъ разореній, но вѣдь зло исходило изъ другаго государства, и потому это другое государство должно было озаботиться пріисканіемъ мѣръ, могущихъ успокоить и Польшу и южныя провинціи Россіи.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка Малороссія, а вмѣстѣ съ нею и Запорожье, по возвращеніи изъ крымскаго подданства въ подданство русское, управлялись изъ Петербурга. Хотя въ этой нѣкогда независимой странѣ были и свои гетманы, и свои кошевые, но рядомъ съ ними правили страною и русскіе генералъ-губернаторы. Хотя тяжко было южно-русскому народу подъ управленіемъ своихъ гетмановъ, сотниково, кошевыхъ и разныхъ пановъ, какъ мы сказали выше, но къ этой тяжести прибавлялось давленіе и изъ Петербурга, гдѣ существовала особая малороссійская коллегія или министерская канцелярія. О ней архіепископъ Конисскій въ своей исторіи говоритъ, что, по преданію „общему и достовѣрному, канцелярія эта такъ упилась кровью южной Россіи, что ежели бы перстомъ руки божіей изрыть частицу земли на мѣстѣ томъ, гдѣ была министерская канцелярія, то ударила бы изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая министерскою канцеляріею.“ Но архіепископъ не договариваетъ того, сколько крови южно-русскаго народа пролито было и мѣстными правителями, сотниками, писарями, панами и такими героями, какъ Полуботки и подобные имъ украинскіе дѣятели, которыхъ близорукая исторія чуть-чуть не канонизировала. Какъ бы то ни было, но и петербургское управленіе тяжко отдавалось на южно-русскомъ народѣ. Еще большею тяжестью оно ложилось на Запорожье и на его вольности, изживавшія свой вѣкъ. Линія крѣпостей и шанцовъ,

протянутая между южною Россіею и землями польскими и татарскими, все уже и уже сдавливала эти вольности. Чѣмъ шире дѣлалась эта линія, чѣмъ болѣе мѣста захватывали новыя русскія, возводимыя на югѣ Россіи укрѣпленія, тѣмъ болѣе съуживалась въ своихъ предѣлахъ запорожская земля и ея необозримыя степи. Появились новые порядки и новыя лица: вмѣсто стараго запорожскаго воинства, явилось молодое воинство изъ выходцевъ—славянъ, сербовъ и болгаръ, а также молдаванъ и валаховъ. Вмѣсто запорожскихъ куреней заводились гусарскіе и пандурскіе полки. Рядомъ съ батьками кошевыми и куренными атаманами становились полковники и генералы, какъ Хорватъ отъ Куртихъ или Иванъ Шевичъ и Райко Прерадовичъ. Эти новыя военныя поселенія, новая Сербія и Славяносербія, были хуже татаръ и ляховъ, потому что поселенцы, выдержанные въ желѣзной дисциплинѣ, могли смѣло наступить на горло Запорожью. Такимъ образомъ подъ бокомъ у запорожцевъ и на окраинѣ южной Россіи вдругъ явились четыре полка, два гусарскихъ и два пандурскихъ, по 4000 человѣкъ въ каждомъ, что составляло 16,000 строгаго, не распущеннаго, какъ запорожцы, воинства. Тутъ же скоро очутились русскіе драгуны и русская пѣхота. Заложено основаніе крѣпости св. Елисаветы, и на работы въ этой крѣпости русское начальство посылало, какъ на каторгу, казаковъ, которые, такимъ образомъ, должны были сами коватъ цѣпи на свои ноги. Казачество не могло не видѣть куда гнетъ Москва и потому болѣе дальновидные изъ нихъ говорили, что „россіяне войско запорожское въ конецъ истребить хотятъ“, что крѣпостями, въ родѣ крѣпости Елисаветы и другихъ, это „войско все въ мѣшокъ убрано, только же еще, чтобъ якъ тотъ мѣшокъ

завязать, россіяне способу не избрали". Оказалось однако, что россіяне скоро избрали способъ какъ тотъ мѣшокъ завязать, особенно съ помощью нѣмцевъ. Казаки обращались съ своими просьбами къ правительству, а правительство посылало къ нимъ такихъ людей, какъ бригадиръ Муравьевъ, который на просьбы депутатовъ объ указѣ относительно заселенія земель, отвѣчалъ имъ: „я самъ указъ".

Пришла очередь „убрать въ мѣшокъ" и гайдамачину. Направляясь къ польской границѣ, чтобы погулять на счетъ польскаго и еврейскаго добра, добрые молодцы, кромѣ своихъ часовыхъ на границѣ, встрѣчали непріязненныя имъ лица въ строгомъ нѣмецкомъ начальствѣ, въ гусарской и пандурской стражѣ, а равно въ русскомъ солдатѣ. Тѣ именно мѣста, откуда они обыкновенно пробирались въ польскую землю, находились уже подъ надзоромъ часовыхъ, тянувшихъ руку за московскими порядками. Притомъ же и своя собственная старшина стала относиться суровѣе къ добрымъ молодцамъ, которыхъ называли уже „самосбройцами" (негодяями), „шалостниками", „пакостниками", ворами и „проклятыми" гайдамаками. Старшину съ своей стороны сильно прижимало московское начальство, и оттого старшина такъ сурово начала относиться къ шалостямъ своихъ гультаевъ. Прежде запорожскіе старшины, на обвиненія запорожцевъ въ гайдамачествѣ и въ нападеніи, кромѣ Польши, на владѣнія татаръ, отстаивали своихъ молодцовъ, говоря, что татарамъ обиды не запорожскіе казаки причиняютъ, но такіе люди, кои ни въ Малой Россіи, ни въ войскѣ запорожскомъ не служатъ, но что „уповательно, подъ претекстомъ запорожскихъ казаковъ, сіе чинятъ *польскіе* гайдамаки и гультаи, шатающіеся по степямъ, и, кромѣ степи, никакого приста-

нища себѣ не имѣютъ“, и что такимъ образомъ „на запорожскихъ казаковъ только слава и напрасное нареканіе слѣдуетъ.“ Но теперь настали не тѣ времена: приходилось уже думать не о гайдамакахъ, а о томъ, устоитъ ли даже войско запорожское съ его стародавними вольностями, съ его безграничными степями и со всѣми его войсковыми клейнотами, ибо московское начальство такъ принялось за это дѣло, что добра ожидать нельзя было.

Запорожское войско видѣло, что конецъ его приближался, и чтобъ не раздражать „россіянъ“, стало душить гайдамачину.

Въ это самое время гайдамачина доходила до апогея своей силы. У нея были уже свои територіи, свои крѣпости, какъ бы свое собственное государство, подобное Сѣчи. Россійское давленіе на малороссійскіе и запорожскіе порядки, въ сущности не современные и дикіе, сдѣлало то, что разнузданному казачеству, не привыкшему къ стѣсненію, стало трудно дышать и въ Запорожьѣ. Сѣчь, подъ россійскимъ „недреманнымъ окомъ“, становилась уже не Сѣчью, а чѣмъ-то въ родѣ конногвардейскихъ казармъ въ Петербургѣ, такъ что свободолюбивому казаку нельзя было и въ Сѣчи спрятаться. За всякую провинность, по указанію русскаго начальства, казаковъ били кіями у столба. Ни въ Польшѣ погулять, ни татаръ облупить нельзя было, — и вотъ казачество стало подумывать о заложеніи новой Сѣчи, гайдамацкой. Это были послѣднія судорожныя движенія издыхавшаго казачества. Самые непокорные и наиболѣе провинившіеся изъ казаковъ ушли еще далѣе на югъ, и основали укрѣпленія на рѣкѣ Бугѣ, защищаемыя засѣками и пушками. Притоны ихъ были также на рѣкѣ Громоклеѣ и село Вербовое около Елисаветграда.

На это-то новое гайдамацкое государство—послѣдній отпрыскъ рыцарскихъ безженныхъ орденовъ — слѣдовало кошу обратить свои силы, чтобъ суровая кара русскаго правительства за гайдамачину не упала на голову Запорожья, и безъ того низко опущенную. Новооснованная гайдамацкая республика была очень сильна, если для покоренія ея потребовалось нѣсколько лѣтъ со стороны цѣлаго Запорожья или такъ называемаго „добраго товариства", въ противоположность „проклятымъ гультаямъ". Эта война запорожскаго коша противъ гайдамаковъ началась съ 1755 года, со времени избранія кошевымъ Григорія Федорова Лантуха. Изъ боязни ли русскаго правительства или изъ желанія выслужиться передъ нимъ, Лантухъ открылъ рядъ походовъ противъ гайдамацкаго государства. Ему дѣятельно помогалъ въ этомъ войсковой есаулъ Петръ Калнишевскій, или Калнишъ, бывшій впослѣдствіи тоже кошевымъ. Можетъ быть, это самое преслѣдованіе казацкихъ и гайдамацкихъ вольностей разумѣетъ народная пѣсня, записанная г. Запарою, въ которой казаки сѣтуютъ на Калниша, какъ видно уже послѣ разоренія самой Сѣчи:

Та казавъ еси, Калнишъ кошовий, що у січі мудро:
Ой якъ вийшли изъ січеньки, на серденьку нудно.
Та казавъ еси, Калнишъ кошовий, що у січі гречі:
Ой якъ вийшли изъ січеньки, оббивъ ворогъ плечі.
Ой у січі на базарі побито колочки—
Идуть наші запорожці та и безъ сорочки.
Та у січі на базарі загачена гребля:
Ой якъ вийшли изъ січеньки, побивъ ворогъ ребра.

Лантухъ и Калнишъ прежде всего старались сойдтись съ гайдамаками дружелюбно, и потому употребляли все свое

усиліе и вліяніе, чтобы склонить ихъ къ переходу въ Сѣчь и къ прекращенію своихъ походовъ на Польшу. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ гайдамаковъ, или какъ говорится въ бумагахъ того времени, „шатающіеся въ положеніи сѣчевомъ гайдамаки“ (т. е. принадлежащіе къ запорожскому войску) начали сноситься письменно съ Лантухомъ, какъ бы имъ воротиться въ Сѣчь, если только сѣчевое начальство приметъ имъ. Въ противоположномъ же случаѣ, писали гайдамаки, „когда-де приняты не будутъ, то могутъ разойдтись въ чужіе краи.“ При этомъ гайдамаки увѣряли Лантуха, что они-де впредь станутъ жить *постоянно*, въ чемъ и присягти имѣютъ.“ Выраженіе жить „постоянно“—весьма многозначительно въ устахъ гайдамака и запорожца: это значитъ—жить добропорядочно, спокойно, не шатаясь, не гуляя по чужимъ краямъ съ мечемъ и огнемъ. Гайдамаки обѣщали даже, что если „отъ кого-бъ могли быть до нихъ претензіи, обовязывали себе тѣхъ довольствовать.“ Запорожцы, получивъ это просительное письмо отъ гайдамаковъ и опасаясь, что эти гультаи, если ихъ не принять въ Сѣчь, „въ чужіе краи разойдутся, и не приключили-бъ тѣмъ войску запорожскому знатной, въ отчаяніи душъ своихъ и злобства, притчины“, т. е. вреда, рѣшились принять ихъ въ свое товариство и привести къ присягѣ. Тогда къ этимъ гайдамакамъ отъ коша отправлены были четыре атамана: Шкурый, Затковскій, Ядутъ и Косапъ, „съ напоминаніемъ имъ, гайдамакамъ, чтобы они въ чужую сторону отнюдь не выходили.“ Съ этими атаманами гайдамаки прибыли въ Сѣчь и каждый явился въ тотъ курень, къ которому принадлежалъ прежде, когда не поступалъ въ гайдамацкую общину. Начальникъ сѣчевыхъ церквей Ѳеодоритъ Рудкевичъ при-

велъ раскаявшихся къ присягѣ „о постоянномъ ихъ впредь житіи.“

Но такихъ смирившихся гайдамаковъ было немного. На Бугѣ и Громоклеѣ оставалась еще цѣлая община непокорныхъ, которые не хотѣли гнуть шею ни передъ паномъ-ляхомъ, ни передъ москалемъ, ни даже передъ своими батьками-атаманами. Царство ихъ еще не было разрушено, и вотъ противъ этого-то разбойничьяго царства объявлена была война со стороны Лантуха и всего добраго товариства. Война была продолжительна и упорна. Генеральной стычки не было, но за то запорожцы губили гайдамаковъ небольшими партіями и въ одиночку. Пощады не было непокорнымъ: захваченныхъ въ плѣнъ гультаевъ вѣшали въ Сѣчи, по большимъ дорогамъ и вездѣ, гдѣ представлялся удобный случай. Не пощажены были и ихъ укрѣпленія: защищаемыя пушками засѣки на островѣ Буга, притоны на Громоклеѣ, село Вербовое—все было взято и разорено, такъ что у гайдамаковъ не оставалось уже ихъ неприступнаго гнѣзда, въ которомъ они могли укрыться отъ поляковъ и татаръ. Тѣ, которымъ надоѣла кочевая и опасная жизнь, приходили въ Сѣчь съ повинною, а потомъ явилась цѣлая шайка, въ сто человѣкъ, прося пощады и забвенія прошлаго. Шайка отдала Запорожью своихъ лошадей, оружіе, деньги.

Слава Лантуха, какъ истребителя гайдамаковъ, прошла по всѣмъ окрестностямъ, которыя наиболѣе страдали отъ ихъ набѣговъ.

Но гайдамачину не легко было задушить даже и болѣе жестокими мѣрами. Зло, вызвавшее ее, оставалось, и гайдамачина, потерявшая нѣсколько сотъ изъ своихъ членовъ, перешед-

шихъ въ Сѣчь или повѣшанныхъ при большихъ дорогахъ, пополнялась новыми притоками этихъ бродячихъ силъ. Гайдамаки стали только осторожнѣе, покинули свои прежнія становища, не попадались на глаза запорожскимъ сыскнымъ командамъ, но за то забирались дальше въ глубь владѣній Рѣчи Посполитой, перенесли свои притоны на Волынь, на Подолье, и продолжали свое кровавое дѣло, подобно Чупринѣ и Чортоусу. Это уже были такъ сказать отпѣтые люди, все покончившіе съ міромъ, и міръ этотъ не могъ ихъ принять, потому что они въ немъ не могли ужиться. Это были своего рода монахи и служители религіи войны и крови, да иначе на нихъ и смотрѣть нельзя, какъ на монаховъ, отшельниковъ извѣстнаго гражданскаго общества. Всякая идея имѣетъ своихъ подвижниковъ, и таковы были монахи, подвижники идеи христіанства, таковы были рыцари-монахи всѣхъ орденовъ, тоже подвижники идеи христіанства, только не словомъ и жизнью подвизавшіеся за эту идею, а мечомъ и убійствами, и таковы были въ свое время монахи-запорожцы, удалившіеся отъ міра холостяки и служившіе идеѣ православія и идеѣ борьбы съ бусурманами, а потомъ съ католиками, запорожцы съ XVIII вѣка вырдившіеся въ гайдамаковъ. Всякая идея имѣетъ своихъ крайнихъ поклонниковъ, эксцентриковъ и фанатиковъ. Когда запорожцы погнулись въ своей стойкости подъ укладистою и тяжелою рукою россійскою и начали допускать то, съ чѣмъ не могла помириться самая идея казачества, изъ Запорожья вышли эксцентрики, для которыхъ идеи современности были какъ бы обиднымъ вторженіемъ въ ихъ заколдованный кругъ и которые не хотѣли и не могли погнуться подъ новыми идеями, подъ новыми порядками. Это

были люди отсталые по тому времени, обломки стараго общественнаго строя, и для нихъ не было другой жизни, кромѣ войны съ ляхами и со всякими бусурманами. Этихъ монаховъ не тянуло даже на родину, въ міръ, въ гетманщину, подобно тому, какъ ѳиваидскихъ пустынниковъ не тянула къ себѣ жизнь того общества, изъ котораго они вышли. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ отшельниковъ отреченіе отъ міра было полное. Въ подписи подъ портретомъ кроваваго схимника выражена тоска монаха — „волоцюги“ по своей молодости. Онъ вспоминаетъ что за сила была у него въ молодости, такая сила, что ляховъ „нещадно бьючи“, неразъ и рука не сомлѣла, а теперь казакъ только день побьется, ногти и плечи болятъ. Онъ тоскуетъ, что не долга жизнь человѣческая—скоро цвѣтетъ, скоро и вянетъ, какъ въ полѣ былинка. Не страшно ему умирать въ степи, жаль только, что некому будетъ похоронить: татаринъ чуждается его, ляхъ боится приступить, развѣ звѣрь какой за ногу у буеракъ потащитъ. А все мила ему эта степь одинокая, какъ ѳиваидскому отшельнику мила дикая дебря ѳиваидская, какъ раскольнику-скитнику мила „мать прекрасная пустыня“. И не хочетъ онъ идти въ міръ, на родину, „на Русь“, развѣ ужъ состарѣвшись воротится къ людямъ, то можетъ быть и „отпоминаютъ попы его душу“. Но опять-таки ему кажется, что „негоже“ умирать „на лавкѣ“ дома, потому что все еще беретъ его охота съ ляхами погулять. Хотя ужъ онъ не мало и захирѣлъ, осунулся, а все таки чуютъ плечи, что боролся бы еще съ ляхами порядкомъ: кому нибудь, или жиду, или ляху надо еще утереть носъ. Хочется ему прогнать польскую хоругвь за Вислу. И потомъ опять вспоминаетъ онъ какъ не разъ

доводилось ему „варить пиво“ въ степи, и это пиво пилъ турчинъ, пилъ татаринъ, пилъ и ляхъ на-диво. Много и теперь лежитъ съ похмѣлья мертвыхъ головъ и сухихъ костей послѣ той свадьбы. Есть у него надежда—это мушкетъ-сиротинка, да и сабля, сваха его, еще не заржавѣла, хотя не разъ умывалась кровью, а какъ разлютуется, то еще не одинъ католикъ ляжетъ, платмя ляжетъ, а покусится убѣгать, такъ на копьѣ застрянетъ. Есть у него лукъ — какъ натянетъ его да брязнетъ тетивою—убѣжитъ самъ крымскій ханъ съ ордою. И вотъ степной отшельникъ обращается къ степямъ, какъ раскольникъ обращался къ пустынѣ: „Горите, степи, пожарами! Пришла пора мѣнять съ ляхами кожухъ на жупанъ.“

Естественно у такихъ людей ничего не оставалось въ жизни, кромѣ нескончаемой, домогильной борьбы съ ляхами. Это были мономаны, такіе же жалкіе и такъ же честно заблуждавшіеся какъ Донъ-Кихотъ, воевавшій съ мельницами, принимая ихъ за великановъ, и поражавшій стадо овецъ, воображая въ нихъ видѣть непріятельское войско. Они были на столько же разбойниками и убійцами, на сколько можно назвать самоубійцами тѣхъ, которые нѣкогда во имя идеи зарывали себя по грудь въ землю и умирали, или тѣхъ изъ фанатиковъ, которые сожигали себя въ религіозномъ экстазѣ. Они были разбойниками и преступниками потому собственно, что съ дѣтства всосали въ себя понятія, которыя прямо граничатъ съ преступленіемъ и плодомъ которыхъ неизбѣжно являются убійство и грабежъ.

Такихъ людей не могло, слѣдовательно, истребить и запорожское войско, потому что оно само же ихъ такъ сказать нарождало. При всемъ томъ войско, понуждаемое, какъ оно

выражалось, „высокими велѣніями, довольно въ кошъ насланными“, должно было во что бы то ни стало вытравить гайдамачество съ корнемъ, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, вмѣсто десятковъ повѣшенныхъ гультаевъ являлись ихъ преемники цѣлыми сотнями, и если гайдамацкая вербовка стала менѣе успѣшна въ Запорожьѣ, гдѣ завелись россійскія строгости, то она продолжалась въ русской и польской Украинѣ, потому что тамъ оставались старыя неблагопріятныя условія жизни народа въ прежней силѣ—съ одной стороны, въ русской части Украины, нагнетеніе сильнаго на слабаго и богатаго на бѣднаго, съ другой, въ польской половинѣ, историческая нелюбовь крестьянина къ пану-поляку, хотя бы онъ былъ добрымъ паномъ. По этому кошевому Лантуху и войсковому есаулу Калнишевскому приходилось продолжать усердствовать для истребленія гайдамачества.

Съ самой ранней весны 1758 года, Лантухъ „съ старшиною и товариствомъ“ отправилъ въ Гардъ, нѣкогда разоренный Савою Чалымъ и вновь возстановленный запорожцами, особую команду, которой спеціальное назначеніе было истребленіе гайдамаковъ. Начальникомъ команды назначался „панъ полковникъ“ Дмитро Стягайло, писаремъ при немъ находился Яковъ Донъ, а есауломъ Харько Ведерка. Командѣ дана особая инструкція, какія обыкновенно давались разъѣзднымъ командамъ на Волгѣ, высылаемымъ комендантами и воеводами приволжскихъ крѣпостей и городовъ для истребленія шаекъ понизовой вольницы. „Понеже, говорилось въ инструкціи, войско запорожское низовое чрезъ единыхъ умножившихся бродягъ, вчиненными ими сосѣдственнымъ заграничнымъ людемъ грабительствомъ, воровствомъ и смертоубійствомъ такъ весьма въ великое безславіе и въ окружность

платежа разореніемъ прійшло, что безъ нужды и донынѣ не оставалось, пачежь, приведя во исполненіе, въ силѣ монаршихъ указовъ, великія велѣнія, довольно въ кошъ насланныя,—опредѣлено въ кошѣ войска запорожскаго низоваго, ко всекрайнѣйшему ихъ, воровъ, злаго намѣренія истребленію поставить въ пристойномъ мѣстѣ при Бугу рѣкѣ двусотную команду, выбравъ съ каждаго куреня на то по 5 человѣкъ добросовѣстныхъ."

Изъ этого введенія въ инструкцію видно, что, не смотря на жестокую войну противъ гайдамаковъ всего Запорожья, гайдамаки не уменьшались, но умножались. Войско боялось, что гайдамаки эти не только привели его въ великое безславіе, но и въ разореніе. Но тутъ же признается, что болѣе всего понуждаютъ войско къ истребленію воровъ „высокія велѣнія, довольно въ кошъ насланныя."

Такимъ образомъ, по инструкціи, полковнику Стягайлу слѣдовало тотчасъ же отправиться прямо въ Гардъ съ своею командою и тамъ распредѣлить ее на нѣсколько „чатей" (пикетовъ), отправивъ потомъ эти чаты въ опредѣленныя мѣста. Далѣе повелѣвалось, прибывъ въ Гардъ и расположась на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ прежде бывшіе полковники стояли лагерями, сдѣлать всей находящейся при Стягайлѣ командѣ перепись, выкликая опредѣленныхъ отъ каждаго куреня атамановъ, и если изъ какого куреня полнаго числа казаковъ не явится, то немедленно прислать о томъ вѣдомость. Въ Гардѣ, кромѣ самаго начальства команды, никому не дозволялось заниматься („бадаться") торговыми промыслами, а особливо шинкарствомъ; но казакамъ и другимъ людямъ позволялось „для пропитанія добычъ имѣть рыбную, въ рѣкѣ Бугу." Повелѣвалось затѣмъ командѣ, по

зимовникамъ въ Ингульцѣ и въ Великомъ Ингулѣ всѣ казачьи зимовники объѣхать и сколько въ какомъ зимовникѣ у хозяевъ служителей, и кто они по именамъ и прозваніямъ, а также сколько у кого скота рогатаго и лошадей, все это записать и велѣть всѣмъ имѣть отъ коша годовые паспорты. Предполагалось, конечно, что подъ мнимо-рабочими людьми часто скрываются самые опасные гайдамаки, которые только и могутъ утаить свое званіе и свою славу подъ одеждой наймита или батрака.

Для наблюденія за проходящими тайно гайдамацкими партіями, Гардъ долженъ былъ почаще высылать, отдѣльными отрядами „при добрыхъ приставахъ, порознь, пристойное число команды,“ а если гдѣ либо „пропищутся“ гайдамаки, то при взятіи ихъ, если будутъ „оборонно удаляться“, поступать какъ съ непріятелемъ и все, что при нихъ находится, отбивать, а ихъ самихъ „переловливать“ и подъ карауломъ присылать въ кошъ. Далѣе въ инструкціи находится весьма странный пунктъ, который, впрочемъ, достаточно рисуетъ и то время, и тѣхъ людей. „Довольствоваться вамъ, полковнику, съ старшиною тѣмъ, ежели что самими вами у воровъ ихъ собственное отбито будетъ (говоритъ этотъ пунктъ), а что съ командою — то на общество.“ Но если у гайдамаковъ будутъ отбиты угнанныя ими лошади или рогатый скотъ, или воровскія вещи — татарскія или другія какія-либо, то все это присылать въ кошъ, для отдачи обидимой сторонѣ. Слѣдовательно, начальство могло отнимать у гайдамаковъ то, что лично принадлежало гайдамакамъ, и могло этою гайдамацкою собственностью пользоваться. Но у гайдамака не легко было разсортировать такимъ образомъ имущество: у него могло быть все пограбленное, и лошадь, и ружье, и

пика, и даже рубашка — и все это команда брала себѣ, чѣмъ не гнушались и сами полковники. Если гардовская команда увѣдаетъ, что гайдамаки гдѣ-либо собираются партіею и имѣютъ злое намѣреніе, за тѣми слѣдовать секретно особою командою, держась по ихъ слѣдамъ, хотя бы и на далекое разстояніе, „и ихъ собираемыя чаты разбивать и ловить, и къ тому ихъ злому намѣренію отнюдь не допускать; и все что при нихъ находится отбивать.“ Но если, „по малосильству“ команды, гайдамацкой шайки разбить будетъ нельзя, то объ этомъ тотчасъ давать знать въ кошъ, и тогда прислана будетъ скорая помощь.“ Командѣ строго запрещалось „выѣздить“ или „входить“ заграницу, т. е. за Бугъ и за Синюху. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было ловить всѣхъ безпаспортныхъ, „волочугъ“ и „праздношатающихъ“, допрашивать какъ воровъ и присылать въ кошъ. Походной бугогардовской церкви велѣно было быть съ священникомъ тамъ, гдѣ будутъ стоять лагери, а не на островѣ, „и вамъ—добавлялось въ инструкціи — дьячка и пономаря ничѣмъ не обижать.“ Зимой команду и походную церковь переносить въ Великій Ингулъ и тамъ на зиму заготовлять сѣно, но и тамъ „живущимъ зимовникамъ угрожать и понуждать, чтобъ никого изъ воровъ и волочугъ не держали.“

Въ заключеніе инструкція повелѣвала: „И сіе порученіе вамъ, полковнику, съ старшиною и всею командою исправлять вѣрно и рачительно, не чиня ни малѣйшей ворамъ потачки и въ томъ къ всекрайнѣйшему искорененію неотмѣнное чинить исполненіе, опасаясь за неисправку и потачку, за сыскомъ въ кошъ, нашего войсковаго, жесточайшаго штрафа и истязанія. Не въ порученное же дѣло отнюдь не вступать и безвинно добрыхъ и невинныхъ казаковъ, тако-жъ

и ватажанъ (обозчиковъ), съ хлѣбомъ, съ рыбою и съ горѣлкою идучимъ, и мало не обижать, крѣпко того смотрѣть. Атаманамъ, отъ куреней опредѣленнымъ, со всѣми казаками, полковника и старшину должно почитать и во всемъ что поручатъ слушаться, и команду воздерживать отъ всѣхъ худостей, дракъ, ссоръ и пьянства. И старшину отъ коша, на сходкѣ опредѣленную, ни за что самимъ и командѣ отставлять или обижать, хотя мало чѣмъ; а кто сіе почнетъ дѣлать, то за сыскомъ въ кошъ, до смерти кіями битъ и у столба привязанъ, а худоба (имущество) отобрана будетъ, да и куреню всему за него изъ чьего то сдѣлается, вина и поруганіе учиняться."

Этими-то строгими распоряженіями Лантухъ, за время своего управленія Запорожьемъ, пріобрѣлъ славу жестокаго гонителя и истребителя гайдамаковъ, хотя до конечнаго истребленія ихъ было еще слишкомъ далеко, какъ это они и доказали уманскою рѣзнею. За это усердіе, вѣроятно, Лантухъ и пользовался особою милостью россіянъ, которые, лаская Лантуха, „убирали" и его въ тотъ мѣшокъ, въ который тогда же начинали уже завязывать не только Запорожье, но и Крымъ. Усердіе Лантуха послужило къ тому, что когда этотъ „московскій попихачь" не былъ избранъ кошевымъ, графъ Румянцевъ представилъ его въ кошевые и онъ былъ утвержденъ въ своемъ званіи, не смотря на то, что представленіемъ графа Румянцева избирательныя права запорожскаго войска „въ грязь потоптаны были россійскою пятою."

Въ мартѣ 1758 года Лантухъ дѣлалъ вышепомянутыя распоряженія относительно преслѣдованія гайдамаковъ, а въ слѣдующіе за тѣмъ выборы въ кошевые онъ не былъ избранъ

*

въ эту должность президента казацкой республики. Преемникомъ его поставленъ былъ Бѣлицкій.

Слѣдуя по пятамъ своего предмѣстника, Бѣлицкій, также подъ страхомъ строгихъ россійскихъ внушеній, обратилъ свое преслѣдованіе на гайдамаковъ, хотя съ меньшею ревностью. Впрочемъ гайдамаки должны были вызвать неудовольствіе войска, потому что нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно стѣсняемые изъ своихъ переходахъ за польскую границу запорожскими и русскими пикетами съ строгими нѣмецкими начальниками, обратили свое хищничество на своихъ земляковъ. Въ кошѣ сдѣлалось „довольно извѣстно“ и частыя жалобы стали приходить къ войску, что проклятые гайдамаки идущую изъ Малой Россіи въ Запорожскую Сѣчь ватагу (обозы) начали опять обдирать и деньги отнимаютъ и ватажанъ бьютъ“ и тѣмъ причиняютъ кошу „частыя хлопоты“, а зимовникамъ, лежащимъ по малороссійской дорогѣ, „порокъ наносятъ.“

Вслѣдствіе этого Бѣлицкій отправилъ къ казакамъ, жившимъ въ Солоной, Базавлукѣ и Саксагали, войсковаго пушкаря съ „крѣпкимъ приказомъ“ и предписывалъ этимъ казакамъ: „начавъ отъ устья Солоной до вершинъ Базавлука и Саксагалѣ, съ каждаго зимовника самому хозяину итить съ нимъ, пушкаремъ, въ партію и къ сыску и въ переловленіе таковыхъ пакосниковъ (гайдамаковъ) приложить такое прилежное стараніе, какъ и прошлаго году базавлучане такихъ пакосниковъ переловили, и вы имѣете, очищая свои зимовники, неотмѣнно причиняющихъ ватажанамъ пакости воровъ словить, а въ случаѣ поступать съ ними, въ силѣ многихъ нашихъ приказовъ, какъ съ непріятелями.“ Особенно же велѣно было, „кто тѣхъ воровъ придержуетъ, доискавсь,

поступать съ ними такъ, какъ и зъ сущими ворами.“ Кромѣ того казакамъ вмѣнено было въ обязанность,—найпаче пристани таковыхъ воровъ доискиваться въ тамошнихъ шинкахъ и шинкарей допрашивать: не приѣздятъ ли къ нимъ таковые недобрые люди горѣлки пить?—ибо то ихъ по шинкамъ первая пристань, и кто таковыя пакости дѣлаетъ, шинкари могутъ знать.“ Въ заключеніе крѣпкій приказъ говоритъ, что съ пушкаремъ кошъ потому не посылаетъ особой партіи, чтобы отъ этого не послѣдовало зимовникамъ налоговъ: „но вы сами—добавлено—имѣете вышеписанныхъ шалостниковъ неотмѣнно искоренять и во всемъ поступать съ ними и съ предержателями ихъ такъ, какъ выше объявлено.“

X.

Въ періодъ времени отъ 1760 г. до самой уманской рѣзни преслѣдованіе гайдамаковъ со стороны запорожскаго коша не прекращалось. Притоны ихъ по берегамъ Буга, Синюхи, Громоклеи уже не были на столько безопасны, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ, когда тамъ не существовало еще ни зоркихъ пикетовъ запорожскихъ, ни линіи русскихъ крѣпостей и шанцовъ. Гайдамацкимъ партіямъ трудно уже было пополняться сбродомъ на „рыбальняхъ,“ потому что бродягамъ прекращенъ былъ входъ за границу и выходъ оттуда, а между тѣмъ, какъ видно, потребность гайдамачества существовала въ странѣ, и народъ сталъ искать иныхъ входовъ и выходовъ для удовлетворенія этой потребности. Нѣсколько лѣтъ сряду Малороссію постигалъ голодъ, а тамъ

начались пожары, которые, вмѣстѣ съ голодомъ, причиняли такія бѣдствія народу, и безъ того обобранному вельможною старшиною и богатымъ панствомъ, что онъ, не смотря на преслѣдованія гайдамачества со стороны Запорожья, какъ ни бился, а въ концѣ концовъ пряталъ „ножъ за халяву“ сапога и шелъ искать себѣ ватажка.

Гайдамачина, придушенная нѣсколько въ степяхъ и на Запорожьѣ, начала возрождаться въ самой Малороссіи, въ гетманщинѣ, въ Кіевѣ. Запорожье уже меньше привлекало бродягъ, какъ мало въ настоящее время привлекаютъ крестьянина хорошо устроенныя и строго содержимыя казармы и резервные баталіоны. Голодные и озлобленные уже не шли въ Сѣчь, какъ прежде, а силились найдти себѣ дѣло въ гетманщинѣ, и это исканье, часто безполезное и обидное, доводило ихъ до необходимости идти въ гайдамаки. Въ предводителяхъ, какъ видно, не было недостатка. Видя невозможность разгуляться на мѣстахъ своихъ прежнихъ подвиговъ, въ южныхъ степяхъ, обнесенныхъ какъ тенетами запорожскими „чатами“ и московскими „бекетами“ (пикетъ), гайдамацкіе ватажки, застарѣлые въ своемъ кровавомъ промыслѣ, кинулись въ гетманщину и тамъ открывали свои гайдамацкія вербовки, потому что и въ гетманщинѣ они находили столько же голодныхъ и озлобленныхъ, какъ и на днѣпровскихъ „рыбальняхъ“ и въ степяхъ очаковскихъ. Иногда подъ видомъ богомольцевъ они заходили въ Кіевъ и тамъ искали себѣ товарищей. Весной Кіевъ наполняется странниками со всей обширной Россіи. Каждый изъ странниковъ и странницъ несетъ къ кіевскимъ святынямъ или свое горе, или свою благодарность за спасеніе отъ горя. Само собою разумѣется, что такихъ богомольцевъ, которые приносятъ въ

Кіевъ горе и отъ этого горя ищутъ въ пещерахъ спасенья больше, чѣмъ такихъ, которые бредутъ въ этотъ городъ за сотни и тысячи верстъ съ тѣмъ, чтобы излить передъ святынями свою благодарность за радости въ жизни. Такимъ образомъ гайдамацкіе ватажки, зашедшіе въ Кіевъ изъ далекихъ южныхъ степей Запорожья, не мало находили охотниковъ для своихъ промысловъ и для войны съ ляхами за святую церковь между богомольцами. Они вербовали охотниковъ также по шинкамъ и базарамъ. Приглашая голодныхъ и озлобленныхъ въ шинокъ, они за чаркою водки выпытывали ихъ горе и, насуливъ имъ горы золота и столько довольства, что и лопатами не разгребешь, если эти голодные пристанутъ къ ихъ промыслу, они дѣйствительно сманивали къ себѣ голытьбу и увеличивали ею свои шайки. Ватажки занимались также наймомъ рабочихъ по базарамъ. Обѣщая имъ хорошую плату, они, въ качествѣ купцовъ и промышленниковъ, заподряжали такимъ образомъ нѣсколько молодцовъ для промысловъ, а впослѣдствіи раскрывали имъ какого рода промыслъ для нихъ будетъ всего выгоднѣе, и такимъ образомъ шайки ихъ пополнялись въ самой гетманщинѣ. По одному, по два и по три человѣка они переходили за польскую границу или же въ рыбачьихъ лодкахъ, подобно волжской понизовой вольницѣ, переправлялись, въ тайныхъ мѣстахъ, черезъ Днѣпръ, и уже въ польской землѣ находили на первое время пристанище у „добрыхъ людей“ — то въ какомъ-нибудь глухомъ хуторкѣ надъ глубокимъ оврагомъ, то въ лѣсу у знакомаго ватажку пасичника, то въ благочестивомъ монастырѣ, гдѣ православныхъ странниковъ пріючали и кормили до поры до времени.

Такимъ вербовщикомъ въ Кіевѣ и предводителемъ гайда-

маковъ былъ запорожецъ Найда. Происхожденіе и дѣтство этого человѣка носятъ на себѣ печать легендарности. Никто не зналъ ни отца, ни матери Найды, а еще меньше могъ ихъ знать самъ Найда. Его нашли, будто бы ребенкомъ, чумаки около криницы, въ степи, и отдали на воспитаніе запорожцамъ. Запорожцы окрестили ребенка, назвали его Найдою (найденышъ) и поручили кормленіе будущаго гайдамака какому-то кашевару. Еще въ дѣтствѣ Найда отличался необыкновенною живостью и непокорливостью, изъ которыхъ впослѣдствіи образовался буйный запорожецъ. Преданіе говоритъ, что когда Найда былъ еще ребенкомъ, кашеваръ, воспитатель его, боялся чѣмъ либо обидѣть мстительнаго питомца. Если Найда былъ сердитъ на кашевара, то онъ обыкновенно набрасывался на „казаны“ (котлы), въ которыхъ тотъ обыкновенно варилъ запорожцамъ кашу, и опрокидывалъ ихъ, за что маленькаго Найду нещадно били запорожцы, но всегда при этомъ замѣчали, что изъ этого мальчика непремѣнно выйдетъ „песиголовецъ“ (1), хуже чѣмъ разбойникъ. Еще будучи юношей, Найда показывалъ такую силу, что рѣдкій запорожецъ могъ съ нимъ побиться на кулачки. Когда сталъ „казакувать,“ то не было казака храбрѣе Найды, а сила въ рукахъ у него была такова, что онъ и заковывалъ и расковывалъ своего коня безъ кузнеца, просто голыми руками.

Преданіе не говоритъ, что было причиною изгнанія Найды изъ Запорожья. Надо полагать, что непокорливость и буйство довели его до того, что товарищи вынуждены были

---

(1) «Песиголовецъ»—песья голова (въ древности народъ «Песьи головы», по народнымъ понятіямъ).

такъ или иначе избавиться отъ Найды. Найда ушелъ на Донъ, къ донскимъ казакамъ, но и тамъ не могъ ужиться. Онъ убилъ двѣнадцать казаковъ и бѣжалъ въ Кіевъ замаливать свои грѣхи. Въ Кіевѣ Найда поступилъ въ монастырь, и въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ велъ самую строгую монашескую жизнь, замаливая каждый годъ по одной загубленной имъ душѣ человѣческой. Черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ тайно ушелъ изъ монастыря и сдѣлался предводителемъ гайдамаковъ.

Что побудило его послѣ двѣнадцати лѣтъ отшельничества броситься въ такую страшную крайность, какъ гайдамачество—неизвѣстно. Но всего скорѣе предполагать въ немъ тѣ же неразгаданныя побужденія, какія заставляли Стеньку Разина ходить на богомолье въ Соловки, а потомъ разорить весь юго-востокъ Россіи и погубить десятки тысячъ душъ, о которыхъ онъ, быть можетъ, передъ тѣмъ молился въ Соловкахъ. Въ страстныхъ, сильныхъ характерахъ прошлаго времени проявлялась какая-то непостижимая для насъ двойственность и какое-то непонятное противорѣчіе однихъ моментовъ жизни съ другими. Изъ богомольнаго Степана Разина вышелъ страшный атаманъ разбойниковъ, для котораго ничего не значило брать на копье города и убивать въ нихъ все живущее, который, не задумываясь, бросалъ въ море свою любовницу, далеко ему не опостылѣвшую. Рѣдко можно было найдти человѣка кротче, добрѣе и симпатичнѣе Пугачева, когда онъ былъ въ Казани передъ появленіемъ въ полѣ въ качествѣ претендента на русскій престолъ, и этотъ Пугачевъ махалъ хладнокровно рукой, когда къ нему подводили десятки и сотни жертвъ, испрашивая его позволенія повѣсить ихъ или разстрѣлять, и равнодушно смотрѣлъ, когда горѣли передъ нимъ города, раз-

грабленные имъ и зажженные. Въ монастырѣ, говорятъ, долго жилъ и Желѣзнякъ, котораго дѣло—уманская рѣзня—поставила его въ исторіи на ряду съ весьма крупными истребителями жизней человѣческихъ. Страстная, порывчатая натура такихъ людей, которые, по видимому, не находили удовлетворенія своимъ внутреннимъ порывамъ, заставляла ихъ бросаться изъ крайности въ крайность: внутри запроса много, а жизнь не представляетъ отвѣтовъ,—отсюда и метанье изъ крайности въ крайность, изъ монастыря подъ градъ пуль и подъ рѣзню, а изъ рѣзни опять въ монастырь.

Къ такимъ личностямъ, богатымъ по натурѣ и безгранично требовательнымъ, вмѣстѣ съ Стенькою Разинымъ, Пугачевымъ, Желѣзнякомъ и „чудовищемъ“ Заметаевымъ, принадлежалъ и Найда „песиголовецъ“. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ водилъ на Польшу свою шайку, и каждый разъ возвращался съ богатою добычею. Найду часто видѣли въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ этого города, и всякій разъ онъ являлся въ новомъ видѣ. Чаще всего онъ бродилъ по Кіеву и по сосѣднимъ селеніямъ въ костюмѣ монаха, и монашеская ряса охраняла его отъ всякихъ подозрѣній. Но становище его было за Днѣпромъ, на польской землѣ. Въ дремучемъ лѣсу, въ середину котораго вела одна только узкая дорожка изъ глубокаго, заросшаго лѣсомъ оврага, на небольшой полянкѣ вырыты были землянки, въ которыхъ гайдамаки могли жить лѣто и зиму, такъ что имъ съ наступающимъ холодомъ незачѣмъ было разбродиться въ разныя направленія и искать себѣ пристанища, какъ это дѣлали другія шайки, не имѣвшія у себя прочно устроеннаго и укрѣпленнаго притона. Въ томъ же лѣсу, который простирался на нѣсколько десятковъ верстъ, по другимъ полянамъ, паслись гайдамацкія ло-

шади. Въ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ были и пушки, отбитыя Найдою у поляковъ. Густота лѣса не позволяла никому проникнуть въ самую глубь его и такимъ образомъ убѣжище Найды не было открыто. Каждый разъ, послѣ погрома поляковъ, шайка его пропадала, какъ будто она проваливалась сквозь землю, тогда какъ она безопасно отдыхала въ своемъ неприступномъ становищѣ.

Однажды Найда прошелъ съ своею шайкою почти чрезъ всю польскую землю, производя неистовства. Особенно жестоко поступилъ онъ съ однимъ польскимъ селеніемъ, въ которомъ поляки замучили двухъ гайдамаковъ изъ его шайки. Приближаясь къ этому селенію, онъ изъ сосѣдняго лѣса послалъ туда своего лазутчика, который долженъ былъ высмотрѣть, въ какомъ положеніи находится это селеніе, есть ли тамъ войско и съ какой стороны удобнѣе на него напасть. Лазутчикъ былъ посланъ въ ночь, но къ утру не возвратился. Найда переждалъ этотъ день и въ ночь послалъ другаго лазутчика. Но и этотъ не возвращался. Не было никакого сомнѣнія, что лазутчики или измѣнили, или попались въ плѣнъ, что, въ обоихъ случаяхъ, весьма невыгодно было для гайдамаковъ: если лазутчики имъ измѣнили и выдали ихъ, то поляки могли неожиданно сдѣлать нападеніе на шайку и поставить ее въ затруднительное положеніе; если же лазутчики попались въ плѣнъ, то и въ этомъ случаѣ гайдамаки должны были скоро ожидать нападенія въ лѣсу или засады около самаго селенія. Не довѣряя искуству другихъ гайдамаковъ, Найда на третью ночь самъ отправился въ селеніе на соглядатайство, ночью онъ подошелъ къ селенію съ такою осторожностію, что его никто не замѣтилъ, а когда стало разсвѣтать, онъ подползъ къ самой царинѣ и увидѣлъ,

что часовые, поставленные у воротъ селенія, оба заснули. Но тутъ же онъ нашелъ и разъясненіе того, почему посланные имъ на соглядатайство гайдамаки не возвращались. У самой царины, на высокой висѣлицѣ, качались два трупа, повѣшенные за ноги, и въ трупахъ этихъ Найда узналъ своихъ товарищей. Трупы были безъ головъ. На воротахъ же, на двухъ заостренныхъ частоколинахъ, виднѣлись воткнутыя головы.

Озлобленный разбойникъ тотчасъ воротился къ своей шайкѣ и, не выжидая ночи, пошелъ къ селенію на открытый бой. Село не успѣло проснуться, какъ гайдамаки, зарѣзавъ обоихъ часовыхъ, зажгли селеніе и начали расправляться въ пожарѣ. Всѣ поляки и евреи были вырѣзаны, заколоты и задушены до единаго. Маленькихъ дѣтей напарывали на пики и бросали въ огонь. Имущество все разграбили, а ксендза повѣсили на колокольнѣ костела, подвязавъ къ языку колокола, и звонили въ этотъ колоколъ, дергая ксендза за ноги. Но и на этихъ жестокостяхъ не остановились разбойники. Когда все было вырѣзано, гайдамаки сдѣлали „изъ ляховъ греблю“, и по этой греблѣ Найда самъ переѣхалъ черезъ протекавшую тамъ маленькую рѣчку: всѣ трупы были стащены въ эту рѣчку и уложены одинъ на другой, такъ что изъ мертвыхъ тѣлъ составилась плотина, и Найда своимъ конемъ переѣхалъ по трупамъ.

Прекративъ неистовства, шайка направилась дальше; но на дорогѣ встрѣтилась съ сильнымъ польскимъ отрядомъ. Отрядъ этотъ поспѣшалъ изъ сосѣдняго города къ разоренному селенію, получивъ наканунѣ извѣстіе, что тамъ пойманы два подосланные гайдамаки-шпіоны и что, безъ сомнѣнія, не вдалекѣ и самая ихъ шайка. Найда, встрѣтивъ поляковъ, повелъ

свою шайку въ атаку. Въ нѣсколькихъ схваткахъ гайдамаки успѣли сломить и разстроить польскихъ конниковъ, но когда подоспѣла польская артилерія и открыла по гайдамакамъ огонь изъ пушекъ, гайдамаки, потерявъ нѣсколько человѣкъ, бросились бѣжать, тѣмъ болѣе, что вдали показались новые отряды польской конницы. Поляки бросились за бѣглецами и упорно преслѣдовали ихъ по степи на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Заморенные гайдамацкіе кони, навьюченные, сверхъ того, награбленнымъ добромъ, не могли унести на себѣ своихъ всадниковъ, и гайдамаки видѣли, что поляки, рано ли, поздно ли, могутъ ихъ настигнуть. Вдали разстилалась степь и въ этой степи не было ни лѣска, ни перелѣска, гдѣ бы можно было скрыться отъ погони, которая черезъ часъ должна была настигнуть разбойниковъ. Тогда Найда остановилъ свою шайку и велѣлъ ей спѣшиться. Степная трава, по которой они скакали, была очень высока, потому что оставалась нескошенною до конца лѣта. Найда скомандовалъ гайдамакамъ нарвать пучки сухой травы, и, растянувшись въ линію, насколько могла хватить шайка, вытянутая такъ, чтобы одинъ человѣкъ отстоялъ отъ другаго на нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ велѣлъ зажечь сухую степную траву. Трава вспыхнула, и пожаръ охватилъ всю степь, быстро гоня пламя за вѣтромъ. Пожаръ пошелъ прямо на встрѣчу полякамъ, которые въ это время опять показались въ отдаленіи. Страшный степной пожаръ долженъ былъ остановить ихъ, а можетъ быть и погубить окончательно. Найда же, не преслѣдуемый болѣе никѣмъ, благополучно привелъ свою ватагу въ обычное становище.

О подвигахъ Найды доходили вѣсти и до Запорожья, гдѣ его долгое время считали погибшимъ.

Но вотъ однажды въ Сѣчь прибылъ монахъ, который говорилъ, что странствовалъ по всѣмъ святымъ мѣстамъ, былъ на Аѳонѣ, молился за запорожское войско и за спасеніе его отъ москалей въ самомъ Іерусалимѣ. Запорожцы съ удивленіемъ и съ большимъ любопытствомъ слушали его разсказы о святомъ городѣ, сожалѣли о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ тамъ христіанами. Монахъ-странникъ говорилъ, что на слѣдующую весну опять отправляется на аѳонскія горы и въ Палестину, чтобы молиться о дарованіи долгоденствія славному Запорожью и о покореніи подъ ноги его всѣхъ враговъ и супостатовъ. Казаки щедро одѣляли монаха деньгами, и каждый просилъ помолиться о его грѣхахъ и о счастьѣ ихъ общей казацкой матери. На весну монахъ собрался въ путь. Запорожцы провожали его съ большой честью и отправили съ нимъ проводника, который и довезъ странника до границы Запорожья. Черезъ нѣсколько времени чумаки, пріѣхавшіе въ Сѣчь изъ Кіева, привезли кошевому атаману большую просфору, изъ которой была вынута часть, а вокругъ просфоры были написаны слова, глубоко поразившія запорожцевъ, когда они прочитали ихъ. Слова эти были: „За упокой раба божія, славнаго войска запорожскаго низоваго. Отъ Найды“.

Оказалось, что въ одеждѣ странника приходилъ въ Запорожье самъ Найда и, набравъ тамъ большую сумму денегъ, воротился въ Кіевъ, откуда и прислалъ запорожцамъ, своимъ прежнимъ товарищамъ, просфору съ надписью за упокой славнаго войска, котораго уничтоженіе подготовлялось съ осторожностью и тайной.

Но Найда не прекращалъ своихъ набѣговъ на Польшу. Каждую весну онъ появлялся совершенно неожиданно, производилъ опустошенья и съ добычей возвращался въ свое ста-

новище, а на зиму часто отправлялся въ Кіевъ молиться Богу.

Послѣдній набѣгъ его на польскую землю былъ неудаченъ. Поляки давно стерегли его и еще съ зимы приготовили для отраженія гайдамаковъ довольно значительныя силы. Шайка его была окружена между двухъ глубокихъ овраговъ, черезъ которые не могли перебраться гайдамацкія лошади. Гайдамаки долго защищались. Множество изъ нихъ было убито, другіе бросались въ оврагъ. Найда отбивался отчаянно, а потомъ, когда подъ нимъ убита была лошадь и заряды всѣ были истрачены, онъ тоже бросился съ обрыва, думая или разбиться или ползкомъ уйдти отъ непріятеля. Но поляки и тамъ нашли его. Ошеломленный паденіемъ, Найда былъ взятъ живымъ и тотчасъ же связанъ. Захватили и другихъ гайдамаковъ, оставшихся въ живыхъ. Говорятъ, что Найду привязали на пушку и въ такомъ видѣ привезли въ городъ. Всю дорогу онъ ругался, проклиная поляковъ и въ безсильной злобѣ «плевалъ на польское небо", какъ говоритъ преданіе.

Когда гайдамаки были допрашиваемы въ судѣ, ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова. Поляки приговорили ихъ къ жестокимъ казнямъ и части тѣлъ казненныхъ развѣшали на шестахъ вдоль праваго берега Днѣпра, въ видѣ вѣхъ. Найда былъ упорнѣе всѣхъ прочихъ своихъ товарищей, и ему, за нечеловѣческую жестокость, присудили вырѣзать сердце, чтобы посмотрѣть величину и особенность устройства сердца этого страшнаго человѣка.

Но тутъ фабулезность разсказа о Найдѣ доходитъ до послѣдней крайности, какъ и разсказъ о его находкѣ въ степи, около чумацкой криницы.

Пытки Найдѣ производились въ присутствіи губернатора.

Когда палачъ сорвалъ съ гайдамака рубашку и хотѣлъ взрѣзывать ему грудь, всѣ замѣтили подъ лѣвой грудью большую родинку—совершенное подобіе креста. Губернаторъ приказалъ палачу остановить на время свои пытки, и послалъ за своей женой. Найда лежалъ привязанный къ желѣзнымъ кольцамъ по рукамъ и по ногамъ, съ открытою грудью. Губернаторъ, когда вошла его жена старушка, спросилъ ее:

— Узнаешь ты эту грудь?

— Неужели это грудь моего сына! вскричала та и бросилась было къ разбойнику, но тотчасъ же упала въ обморокъ.

Найда не понималъ что вокругъ него происходитъ, хотя и видѣлъ, что случилось что-то необыкновенное.

Губернаторъ началъ снова допрашивать разбойника и горько плакалъ.

— Говори истинную правду, кто ты?

— Я Найда.

— Откуда ты родомъ?

— Не знаю.

— Кто же знаетъ?

— Криница степовая да дорога чумацкая.

— А кто твой отецъ и твоя мать?

— Отецъ мой великій лугъ, а мать моя Сѣчь.

Наконецъ губернаторъ добился таки, что узналъ отъ Найды, какимъ образомъ онъ попалъ въ Запорожье.

— Вотъ твоя мать, сказалъ губернаторъ, указывая на свою жену,—а я твой несчастный отецъ.

Преданіе говоритъ, что Найда дѣйствительно былъ сынъ польскаго губернатора. Въ младенчествѣ еще онъ былъ похищенъ какими-то нищими, въ которыхъ подозрѣвали гайда-

мацкихъ шпіоновъ. У ребенка была замѣчательная родинка подъ лѣвой грудью—совершенное подобіе креста, и по этой родинкѣ мать узнала его больше чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ. Какимъ образомъ онъ очутился въ степи, около криницы, близъ гайдамацкой дороги—преданіе не объясняетъ.

Казнь Найды была отмѣнена. Говорятъ, объ немъ доносили королю, и король самъ помиловалъ его, отдавъ въ распоряженіе губернатора.

Когда Найду спрашивали, что побудило его такъ ожесточиться противъ поляковъ, онъ сказалъ:

— Въ молодости я убилъ двѣнадцать казаковъ и пошелъ въ монастырь замолить свой грѣхъ. Двѣнадцать лѣтъ молился я, цѣлый годъ замаливалъ одну душу христіанскую, и думалъ, что Богъ простилъ меня. Но Богъ меня не простилъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ во снѣ пришелъ ко мнѣ старичекъ и повелъ меня на тотъ свѣтъ. И вижу я на томъ свѣтѣ адъ, и въ огнѣ, съ другими грѣшниками, мучится какой-то человѣкъ, взбираясь на огненную гору. И спрашиваю я: „чья это душа?“ — „Это твоя душа мучится, отвѣчалъ старикъ: ты погубилъ на томъ свѣтѣ двѣнадцать душъ, а на этомъ свѣтѣ долженъ перейдти двѣнадцать разъ черезъ двѣнадцать огненныхъ горъ, чтобъ только издали увидать рай.“ И увидѣлъ я знакомаго запорожца, который тоже взбирался на огненную гору: у него на плечахъ былъ кожаный мѣшокъ съ человѣческою кровью, и когда онъ поливалъ огненную гору кровью изъ этого мѣшка, огонь потухалъ, и запорожецъ голыми ногами взбирался на гору. „Кто это?“ спросилъ я.—„Это гайдамакъ: онъ убилъ запорожца, и за это попалъ въ пекло. А въ мѣшкѣ у него лядская кровь, что онъ пролилъ за вѣру православную: этой кровью онъ поливалъ огненную гору и

гора не жжетъ его ногъ, и черезъ эту кровь онъ попадетъ въ рай.“ И пошли мы дальше. И увидѣлъ я кровавую рѣку и черезъ эту рѣку плыветъ много-много народу, но не доплываетъ и до середины — такъ широка рѣка. „А это кто такіе?“ спросилъ я.—„Это ляхи-католики, что рѣзали людей за вѣру православную. А та кровавая рѣка—то кровь русская: поляки столько ея пролили за вѣру, что изъ крови сдѣлалась рѣка, и черезъ эту рѣку ляхи не могутъ переплыть до конца вѣка. А за рѣкою—рай божій“... Когда я все это увидѣлъ на томъ свѣтѣ (заключилъ Найда), я и пошелъ въ гайдамаки рѣзать ляховъ за вѣру, чтобъ ихъ кровью на томъ свѣтѣ заливать пекельную огненную гору.“

Такое возмутительное преданіе могла только создать безконечно глубокая историческая ненависть народа къ бывшимъ его гонителямъ. Русская кровь, которой пролита цѣлая рѣка, не позволяетъ полякамъ попасть въ рай, потому что они не въ силахъ переплыть черезъ кровавую рѣку. Напротивъ, польская кровь, которую казаки и гайдамаки проливали за свою вѣру, помогаетъ грѣшникамъ заливать огненныя горы, чѣмъ и увеличивается возмутительность и безнравственность всего смысла этого преданія. Неудивительно, что у полудикаго народа, воспитаннаго въ такихъ понятіяхъ, не могла никогда выработаться идея сближенія съ поляками. И едва ли не вся вина въ этомъ страшномъ настроеніи народа лежитъ на іезуитахъ, которые осмѣлились трогать то въ народѣ, до чего прикоснуться страшно: экономическія, такъ сказать, обиды народъ еще забываетъ, когда улучшается это экономическое состояніе, но нравственныхъ обидъ онъ долго не можетъ забыть.

Что было съ Найдой послѣ этого — преданіе не объясняетъ ([1]).

Эпизодъ этотъ мы относимъ къ той эпохѣ изъ исторіи гайдамачины, которая предшествовала уманской рѣзнѣ. Во первыхъ, въ преданіи о Найдѣ нѣтъ никакихъ упоминаній ни о Гонтѣ, ни о Желѣзнякѣ. Во вторыхъ, гайдамачество въ это время уже преслѣдовалось запорожскимъ войскомъ, а серьезное преслѣдованіе его началось только въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ тогдашнихъ шестидесятыхъ годовъ. Въ этомъ преданіи замѣчательно еще то обстоятельство, что гайдамацкіе ватажки перенесли свою вербовку изъ низовьевъ Днѣпра, изъ Запорожья и изъ южныхъ степей въ самую населенную часть Малороссіи, въ Кіевъ, куда запорожскій надзоръ не могъ проникнуть.

Какъ бы то ни было, однако гайдамачина, не смотря на мѣры, принятыя противъ нея поляками и запорожскимъ начальствомъ, не издыхала окончательно, хотя, какъ видно изъ офиціальныхъ свѣдѣній того времени, какъ бы нѣсколько пріутихла. Извѣстно, что между русскими и польскими пограничными землями, не исключая и Запорожья, при всей враждебности элементовъ польскаго и южно-русскаго, существовали дружественныя и торговыя сношенія, которыя особенно становились замѣтными съ начала XVIII столѣтія. Кромѣ переселенія на правый берегъ, на льготныя мѣста, что особенно усилилось въ XVIII вѣкѣ, когда южно-русскій народъ почувствовалъ, что ему не легко живется и безъ польскаго ярма, тяготившаго его до Хмѣльницкаго, существовали и

([1]) Этотъ эпизодъ изъ исторіи гайдамачины записанъ нами отъ г. Калиновскаго, въ 1859 г.

*

торговыя связи между пограничными народностями, какъ мы уже и упомянули объ этомъ. Медъ, воскъ, сало, хлѣбъ, рыба, мѣха, кожи, водка, сукна, лошади и рогатый скотъ, съ другой стороны издѣлія фабричныя, оружіе, конская сбруя, шелковыя ткани—вотъ что нужно было или правому побережью Днѣпра, или лѣвому, и этими товарами обѣ стороны обмѣнивались на существовавшихъ тамъ ярмаркахъ и рынкахъ. Запорожцу нужны были матеріи и украшенія для его костюма, нужно было хорошее ружье, пистолетъ, кинжалъ и наборная конская сбруя съ чепракомъ, и онъ, чего не имѣлъ у себя, шелъ за этимъ въ Польшу, а Польшѣ давалъ своихъ степныхъ коней, свою рыбу, шерсть своихъ овецъ, сало. Торговля, такимъ образомъ, должна была сближать обѣ стороны, а между тѣмъ гайдамачина и стояла на самомъ рубежѣ двухъ государствъ и мѣшала этой торговлѣ, такъ что на время она почти совершенно прекратилась, и только изрѣдка видѣли на польскихъ ярмаркахъ запорожцевъ, которые, выручивъ за свой товаръ хорошія польскія деньги, гуляли въ виду польской шляхты, желая тѣмъ показать, что имъ деньги ни почемъ. А когда гулялъ запорожецъ, то тутъ и музыка, и пляска, и неизбѣжная принадлежность гульни—бандуристы, которые бы прославляли дѣянія славнаго казачества.

Къ шестидесятымъ годамъ правильныя сношенія лѣваго и праваго приднѣпровья, нарушенныя было гайдамачиною, опять возстановляются.

За это успокоеніе страны поляки особенно благодарили кошеваго Лантуха. Такъ корсунскій губернаторъ Суходольскій присылалъ ему сшитыя рубашки и благодарилъ за то, что съ паспортомъ, даннымъ ему Лантухомъ, онъ безопасно пе-

реѣхалъ всѣ степи до самой Сѣчи, и никто его не тронулъ. Лисянскій губернаторъ Кржимовскій прямо говоритъ Лантуху, что онъ своими распоряженіями умѣетъ „своевольное гультайство строго наказывать и удерживать, отчего теперь польскіе помѣщики, спокойно въ Польшѣ живя, Господа Бога за его добродѣтель молятъ“ (1761). Самый крупный магнатъ польской Украины, у котораго было нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ въ той странѣ, Францъ Салезій Потоцкій, воевода земли кіевской, генералъ или предводитель провинціальныхъ сеймовъ, главный региментарь всѣхъ украинскихъ войскъ Рѣчи Посполитой, когда Лантуха опять сдѣлали кошевымъ, по представленію графа Румянцева, такъ, между прочимъ, поздравляетъ кошеваго съ новой должностью: „Пользуясь случаемъ возложенія на васъ по волѣ ея императорскаго величества власти надъ войскомъ вашимъ, и зная благоразумныя ваши распоряженія къ устройству своевольныхъ людей и тѣмъ обезпеченіе мира въ краѣ нашемъ, желаю вамъ долголѣтняго управленія“ и такъ далѣе (1762 г.).

Всѣ эти изъявленія благодарности къ Лантуху за временное успокоеніе страны отъ гайдамацкихъ набѣговъ ясно говорятъ о томъ, въ какомъ страхѣ держали Польшу украинскіе гультаи, а съ другой стороны свидѣтельствуетъ о безславіи Рѣчи Посполитой, которая не въ состояніи была сама наказать виновниковъ своего безпокойства. „До чего дошелъ теперь прекрасный край нашъ, имѣя столько источниковъ могущества! (говоритъ полякъ, современникъ гайдамачины). Нѣтъ намъ ни уваженія у сосѣдей, ни безопасности внутри государства. И всему этому причиною гордость нашихъ магнатовъ. Они не хотѣли повиноваться королямъ своимъ и всячески старались ослабить въ народѣ уваженіе къ престолу.

Отравили жизнь вѣнскаго героя. Августу II поднесли горькую чашу, хотя, можетъ быть, и по заслугамъ. А что всего хуже, на сеймѣ, который прозванъ „нѣмымъ,“ отняли у отечества послѣднія силы, распустивъ народное войско и уменьшивъ его до нѣсколькихъ тысячъ. Самъ нынѣшній король нашъ не былъ бы такъ намъ постылъ, еслибъ они не связали ему рукъ. У нихъ довольно на жалованьѣ надворнаго войска, но они его держатъ только для собственныхъ надобностей. Жалкую жизнь ведутъ наши пограничные обыватели, находясь въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ“ (1). Какъ ни была, слѣдовательно, безобразна жизнь въ русской Украинѣ, но въ польской она была еще безобразнѣе. Въ русской исторіи мы видимъ, напримѣръ, что бродячія силы народа, ищущія разгула, притекаютъ къ тѣмъ оконечностямъ государства, гдѣ всего менѣе проченъ гражданскій строй, и потому народныя смуты преимущественно разыгрывались въ районѣ средняго и нижняго поволжья. Въ то время, когда русскія войска, подъ предводительствомъ Грознаго, стояли подъ Казанью, все поволжье было во власти великорусскихъ гайдамаковъ, какими можно назвать буйныя ватаги казаковъ, бродившія по юго-восточнымъ рубежамъ Россіи, подъ предводительствомъ Ермака, впослѣдствіи покорителя Сибири. Медленно водворялся гражданскій строй въ поволжьѣ. Воеводы, правившіе этимъ краемъ въ XVIII вѣкѣ, ничѣмъ не были лучше людей, управлявшихъ польскою Украиною въ половинѣ XVIII вѣка, хотя были несравненно грубѣе послѣднихъ. Воеводы эти, какъ и польскіе губернаторы Украины, не могли устроить и обезопасить края, которымъ правили, и край

(1) Зап. о южн. Рус., II, 117.

этотъ легко дѣлался добычею такихъ гайдамаковъ, какъ Степанъ Разинъ и его сподвижники. Въ XVIII вѣкѣ гражданскій порядокъ какъ въ поволжьѣ, такъ и въ польской Украинѣ былъ одинаково слабъ. Хотя воеводы и коменданты поволжскихъ городовъ, безъ сомнѣнія, ничѣмъ не были ниже воеводъ и комендантовъ болѣе центральныхъ городовъ русскихъ, однако они ничего не могли сдѣлать для успокоенія поволжья въ то время, когда въ центральныхъ губерніяхъ это спокойствіе давно уже не было нарушаемо такими смутами, какъ каждогодное появленіе разбойничьихъ шаекъ. Губернаторы и коменданты поволжскихъ городовъ — Якоби, Кречетниковъ, Цыплетевъ, Перепечинъ, Меллинъ, Юнгеръ, Пиль, Бошнякъ, — не имѣли въ своихъ рукахъ достаточно силы, чтобы изъ полудикой страны, куда все шло искать или воли или поживы, сдѣлать подобіе центральныхъ русскихъ губерній, гдѣ давно улеглось броженіе. Тоже самое было и въ польской Украинѣ, гдѣ Потоцкіе, Браницкіе, Яблоновскіе, Сангушки, Любомирскіе и Радзивилы, не смотря на свои матеріальныя силы, были также безсильны водворить порядокъ въ странѣ, гдѣ государственные элементы еще не уложились въ стройную систему, какъ безсильны были Якоби, Кречетниковы и Цыплетевы въ поволжьѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ во всѣхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ развитіе государственной жизни въ нижнемъ поволжьѣ и въ нижнемъ поднѣпровьѣ, замѣчательную аналогію, которая должна была, въ концѣ концовъ, привести и тамъ и здѣсь къ аналогическимъ результатамъ. И тамъ и здѣсь народныя движенія совершаются около двухъ самыхъ большихъ рѣкъ въ Россіи. Съ самаго основанія гражданскаго общества въ Россіи, Волга и Днѣпръ были ареною, гдѣ на-

родная удаль показывала свои силы. Днѣпромъ ходили когда-то варяги черезъ всю нынѣшнюю Русь до Византіи: это были своего рода удалые добрые молодцы, которые, при норманской наклонности къ гайдамачеству, дѣлали набѣги на Русь и на Грецію. Ватажки скандинавскихъ гайдамаковъ, Аскольдъ и Диръ, взяли съ своими ватагами Кіевъ, подобно тому какъ русскій ватажокъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, Ермакъ, взялъ впослѣдствіи Сибирь и отдалъ ее Россіи. Какъ варяги ходили по Днѣпру, такъ потомъ новгородскіе добрые молодцы, „ушкуйники,“ ходили по Волгѣ и, подобно украинскимъ гайдамакамъ, наводили страхъ на владѣвшихъ поволжьемъ болгаръ и впослѣдствіи татаръ казанскихъ и золотоордынскихъ. Когда новгородскую вольницу уложили въ рамки государственности и поволжье было покорено Россіею, то, за неимѣніемъ новгородскихъ „ушкуйниковъ,“ Волга привлекла къ себѣ другихъ добрыхъ молодцовъ, начиная Ермакомъ, Разинымъ и кончая Заметаевымъ. Когда въ Кіевѣ окрѣпла государственность, бродячія силы народа, или что тоже украинскіе „ушкуйники,“ или удалые добрые молодцы, ушли съ своей удалью на низъ Днѣпра и долго не подчинялись государственнымъ формамъ и требованіямъ порядка. И на Волгу, слѣдовательно, и на Днѣпръ шло все то, что не могло ужиться въ своемъ обществѣ и покориться извѣстнымъ порядкамъ. Но когда бродячимъ народнымъ силамъ стало тѣсно жить и въ Запорожьѣ, они выдѣлились оттуда въ видѣ гайдамачины, какъ и въ поволжьѣ выдѣлилась понизовая вольница.

Повторяемъ, все это было только на Волгѣ и на Днѣпрѣ, и ничего подобнаго не было ни на Двинѣ, ни на Окѣ. И на Волгѣ и на Днѣпрѣ образовалась цѣлая народная ли-

тература, воспѣвающая подвиги народныхъ героевъ, начиная съ XVI и кончая XIX вѣкомъ, и опять-таки ничего подобнаго не было ни на Двинѣ, ни на Окѣ. Наконецъ и на Волгѣ, и на Днѣпрѣ въ одно и тоже время произошли послѣднія народныя вспышки, отличавшіяся громадностью размѣровъ, — пугачевщина и коліивщина, т. е. тожественность явленій въ народной жизни и болѣе или менѣе близкая одинаковость положенія народа въ той и другой мѣстности привели къ одному и тому же результату и тамъ и здѣсь. Значитъ, и тамъ и здѣсь, если случилось то, что случилось, то иначе и быть не могло, потому что и то и другое явленіе, и пугачевщина, и коліивщина, были *неизбѣжны*.

Но хотя всѣ явленія въ исторической жизни народовъ совершаются по неизмѣннымъ логическимъ законамъ, а слѣдовательно неизбѣжны, однако изъ этого еще не слѣдуетъ, что и то, что случилось въ поволжьѣ и въ поднѣпровьѣ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, непремѣнно *должно было* случиться. Все это могло и быть и не быть. Вытекаемость одного историческаго явленія изъ другаго служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что если бы въ поволжьѣ и во всей Россіи, а также въ поднѣпровьѣ и во всей южной Россіи и въ Польшѣ, не было того, что было въ XVII вѣкѣ въ этихъ странахъ, если бы положеніе этихъ странъ было болѣе отрадно, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, то и не вышло бы того, что вышло въ XVIII вѣкѣ. Если бы, слѣдовательно, тѣ, кому ввѣрены неизбѣжнымъ ходомъ событій судьбы народа, болѣе заботились о благосостояніи народа, то ни въ Россіи, ни въ Малороссіи, ни въ Польшѣ народъ этотъ не страдалъ бы ни въ XVII, ни въ XVIII вѣкѣ, и потому въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ онъ не вынужденъ былъ бы заявить

кровавымъ протестомъ о томъ, что о немъ забыли, что о немъ не заботились, что ему невыносимо жить. И тамъ и здѣсь опять повторился неизмѣнный законъ историческаго возмездія. Если бы на благосостояніе народа, въ свое время, употребленъ былъ трудъ, если бы въ свое время позаботились о томъ, чтобы народу легче было жить, то не пришлось бы впослѣдствіи платиться такъ дорого за ту безпечность, съ которой относились къ этому народу тѣ, которые имѣли и силу, и возможность дать народу средства къ жизни и по крайней мѣрѣ не дать ему умирать съ голоду — не дали ни того, ни другаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не научили его даже тому, чему должны были научить. Оттого и въ великорусскомъ и въ украинскомъ народѣ сложилось упорное убѣжденіе, которое въ прошломъ вѣкѣ было въ полной силѣ, убѣжденіе, что надо истреблять пановъ; русскій народъ говорилъ, что господъ „по рукамъ“ разбирать будутъ, т. е. по тому какія у кого руки, бѣлыя, нѣжныя, или черныя, грубыя, мозолистыя, и у кого бѣлыя руки — тѣхъ истреблять. Это народъ и исполнилъ въ свое мремя. Украинскій же народъ былъ того убѣжденія, что для того, чтобы на томъ свѣтѣ перейдти черезъ огненную гору, надо набрать цѣлый мѣхъ панской, польской и еврейской крови и съ этимъ мѣхомъ идти на тотъ свѣтъ. И народъ старался наполнить мѣха панскою кровью въ то время, какъ паны такъ безпечно играли и своею жизнью, и жизнью народа, и жизнью всего государства (1).

---

(1) ..... „Obok tylu klęsk i wysilenia się na prześladownictwo religijne. wzmagała się prawdziwa ciemnota. Ukazały się jednak złe skutki z tych klęsk i umysłowéj niewoli. Zabobon rozkrzewiony, fa-

Такимъ образомъ, сколько вся Россія виновата въ пугачевщинѣ, столько же вся Польша, сама того не вѣдая, а равнымъ образомъ и властвующіе элементы въ Малороссіи, виноваты въ гайдамачинѣ и уманской рѣзнѣ.

Къ уманской рѣзнѣ мы и перейдемъ теперь.

XI.

„Уманская рѣзня“ или, какъ говорятъ поляки, „Rzeź Humańska,“ „Уманская бѣда,“ „Бунгъ Желѣзняка и Гонты“ или „Коліивщина“ имѣетъ такое же отношеніе къ исторіи гайдамачины вообще, какъ пугачевщина къ исторіи поволжской понизовой вольницы. Уманская рѣзня была заключительнымъ и самымъ страшнымъ актомъ послѣднихъ кровавыхъ движеній южно-русскаго народа, который, послѣ этой вспышки, успокоился, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ очень надолго.

Впрочемъ, вспышки этой могло и не быть, или, можетъ быть, она проявилась бы нѣсколько иначе, не съ тѣмъ ожесточеніемъ, какое въ ней проявилось, если бы поляки сами не приблизили часа развязки,—хотя поляковъ, жившихъ въ

---

natyczne zawziętości wielką część narodu upadlały i w niechęci utrzymywały. Stany niższe poczynały przejmować wyraz poniżenia. Szlachecki, składający naród panujący, nie zdolny iść jak niegdyś na równi w postępie oświecenia z resztą Europy, w swych uczuciach i działaniu odrętwiały, zalegał ustronia w nieczynności; tam odurzających szukał rozrywek; polubiono napoje, swarliwe pieniactwo jedyném stało sie zatrudnieniem. Poklaskiwano jak sie seymy rozrywały, cieszono sie że Polska nieładem stała“. Такъ Лелевель оплакиваетъ положеніе Польши, предшествовавшее гайдамачинѣ и уманской рѣзнѣ.

тѣ предсмертныя минуты существованія ихъ царства, едва ли можно винить въ чемъ нибудь, такъ какъ въ ихъ положеніи дѣйствительно можно было потерять голову.

Въ это время у нихъ умеръ послѣдній король, котораго они избрали свободно, по своей волѣ—Августъ III, нѣмецъ изъ Саксоніи, король хотя плохой, но все же никѣмъ не навязанный имъ. Предстояло избрать другаго короля. На генеральномъ конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ по этому случаю, примасъ республики, описывая мрачными красками состояніе Польши, указывалъ представителямъ этой погибавшей Польши, что дикое озлобленіе партій, полное непониманіе потребностей націи и безсмысленное пренебреженіе народными интересами ведутъ и ихъ самихъ, и ихъ народъ къ погибели. Онъ взывалъ къ націи, чтобы она опомнилась наконецъ, поняла бы, что стоитъ на краю глубокаго обрыва, что не далеко тотъ часъ, когда погибнетъ все, ихъ права и вольности, ея гордость и сила, нѣкогда столь страшныя и несокрушимыя. Вглядитесь, говорилъ онъ, какъ внутреннія смуты раздираютъ наше царство. Всѣ наши разглагольствованія не ведутъ ни къ чему. Наши сеймы безплодны. Мы называемъ себя свободнымъ и независимымъ народомъ, а между тѣмъ изнываемъ подъ тяжкимъ ярмомъ неволи, испытываемъ всѣ ужасы войны. Надъ нами тяготѣетъ бѣдствіе рабства, а мы не имѣемъ ни довольно силы, чтобы обсудить свое ужасное положеніе, ни мужества отвратить грозящую опасность. Онъ указывалъ на полное отсутствіе въ народѣ моральныхъ и физическихъ силъ, на недостатокъ администраціи, на пренебреженіе безопасностью страны, которая не имѣетъ ни крѣпостей, ни гарнизоновъ, ни постояннаго войска. Заброшенныя крѣпости давно запустѣли. Ничтожные гарнизоны безсильны. Границы открыты

для всякаго набѣга (что̀ и доказывали каждый годъ шайки гайдамаковъ въ родѣ Чуприны, Чертоуса, Найды и другихъ менѣе крупныхъ). Царство наше, говорилъ примасъ, похоже на домъ безъ кровли, на зданіе, потрясаемое вѣтрами, на жилище безъ владѣльцевъ, готовое рухнуть съ подгнившаго основанія, если только провидѣніе не сжалится и не поддержитъ это зданіе. Воображеніе не можетъ представить ничего печальнѣе нашей участи. Законы въ презрѣніи или бездѣйствуютъ, какъ негодная тяжесть. Суды безсильны противъ посягательствъ и преступленій. Свобода задавлена насиліемъ и произволомъ. Государственная казна истощена наплывомъ иностранной монеты низкаго достоинства. Провинціальные города, лучшія украшенія царства, теперь безлюдны. Жалкая торговля въ рукахъ евреевъ. Наконецъ, мы должны искать „городовъ въ самихъ городахъ,“ потому что въ нихъ все разрушено и опустошено—и дома, и улицы, и площади, и общественныя мѣста. Даже церкви не пощажены: онѣ обращены въ бойни, гдѣ безнаказанно рѣжутъ народъ ([1]).

Таково было положеніе Польши передъ уманской рѣзней, по словамъ самихъ поляковъ.

Но вотъ поляки избрали себѣ короля, Станислава Понятовскаго, стольника литовскаго, по обязательной рекомендаціи Россіи ([2]). Избраніе было пышно, но не такъ бурно, какъ въ старые годы.

За избраніемъ Понятовскаго слѣдуютъ еще болѣе жалкіе

([1]) См. нашу статью—«Выдержки изъ исторіи Польши» («Русское Слово», 1861, № 9).

([2]) Любопытныя подробности объ этомъ можно видѣть въ статьѣ г. Дубровина въ «Вѣстникѣ Европы».

годы въ исторіи Польши, жалче которыхъ не было да уже и не будетъ. Государство видимо разлагается. Всѣ проявленія представителей націи носятъ на себѣ печать какого-то отупѣнія. Все дѣлается точно во снѣ. Ни въ чемъ не видно ни смысла, ни цѣли, ни общихъ стремленій. Сила республики давно погибла, а дворянство все еще хватается за какіе-то призраки и само продаетъ послѣднюю тѣнь свободы. Варшава и дворъ пируютъ наканунѣ смерти. Станиславъ любезничаетъ съ дамами и разсыпаетъ остроуміе. Въ театрѣ такъ весело, такъ шумно. Въ гостиныхъ магнатовъ столько блеска и роскоши, такіе звонкіе стихи читаются на вечерахъ, въ пышныхъ дворцахъ, защищенныхъ стражею, которой потому и не хватаетъ на границахъ для защищенія государства отъ гайдамаковъ. А на улицахъ Варшавы уже слышны по вечерамъ звяканье сабель, пистолетные выстрѣлы, призывъ на помощь, и никто не отворитъ окна, чтобы освѣдомиться, кто погибаетъ на улицѣ. Все это такъ обыкновенно, такъ натурально. Варшава веселится—а вдали отъ Варшавы что-то готовится необыкновенное, замѣтно какое-то движеніе, и только холопы крѣпче запираютъ свои жалкія избушки, все чего-то боятся, ждутъ чего-то нехорошаго, потому что хорошаго не видали ни разу въ жизни. Между тѣмъ войска сосѣдей все тѣснѣе и тѣснѣе стягиваются у предѣловъ республики, переходятъ границы, все ближе и ближе къ Варшавѣ. Вотъ уже варшавскія дамы любезно танцуютъ съ русскими и прусскими офицерами ([1]).

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ это время Желѣзнякъ молился въ монастырѣ. Его очередь еще не пришла.

([1]) Выдержки изъ исторіи Польши.

Но вотъ поляки недовольны своимъ королемъ, какъ креатурой русскихъ. Сальдернъ, представитель Россіи въ Варшавѣ, грозитъ имъ Сибирью, говоритъ, что „всѣхъ зарубитъ“ (tous sabrez). Поляки одумались и образовали конфедерацію, сначала въ Радомѣ, потомъ въ Барѣ.

Эта послѣдняя конфедерація, совершенно кажется по ошибкѣ, была несчастною причиною того, что Желѣзнякъ пересталъ молиться въ монастырѣ и поднялъ на ноги гайдамаковъ для уманской рѣзни.

Барская конфедерація провозглашена была въ февралѣ 1768 г. Предводителями и руководителями ея были братья Пулавскіе, Іосифъ и Казимиръ, изъ которыхъ одинъ находился послѣ при особѣ Пугачева, Станиславъ Феликсъ Потоцкій,—знаменитый воевода русскій, извѣстный болѣе подъ именемъ „Щенснаго“ (Счастливаго), Ксаверій Браницкій, великій коронный гетманъ, князь Радзивилъ, воевода виленскій, Венцеславъ Ржевускій, воевода краковскій, съ сыномъ Севериномъ, и князь Любомирскій, воевода брацлавскій, одинъ изъ тѣхъ, которые уничтожали гайдамакскія шайки Чуприны и Чортоуса. Случайно или нѣтъ, но только коноводы барской конфедераціи всѣ были самые богатые помѣщики обѣихъ Украинъ, какъ польской, такъ и русской. Они же были противниками русскаго вліянія при польскомъ дворѣ, а слѣдовательно и короля Понятовскаго. Они же были, наконецъ, на зло королю, на зло Россіи и—по ошибкѣ — на зло самой Польшѣ, друзьями іезуитовъ и преслѣдователями „диссидентовъ“, т. е. польскихъ протестантовъ и православныхъ, къ которымъ принадлежали, слѣдовательно, почти всѣ ихъ крестьяне на Украинѣ, а съ ними вмѣстѣ и Желѣзнякъ, въ то время монастырскій послушникъ.

Католическое рвеніе польскаго дворянства, съ XVII столѣтія разжигаемаго, во славу папъ римскихъ, отцами іезуитами, много стоило и денегъ, и крови Польшѣ. Оно же и погубило ее окончательно. Это рвеніе, выразившееся уніею, подняло на ноги Хмѣльницкаго, а съ нимъ и всю Украину, и заставило эту послѣднюю навсегда оторваться отъ Польши, чтобъ отдаться Россіи. Изъ-за уніи велись нескончаемыя войны, которыя и ослабили Польшу. Отцы іезуиты не угомонились и въ XVIII вѣкѣ: имъ все хотѣлось изъ малороссіянъ сдѣлать такой же динарій святаго Петра, какой они сдѣлали изъ Польши. Напрасно Россія, Пруссія, Австрія и Англія предостерегали Польшу отъ мѣръ преслѣдованія некатоликовъ, которыя продолжали приниматься на сеймахъ. Напрасно эти державы напоминали ей о горькихъ послѣдствіяхъ ея неполитичныхъ мѣръ. Поляки ничего не хотѣли слышать, и когда Понятовскій, при помощи русскаго вліянія, успѣлъ нѣсколько выгородить права дисидентовъ, польское дворянство, справедливо видя въ этомъ неуваженіе къ ихъ знаменитому „nie pozwalam,“ въ сущности дикому и погубившему Польшу, но для нихъ дорогому и священному праву,— рѣшилось такъ или иначе противодѣйствовать и королю, и Россіи съ ея союзникомъ Фридрихомъ II, который, въ письмѣ къ Даламберу, называлъ поляковъ „варварами,“ и Маріею Терезіею, которой уже назначена была на булавки „ein elendes Stück von Polen“ (1).

Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ все, что не касается непосредственно гайдамачины, мы приступимъ прямо къ объя-

(1) Sybel, Histor. Zeitschr., 1859 (Waitz).

сненію того, какое отношеніе барская конфедерація имѣла къ началу уманской рѣзни.

Всѣ польскіе хроникеры, оставившіе намъ описаніе уманской рѣзни, и Янъ Липоманъ, и Вероника Кребсъ, и Тучапскій одинаково повѣствуютъ, что въ мартѣ 1768 года барскіе конфедераты, въ томъ числѣ Пулавскій, предводитель барской конфедераціи, въ значительной массѣ пришли въ одно изъ имѣній князя Радзивила, въ Спичиницы, и часть изъ нихъ, въ числѣ человѣкъ шестидесяти или болѣе, явилась вглубь польской Украины, въ староство чигринское и, надѣлавъ тамъ тревоги и замѣшательства, особенно между поспольствомъ, удалилась (1).

Что именно надѣлали тамъ конфедераты, польскіе хроникеры не говорятъ. Но по разсказамъ очевидцевъ, которыми покойный Шевченко воспользовался при написаніи своей знаменитой поэмы „Гайдамаки“, мы можемъ пополнить этотъ недостатокъ. Шевченко, въ предисловіи къ своей поэмѣ, говоритъ, что событія 1768 года онъ передаетъ такъ, какъ слышалъ ихъ отъ старыхъ людей, но что печатнаго объ уманской рѣзнѣ онъ не читалъ ничего. Дѣйствительно, до 1841 г., когда Шевченко писалъ свою поэму, въ Россіи ничего еще не было печатнаго объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи украинскаго народа, и потому Шевченко могъ знать объ этомъ эпизодѣ только то, что говорилъ народъ и что еще помнили въ то время, собственно въ дѣтствѣ Шевченка, старики, у которыхъ во очію совершилась гайдамачина, вмѣстѣ съ уман-

---

(1) ....„a narobiwszy trwogi i zamięszania, szczególnie między pospólstwem, oddaliła się“. Rzeź Humanska, J. Lippomana (Bunt Żeleźniaka i Gonty; 1768 r. Przyjaciel ludu, w Lesznie 1842—43 T. I и II).

ской рѣзней. Въ эпилогѣ своей поэмы Шевченко упоминаетъ даже, что все это онъ еще ребенкомъ слышалъ отъ своего дѣда, который бывало разсказывалъ его отцу и сосѣдямъ о томъ, какъ „Желѣзнякъ и Гонта ляховъ покарали“, а поэтъ это слушалъ и плакалъ, спрятавшись за печкой. Въ эпилогѣ этомъ Шевченко обращается съ благодарностью къ своему дѣду за то, что старикъ сберегъ „въ своей столѣтней головѣ эту *казацкую славу* и разсказалъ ее потомъ внукамъ.“ Разскащикъ, слѣдовательно, а за нимъ и поэтъ смотрѣли на это кровавое дѣло какъ на „казацкую славу“, при воспоминаніи о которой у старика „столѣтніе глаза какъ звѣзды блистали, а слово за словомъ лилось и смѣялось“, а потому надо полагать съ увѣренностью, что старикъ свято хранилъ память о „казацкой славѣ“ и, какъ самовидецъ, не забывалъ ни одной черты изъ страшнаго эпизода своей родины. Разсказъ его, такимъ образомъ, становится историческимъ документомъ. Онъ является такимъ при сличеніи его съ опубликованными впослѣдствіи офиціальными документами и хрониками того времени. На основаніи всего этого мы полагаемъ, что не погрѣшимъ противъ исторической истины, если позволимъ себѣ пользоваться фактами изъ поэмы Шевченка, для сличенія ихъ съ другими фактами, или когда этихъ другихъ фактовъ будетъ недоставать. Притомъ же все то, что сказалъ Шевченко въ своей поэмѣ объ уманской рѣзнѣ, не прочитавъ до этого ничего печатнаго, положительно подтверждается документами, изданными послѣ выхода въ свѣтъ его поэмы, и не противорѣчатъ съ ними.

Такимъ образомъ, на основаніи народныхъ разсказовъ, приведенныхъ въ поэмѣ Шевченка, мы можемъ знать что дѣла-

ли конфедераты въ староствѣ чигиринскомъ или, какъ говоритъ польскій хроникеръ, „narobili trwogi i zamięszania.“

Толпа пьяныхъ конфедератовъ (поступки которыхъ не должны, конечно, ложиться тѣнью на лучшихъ представителей конфедераціи, такъ какъ негодяи были и между конфедератами, какъ они бываютъ вездѣ) вломилась въ корчму еврея, съ бранью и побоями требуя у него вина и денегъ. Когда еврей говорилъ, что у него нѣтъ денегъ, его заставили „креститься“, а потомъ, наругавшись надъ своей жертвой, вновь требовали денегъ. Еврей указалъ имъ на сосѣднее село Вильшану (или Ольшана), гдѣ, по его словамъ, у ктитора были церковныя деньги. Конфедераты заставили еврея вести ихъ къ ктитору.

Здѣсь уже конфедераты дошли до неистовства. Они требовали у ктитора денегъ,—тотъ молчалъ. Конфедераты скрутили ему назадъ руки веревкой и ударили объ землю. Но и тутъ ктиторъ не сказалъ ни слова. Конфедератамъ показалось мало этой муки. Они вскипятили смолу и стали несчастнаго поливать горячей смолой. Тотъ все молчалъ. Тогда въ голенища ему насыпали горячихъ угольевъ и стали „въ темя закатывать цвяшки.“ Этой муки не вытерпѣлъ старикъ и тутъ же подъ ударами умеръ. Конфедераты были поражены этой мученической смертью и задумались что имъ дѣлать. Рѣшили зажечь церковь. Въ это время вбѣгаетъ дочь ктитора. Конфедераты взяли ее съ собой и ушли изъ Вильшаны.

Таково народное преданіе о томъ, что дѣлали конфедераты въ чигиринскомъ староствѣ, о чемъ упоминаютъ Липоманъ и Кребсъ въ общихъ фразахъ.

Само собою разумѣется, что вѣсть о неистовствахъ кон-

федератовъ въ Вильшанѣ, объ убіеніи тамъ церковнаго ктитора и о похищеніи его дочери быстро разнеслась по польской Украинѣ—и крестьянамъ вспомнились опять всѣ прежнія и новыя обиды отъ ляховъ и католиковъ, кто бы они ни были, и натянутость отношеній между русскими и поляками стала еще замѣтнѣе. Переходу этой натянутости въ прямое раздраженіе помогали и другія весьма сложныя причины: раздраженіе постоянно поддерживалось появленіемъ на польской Украинѣ каждой весной украинскихъ добрыхъ молодцовъ, которые напоминали польскимъ крестьянамъ о томъ, что ихъ братья, живущіе за Днѣпромъ, не боятся ни поляковъ, ни ихъ ксендзовъ, ни даже евреевъ, хотя при этомъ гайдамаки, можетъ быть, и умалчивали, что вмѣсто іезуитовъ и евреевъ у нихъ есть свое панство, не хуже польскаго панства; раздраженію помогали прошедшіе въ народѣ слухи о томъ, что Россія не велитъ полякамъ преслѣдовать православныхъ, а они, не слушаясь Россіи, опять стали ихъ преслѣдовать; однимъ словомъ, для раздраженія было много причинъ, но крестьяне до поры до времени затаили въ себѣ обиду и готовились къ серьезному дѣлу.

Но православное духовенство, жившее въ польской Украинѣ, не дремало. Когда появились тамъ конфедераты и замучили ктитора въ Вильшанѣ ([1]), въ народѣ прошла вѣсть, что ляхи „взялись гнать благочестіе“, что украинскіе крестьяне живутъ будто бы на *ихъ* польской землѣ, а въ церквахъ молятся за „благочестиваго государя“, и потому ихъ надо

([1]) По другимъ извѣстіямъ—въ Мліевѣ, гдѣ они сожгли ктитора (Зап. о Южн. Рус. Кулиша). Но этотъ случай былъ, кажется, уже послѣ уманской рѣзни.

за это преслѣдовать. Эта вѣсть передавала, что въ Млієвѣ сожгли ляхи ктитора и вообще начали „снимать головушки съ благочестивыхъ“, зажигая окрестные монашескіе хуторки.

Дѣйствительно, въ этихъ мѣстахъ, собственно въ староствахъ черкасскомъ и чигринскомъ и въ большей части обширной волости смилянской, съ давнихъ временъ существовали православные церкви и монастыри. Тамъ были мужскіе монастыри въ черкасскомъ староствѣ, на островѣ рѣки Тясмина, въ Медвѣдовкѣ—монастырь Николая, затѣмъ монастырь Мотронинскій, расположенный въ обширныхъ смилянскихъ лѣсахъ, затѣмъ еще надъ рѣкою Тясминомъ, въ Жаботинѣ — монастырь Онуфрія, и наконецъ въ лебединскомъ лѣсу – монастырь Лебединскій. Были тамъ и женскіе монастыри. Главные изъ этихъ монастырей были—Мотронинскій и Лебединскій. Мотронинскій находился въ чигринскомъ уѣздѣ, въ 170 верстахъ отъ Кіева и въ 40 верстахъ отъ Чигрина. Онъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, съ четырехъ сторонъ окруженъ древнимъ великимъ валомъ, заросшимъ старымъ лѣсомъ. Валъ имѣетъ въ окружности 1,750 саженъ. Монастырь получилъ названіе свое отъ лѣса, который окружаетъ его и называется мотронинскимъ лѣсомъ. Въ 1669 году монастырь этотъ былъ разоренъ и сожженъ турками, а потомъ вновь возобновленъ. Лебединскій же монастырь находится въ 90 верстахъ отъ Чигрина. Это старый монастырь, помнившій нашествіе на него поляковъ, которые и разорили его. Но украинскіе гетманы и кіевскіе митрополиты дозволили возобновить его.

Рѣки Тясминъ и Турія, около которыхъ въ чащѣ лѣсовъ и около глубокихъ балокъ пріютились эти монастыри и скиты, напоминаютъ другія подобныя же рѣчки на дальнемъ востокѣ, за Волгой. Это Иргизы. Тѣже густые лѣса, тоже

уединеніе и тѣже монастыри и скиты, въ которыхъ укрывались гонимые правительствами — въ первомъ случаѣ — духовенство православное, во второмъ—раскольничье. На иргизскіе монастыри наѣзжали русскіе православные чиновники и брали съ нихъ двойной окладъ за ношеніе неуказнаго платья и бородъ. На украинско – польскіе православные монастыри и скиты наѣзжали польскіе конфедераты и ксендзы и горящей смолой обращали православныхъ въ унію. И тѣ, и другіе монастыри давали пріютъ удалымъ добрымъ молодцамъ — одни во имя раскольничьихъ тенденцій о странно-пріимствѣ, другіе во имя православія. Первые дали пріютъ Пугачеву, послѣдніе пріючали иногда гайдамаковъ.

Конфедераты, надѣлавъ такимъ образомъ тревоги и подготовивъ народъ къ чему-то ужасному, удалились. Но вмѣсто нихъ пришли еще болѣе страшные противники православія, уже другое столѣтіе наводившіе ужасъ на украинскій народъ. Это были іезуитскіе мисіонеры, которые, дѣйствуя за-одно съ партіею барскихъ конфедератовъ, выслали на Украину своихъ піонеровъ, въ видѣ миссій доминиканскихъ, базиліанскихъ и другихъ. Польскіе хроникеры разсказываютъ объ этомъ набѣгѣ гайдамаковъ святаго отца какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ ([1]), но народъ взглянулъ на это духовное нашествіе совершенно иначе. Въ его напуганномъ воображеніи встали страшныя картины давнишнихъ гоненій за вѣру—и сожженіе православныхъ на медленномъ огнѣ, и война Хмѣльницкаго, и крайнее разореніе страны, и, какъ резуль-

---

([1]) Po oddaleniu się konfederatów, przyjechało w starostwo czeheryńskie, złożone z dziekanów, kapłanow i dobrych ludzi swieckich pomocy duchowieństwo unieckie, w zamiarze skłonieni duchownych nieunitów do unie“... Lippom.

татъ всего этого, несчастное раздѣленіе южно-русскаго народа на двѣ половины, на польскую и русскую. Эти прибывшіе вновь католическіе „деканы“ и „капланы“ ревностно принялись за свое дѣло, такъ что даже польскіе писатели того времени не скрываютъ неблаговидности тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгали іезуиты, забывшіе, по видимому, страшные историческіе уроки, которые дала Польшѣ унія на Украинѣ. Іезуиты и усердствующіе паны тотчасъ начали съ преслѣдованій (1).

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ первый духовный походъ на Украину, еслибъ тамъ не нашелся на ту пору человѣкъ, который, кажется, помнилъ исторію своей страны и зналъ, какъ опасно будить заснувшую было въ украинскомъ народѣ историческую ненависть къ уніи. Это былъ нѣкто Квасневскій. Какъ мы говорили выше, польскіе магнаты имѣли при своихъ дворахъ милицію или дворцовую гвардію. Такая дворцовая милиція находилась въ чигиринскихъ имѣніяхъ князя Яблоновскаго, въ то время воеводы познанскаго, и послѣ кастеляна краковскаго и старосты чигиринскаго. Милиція эта состояла изъ казаковъ и начальникомъ ея или полковникомъ былъ Квасневскій. Боясь волненія въ народѣ, Квасневскій не рѣшился допустить мисіонеровъ до дальнѣйшихъ преслѣдованій неуніатовъ и, съ помощью казаковъ, бывшихъ подъ его командою, принудилъ ревностныхъ католиковъ удалиться (2).

Казалось бы, что этимъ и должно было все кончиться. Нашествіе конфедератовъ и убіеніе ктитора въ Вильшанѣ,

---

(1) ...gdy ci (неуниты) w żaden sposób do niej (уніи) przystępić nie chcieli, więc zaczęły się różne, nawet dotkliwe, prześladowania.

(2) ... „unitow do nieodmiennego wyjazdu przynaglić“.

если бы и не были забыты народомъ, то по крайней мѣрѣ не вызывали бы впослѣдствіи того нетерпѣливаго раздраженія въ русскомъ населеніи польской Украины, которое вызвало уманскую рѣзню. Нашествіе духовной миссіи и ея преслѣдованія могли бы быть также оставлены народомъ безъ кроваваго возмездія, вслѣдствіе оказаннаго въ то время заступничества Квасневскаго, еслибъ попытки католической справы тѣмъ и окончились. Но іезуиты рѣдко отступаютъ отъ разъ задуманныхъ плановъ, и отбитые Квасневскимъ, они начали строить свои подкопы подъ спокойствіе страны.

Впрочемъ, не одни іезуиты виновны въ томъ, что пробудили въ южно-русскомъ народѣ давно дремавшую ненависть, и притомъ пробудили, такъ сказать, поголовно, хотя до этого времени она и проявлялась отдѣльными вспышками, въ видѣ гайдамацкихъ набѣговъ и разореніемъ двухъ, трехъ селеній и дворянскихъ замковъ въ каждое лѣто. Начало всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдствій, обрушившихся на польскую Украину, лежало главнымъ образомъ все въ той же пагубной барской конфедераціи. Это была капитальная ошибка поляковъ, такая ошибка, что стоила жизни всей ихъ Рѣчи Посполитой. Въ основу барской конфедераціи положена была идея активнаго сопротивленія намѣреніямъ Россіи. Хоть это, впрочемъ, и не ошибка съ политической точки зрѣнія поляковъ, но ошибка состояла въ томъ, что въ лозунгѣ своемъ они къ слову „свобода“ прибавляли еще слово „вѣра„ (wolność i wiara). На знамена свои конфедераты помѣстили изображеніе богородицы, само собою разумѣется — католической. На мундиры свои нашили кресты, какъ бы въ знакъ того, что они становятся крестоносцами. Это былъ крупный политическій промахъ, потому что съ идеею крестоносцевъ

соединялась защита христіанства отъ мусульманъ, а между тѣмъ конфедераты вошли въ дружественныя сношенія съ турками, и подняли саблю съ крестомъ на рукояткѣ и знамена съ богородицею — не на мусульманъ, а на православныхъ русскихъ. Они могли бороться съ Россіею—это ихъ историческое и національное право, но не должны были бороться съ вѣрою *своихъ* подданныхъ, украинскихъ православныхъ крестьянъ. Крестьяне смутно и по своему понимали этотъ политическій абсурдъ своихъ пановъ, хотя онъ и не казался имъ абсурдомъ, а тою страшною силою, которая поднимала изъ гробовъ давно забытыя воспоминанія и ужасы.

Само собою разумѣется, что украинскіе крестьяне, смутно сознававшіе опасность, грозившую имъ отъ соединенія конфедератами неудобосоединимыхъ понятій—„свободы“ и „вѣры,“ конечно католической, іезуитской, въ тоже время, и такъ же смутно лелѣяли тайную надежду на то, что если конфедераты съ своею „свободою“ и „вѣрою“ хотятъ стать поперегъ горла Россіи и поперегъ горла имъ, русскимъ по вѣрѣ, то Россія, становясь противъ конфедератовъ, не станетъ противъ нихъ, польскихъ крестьянъ. Эта надежда глубоко въ нихъ засѣла и подвинула ихъ на смѣлое дѣло, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оказалось, что надежда эта была напрасная.

Есть основаніе предполагать съ большою увѣренностію, что надежды эти въ крестьянствѣ польской Украины поддерживало православное духовенство обѣихъ сторонъ Днѣпра, конечно пограничныхъ мѣстностей, и православное монашество. Объ этомъ говорятъ не только польскіе офиціальные документы того времени, но и самъ народъ оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ подтвержденіе этому свидѣтельству польскихъ

историковъ. Въ „краткомъ описаніи убійствъ (rzezi), произведенныхъ въ городѣ Умани украинскою чернью,“ составленномъ на основаніи актовъ уманскаго монастыря, какъ полагаютъ монахомъ Тучапскимъ, въ 1787 году, и подписанномъ ксендзомъ Іосифомъ Моргулецъ, ректоромъ уманскаго монастыря, и Мацевичемъ, вице-ректоромъ закона святаго Василія, положительно говорится, что переяславскій православный епископъ, Гервасій Линовскій, поощрялъ православное духовенство польской Украины и тамошнихъ монаховъ къ построенію новыхъ русскихъ церквей и къ привлеченію въ православіе народа, сопротивлявшагося уніи ([1]). Такъ говорятъ католики. Это же говоритъ и самъ народъ, не имѣя политическаго намѣренія скрыть историческую правду и постичь то, что дѣйствительно было. Это народное признаніе записано г. Кулишомъ уже въ сороковыхъ годахъ.

Вотъ какъ народъ передаетъ нынѣ воспоминаніе свое о томъ участіи, какое принимало русское православное духовенство въ поддержаніи въ польскихъ крестьянахъ надеждъ на заступничество Россіи.

Поляки переманили въ унію одного православнаго священника, по фамиліи Каряку, говоря, что въ уніи ему „лучше будетъ.“ Каряка поѣхалъ въ Польшу, „высвятился на унію“ и воротился на Украину. Паства его, видя, что въ сосѣдней церкви „благочестіе,“ а у нихъ унія, рѣшилась найдти и для себя „благочестиваго“ попа. Такъ какъ священникъ этой паствы былъ уніатъ, то крестьяне ходили говѣть въ какой нибудь сосѣдній православный монастырь и

([1]) Наѣзды гайдамаковъ, Скальковскаго, 209.

всегда слышали отъ монаховъ такія поученія: „Взбунтуйтесь, да до преосвященнаго добейтесь, такъ и у васъ будетъ благочестіе.“ Поддерживаемые такимъ образомъ мѣстными православными монахами, нѣкоторые изъ крестьянъ отправились за Днѣпръ, въ Переяславль, къ тамошнему православному архіерею Гервасію Линовскому.

— Ваше преосвященство — говорили они — мы пріѣхали просить, чтобъ и у насъ было „благочестіе,“ какъ у другихъ людей, а то у насъ унія, которой мы терпѣть не можемъ.

— Дѣтки! отвѣчалъ Линовскій: просите Каряку, пускай ко мнѣ пріѣдетъ: я благословлю его на „благочестіе“.

— Святой владыка! мы просили его всѣмъ обществомъ, да онъ не вѣритъ. Онъ говоритъ: „тогда у васъ будетъ благочестіе, какъ у меня на ладони выростутъ волосы.“

На это Линовскій сказалъ имъ: „люди добрые! обождите же. *Онъ опомнится, да не въ пору...* Поѣзжайте, дѣтки, домой — священникъ вамъ будетъ.“

Въ одномъ изъ селъ того округа польской Украины, гдѣ это происходило, былъ молодой священникъ, Левицкій. Поляки жестоко мучили его, принуждая принять унію: сыпали за голенища раскаленные уголья и на колесо тянули, какъ нѣкогда русскіе палачи вытягивали на „дыбы“ тѣхъ, кого пытали. Но Левицкій не покорился, ушелъ отъ нихъ и явился къ архіерею Линовскому. Въ это время былъ у архіерея и тотъ ктиторъ изъ Мліева, котораго потомъ замучили поляки. У Линовскаго, такимъ образомъ, сошлись въ одно время два мученика католическаго рвенія къ вѣрѣ и крестьяне, искавшіе себѣ священника. Послѣдніе, обнадеженные архіереемъ, должны были возвратиться за границу, т. е. за

Днѣпръ, въ польскую Украину. На границѣ стояла русская стража и польская: съ правой стороны Днѣпра стояли польскіе пикеты, съ лѣвой — русскіе редуты, на которыхъ часовые по ночамъ перекликались еще по старинному обычаю: „Славенъ городъ Петербургъ! Славенъ городъ Переяславль!“ Между тѣмъ поляки, провѣдавъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ ѣздили въ Переяславль къ православному архіерею, старались захватить ихъ на границѣ. Но крестьяне были предувѣдомлены своими земляками и тайно переѣхали черезъ Днѣпръ на рыбачьей лодкѣ. Крестьяне спаслись, но ктиторъ не спасся: его схватили, связали и прикрѣпили къ телѣгѣ. Въ Мліевѣ его повѣсили на дерево и долго мучили: обматывали тѣло пенькой, потомъ обмазывали смолой и зажигали, пока несчастный не испустилъ духъ. Затѣмъ отъ мертваго тѣла отрубили голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ столбѣ. Ночью кто то похитилъ голову и отнесъ къ Линовскому въ Переяславль.

Эти жестокія мѣры поляковъ побудили Линовскаго приложить всю энергію къ дѣлу поддержанія русскаго элемента въ польской Украинѣ, пока не насталъ часъ кары полякамъ.

Всѣ эти по видимому мелкія черты, выясняющія передъ нами, какъ подготовилась уманская рѣзня, какъ мало по малу раздражались народныя чувства и какъ будились въ немъ старые, какъ бы органически сросшіеся съ нимъ инстинкты — драгоцѣнны для историка. Неистовства надъ ктиторомъ въ Вильшанѣ, его мученическая смерть и похищеніе его дочери, варварское убійство другаго ктитора въ Мліевѣ (если только это не одинъ и тотъ же фактъ, различно передаваемый народомъ по памяти) и сожженіе хуторковъ, около мотронин-

скаго монастыря — вотъ подготовительные, такъ сказать, труды близорукаго усердія къ интересамъ римской церкви, труды, принесшіе еще болѣе кровавые результаты. Съ другой стороны мы видимъ подстрекательство со стороны русскаго духовенства, подстрекательство, вызванное впрочемъ слишкомъ крупными и неблагоразумными мѣрами противниковъ.

Какъ бы то ни было, но въ подготовленіи уманской рѣзни повинны обѣ стороны — и польская и русская.

Но былъ еще одинъ человѣкъ съ русской стороны, который не только является дѣятельнымъ подготовителемъ рѣзни, но въ немъ слѣдуетъ искать едва-ли не самый починъ этого страшнаго дѣла. Мы говоримъ о монахѣ Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ.

XII.

Мельхиседекъ Значко-Яворскій происходилъ изъ дворянскаго рода. По свидѣтельству польскихъ писателей, онъ былъ „малороссіянинъ“. Одни говорятъ, что Мельхиседекъ былъ архимандритомъ и игуменомъ лебединскаго монастыря, другіе — мотронинскаго. Большинство писателей называютъ его игуменомъ послѣдняго монастыря. Говорятъ также, что онъ былъ просто инокомъ, который занимался медициною, химіею и другими науками.

Хотя вообще дѣйствія этой личности вполнѣ извѣстны изъ всѣхъ свѣдѣній объ уманской рѣзнѣ, однако въ нихъ многое покрыто было довольно глубокою тайною, такъ что нѣкоторые изъ фактовъ его жизни представляются до сихъ поръ

загадочными. Видѣлся ли Мельхиседекъ съ императрицею Екатериною II и что она ему сказала на его представленіе? Былъ ли ея отвѣтъ таковъ, какимъ онъ перешелъ въ народъ и сдѣлался достояніемъ исторіи? Эти вопросы остаются пока неразрѣшенными. Если разговоръ его съ императрицей былъ съ глазу на глазъ, то никто, кромѣ Мельхиседека и Екатерины, и не могъ знать, что они говорили и что именно говорила Екатерина, уже замышлявшая въ то время о раздѣлѣ Польши и сносившаяся по этому предмету тайно съ Пруссіею и Австріею. Что она не дала Мельхиседеку письменнаго отвѣта или разрѣшенія „рѣзать жида и ляха до ноги“—это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но что отвѣтъ могъ быть не категорическимъ отказомъ или запрещеніемъ, а уклончивымъ отклоненіемъ отъ прямаго „да“ или „нѣтъ“ — это весьма можетъ быть, потому что иначе Мельхиседека засадили бы въ Петербургѣ въ крѣпость или выдали бы головой польскому правительству.

Но объ этомъ послѣ.

Всѣ православные монастыри, находившіеся на польской сторонѣ Украины, въ томъ числѣ лебединскій и мотронинскій, какъ мы упомянули выше, никогда не пользовались расположеніемъ поляковъ, главнымъ образомъ потому, что пользовались большимъ расположеніемъ православнаго крестьянства, или, какъ говорили поляки, служили гнѣздомъ невѣрія in partibus infidelium и отъ костеловъ отвлекали къ себѣ этихъ „схизматовъ“ или „неунитовъ“ и „дизунитовъ“. Благочестивый народъ уважалъ ихъ и потому во 1-хъ, что это были русскіе монастыри и въ нихъ были русскіе монахи, говорившіе по русски, во 2-хъ потому, что монастыри эти получили благословеніе изъ Кіева, который для всѣхъ украинцевъ

всегда оставался святымъ городомъ, съ которымъ соединены всѣ его и славныя историческія и святыя христіанскія воспоминанія, и потому, наконецъ, что содержанію ихъ помогали сами крестьяне и запорожцы, а разоряли ихъ нѣсколько разъ или турки, или татары, или поляки съ іезуитами. Было нѣсколько случаевъ гоненія на эти монастыри и въ XVIII столѣтіи. Сначало преслѣдованіе шло отъ іезуитовъ, которые распустили свои миссіи по Украинѣ, наставили по селамъ, около церквей, на площадяхъ и перекресткахъ, высокіе столбы съ воткнутыми въ верхушки крестами, которые тоже назывались „миссіями“ и стояли даже въ нынѣшнемъ столѣтіи; потомъ по слѣдамъ іезуитовъ пошли базиліане, какъ знающіе русскій языкъ—и все это цензорски-инквизиторскимъ взоромъ слѣдило за народомъ и затѣмъ *къ кому* онъ обращался за совѣтами и утѣшеніемъ. Народъ, разумѣется, обращался не къ нимъ, а къ своимъ попамъ, которыхъ отыскивалъ или по монастырямъ, или по скитамъ. Въ Варшаву и даже въ Кіевъ постоянно приходили жалобы на неблаговидныя дѣйствія монастырей, и жалобы эти шли отъ губернаторовъ, которые дѣйствовали, разумѣется, и въ интересахъ своего правительства, и въ интересахъ своей вѣры. Въ Кіевѣ жалобы эти казались самыми удивительными и невѣроятными, тогда какъ въ Варшавѣ имъ давали вѣру, потому что факты, приводимые въ жалобахъ, были слишкомъ осязательнаго свойства. Монастыри эти обвинялись въ томъ же, въ чемъ обвинялись и наши иргизскіе монастыри за Волгой во время пугачевщины. Говорили, что монастыри эти не только потворствовали, но даже помогали гайдамакамъ въ ихъ наѣздахъ на Польшу, что гайдамаки будто бы находились въ самыхъ тѣсныхъ и дружескихъ связяхъ съ монахами, жили въ монастырскихъ лѣс-

ныхъ трущобахъ и даже въ кельяхъ, что раненые гайдамаки свозились въ монастыри и тамъ лечились и кормились, что часть награбленныхъ гайдамаками денегъ шла въ пользу монастырей. Уже разъ монастырь Лебединскій, вслѣдствіе подобныхъ на него нареканій, можетъ быть справедливыхъ, подвергся сильному преслѣдованію со стороны польскаго правительства. Монастырь велѣно было упразднить, а монаховъ передать духовному суду высшей судебной іерархіи. Съ этою цѣлью въ монастырь явилась милиція, отрядъ которой, предводительствуемый полковникомъ Ковальскимъ, разрушилъ монастырь и церковь, и только св. трапеза осталась неприкосновенною. Однако монахи, которые считали себя неподсудными польской или уніатской іерархіи, разбѣжались. Мѣсто монастыря однако осталось священнымъ у народа, и тѣ же разбѣжавшіеся монахи испросили у польскаго правительства позволенія возвратиться въ разрушенную, но дорогую для нихъ обитель. Разрѣшеніе было дано, благословеніе получено отъ „своихъ изъ Кіева“, и народъ, вмѣстѣ съ запорожцами, опять возобновилъ уважаемый имъ монастырь на остаткахъ разрушеннаго. За это гоненіе, святое мѣсто сдѣлалось еще священнѣйшимъ въ глазахъ народа, а запорожцы, да иногда и гайдамаки, имѣли гдѣ голову преклонить и помолиться „своимъ богамъ“.

Однимъ словомъ—русскіе монастыри, русскіе монахи и бродячіе запорожцы съ гайдамаками въ польской Украинѣ въ прошломъ вѣкѣ предъиспытали туже участь, какую въ нынѣшнемъ вѣкѣ испытали въ западномъ краѣ католическіе монастыри, дававшіе пріютъ у себя и простымъ повстанцамъ, и довудцамъ повстанцевъ, и скрывавшіе въ своихъ стѣнахъ оружіе ихъ, раненыхъ и всѣ съѣстные припасы. Только та

разница, что ни католическимъ монастырямъ западнаго края, ни ихъ монахамъ и ксендзамъ, ни повстанцамъ народъ въ западномъ краѣ не на столько сочувствовалъ, на сколько сочувствовало русское населеніе польской Украины пріютившимся въ ея лѣсахъ православнымъ монастырямъ и монахамъ.

Въ этихъ-то монастыряхъ жилъ и подвизался, предъ уманской рѣзней, Значко-Яворскій. Малороссіянинъ родомъ, православный по убѣжденію и горячій патріотъ, онъ не могъ хладнокровно смотрѣть, какъ католическое и уніатское духовенство наводняло его родину, отдѣленную отъ Россіи Днѣпромъ и какъ бы брошенную на произволъ судьбы. Чѣмъ ревностнѣе шла уніатская пропаганда, тѣмъ жарче становилось противодѣйствіе Мельхиседека иновѣрному вліянію и тѣмъ открытѣе шла агитація во имя всего русскаго и православнаго. Католики говорятъ, что онъ дѣйствовалъ такъ дерзко и открыто, „вѣроятно по приказанію своего духовнаго начальства“, конечно изъ Кіева, изъ за Днѣпра и что этотъ смѣлый „дизунитъ“ началъ уговаривать жителей всей Украины, разумѣется польской, преимущественно же населеніе смилянской, черкасской, жаботинской и другихъ губерній, не только простой народъ, но и духовенство, однихъ къ сохраненію „схизмы“ (т. е. православія) кто уже былъ схизматикъ, другихъ къ удаленію отъ повиновенія уніатскому митрополиту, которымъ былъ тогда Фелиціянъ Володковичъ. “*Кажется даже*—говорятъ католики—что съ особаго дозволенія православнаго епископа переяславскаго Гервасія Линовскаго, онъ рѣшился давать благословеніе на постройку новыхъ русскихъ церквей, посвящать оныя и народъ, всегда уніи сопротивлявшійся, къ себѣ привлекать. Вскорѣ смилянская, жаботинская и другія сосѣднія волости къ этому образу мыслей были

преклонены тѣмъ легче, что многіе изъ чужестранцевъ (т. е. русскихъ запорожцевъ) были съ ними въ родствѣ. Это было причиною, что чернь украинская начала возмущаться и осмѣливалась изгонять, бить и наносить раны уніатскимъ священникамъ, съ явнымъ непослушаніемъ митрополиту (уніатскому же), своему духовному пастырю, съ большимъ неуваженіемъ не только къ храмамъ господнимъ, но даже и къ святымъ его тайнамъ."

Такъ говорятъ уманскіе католическіе монахи того времени объ агитаціи Мельхиседека и о послѣдствіяхъ этой агитаціи. Они, какъ видно изъ этого, единственно обвиняютъ Мельхиседека, какъ виновника смутъ, а между тѣмъ забываютъ, что если строптиво дѣйствовалъ Мельхиседекъ, то противная партія дѣйствовала менѣе осторожно, а иногда и возмутительно жестоко, какъ мы и упомянули выше. Если бы жестокость, съ какою дѣйствовала католическая пропаганда, не бросилась тогда же въ глаза людямъ безпристрастнымъ, то Квасневскій, о которомъ мы говорили выше, не выгналъ бы изъ своей губерніи апостоловъ уніи, какъ онъ ихъ выгналъ за ихъ „różne nawet dotkliwe przesladowania" православныхъ. Во всякомъ случаѣ вѣсы едва ли могутъ склониться на сторону католиковъ въ данномъ случаѣ, если даже на сторону ихъ вѣсовъ положить трупы двухъ замученныхъ ими около того времени ктиторовъ.

Какъ бы то ни было, но Мельхиседекъ навлекъ на себя сильное неудовольствіе уніатскаго духовенства. Г. Скальковскій говоритъ, что дѣйствія его вѣроятно не сопровождались благоразумною осторожностью и онъ подвергся гоненіямъ мѣстнаго уніатскаго епископа Гервасія Линовскаго, отъ котораго

претерпѣлъ тяжкое заключеніе“ ([1]). Надо замѣтить, что у г. Скальковскаго произошелъ здѣсь недосмотръ: онъ называетъ, во первыхъ, Гервасія Линовскаго уніатскимъ епископомъ, тогда какъ онъ былъ православнымъ, о чемъ и говорится у г. Скальковскаго въ той же книгѣ, только ниже, а во вторыхъ, тамъ же онъ говоритъ, что заключилъ Мельхиседека въ заточеніе Фелиціянъ Володковичъ, что̀ дѣйствительно и было.

Дѣйствительно, Фелиціянъ Володковичъ, „митрополитъ кіевскій и всея Руси,“ какъ онъ себя называлъ, рѣшился поставить Мельхиседека въ невозможность дѣйствовать и наказать его жестоко. Католики повѣствуютъ, что Володковичъ, „видя пораженіе своего стада, какъ добрый и чуткій пастырь, не переставалъ изыскивать средства, какъ бы спасти заблудшія свои овцы. Потому прежде всего онъ рѣшился схватить упомянутаго Мельхиседека, какъ незаконно въ его управленіе вмѣшавшагося человѣка. Что̀ исполнивъ удачно, содержалъ его сперва въ Радомыслѣ, а послѣ въ Дерманѣ, на Волыни, гдѣ сей послѣдній добровольно далъ сознаніе, *кто его къ такимъ дѣйствіямъ побуждалъ и посылалъ*... Но ушедъ изъ заточенія извѣстными ему средствами, возвратился опять въ свой монастырь“ ([2]).

Съ этого времени Мельхиседекъ дѣйствительно становится уже страстнымъ агитаторомъ и подготовителемъ уманской рѣзни. Одни говорятъ, что тюремное заключеніе подвинуло его на это опасное дѣло, другіе—что наводненіе польской Украины католическими миссіонерами, которыхъ Квасневскій выгналъ

([1]) Наѣзды гайдам. 69.
([2]) Тамъ же 209—210.

изъ чигиринскаго староства. Говорятъ, что тотчасъ послѣ этого изгнанія Мельхиседекъ созвалъ къ себѣ въ монастырь все тамошнее духовенство для совѣщанія, какъ поступать имъ, если католики опять сдѣлаютъ на нихъ подобное нашествіе ([1]). На этомъ совѣщаніи порѣшили послать съ просьбою о защитѣ (о protekcyą) къ кіевскому губернатору или къ запорожскому кошевому. Польскіе историки добавляютъ, что, по свидѣтельству Квасневскаго, знавшаго обо всемъ, что тамъ дѣлалось, просители получили и съ той и съ другой стороны отказъ (odmowienie). Нѣтъ сомнѣнія, что свидѣтельство Квасневскаго достовѣрно, такъ какъ ни кіевскій губернаторъ, ни кошевой, которымъ тогда былъ Петръ Калнишевскій, преслѣдовавшій гайдамаковъ не менѣе Лантуха, а слѣдовательно едва ли смѣвшій открыто благоволить и ихъ заднѣпровскимъ союзникамъ, не имѣли права дать какую бы то ни было надежду подданнымъ другаго государства, въ томъ смыслѣ, что они будутъ ихъ защищать.

Мельхиседекъ не остановился на этой попыткѣ. На его глазахъ происходило такое движеніе въ Польшѣ, которое должно было или погубить польскую Украину, если конфедераты, а съ ними и католическая клика, восторжествуютъ надъ противной партіей, стоявшей за дисидентовъ, или же, погубить самую Польшу. Въ пустынные монастыри, гдѣ сидѣли подобные Мельхиседеку монахи, доходили изъ Варшавы и изъ-за Днѣпра достовѣрные слухи, что въ столицѣ поляковъ уже распоряжается почти самовластно молодой русскій баринъ, Репнинъ, что русскія войска стягиваются къ польскимъ

---

[1] ...„jeżeliby podobny na nich zdarzył się napad“. Lippom.

границамъ, что войска эти идутъ защищать безопасность этихъ самыхъ монаховъ, „дизунитовъ“, схизматовъ или дисидентовъ, и что польскому государству пришелъ послѣдній конецъ. Слухи эти заставили Мельхиседека рѣшиться на смѣлую попытку, тѣмъ болѣе, что, во всякомъ случаѣ, рано ли, поздно ли, его опять ждала польская тюрьма, а можетъ быть и участь мліевскаго ктитора. Получивъ отказъ въ защитѣ отъ кіевскаго губернатора и отъ кошеваго, онъ положилъ попытать счастья у самой императрицы, отъ которой исходили повелѣнія и о выводѣ русскихъ войскъ къ польскимъ границамъ и объ оставленіи дисидентовъ въ покоѣ. Мельхиседекъ такимъ образомъ отправился въ Петербургъ ходатаемъ за свою родину и за всѣхъ съ нимъ единовѣрныхъ. Положительныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ пока нѣтъ, но польскіе историки утверждаютъ, что Мельхиседекъ былъ допущенъ къ императрицѣ. На его представленія, Екатерина будто бы отвѣчала уклончиво, однако же не прямымъ отказомъ, а еще меньше обѣщаніемъ помощи. Она сказала, что въ чужомъ государствѣ распоряжаться не желаетъ, но что всѣ дисиденты православнаго исповѣданія въ Польшѣ отъ русскаго посланника, пребывающаго въ Варшавѣ, сильную защиту имѣютъ.

Съ такимъ отвѣтомъ воротился Мельхиседекъ изъ своего путешествія. Въ эту пору дѣйствія его остаются неразгаданными, и едва ли когда нибудь исторія можетъ раскрыть тайну, унесенную Мельхиседекомъ въ могилу. Когда онъ воротился изъ Петербурга, у него вдругъ явилась грамата, будто бы данная ему императрицею Екатериною II, и въ граматѣ этой изображено данное войску запорожскому повелѣніе—помогать всѣми средствами угнетенной церкви. Если по-

добная грамата и дана была ему императрицею, что̀ болѣе чѣмъ сомнительно, то такого рода повелѣніе, какъ вмѣшаться тайно въ дѣла другаго государства, должно было быть облечено тоже глубокою тайною. Если Екатерина давала предписаніе полководцамъ вести русскую армію къ польскимъ границамъ и тайно переговаривалась съ Фридрихомъ II о раздѣлѣ Польши, то она могла дать тайную грамату и Мельхиседеку, чтобы онъ ее тайно же предъявилъ запорожскому войску, которое, подобно прочимъ русскимъ войскамъ, и должно было перебраться за польскую границу, въ тамошнюю Украину, для защиты дисидентовъ. А между тѣмъ историки подозрѣваютъ, что грамата была фальшивая, что Мельхиседекъ самъ сочинилъ ее, ничего не добившись въ Петербургѣ. Даже народъ на Украинѣ въ сороковыхъ годахъ говорилъ, что Мельхиседекъ самъ „удралъ золотую грамату", что „писака онъ былъ добрый" и написалъ въ этой граматѣ, что „великъ свѣтъ государыня велитъ рѣзать жидовъ и ляховъ до ноги, чтобы они и не смердѣли на Украинѣ." Можетъ быть, это и клевета на Мельхиседека, но во всякомъ случаѣ тайна эта, пожалуй, и останется навсегда тайною. Мало того, народъ не только былъ увѣренъ, что государыня велѣла рѣзать католиковъ, но что она даже прислала на Украину нѣсколько возовъ ножей, которыми слѣдовало рѣзать евреевъ и поляковъ, и которые Мельхиседекомъ были освящены и окроплены молитвенною водою.

Съ этою „золотою граматою" (которою, замѣтимъ кстати, еще недавно поляки хотѣли поднять на ноги украинскій народъ, уже въ прошломъ вѣкѣ рѣзавшій пановъ, во имя какой-то „золотой граматы") Мельхиседекъ отправился въ Запорожье. Онъ нашелъ тамъ со стороны набожныхъ казаковъ

и гостепріимство, и глубокое почтеніе, какое запорожцы оказывали всѣмъ православнымъ монахамъ, подобно тому какъ оказали они такое же гостепріимство гайдамацкому предводителю Найдѣ, прикрытому монашескою рясою. Мельхиседекъ явился къ кошевому Калнишу и предъявилъ ему грамату или высочайшій указъ. Кошевой, будто бы, „обыкновенно не знающій грамоты,“ передалъ указъ для прочтенія войсковому писарю, которымъ былъ тогда Иванъ Глоба, и умный казакъ будто бы немедленно удостовѣрился въ подлогѣ и убѣдилъ кошеваго не вмѣшиваться въ это дѣло. Кошевой будто бы далъ такой отвѣтъ игумену: если бы великая монархиня потребовала въ самомъ дѣлѣ службу казаковъ, своихъ „щиро-подданныхъ,“ то прислала бы свой указъ не черезъ игумена, а чрезъ особаго посланца, „якъ то изъ віковъ бувало“ въ Запорожьѣ. Конечно, кошевой былъ правъ въ такомъ только случаѣ, еслибъ указъ былъ нетайный, но не тайнымъ онъ не могъ быть, а въ дѣлахъ, требующихъ соблюденія глубокой тайны, обыкновенные, „изъ віковъ“ заведенные пріемы, отлагаются въ сторону, и указъ могъ быть присланъ и не чрезъ посланца, когда въ указѣ рѣчь шла о незаконномъ вмѣшательствѣ въ дѣла другаго государства, особенно послѣ того, какъ это вмѣшательство уже послѣдовало открыто.

Не добившись ничего на Запорожьѣ, Мельхиседекъ, въ гнѣвѣ будто бы на кошеваго, сказалъ, что отмститъ и ему, и полякамъ, съ которыми онъ и безъ помощи войска управится. Оттуда онъ пробрался къ низовьямъ Днѣпра, гдѣ еще въ старое время организовались шайки гайдамаковъ и гдѣ во всякое время можно было найдти и скучающихъ московскими порядками, и строгостями запорожцевъ, и безпріютныхъ рабочихъ, перебивавшихся поденщиною на рыбныхъ лов-

ляхъ при устьяхъ Днѣпра и Буга, и опытныхъ ватажковъ, выжидающихъ случая, чтобъ подобрать хорошую сотню пѣхоты и конниковъ и идти въ польскую землю „Христа славить“, или оборванные кожухи мѣнять на шитые жупаны. Давая пріютъ украинской вольницѣ въ своемъ монастырѣ, въ чемъ не безъ основанія обвиняли Мельхиседека поляки, онъ зналъ, гдѣ можно положить основаніе гайдамацкому ополченью, зналъ, что между тайными гайдамаками у него найдется не одинъ пріятель, которому онъ давалъ кровъ и хлѣбъ въ своемъ монастырѣ или лечилъ отъ ранъ, полученныхъ въ стычкахъ съ поляками,—и онъ дѣйствительно не ошибся въ разсчетѣ. Ему нужно было найдти полководца для будущаго ополченія, а съ полководцемъ можно было найдти и ратниковъ. Полководецъ нашелся.

Въ бобринецкомъ уѣздѣ херсонской губерніи, на рѣчкѣ Громоклеѣ, берега которой и зимовники, около нея лежащіе, издавна были извѣстны гайдамацкими притонами, такъ какъ земли эти, принадлежа къ бугогардовской паланкѣ, менѣе всего могли бояться и московскаго „недреманнаго ока“, и запорожскихъ строгихъ присмотровъ, по причинѣ отдаленности отъ Сѣчи, жилъ отецъ будущаго главы уманскаго возстанія. Это былъ старый запорожскій казакъ, бывшій когда-то куреннымъ товарищемъ и полковымъ есауломъ, по имени Григорій Желѣзнякъ. Зимовникъ его былъ тамъ, гдѣ теперь село Алексѣевское. До 1755 года Григорій Желѣзнякъ сидѣлъ зимовникомъ въ казацкой паланкѣ, на рѣкѣ Сурѣ, гораздо ближе къ центру запорожскихъ владѣній, а съ этого времени переселился на Громоклею, гдѣ было тоже достаточно запорожскихъ зимовниковъ, но гдѣ жизнь была вольнѣе потому что сторона была глухая и еще не вполнѣ подчинив-

шаяся желѣзной регламентаціи, въ которую обстоятельства все болѣе и болѣе вколачивали вольное запорожское войско. Хотя громоклейскіе, какъ и бугскіе, гайдамацкіе притоны, какъ и столица ихъ на одномъ изъ острововъ Буга или новѣйшая „гайдамацкая сѣчь“ — были разгромлены кошевымъ Лантухомъ и его помощникомъ Калнишемъ, однако притоны еще оставались, только крупныя и укрѣпленныя пушками становища раздробились на мелкія, незамѣтныя для наблюдательнаго глаза запорожской старшины. Въ этихъ-то пустыняхъ жилъ старый Желѣзнякъ. У него было два сына, изъ которыхъ младшій, Максимъ, будущій „гетманъ славной Украины и князь смилянскій“, заступилъ мѣсто отца въ войскѣ и числился въ тимошевскомъ куренѣ. Запорожцы, товарищи Желѣзняка по куреню, утверждали, что онъ вышелъ изъ Польши, изъ села Ивковецъ, что и родомъ онъ полякъ и что только въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ прибылъ въ Запорожье. Всѣ отзывались также о Максимѣ Желѣзнякѣ, что онъ былъ казакъ храбрый, смѣтливый и грамотный. Онъ былъ артилеристъ, т. е. служилъ въ войсковой пушкарской командѣ. Иногда, оставляя на время курень, онъ „аргатовалъ“ въ низовьяхъ Днѣпра, гдѣ много подобныхъ ему казаковъ и простыхъ гультаевъ аргатовало на рыбныхъ ловляхъ, или же „шинковалъ“, продавая водку или въ Запорожьѣ, или въ Очаковѣ. Однимъ словомъ — казакъ бывалый и много видавшій. Какъ большая часть закоренѣлыхъ запорожцевъ, онъ часто пропадалъ безъ вѣсти. Г. Скальковскій говоритъ даже, что въ куренныхъ регистрахъ съ 1750 по 1770 годъ, которые находились у него въ рукахъ, нѣтъ даже имени Максима Желѣзняка, и предполагаетъ поэтому, что Желѣзнякъ, по обычаю войска, имѣлъ

тогда, вѣроятно, другое прозвище. Тучапскій въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что Желѣзнякъ былъ „запорожскій сотникъ“, и вѣроятно какъ на разбойника и смотрѣли на него поляки (¹), съ чѣмъ, впрочемъ, соглашались, кажется, и казаки, предполагавшіе, что въ то время, когда онъ пропадалъ безъ вѣсти, онъ, безъ сомнѣнія, пускался „въ пѣхоту“ или ломалъ свое ратище съ крымцами и поляками. по обычаю гайдамацкому. Тучапскій же указываетъ на то, что Желѣзнякъ, какъ „кающійся грѣшникъ“ (pokutnik), находился въ монастырѣ, въ Кіевѣ, подобно своему предшественнику, а можетъ быть и современнику, Найдѣ „песиголовцу.“ Указываютъ даже на монастырь, въ которомъ онъ подвизался въ качествѣ послушника, именно монастырь Межигорскій въ Кіевѣ. Но болѣе распространено то мнѣніе, что Желѣзнякъ былъ предводителемъ гайдамацкой шайки и, когда приходила нужда, то укрывался или въ Запорожьѣ, или въ Лебединскомъ лѣсу, или же шелъ въ другой монастырь на послуги и тамъ замаливалъ свои грѣхи.

Всѣ эти видимыя противорѣчія —хорошій казакъ, потомъ гайдамацкій ватажокъ, потомъ монастырскій послушникъ, разбой и молитва, а тамъ опять разбой и покаяніе—являются весьма естественными проявленіями одного и того же характера, сложившагося во времена далеко не похожія на наши. Какъ мы уже замѣтили, и Стенька Разинъ былъ очень набоженъ, ходилъ пѣшкомъ въ Соловки, а потомъ выказалъ себя такимъ кровожаднымъ убійцей, какихъ мало представляетъ исторія. И Пугачевъ былъ очень набоженъ, пока Кожевниковъ не передалъ въ его руки древко съ кускомъ полотна

(¹) ... „grabieżem i rozbojem bawjącego się“ Tuczap.

на верху, и пока это полотно не превратилось въ знамя. Найда также двѣнадцать лѣтъ молился и домолился до того, что счелъ необходимымъ зарѣзать столько пановъ, чтобъ кровью ихъ можно было залить цѣлую огненную гору. Такіе характеры выработываются извѣстнымъ временемъ и совокупностью всѣхъ жизненныхъ условій, которыя въ другое время становятся немыслимыми. И что замѣчательнаго въ этомъ явленіи, такъ это то, что подобные характеры выработывались въ личностяхъ крупныхъ, далеко не дюжинныхъ. Пугачевы и Желѣзняки являются цѣльными типами и служатъ какъ бы знаменіями времени.

Нѣтъ ничего удивительнаго, слѣдовательно, если предводитель гайдамацкой шайки, Желѣзнякъ, былъ набожнымъ монастырскимъ послушникомъ ([1]). И онъ тамъ былъ не одинъ, а съ нимъ молилось нѣсколько другихъ запорожцевъ и гайдамаковъ, и въ монастырѣ смотрѣли на нихъ какъ на добрыхъ людей и благочестивыхъ. Въ Запорожьѣ Максима видѣли въ послѣдній разъ въ 1767 году.

Такимъ образомъ къ отцу этого Максима пробрался Мельхиседекъ послѣ неудачи своей въ Запорожьѣ съ „золотою граматою“. Старикъ, самъ бывшій запорожецъ и, слѣдовательно, врагъ поляковъ, легко убѣдился доводами Мельхиседека и согласился отпустить своего сына на дѣло, которое затѣвалъ Мельхиседекъ. Надо полагать, что сынъ находился въ это время у отца, хотя польскіе писатели утверждаютъ, что въ самомъ началѣ смуты онъ былъ въ польской Украи-

---

([1]) ..znajdował się w medwiedowskim monasterze na posłuszaniju, co znaczy dobrowolne poświecenie się na usługi monasteru z nabożeństwa. Lipp.

нѣ и жилъ въ лѣсу съ товарищами, состоя въ тоже время на благочестивой службѣ при монастырѣ. Мельхиседекъ переговорилъ лично съ Максимомъ и сильно подѣйствовалъ на воображеніе честолюбиваго запорожца, котораго натура, порывистая и безпокойная, искала, какъ видно, болѣе широкой и славной дѣятельности, чѣмъ тайное гайдамачество и роль служки при монастырѣ. Въ перспективѣ рисовалось ему возстановленіе гетманщины на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и гетманская булава въ его собственныхъ рукахъ. Образъ Хмѣльницкаго всталъ передъ нимъ во всей обаятельной силѣ, а съ нимъ вмѣстѣ истребленіе ляховъ и жидовъ, всегда такое заманчивое дѣло для казака даже самыхъ честныхъ убѣжденій. Притомъ же, Мельхиседекъ давалъ деньги, съ помощію которыхъ можно было не только набрать охотниковъ, но и нанять „зайвыхъ“ гультаевъ на добрыхъ коняхъ и съ хорошимъ вооруженіемъ. Желѣзнякъ тотчасъ сталъ виднымъ предводителемъ народнаго ополченія, и у него явились перначи и знамена—знаки не простаго возстанія, а войны народной.

Но прежде, чѣмъ Желѣзнякъ выступилъ во главѣ народнаго ополченія, съ знаменами и перначами, возстаніе подготовилось исподволь въ окрестностяхъ и подъ прикрытіемъ тѣхъ монастырей, о которыхъ мы говорили. Сначала изъ Сѣчи прибыло въ мотронинскій монастырь трое гайдамаковъ, какъ бы на поклоненіе, какъ приходилъ прежде и Желѣзнякъ. Гайдамаки эти были—Демьянъ Гнида, Лусконогъ и Шелестъ. Они казались такими „вахлаями“, ни къ чему негодными, смиренными. Ходили они въ рубищѣ и смотрѣли такими слабыми, согбенными. Изъ нихъ Гнида отправился въ лебединскій монастырь, Лусконогъ въ монастырь мошенскій, а Ше-

лестъ остался въ мотронинскомъ. Находясь въ монастыряхъ, они все дѣлали копья, скупали жупаны, шаровары, шапки, сапоги. Видно было, что они готовили все это для народнаго ополченія, но народъ не догадывался, и когда гайдамаковъ спрашивали о назначеніи этого импровизированнаго арсенала, они отвѣчали, что пошлютъ все это въ Сѣчь, какъ гостинецъ, потому что все это тамъ дорого, а народъ все прибываетъ, такъ и трудно достать одежду и вооруженіе. Но для монаховъ не была тайною ни цѣль прихода къ нимъ гайдамаковъ, ни ихъ занятія. При всемъ томъ монахи молчали и даже позволяли гайдамакамъ укрываться въ такихъ трущобахъ и недоступныхъ пещерахъ, которыя могли быть извѣстны однимъ только отшельникамъ. Въ одной изъ подобныхъ пещеръ, въ недоступной чащѣ лѣса, пребывалъ и Шелестъ, когда требовали того обстоятельства. Между тѣмъ гайдамаки прибывали.

Когда изъ этихъ новыхъ пустынниковъ, у которыхъ вмѣсто четокъ были ножи и копья, составилась довольно значительная партія, то они устроили въ мотронинскомъ лѣсу свою собственную сѣчь, подобіе той, какую они покинули на родинѣ, въ Россіи. Замѣчательно, что гайдамаки, вездѣ, гдѣ бы они ни осаживались на долго, устраивали нѣчто подобное своей метрополіи, „матери сѣчи“, съ такими же порядками и обычаями, какъ въ истинной запорожской сѣчи. Такая гайдамацкая сѣчь была на островѣ Бугѣ, разрушенная кошевымъ Лантухомъ, такая же сѣчь укрывала шайку Найды, и такую же сѣчь устроили гайдамаки въ мотронинскомъ лѣсу, еще до прихода къ нимъ Желѣзняка въ качествѣ главы народнаго ополченія. Для сѣчи выбрано было такое мѣсто, которое съ трехъ сторонъ окружено было буераками, а на че-

твертой поставлена была башня. Къ этимъ естественнымъ укрѣпленіямъ гайдамаки прибавили еще то, что кругомъ обрубились лѣсомъ. Посреди сѣчи, какъ говоритъ преданіе, насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и нитку прикрѣпили въ четырехъ мѣстахъ колышками. Вокругъ этихъ денегъ всегда ходилъ часовой, какъ около войсковаго казначейства. Самая сѣчь находилась въ одномъ буеракѣ (1), а въ другомъ, называемомъ Бойковая Лука, помѣщался „скликъ" — нѣчто въ родѣ вѣчеваго колокола, только колоколъ замѣнялся у нихъ котломъ. Котелъ висѣлъ на дубу, а около него была „довбня"—долбешка, которою били въ котелъ. Когда случалась тревога или нужно было оповѣстить о какомъ нибудь общемъ дѣлѣ или о грозящей опасности всѣхъ гайдамаковъ, находившихся въ сосѣднемъ лѣсу, тогда били въ котелъ, и ватага собиралась, гдѣ бы кто ни былъ. Около „склика" находился „значекъ" — особое мѣсто, отведенное для пастбища гайдамацкихъ лошадей. Верстахъ въ трехъ отъ „значка", къ мѣстечку Жаботину, на высокомъ курганѣ, находилось „гульбище". Съ этого кургана виденъ весь Жаботинъ. На гульбищѣ обыкновенно собирались гайдамаки, играли въ карты, пѣли пѣсни — опять-таки повтореніе того же, что дѣлали и запорожцы, въ свободное время, въ куреняхъ, на пикетахъ и на рыбныхъ ловляхъ.

---

(1) У Липомана гайдамацкій станъ изображенъ нѣсколько иначе. По его словамъ, станъ находился на небольшой чистой полянкѣ, которая занимала не болѣе полморга земли, надъ глубокимъ оврагомъ, называвшимся Холодный Яръ, и все это было въ чащѣ огромнаго и густаго лѣса. По оврагу бѣжалъ ручей чистой родниковой воды. Эту поляну, какъ и дорогу, ведущую отъ мельницы до монастыря черезъ лѣсъ, гайдамаки обложили дубовыми рогатками, которыя еще были видны въ 1780 году.

Отсюда гайдамаки дѣлали свои вылазки и грабили кого могли.

Такія же шайки, какъ около мотронинскаго монастыря, образовались въ сосѣдствѣ и другихъ монастырей.

Само собою разумѣется, что до польскихъ властей не могла не дойти вѣсть объ этихъ гайдамацкихъ сборищахъ, и власти, конечно не безъ основанія, подозрѣвали въ этомъ случаѣ не только потворство со стороны монастырей, но и прямую помощь гайдамакамъ. Явныя улики прямо говорили, что у гайдамаковъ и у монаховъ общее дѣло, и эти улики раньше были причиною того, что или эти монастыри подвергались нападеніямъ со стороны поляковъ, какъ это было недавно, или же подобные коноводы народнаго движенія, какъ Мельхиседекъ, платились за свои связи съ гайдамаками тюрьмою и болѣе строгими наказаніями. Въ настоящемъ случаѣ поляки также нагрянули на монастырь и начали розыскъ. Монахи вышли къ нимъ съ хлѣбомъ и солью. На вопросы поляковъ, гдѣ гайдамаки? монахи отвѣчали, что ничего не знаютъ. Поляки искали безуспѣшно, не смотря на то, что перерыли все въ мотронинскомъ монастырѣ, искали гайдамаковъ въ церкви, за иконостасомъ—но ничего не нашли, потому что гайдамаки сидѣли въ своемъ укрѣпленномъ притонѣ. Когда эти послѣдніе узнали о нашествіи поляковъ на монастырь, они тотчасъ отрядили двоихъ изъ своихъ товарищей въ сосѣднее мѣстечко въ Замятницу, чтобы тѣ, надѣлавъ тамъ тревоги, отвлекли поляковъ изъ монастыря. Посланные прискакали въ Замятницу и бросились на арендатора и другихъ евреевъ, которыхъ и начали колоть въ корчмѣ. Гайдамаки и здѣсь вполнѣ были увѣрены въ сочувствіи къ нимъ крестьянъ. И дѣйствительно, когда народъ увидѣлъ рѣз-

ню, онъ понялъ, что это распоряжаются „свои“, что это дѣло „ихъ вѣры“. На вопросъ народа: „а что, господа, — наша вѣра“? — гайдамаки отвѣчали: „сами видите, что ваша—иначе не кололи бы мы ляховъ да жидовъ“. И народъ не трогалъ ихъ, а напротивъ охотники шли въ ихъ шайку.

Между тѣмъ, когда поляки производили тщетный розыскъ въ монастырѣ, туда прискакалъ изъ Замятницы гонецъ, съ извѣстіемъ, что „гайдамаки Замятницу вырѣзали.“ Не зная ничего вѣрнаго о силѣ гайдамаковъ, поляки бросились въ Жаботинъ. Гайдамаки, уже цѣлой шайкой, двинулись тоже къ Жаботину и засѣли въ лѣсу. Тогда поляки ушли въ Смилу.

Въ такомъ положеніи находились дѣла передъ приходомъ Желѣзняка. Само собою разумѣется, что прибывшіе раньше другихъ изъ Запорожья гайдамаки—Шелестъ, Гнида и Лусконогъ, уже сбросили съ себя маску смиренія и дѣйствовали открыто, какъ опытные воины.

Пришло наконецъ время „освященія ножей.“

XIII.

„Освященіе ножей“ гайдамацкихъ или „чигиринське свято“ происходило 23 апрѣля, въ день святаго великомученика Георгія, въ который въ лебединскомъ монастырѣ былъ престольный праздникъ. Съ этого дня возстаніе становится открытымъ, и Желѣзнякъ является главою гайдамаковъ.

„Освященіе ножей“ происходило слѣдующимъ образомъ: Ко дню храмоваго праздника изъ всѣхъ окольныхъ селъ собрал-

ся народъ въ лебединскій монастырь: тутъ уже были не только гайдамаки, собравшіеся гораздо раньше „освященія ножей“ въ монастырскихъ лѣсахъ, но и толпы народа, привлеченныя въ монастырь какъ предстоящимъ праздникомъ, такъ и молвою о томъ, что въ монастырѣ будутъ „ножи святить“ и что съ этого дня, съ помощью святыхъ ножей, начнется истребленіе поляковъ и евреевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возстановленіе свободы. Преданіе говоритъ, что къ монастырю подвезено было нѣсколько возовъ, наполненныхъ ножами, и что эти ножи тайно присланы изъ Россіи, отъ самой императрицы, въ подарокъ русскому народу, находящемуся подъ польскимъ владычествомъ, что прямо и выражено мастерскимъ стихомъ Шевченка въ его поэмѣ „Гайдамаки“ (¹). Сочинителемъ этого слуха о присланныхъ Екатериною ножахъ былъ конечно тотъ же, кто сочинилъ и „золотую грамату,“ однако на народъ такой слухъ не могъ не произвести сильнаго вліянія, особенно когда онъ не прочь былъ вѣрить всему, что только могло льстить его завѣтнымъ мечтамъ. Притомъ же Мельхиседекъ тайно показывалъ всѣмъ, кто колебался, „золотую грамату,“ и такимъ образомъ народное чувство, и безъ того враждебное къ полякамъ, доведено было до крайняго напряженія. Послѣ службы и молебна съ водосвятіемъ священники съ хоругвями и образами вышли къ народу, прошли между возами и окропили ножи святою водой.

(¹) При описаніи «чигиринскаго праздника» онъ такъ говоритъ о пожарахъ:

По-підъ діброваою стоять
Вози залізноі тарані:
То щедроі гостинець пані—
Уміла що кому давать...

„Молитесь, братія! молитесь! (такъ говорилъ благочинный вѣроятно Мельхиседекъ). Кругомъ святаго Чигирина станетъ стража съ того свѣта—не дастъ святаго роспинать. А вы Украину спасайте: не дайте матери, не дайте въ рукахъ у палача пропадать. Отъ Конашевича и до сихъ поръ пожаръ не гаснетъ, люди мрутъ, изнываютъ въ тюрьмахъ, голые, боские. Дѣти не крещеныя ростутъ—казацкія дѣти! А дочери, краса казацкаго края—у ляха вянутъ, какъ прежде мать увядала, и непокрытая коса стыдомъ сѣчется, черныя очи въ неволѣ гаснутъ, и расковать казакъ сестру свою не хочетъ и самъ не стыдится изнывать въ ярмѣ у ляха... Горе! горе! Молитесь, дѣти! Страшный судъ ляхи несутъ въ Украину, и заплачутъ черныя горы.

„Вспомните праведныхъ гетмановъ—гдѣ ихъ могилы? Гдѣ лежитъ остатокъ славнаго Богдана? Гдѣ убогая могила Остраницы? Гдѣ могила Наливайка? Нѣтъ ихъ! Живаго и мертваго сожгли... Гдѣ тотъ Богунъ? гдѣ та зима? Ингулъ, что зиму замерзаетъ? Не встанетъ Богунъ, чтобы загатить его шляхетскими трупами. Ляхъ гуляетъ. Нѣтъ Богдана окрасить кровью ляховъ Желтыя Воды и Рось зеленую. Тоскуетъ Корсунь староденный, и не съ кѣмъ ему тоску раздѣлить, и Альта плачетъ: „тяжко жить... Я сохну... сохну... Гдѣ Тарасъ?.. Нѣтъ! не слышно... Не въ отца дѣти.“

Народъ, говорятъ, плакалъ, слушая эти слова. „Не плачьте, братія (продолжалъ „благочинный“): за насъ и души праведныхъ и сила Архистратига Михаила.. Не за горами кары часъ... Молитесь, братія“ (1).

---

(1) Гайдамаки, Шевченко.

И народъ молился, готовясь, какъ онъ полагалъ, на святое дѣло — на убійство. Потомъ сказали народу, чтобъ онъ бралъ ножи, и народъ разобралъ ихъ.

Такъ у Шевченка изображено освященіе ножей и такъ передана имъ рѣчь, сказанная къ народу при этомъ освященіи. Все это передано имъ со словъ самого же народа. Такъ ли передана эта рѣчь, какъ она дѣйствительно говорилась, и не погрѣшили ли мы противъ исторической истины, сообщая ее въ историческомъ очеркѣ—едва ли можетъ это рѣшить самая строгая историческая критика. Вѣроятно и рѣчи, которыя говорилъ Наполеонъ или другое историческое лице, говорились далеко не такъ, какъ записаны кѣмъ-либо по памяти, и потомъ передаются историками; но мы вѣримъ имъ, и только грубую ложь или грубую ошибку отвергаетъ историческая критика, а многое, можетъ быть, и ложное, оставляетъ нетронутымъ, за неимѣніемъ возможности провѣрить тотъ или другой фактъ. Въ противномъ же случаѣ, если приведенная нами рѣчь—ложь или сочиненіе поэта, то и всѣ рѣчи Наполеона, говоренныя имъ къ его великой арміи, будутъ ложь и всѣ русскія лѣтописи, съ рѣчами, влагаемыми въ уста великихъ князей и другихъ лицъ, будутъ ложь и сочиненія поэтовъ—лѣтописцевъ. Задача исторіи, въ такомъ случаѣ, съузится до передачи однихъ послужныхъ списковъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ казенныхъ реляцій, если послужные списки и реляціи тоже не ложь до нѣкоторой, впрочемъ довольно значительной, степени. Мы полагаемъ, что такія скрупулезныя отношенія къ исторіи отрицали бы самое существованіе ея.

Послѣ освященія ножей, гайдамаки три дня не выступали въ дальнѣйшій походъ, а оставались въ мотронинскомъ лѣсу.

*

Почему они медлили, ни одинъ изъ писателей не объясняетъ этого. Но едва ли остановка эта происходила оттого, что гайдамаки не имѣли предводителя, что хотя во главѣ ихъ и стояла такая популярная личность, какъ Желѣзнякъ, однако они и самъ Желѣзнякъ, будто бы, желали имѣть другаго предводителя, болѣе авторитетнаго, какъ увѣряетъ Липоманъ. По его словамъ, Желѣзнякъ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей пріѣзжалъ ночью изъ табора въ Медвѣдовку, къ Квасневскому, полковнику чигиринскихъ казаковъ, просилъ будто бы его сдѣлаться предводителемъ возстанія, что Квасневскаго будто бы не засталъ дома, а передалъ свою просьбу его женѣ, которая очень испугалась, когда увидѣла у себя гайдамаковъ, но что Желѣзнякъ попросилъ у нея водки и, напившись съ своими товарищами, спокойно уѣхалъ ([1]). Далѣе говорятъ, что Квасневскій, по возвращеніи домой, узнавъ объ этомъ посѣщеніи и желаніи гайдамаковъ имѣть его своимъ предводителемъ, и боясь повторенія посѣщеній, предвидя вмѣстѣ съ тѣмъ, что, за отказомъ, гайдамаки могли убить его, а входя съ ними въ какія нибудь связи, онъ навлекъ бы на себя подозрѣніе правительства и самъ былъ бы признанъ за бунтовщика, видя наконецъ сильное замѣшательство въ народѣ (miedzy pospòlstwem)—взялъ свою жену и сына и отправился въ городъ Крыловъ, собственно въ ту его половину, которая лежала за рѣкою Тясминомъ и принадле-

---

([1])... nie zastawszy go (Квасневскаго) w domu, oświadczył przestraszonéj jego żonie (bo już rozszedł się odgłos, że w lesie motrel ninskim są hajdamacy) iż by się niczego nie lękała, gdyż on nie przyjechał w jéj dom, lecz jedynie z prośbą do jéj męża, iżby on koniecznie był ich watażką (dowòdcą), potém prosił wódki. i napiwszy się z swoimi towarzyszami. spokojnie się oddalił». Rzeź Hum. Lip.

жала русскому правительству ([1]), гдѣ онъ считалъ себя уже не во власти Желѣзняка. Такимъ образомъ Квасневскій избѣжалъ грозившей ему опасности и оставался на русской сторонѣ до самаго усмиренія поднимавшейся бури, и въ то же время получалъ обстоятельныя донесенія обо всемъ, что происходило дальше, отъ преданныхъ ему поселянъ.

Мы потому не довѣряемъ, въ данномъ случаѣ, показанію Липомана, что не въ характерѣ и не въ разсчетахъ Желѣзняка было проситъ кого бы то ни было принять на себя начальство надъ возстаніемъ, когда это была его завѣтная мечта, когда впереди у него блестѣла обаятельная гетманская булава, возстановленіе гетманщины обѣихъ сторонъ Днѣпра и конечное истребленіе поляковъ. Всего менѣе гайдамаки, а особенно Желѣзнякъ могли обратиться къ Квасневскому, къ польскому пану, а если и не пану, то такому лицу, которое представляло изъ себя мѣстное, т. е. польское правительство, потому что въ то время Квасневскій представлялъ изъ себя начальство, былъ „rządca.“ А если къ тому же онъ былъ полякъ и католикъ, то первая гайдамацкая пика была бы непремѣнно направлена на него и всего скорѣе что отъ самого же Желѣзняка. Этого-то вѣроятно и боялся Квасневскій, а не предложенія, сдѣланнаго ему гайдамаками, быть ихъ начальникомъ, и потому раньше всѣхъ успѣлъ бѣжать, потому что, безъ сомнѣнія, раньше всѣхъ онъ и погибъ бы, еслибъ оставался на своемъ мѣстѣ. Гайдамаки шли противъ поляковъ и властей, а Квасневскій былъ и полякъ, и „намѣстникъ,“

([1]) Рѣка Тясминъ служила границей тогдашнихъ русскихъ владѣній съ польскими. Крыловъ лежалъ на обѣихъ сторонахъ рѣки и половинами своими принадлежалъ Россіи и Польшѣ.

т. е. самая первая власть, которая лежала гайдамакамъ поперегъ дороги. Мы подозрѣваемъ даже, что никого другаго какъ Квасневскаго разумѣетъ народный разсказъ подъ тѣмъ „намѣстникомъ,“ который лишь только услыхалъ о появленіи гайдамаковъ, убѣжалъ изъ Смилы въ Камянку съ казакомъ Лопатою. У него подъ командою была сотня реестровыхъ казаковъ. Онъ такъ испугался слуха о появленіи гайдамаковъ, что совершенно растерялся. Не зная что ему дѣлать, идти ли противъ разбойниковъ, или уходить отъ нихъ, онъ спрашивалъ атамана своихъ казаковъ: „можно ли стать противъ гайдамаковъ?“ Когда тотъ сказалъ, что можно, но что бѣда въ томъ, что ихъ „пуля не беретъ,“ намѣстникъ кончилъ тѣмъ, что скрылся и отъ гайдамаковъ, и отъ своихъ казаковъ. Бѣгство намѣстника было причиною того, что и реестровые казаки передались на сторону гайдамаковъ.

— Что, будете вы съ нами биться или нѣтъ? (спрашивалъ посланный къ казакамъ гайдамацкій атаманъ). — *Мы не по своей волѣ пришли.* Смотрите, чтобъ и вамъ не было такой бѣды, какъ ляхамъ.

При этомъ гайдамацкій атаманъ показалъ реестровымъ казакамъ какую-то бумагу. Вѣроятно многознаменательная фраза—*мы не по своей волѣ пришли* — имѣла сильное значеніе въ глазахъ казаковъ, потому что они тотчасъ же пристали къ гайдамакамъ. Бумага же, показанная казакамъ, могла быть „золотая грамата“.

Шайка Желѣзняка увеличилась, такимъ образомъ, реестровыми казаками. Но онъ все еще не выступалъ въ походъ, и безъ сомнѣнія не по тѣмъ причинамъ, что не находилось предводителя, за отказомъ отъ этого званія Квасневскаго. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ положиться на показаніе Ли-

помана, который тутъ же рядомъ дѣлаетъ весьма грубую ошибку, не смотря на неоднократныя увѣренія, что онъ изъ всѣхъ рукописныхъ сказаній объ уманской рѣзнѣ и изъ разсказовъ очевидцевъ старался извлекать самую „чистую правду“ (1). Онъ говоритъ, что когда Желѣзнякъ еще не выводилъ свою шайку въ поле, двое изъ главныхъ гайдамаковъ поссорились между собою и одинъ другаго убилъ изъ пистолета. Это были Шило и Швачка. Липоманъ увѣряетъ, будто Шило застрѣлилъ Швачку во время ссоры. Ничего этого не было и мы увидимъ Швачку однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой кровавой гульни народной, въ самыхъ жаркихъ дѣлахъ, увидимъ его и въ Бугуславѣ, и въ Умани рядомъ съ Желѣзнякомъ и въ послѣдней его схваткѣ съ казаками, о которой народная память сохранила такое поэтическое воспоминаніе и въ такихъ художественныхъ чертахъ. Все это мы увидимъ въ свое время. Правда, въ мотронинскомъ лѣсу произошла ссора между двумя гайдамаками и одинъ изъ нихъ застрѣлилъ другаго, но только не Шило Швачку. Ссора была такого рода: одинъ изъ гайдамаковъ, но не простой „летяга“, а атаманъ гайдамацкій, назвалъ за что-то казака „жидомъ“. Такое оскорбительное названіе, обращенное къ лицу казака, вызвало все его негодованіе. Казакъ бросился на оскорбителя съ пистолетомъ. Атаманъ открылъ передъ нимъ грудь и сказалъ: „стрѣляй!“ Его считали „характерникомъ“, такимъ человѣкомъ, котораго не беретъ пуля. Казакъ вы-

---

(1)..., Z opowiadań naocznych świadków starał się prawdę wybadać“. Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «z rękopismów Tuczapskiego, Krebsowéj, także z opowiadań naocznych świadków, starał się autor tego pisma wyciągnąć czystą prawdę“.

стрѣлилъ и убилъ атамана. Когда на него бросились другіе казаки, онъ объяснилъ имъ причину ссоры, говорилъ, что казака нельзя равнять съ жидомъ, что въ такомъ случаѣ— „вы всѣ жиды, когда я жидъ“. И казаки оправдали убійцу, сказавъ: „ледачому ледача и смерть.“

Наконецъ казаки выступили изъ своего лѣснаго табора и потянулись по направленію къ Черкасамъ. Первое село, которое они встрѣтили на пути, была Медвѣдовка, въ которой существовалъ древній православный монастырь. Въ самый день прихода гайдамаковъ была тамъ ярмарка, на которую собралось много народа изъ окрестныхъ селеній. Появленіе гайдамаковъ произвело необычайную тревогу и все бросилось спасаться. Но Желѣзнякъ, приказывая своимъ казакамъ останавливать народъ, говорилъ всѣмъ:

— Не бойтесь, люди добрые, мы васъ не тронемъ. Гуляйте себѣ и торгуйте.

Лучшая, отборная часть гайдамацкой ватаги имѣла видъ стройнаго войска. Надъ нею развѣвались знамена и пестрѣли разноцвѣтные значки, прикрѣпленные къ длиннымъ копейнымъ древкамъ. Позади тянулись толпы коннаго и пѣшаго народа въ разнообразныхъ костюмахъ и съ разнообразнымъ вооруженіемъ. Рѣдкій былъ достаточно вооруженъ, но у всѣхъ было что либо въ рукахъ, у кого пика, у кого ружье, а у бѣдной голытьбы ничего, кромѣ обожженныхъ кольевъ ([1]). Въ этомъ народномъ ополченіи цѣликомъ воспроизводилось поголовное возстаніе при Хмѣльницкомъ, когда Украина имѣла

([1]) ... „wieśniaki z róznym orężem, a niektórzy nawet. zamiast pik, z osmolonemi na końcach kijami».

„больше войска, чѣмъ оружія“. И тогда безоружный народъ шелъ съ кольями (1).

Въѣхавъ на ярмарку, Желѣзнякъ прочиталъ къ народу „золотую грамату“, и толпа легко воспламенилась, имѣя въ перспективѣ свободу, богатство и прекращеніе польскаго владычества. Войско Желѣзняка увеличилось, такимъ образомъ, новыми охотниками.

Оттуда гайдамаки бросились на Жаботинъ, мѣстечко, принадлежавшее одному изъ князей Любомирскихъ, которые за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ истребили шайки Чуприны и Чортоуса. Въ Жаботинѣ же былъ до этого начальникомъ казацкой сотни знаменитый Харько, котораго поляки обманомъ погубили въ Поволочи. Теперь тамъ командовалъ городовыми казаками князя Любомирскаго Мартынъ Бѣлуга, а губернаторомъ былъ полковникъ Вичалковскій. Бѣлуга тотчасъ же присоединился къ Желѣзняку съ своими казаками, и Жаботинъ постигла участь взятаго на копье города. Замокъ разоренъ, мѣстечко разрушено, а польское и еврейское населеніе было переколото пиками или замучено иными муками. Хотя Вичалковскій и успѣлъ спастись бѣгствомъ, но есть основаніе думать, что и его не минула общая участь всѣхъ польскихъ губернаторовъ и арендаторовъ. Такъ одна пѣсня о Желѣзнякѣ намекаетъ на участь, постигшую губернатора,

---

(1) Современная дума такъ описываетъ войско Хмѣльницкаго:

За імъ козаки йдуть,
Якъ ярая пчола гудуть:
Котрий козакъ не мае въ себе шаблі булатноі,
Пищалі самопядноі,
Той козакъ кій на плечі забірае,
За гетманомъ Хмельницькимъ увъ охотне військо поспішае.

котораго Мартынъ Бѣлуга водитъ за собою по рынку и грозитъ:

Білуга Мартинъ жаботиньский да по риночку ходить,
Свого пана-губернатора за собою водить,
И, водючи за собою, та й до ёго каже:
«Не одного теперъ ляха голова заляже...»

Другое мѣстечко, принадлежавшее князьямъ Любомирскимъ, Смила, также было взято гайдамаками, разграблено и сожжено. Волненіе расходилось шире и шире, пожаръ и рѣзня охватывали уже не однѣ окрестности мотронинскихъ и лебединскихъ лѣсовъ, а сосѣдніе округи на цѣлые десятки верстъ. Это состояніе польской Украины изображено такими яркими красками популярнѣйшаго украинскаго поэта:

Задзвонили въ усі дзвони
По всій Украіні,
Закричали гайдамаки:
«Гине шляхта! гине!
Гине шляхта,—погуляемъ
Та хмару нагріемъ!»
Зайнялася смілянщина—
Хмара червоніе,
А найперша Медведівка
Небо нагрівае.
Горить Сміла, смілянщина
Кровью підпливае.
Горить Корсунъ, горить Канівъ,
Чигиринъ, Черкаси,
Чернимъ шляхомъ запалало—
И кровь полилася
Ажъ у Волинь...

Какъ и во время пугачевщины, въ разныхъ мѣстахъ по-

явились отдѣльныя партіи, подъ предводительствомъ своихъ „ватажковъ“. Недалеко отъ мотронинскихъ лѣсовъ, въ многолюдной Мельниковкѣ, встала одна изъ крупныхъ личностей гайдамачины, Семенъ Неживый. Онъ былъ прежде простымъ работникомъ у одного гончара (poddany garnczar). Въ этомъ наймитѣ горшечника давно проявлялись честолюбивыя стремленія. Онъ давно говорилъ: „Я хоть на одинъ день, а буду паномъ.“ И онъ дѣйствительно сталъ паномъ на нѣсколько мѣсяцевъ, распоряжаясь въ обширныхъ староствахъ черкасскомъ и чигиринскомъ, а частью въ смилянщинѣ, какъ въ завоеванной имъ странѣ (1). Онъ называлъ себя запорожскимъ казакомъ и именно уманскимъ куреннымъ, и объявлялъ народу, какъ видно изъ послѣдующихъ показаній на допросахъ захваченныхъ гайдамаковъ, что у него есть „нѣякесь дозволеніе“, а этимъ „дозволеніемъ“ ему разрѣшалось собирать „чату“ (шайку), быть командиромъ этой шайки и съ нею идти въ „лядщину на искорененіе ляховъ и жидовъ.“ Народъ шелъ за нимъ толпами, увлекаемый таинственнымъ „дозволеніемъ“.

Около Хвостова образовались подобныя же шайки (2). Въ окрестностяхъ Черкасъ, Чигирина, Корсуни и Канева народъ поднимался по одному слуху, что уже встали не гайдамаки только, а началось „посполите рушеніе.“ Поляки и евреи въ страхѣ убѣгали за Днѣпръ, подъ прикрытіе рус-

---

(1) Неживый, „ogłosiwszy się watazk-, zebrał kupę, z kilkuset buntowników składającą, się i rozciągnął grabież i zabójstwa w dosyć obszernych starostwach, czerkaskiem i czehryńskiem, także w znacznej części smilańszczyzny.“

(2) ....„około Chwostowa i w innych wielu bardzo mejscach podobne roznoliczne buntowników zgraje.“

скихъ крѣпостей, а не успѣвшіе бѣжать въ Россію, искали безопасныхъ мѣстъ въ польской Украинѣ, по городамъ, замкамъ и лѣсамъ. Въ одномъ лѣсу скрывалось довольно значительное число поляковъ, которые тамъ же зарыли въ землю свои сокровища, и когда гайдамаки вошли въ лѣсъ, поляки прятались на деревьяхъ, откуда гайдамаки сбивали ихъ чѣмъ попало, а зарытыя богатства пограбили. Не дожидаясь пришествія Желѣзняка или другихъ предводителей, народъ самъ начиналъ расправу, дѣти шли за родителями убивать — пановъ, женщины шли въ гайдамаки, вооружаясь ухватами:

Жінки навітъ зъ рогачами
Пішли въ гайдамаки.

Остались по селамъ только собаки да маленькія дѣти — совершенно какъ въ пугачевщину. Во время пугачевщины даже собаки убѣгали изъ деревень и толпами ходили за обозами, или слѣдуя за хозяевами, или съ голоду пожирая убитыхъ и палыхъ лошадей, а нерѣдко и трупы человѣческіе. Если изъ какой нибудь избенки и показывался мужикъ, не вооруженный гайдамацкими доспѣхами, пикою или ружьемъ или обожженною дубиною, то это была рѣдкость, и всякій гайдамакъ, увидѣвъ такого „гулящаго человѣка“, могъ закричать ему: „Убирайся въ хату, сермяжникъ! выстрѣлю!“

Толпы Желѣзняка подходили къ Черкасамъ, куда уже раньше забирались отдѣльныя ватаги, бражничали тамъ, вывѣдывали, силенъ ли черкасскій замокъ, но замка взять не могли. Эта честь выпала на долю Желѣзняка. Самовидцы такъ описываютъ торжественный въѣздъ этого народнаго любимца въ Черкасы и его наружность. Передовые отряды его имѣли видъ „настоящаго войска“, какъ и толпы Пугачева,

которыя разъ самъ Михельсонъ ошибкою принялъ за правительственныя войска—въ такомъ порядкѣ они готовились къ битвѣ. Впереди ѣхалъ Желѣзнякъ, на буланомъ конѣ, въ красной одеждѣ, въ „кармазинѣ". Шапка на немъ была сѣрая, сафьяные сапоги, безъ сомнѣнія цвѣтные, шалевый поясъ, за поясомъ пистолетъ, съ боку сабля. Онъ былъ человѣкъ еще не старый, лѣтъ сорока или за сорокъ, полный, круглолицый, красивый, росту небольшаго, но широкоплечій. Небольшіе русые усы, за ухомъ длинный чубъ. За нимъ ѣхали по два въ рядъ конники, съ копьями, и у переднихъ паръ копья съ двойчатыми значками—одна половина значка бѣлая, а другая красная, потомъ значки желтые съ чернымъ, дальше красные съ синимъ, и т. д. Въ самомъ хвостѣ шли пѣшіе безъ копій и безъ вооруженія, а только съ обожженными на концахъ копьями. Это были уже ватаги „винокуровъ" и другая голытьба. Дѣти стояли по сторонамъ дороги и съ любопытствомъ смотрѣли на эту торжественную процессію, снявъ шапки и кланяясь. Желѣзнякъ обратился къ нимъ съ запорожскимъ привѣтствіемъ:

— Здорово, сучаки!

— Здравствуй, панъ.

— А что вы не пашете?

— Нѣтъ, панъ.

— А мы уже начали пахать! сказалъ Желѣзнякъ, намекая на начало рѣзни.

Желѣзнякъ проѣхалъ по той улицѣ, которая ведетъ прямо въ черкасскій замокъ. Черезъ мостъ онъ въѣхалъ съ своей толпой въ замокъ, башня котораго была уже отворена. Въѣхавъ въ замокъ, гайдамаки остановились рядами. Желѣзнякъ скомандовалъ — „съ коней!" — и гайдамаки сошли съ

лошадей и, поставивъ копья въ козлы, привязали лошадей у коновязей. Желѣзнякъ съ приближенными прошелъ прямо къ покоямъ. Къ нему на встрѣчу вышли черкасскіе городовые казаки съ своимъ атаманомъ. Казаки сняли шапки передъ Желѣзнякомъ, и онъ, подойдя къ нимъ ближе, тоже снялъ, но тотчасъ надѣлъ снова. Казаки оставались съ открытыми головами.

— Здорово, казаки, обратился къ нимъ Желѣзнякъ.

— Здравствуй, батько атаманъ!

— А гдѣ вашъ атаманъ? спросилъ Желѣзнякъ.

Атаманъ тотчасъ выбѣжалъ къ нему съ непокрытою головою. И Желѣзнякъ снялъ шапку. Они обнялись и поцѣловались. „Просите же на постой", сказалъ Желѣзнякъ, и атаманъ повелъ гайдамацкое начальство въ господскіе покои. Простые гайдамаки разсыпались по городу на промыселъ. „Аренда" была разбита, обручи съ бочекъ сколочены и водка потекла ручьями по землѣ. Женщины, не боясь гайдамаковъ, которые ихъ не трогали, какъ и дѣтей, дѣлали изъ песку запруды и черпали водку, разливаемую на землю гайдамаками.

Послѣ водки полилась и кровь рѣкою. Черкасы не пощажены, не смотря на то, что гайдамаки не встрѣтили здѣсь никакого сопротивленія. Желѣзнякъ, стоя на базарѣ, распоряжался грабежемъ и убійствами. „Добре, дѣтки!" —кричалъ онъ, когда гайдамаки неистовствовали,—„добре! мучьте ихъ, проклятыхъ! Въ раю будете!" Послѣ грабежа городъ былъ зажженъ и брошенъ гайдамаками, которые потянулись дальше, на новые убійства и грабежи.

Слухъ о томъ, что запорожцы пришли изъ Россіи для освобожденія польской Украины отъ поляковъ, охватывалъ

все большее пространство, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднималъ на ноги всѣхъ, кто способенъ былъ владѣть, если не саблей, то хоть просто дубиною. Иныя толпы тянулись къ главной арміи, предводительствуемой Желѣзнякомъ, другія дѣйствовали самостоятельно во имя все же какъ бы общаго дѣла. Прежняя польская милиція, состоявшая изъ казаковъ, почти вся передалась на сторону гайдамаковъ. Мелкіе ватажки кружили съ своими шайками отъ села до села, грабя то, что не было дограблено, и добивая недобитыхъ. Гайдамаки не пропустили ни Корсуня, ни Канева. Каневъ имѣлъ укрѣпленный замокъ, пушки и сильный гарнизонъ, но и это не спасло его. Чѣмъ гдѣ было больше сопротивленія, тѣмъ свирѣпѣе было нападеніе гайдамаковъ. Въ Каневѣ находилось много базиліянъ, которые и имѣли свой гарнизонъ, и на базиліянъ-то особенно и обрушилась ярость разбойниковъ. Базиліяне съ ихъ абатомъ, онъ же и староста, были захвачены. Убійство шло повальное, лишь бы жертва имѣла польское имя или еврейскій обликъ. Какъ и предыдущіе города и села, Каневъ былъ выжженъ. Часть поляковъ заперлась въ замокъ, обнесенный тройнымъ частоколомъ. Гайдамаки поступили съ этимъ замкомъ, какъ Пугачевъ съ городомъ Осою: къ частоколу натаскана была солома и зажжена: всѣ укрывшіеся въ замкѣ живьемъ погорѣли ([1]).

Какъ во всѣхъ народныхъ смутахъ, гайдамаками овладѣло какое-то опьяненіе и они злорадствовали надъ своими жертвами, находя время забавляться надъ умирающими и издѣваться надъ трупами. Въ Каневѣ съ евреями посадили ря-

---

([1]) О нападеніи на Каневъ есть особая поэма Гонзиньскаго — „Zamek Kaniowski.“

домъ двѣнадцать евреекъ и, зайдя съ боку, стрѣляли по нимъ изъ пистолетовъ, какъ въ цѣль. Всѣ были убиты. Осталась одна, которую миновали пули. Гайдамаки отправились къ атаману спросить, что съ ней дѣлать. Атаманъ велѣлъ окрестить еврейку, и гайдамаки окрестили ее. Они же были и кумовьями, а потомъ новокрещенной набросали столько денежекъ, что и конь не въ силахъ былъ везти. Къ несчастью, всѣ мѣстности, по которымъ проходили гайдамаки, имѣли значительный процентъ еврейскаго и польскаго населенія, и это-то самое помогало все болѣе и болѣе разыгрываться страшной бурѣ. Общаго плана, по видимому, не было, да и не могло быть у гайдамаковъ, хотя самъ Желѣзнякъ и имѣлъ въ головѣ широкіе планы. Но при разбросанности и подвижности шаекъ нельзя было и ожидать единства дѣйствія. Главныя силы, конечно, группировались около Желѣзняка, который былъ представителемъ движенія; но какъ во всѣхъ народныхъ смутахъ, имѣющихъ характеръ поголовнаго возстанія, отдѣльныя массы дѣйствовали слишкомъ разбросанно, такъ что самъ Желѣзнякъ не все зналъ, чего онъ надѣлалъ своимъ обращеніемъ къ народу отъ имени будто бы русскаго правительства. Эта разбросанность дѣйствій гайдамаковъ затрудняетъ историка передать въ общей картинѣ это страшное время, потому что кровавыхъ и рельефныхъ епизодовъ было слишкомъ много, подобно тому какъ и въ пугачевщину самъ Пугачевъ не могъ знать и сотой доли того, что дѣлалось вокругъ него и вдали отъ него атаманами и полковниками, часто отъ его имени, часто именемъ „воли,“ за которую шли какъ пугачевцы, такъ и гайдамаки.

XIV.

Хотя гайдамачина, какъ и всѣ народные мятежи, представляетъ слишкомъ много доказательствъ совершенно по видимому безсмысленнаго ожесточенія, не оправдываемаго никакою логическою цѣлью, однако самыя возмутительныя безобразія разнузданнаго и какъ бы одурѣвшаго отъ крови народа, въ данномъ случаѣ, имѣли основаніемъ какую-то идею, правда, весьма смутно сознаваемую народомъ. Нельзя отрицать, что всеобщая смута вызвала наружу всѣ таившіяся въ немъ низкія страсти, но даже и въ безпамятствѣ страстнаго порыва народъ зналъ, чего онъ искалъ.

Сажая евреевъ и поляковъ на пики, набивая свои карманы золотомъ, высыпаннымъ изъ кармановъ убитыхъ и сожженныхъ жертвъ своихъ, мѣняя свою ободранную кожушину на богатый кафтанъ, который снимался съ плечъ убитаго, а иногда и недобитаго пана, украинскій повстанецъ видѣлъ въ своей жертвѣ не только католика или еврея, но и *конфедерата*, новаго врага, который, по мнѣнію возставшихъ, грозилъ Украинѣ новыми, какими-то невѣдомыми бѣдами. Слово „конфедерація“ успѣло быстро облетѣть всю польскую Украину и крѣпко засѣло въ головѣ народа. Онъ даже хорошенько не понималъ что это за слово и какая идея съ нимъ соединена, но оно пугало его. Это было что-то хуже и страшнѣе уніи, и народъ окрестилъ это непонятное слово по своему. Для него это была не „конфедерація,“ а „кондирація,“ нѣчто въ родѣ сдиранія шкуры съ народа, дранье и по спинѣ, и по карману, и по душѣ. И въ народѣ созда-

лась уже страшная пѣсня объ этой новой бѣдѣ, и онъ поетъ въ этой пѣснѣ:

Теперичка ляхи щось начинають,
Кондирацію и панківъ собі збірають.
Ходімо до Потоцького мосці,
До ёго графськоі вельможносці.

Все тотъ же Потоцкій, у котораго „розумъ жіноцький“ и который „запропастивъ Польшу и всю Украину,“ и его конфедерація засѣла у всѣхъ въ головѣ, и вотъ въ безсмысленномъ по видимому ожесточеніи массъ проглядываетъ цѣль и къ этой цѣли идутъ массы, по крови и пожарамъ. Объ этомъ гайдамаки разсуждаютъ уже въ Богуславѣ и нѣсколько времени остаются въ нерѣшимости, куда имъ идти, противъ кого обрушить свое озлобленіе. Главные совѣтники Желѣзняка раздѣлились, на военномъ совѣтѣ, на голоса, и мнѣнія подавались различныя: имъ не хотѣлось пропускать и Бѣлую Церковь, имѣнія одного изъ заклятыхъ враговъ гайдамачества и казацкой вольности—князя Любомирскаго, но въ то же время ихъ сильно тянула къ себѣ богатая Умань, средоточіе и польской силы, и польскаго богатства во всей польской Украинѣ. Умань была какъ бы столицею всего заднѣпровья, и какъ Пугачева тянуло къ Москвѣ и Петербургу, такъ Желѣзняка и его сподвижниковъ тянуло къ Умани. Въ Богуславѣ Желѣзнякъ имѣлъ роздыхъ послѣ нѣсколькихъ дней своей кровавой и огненной, такъ сказать, экспедиціи. Въ Богуславѣ къ нему присоединился новый сподвижникъ, Василій (1) Шило, а также почти всѣ богуславскіе городовые казаки съ своими начальниками.

---

(1) По другимъ свѣдѣніямъ онъ называется Максимомъ.

Шило — одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ уманской рѣзни. Онъ былъ тоже запорожецъ. Находился ли онъ съ гайдамаками въ мотронинскихъ лѣсахъ, или теперь только вступилъ въ гайдамацкое ополченіе, объ этомъ нѣтъ прямыхъ указаній, хотя, какъ мы видѣли выше, Липоманъ и говоритъ, что Шило былъ уже между гайдамаками передъ началомъ ихъ возстанія и еще въ мотронинскомъ таборѣ застрѣлилъ своего товарища Швачку. Вѣроятно до соединенія съ Желѣзнякомъ или съ главными силами ополченія, Шило предводительствовалъ отдѣльною шайкою, на что мы и имѣемъ указанія. Какъ въ пугачевщину, отдѣльные пугачевскіе атаманы, полковники или просто эмисары, „служители Петра III-го,“ какъ они величали себя, вербовали по деревнямъ народъ во имя мнимаго императора и весьма часто дѣйствовали какъ самостоятельные коноводы народныхъ массъ, такъ и товарищи Желѣзняка: Неживый, Шило и другіе иногда дѣйствовали совокупно съ Желѣзнякомъ, иногда отдѣльно. Мы знаемъ, что у Неживаго была своя партія, у Швачки своя, у Шила тоже имѣлось свое ополченіе. Еще до разрушенія Черкасъ главными силами гайдамаковъ, Шило нѣсколько разъ вторгался въ этотъ городъ. Однажды онъ нагрянулъ туда съ своимъ отрядомъ, человѣкъ во сто, когда губернаторъ еще не успѣлъ бѣжать на лѣвую сторону Днѣпра, подъ защиту русскихъ. Замковыя ворота были заперты, и гайдамаки стали кричать, чтобъ находившіеся въ замкѣ отворили имъ ворота. Хотя въ замкѣ было не мало народу, который могъ бы отбить нападеніе, однако губернаторъ побоялся оказать сопротивленіе, и ворота были отперты. Шило въѣхалъ на дворъ и потребовалъ губернатора. Когда тотъ явился, гайдамацкій ватажко, сидя верхомъ на конѣ, сталъ читать

ему указъ „отъ царицы,“ повелѣвавшій будто бы рѣзать ляховъ и жидовъ, „такъ чтобъ и на свѣтѣ ихъ не было.“ Губернаторъ, стоя на колѣняхъ, слушалъ этотъ мнимый указъ. Замѣчательно, что спасителями губернатора въ этомъ случаѣ явились мѣстные городовые казаки, которые, какъ мы видѣли выше, набирались изъ крестьянъ. Когда по городу разнеслась вѣсть, что гайдамаки въ замкѣ, одинъ изъ казаковъ, Судденко, который считался лучшимъ стрѣлкомъ въ округѣ, бросился къ замку узнать въ чемъ дѣло. Въ замокъ его уже не пустили, и онъ только сквозь частоколъ могъ увидѣть, какому униженію подвергался губернаторъ. Просунувъ ружье сквозь щель частокола, онъ уже прицѣлился, чтобъ убить того, кто начальствовалъ гайдамаками, но полковникъ замка, котораго тревога застала въ городѣ и онъ поспѣшалъ теперь въ замокъ, остановилъ его, не приказывая стрѣлять, не узнавъ въ чемъ дѣло (1). Полковника тотчасъ впустили въ замокъ, а за нимъ вошелъ и Судденко. Онъ подошелъ къ губернатору, стоявшему на колѣняхъ, поднялъ его подъ руки и сказалъ:

— Встань, панъ. Что это ты дѣлаешь передъ негодяемъ? Не слушайте ихъ—это гайдамаки. Перестрѣляемъ ихъ, вражьихъ дѣтей!

Губернаторъ всталъ. Тогда Шило, озадаченный такой неожиданностью и дерзостью, обратился къ Судденкѣ.

— Ты что за человѣкъ?

---

(1) Преданіе говоритъ, что Судденко потому не застрѣлилъ атамана Шило, что всякій разъ, какъ онъ прицѣливался въ него, конь, на которомъ сидѣлъ Шило, махалъ головой (такъ какъ его мухи кусали) и мѣшалъ Судденкѣ нацѣлиться. Зап. о Юж. Рус.

— А тебѣ кого нужно? въ свою очередь спросилъ Судденко.

— Ты вѣрно Судденко?

— Такъ, Судденко.

А потомъ, обратясь къ своимъ казакамъ, Судденко сказалъ: „Переколемъ ихъ, панове!“

Шило понялъ, что дѣло ихъ можетъ быть совсѣмъ проиграно, такъ какъ его предупреждали, что ему погибнуть отъ пули Судденка, и потому отвѣчалъ:

— Что-жъ, панове, какой въ томъ прокъ, что вы насъ переколете! *Насъ много*—переколютъ и васъ. *Я не по своей волѣ пріѣхалъ—меня послано.*

Эти слова подѣйствовали на городовыхъ казаковъ. Они подумали—и выпустили гайдамака изъ замка. Шило, какъ видно изъ его словъ, дѣйствительно считалъ себя „посланнымъ отъ кого-то,“ и если онъ не исполнилъ возложеннаго на него „кѣмъ-то“ порученія, то долженъ былъ отвѣчать за это. И вотъ онъ, оставивъ замокъ и расположивъ свою шайку въ городѣ, послалъ въ замокъ казака съ запиской просить губернатора для тайныхъ переговоровъ. Губернаторъ вышелъ безъ оружія, но при немъ находился казакъ съ пистолетами. И Шило тоже вышелъ безъ оружія, но и при немъ находился казакъ съ пистолетами. Послѣдній такъ сказалъ губернатору:

— Не знаю что и сказать мнѣ своему старшему!... Уѣзжай изъ Черкасъ, а я скажу, что дома не засталъ.

Губернаторъ не замедлилъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ и скрылся изъ Черкасъ, а гайдамаки разбили бочки съ водкой, перепились, заграбили что могли и отправились на новые подвиги.

Раньше этого гайдамаки дѣлали нѣсколько набѣговъ на

Черкасы, но это не былъ повальный грабежъ, а мелкія хищничества. Одинъ разъ гайдамаки явились въ Черкасы тайно, ночью, и по показанію одного „наймита“, поступившаго въ гайдамаки, ужасными жестокостями вынудили бывшаго хозяина этого наймита отдать имъ деньги. Разбойники посыпали спину несчастнаго порохомъ, потомъ зажигали этотъ порохъ, а чтобъ муки были невыносимѣе—драли спину скребницей, чтобъ порохъ еще мучительнѣе жегъ и разъѣдалъ тѣло. Но былъ ли въ этой ночной экспедиціи Шило—это неизвѣстно.

Когда Шило соединилъ свою шайку съ общими силами гайдамаковъ, предводительствуемыми Желѣзнякомъ, рѣшено было идти на Умань, главное польское гнѣздо и мѣсто пребыванія барскихъ конфедератовъ.

Что же дѣлалось въ это время въ остальной польской Украинѣ, куда еще не достигло зарево пожара, распущеннаго Желѣзнякомъ и разбрасываемаго въ разныя мѣста, въ видѣ горящихъ головней, другими шайками гайдамаковъ?

„Въ то время, когда Желѣзнякъ—говорятъ поляки, очевидцы этого пожара—двигался все далѣе и далѣе, грабя и совершая убійства, когда въ цѣлой польской Украинѣ народъ пошелъ на бунты, на грабежъ и разбои, когда Желѣзнякъ, подвигаясь впередъ, обливалъ кровью путь своего шествія и когда потоки этой крови лились уже и по сторонамъ этого пути“—всѣ, угрожаемые этимъ страшнымъ несчастіемъ, надѣялись найдти убѣжище въ мѣстахъ вполнѣ обезопашенныхъ „отъ такой сволочи“ (1), какъ гайдамаки, именно въ Лисянкѣ, Умани и Бѣлой Церкви.

---

(1) ...„w obwarowanych, jak przed takim motłochem miejscach“... Lip.

Время показало, на сколько были недоступны для „такой сволочи“, какъ гайдамаки, Лисянка и Умань.

Поворотивъ изъ Богуслава на Умань, гайдамаки должны были на пути своемъ встрѣтить прежде всего Лисянку. Лисянка представляла для нихъ хорошую добычу. Это было наслѣдственное имѣніе князя Яблоновскаго, воеводы новгородскаго. Въ Лисянкѣ былъ каменный замокъ съ флигелями, которые, вмѣстѣ съ главнымъ зданіемъ, составляли четыреугольникъ. Въ самой серединѣ замокъ имѣлъ два этажа, одни ворота и два бастіона, возвышавшіеся на горахъ. Бастіоны съ желѣзными гаковницами (родъ пушекъ) могли оборонять всѣ стороны замка, потому что выстрѣлы съ бастіоновъ могли достигать очень далеко. Кромѣ того замокъ былъ обнесенъ высокимъ дубовымъ палисадомъ и имѣлъ другія деревянныя ворота, также приспособленныя для охраненія замка. Въ замкѣ, для защиты его отъ непріятеля, имѣлось значительное число пѣшихъ казаковъ и достаточное количество амуниціи. Въ это время находился тамъ, прибывшій изъ волынскихъ имѣній князя Яблоновскаго, комисаръ Хичевскій, который пріѣхалъ для обозрѣнія лисянской волости. Волость эта была въ то время очень обширна и заключала въ себѣ, по произведенному тогда исчисленію, до 30,000 душъ. Хичевскій долженъ былъ собрать съ лисянской волости доходы и отвезти своему князю.

Желѣзнякъ, подвигаясь къ Лисянкѣ и увеличивая свою толпу, продолжалъ разглашать, что уже нѣтъ больше крестьянъ ([1]), что польская Украина, подобно заднѣпровской, одну только казацкую службу отбывать будетъ и что край этотъ

([1]) ...„że już poddaństwo zniesione“.

по прежнему будетъ называться гетманщиною. Въ доказательство этого, онъ показывалъ „какое-то фальшивое на пергаментѣ съ вызолоченными литерами письмо“ ([1]). Это-то и была та золотая грамата, въ сочиненіи которой подозрѣвали Мельхиседека. Его потому больше подозрѣвали въ сочиненіи граматы (o zrobienie tego pisma), что онъ занимался аптекарствомъ. Еще въ 1780 году, въ Мотронинѣ, отъ содержимой Мельхиседекомъ аптеки оставались шкапы, шуфлады (ящики), фляшки, а также банки стеклянныя и деревянныя отъ лекарствъ, „его рукою *золотыми литерами* надписанныя“. Все это послѣ было повыброшено, а шкапы отданы въ медвѣдовскую экономію для склада бумагъ. Однако, сами поляки сознавались, что подозрѣніе, взведенное на Мельхиседека, такъ и осталось подозрѣніемъ, ничѣмъ недоказаннымъ и ничѣмъ неопровергнутымъ ([2]).

Предшествуемые слухами о всеобщей волѣ, о снесеніи съ лица земли польскаго владычества, о возстановленіи казачества и гетманщины, подобно тому, какъ Пугачеву предшествовала молва объ истребленіи дворянъ и о безподатной свободѣ, пододвигались гайдамаки къ Лисянкѣ. Слухи эти загнали въ Лисянку нѣсколько сотъ человѣкъ дворянъ и евреевъ, искавшихъ тамъ спасенія жизни. Гайдамаки, явившись въ Лисянку, нашли ее довольно крѣпко защищенною и, не надѣясь взять замка приступомъ, обратились къ обывателямъ самаго мѣстечка, надѣясь при помощи ихъ уклониться отъ пушекъ, которыя смотрѣли на нихъ съ бастіоновъ лисянскаго

([1]) ...„jakeś falszywe na pargaminie z wyzłoconemi literami pismo“.
([2]) ...„Porozumienia takiego istota w mgle niepewności pozostała“.

замка. Они уговорили крестьянъ посовѣтовать начальству замка не оказывать имъ сопротивленія и тѣмъ не вызывать ихъ на кровопролитіе. Главнѣйшіе изъ обывателей отправились къ замку и просили позволенія переговорить съ комисаромъ Хичевскимъ. Ихъ впустили въ замокъ. Лица эти, составлявшія какъ бы депутацію отъ мѣстечка, представляли Хичевскому, что всѣмъ находящимся въ замкѣ будетъ дарована жизнь и оставлено ихъ имущество, если замокъ добровольно сдастся. Впрочемъ, добавляли они, во всякомъ случаѣ сопротивленіе будетъ не только безполезно, но и опасно, потому что весь этотъ край долженъ быть вскорѣ на тѣхъ же правахъ, на какихъ былъ во время гетманщины. Сами гайдамаки представлялись не какъ простые нападатели на замокъ или бунтовщики, а какъ войско запорожское, творившее не свою собственную волю, а волю пославшаго ихъ. Страхъ или мнимые доводы депутаціи, или, наконецъ, сомнѣніе въ благопріятности исхода предстоящей борьбы, такъ подѣйствовали на Хичевскаго, что онъ приказалъ отворить ворота бунтовщикамъ. Гайдамаки ворвались въ замокъ и начали свои неистовства (rzeź i okrucieństwa). Тутъ произошла оргія, страшнѣе и безобразнѣе всѣхъ, доселѣ совершенныхъ гайдамаками оргій: неистовства, произведенныя въ Смилой, Черкасахъ, Медвѣдовкѣ и Каневѣ, были ничто въ сравненіи съ бѣшеною гульней въ Лисянкѣ.

На Хичевскаго надѣли сѣдло, ѣздили на немъ какъ на конѣ, и потомъ закололи копьями. Иные несчастные прятались на крышахъ, гдѣ ихъ хватали и сбрасывали на острыя пики. Цѣлая толпа жертвъ бросилась было спасаться въ каменный покой при поварнѣ, но ихъ и тамъ всѣхъ „до ноги выкололи“ и „разными желѣзными оружіями повырѣзали“.

Въ этомъ покоѣ столько было пролито крови и этой кровью такъ смочены стѣны, что еще въ 1779 году ее не могли забѣлить по самыя окна. Во второмъ ярусѣ замка, который потомъ былъ снесенъ, при самомъ входѣ въ залу, около дверей вся стѣна была избрызгана кровью. Видно было, что убѣгавшіе отъ разбойниковъ были тамъ перехвачены и копьями заколоты,—всѣ эти кровавые слѣды долго напоминали объ участи, постигшей Лисянку. Такимъ образомъ всѣ спасавшіеся въ замкѣ погибли ужасною смертью. Спаслось только нѣсколько человѣкъ, которые, одѣвшись „по хлопску", успѣли бѣжать съ арестантами, которыхъ гайдамаки тотчасъ же выпустили изъ острога, лишь только ворвались въ замокъ. Тоже дѣлали всегда и пугачевцы, лишь только самозванецъ входилъ въ городъ—общая черта, говорящая и объ одинаковости мотивовъ, которыми руководилось то и другое народное движеніе, и объ одинаковости средствъ, къ которымъ народъ прибѣгалъ и тамъ и здѣсь. Спаслось также еще нѣсколько дворянъ, которымъ удалось укрыться между трупами. Ночью, когда упившіеся гайдамаки спали, въ увѣренности, что не осталось ни одного ляха, эти укрывшіеся между трупами спустились со втораго яруса, случайно отыскавши веревки, и совершенно нагіе, раздѣтые гайдамаками, которые обдирали трупы и приняли этихъ тоже за мертвецовъ, всѣ въ крови, успѣли убѣжать къ знакомымъ поселянамъ (do wieśniaków). Большая часть изъ нихъ успѣли скрыться въ деревнѣ Сидоровкѣ, миляхъ въ трехъ отъ Лисянки, и тамъ ихъ припрятали добрые люди. Касса и все что было цѣннаго въ замкѣ разграблено.

Но и этимъ не удовольствовалось неистовство гайдамаковъ. Имъ нужно было еще надругаться, натѣшиться надъ жертва-

ми, какъ они это дѣлали и въ Черкасахъ, сдѣлавъ мишенью для своихъ выстрѣловъ двѣнадцать евреекъ. Здѣсь они оказались столь изобрѣтательны въ своихъ надруганьяхъ надъ жертвами, что, при входѣ въ костелъ францискановъ, повѣсили на балкѣ рядомъ ксендза, еврея и собаку, а какой-то находившійся между ними гайдамакъ-литераторъ сочинилъ такую надъ этой картиной надпись:

Ляхъ, жидъ и собака,
Все віра однака (1).

Такая нечеловѣческая жестокость могла быть вызываема только самымъ страстнымъ чувствомъ мести. Это дѣйствительно и была месть, потому что гайдамаки не удовлетворялись даже *одною* смертью своихъ жертвъ, а иногда выказывали желаніе дать каждому истязаемому ими нѣсколько смертей разомъ, и оттого „перемучивали“ трупы, вѣшали и душили мертвыхъ, „чтобъ не повставали“. Между тѣмъ, гдѣ чувство мести не руководило ими, гайдамаки выказывали чувство человѣчности и благодарности. Не всякій „наймитъ“ велъ гайдамаковъ на своего бывшаго хозяина, а были случаи, когда добрый хозяинъ или господинъ былъ спасаемъ отъ смерти слугою-гайдамакомъ, или сами гайдамаки наказывали своихъ

---

(1) Липоманъ, сочиненіемъ котораго мы пользовались при описаніи гайдамацкихъ неистовствъ въ Лисянкѣ, пріѣхавъ въ лисянскій замокъ въ 1776 г., слѣдовательно чрезъ восемь лѣтъ послѣ гайдамачины, жилъ тамъ три года, и отъ мѣстныхъ крестьянъ, а также отъ тѣхъ, которые спаслись отъ рѣзни, видѣвъ всѣ ея ужасы,—слышалъ подробности о томъ, что въ этомъ замкѣ дѣлалось въ 1768 году и видѣлъ оставшіеся еще цѣлыми кровавые знаки.

товарищей за безцѣльную жестокость, хотя бы въ отношеніи къ панамъ. Когда одинъ гайдамакъ убилъ изъ ружья черкасскаго губернатора, другіе его товарищи бросились на убійцу и закололи его, говоря: „А! вражій сынъ, *добраго пана* сгубилъ“. Когда гайдамаки подходили къ Черкаску и одинъ зажиточный поселянинъ, у котораго *„наймитъ“ пошелъ* въ гайдамаки, рѣшился бѣжать съ своимъ семействомъ за Днѣпръ, подъ защиту русскихъ, то, переѣзжая на лодкѣ черезъ Днѣпръ, онъ бросилъ на берегу своего маленькаго сына, который плакалъ и не хотѣлъ садиться въ лодку, боясь опрокинуться въ воду. Когда этотъ ребенокъ игралъ потомъ на берегу Днѣпра, на него наткнулся ихъ прежній наймитъ, ставшій уже гайдамакомъ. Узнавъ отъ ребенка, что отецъ его бѣжалъ за Днѣпръ, гайдамакъ обдѣлилъ этого ребенка деньгами и отправился дальше. Другой оборвышъ-гайдамакъ, забравшись на пасику, нашелъ тамъ старика-пасичника и предложилъ ему помѣняться платьемъ. Испуганный старикъ снялъ съ себя все и отдалъ гайдамаку. Гайдамакъ же съ своей стороны отдалъ старику свое платье, въ которомъ ничего не было кромѣ лохмотьевъ, затѣмъ попросилъ меду и, удовлетворившись предложеннымъ угощеніемъ, въ благодарность за гостепріимство указалъ старику мѣсто, гдѣ спрятанъ былъ улей, наполненный мѣдною монетою. Впрочемъ вообще гайдамаки не трогали ни бѣдныхъ людей, ни женщинъ, ни дѣтей, исключая, конечно, евреевъ и поляковъ, которыхъ истребляли безъ различія состояній, пола и возраста. Щадили жизнь только „добрымъ панамъ“.

Покончивъ неистовства въ лисянскомъ замкѣ, гайдамаки ринулись далѣе къ Умани. Отдѣлившаяся отъ общей массы

толпа бунтовщиковъ направилась къ Бѣлой Церкви, которая не менѣе Лисянки представляла заманчивую добычу.

Мѣстечко Бѣлоцерковь стоитъ надъ рѣкою Росью. Въ то время находился тамъ замокъ, расположенный на горѣ и окруженный валами. По валамъ замокъ укрѣпленъ былъ палисадомъ и защищался пушками и гарнизономъ. Крѣпостная артиллерія могла оборонять своими выстрѣлами не только замокъ, но и самое мѣстечко, которое лежало ниже замка и также обведено было палисадомъ.

Едва гайдамаки приблизились къ Бѣлой Церкви на разстояніе пушечнаго выстрѣла, какъ изъ замка былъ открытъ по нимъ огонь, который и не дозволялъ имъ подойдти къ строеніямъ. Но когда ядра, перелетая черезъ весь городъ, стали достигать до того мѣста, гдѣ стояли гайдамаки, они не осмѣливались оставаться подъ пушечнымъ огнемъ и удалились. Бѣлоцерковь такимъ образомъ спаслась отъ угрожавшей ей опасности, которая, впрочемъ, перенесена была на болѣе ненавистное гайдамакамъ мѣсто – на Умань. При всемъ томъ Бѣлая Церковь могла быть обязана своимъ спасеніемъ не столько стрѣльбѣ изъ орудій замка, сколько другому, болѣе цѣнному для гайдамаковъ обстоятельству. Бѣлая Церковь предалась покровительству Россіи. Можетъ быть, гайдамаки приняли во вниманіе это важное для нихъ обстоятельство и, не желая раздражать русское правительство, именемъ котораго они, по видимому, сильно злоупотребляли, оставили Бѣлую Церковь неразграбленною.

Трагическая участь, постигшая Лисянку, навела паническій страхъ на все польское и еврейское населеніе западной Украины. Въ особенности же ужасъ овладѣлъ послѣднимъ населеніемъ. Поляки еще могли скорѣе спастись, чѣмъ евреи,

потому что поляки находили больше защиты и въ своихъ замкахъ, и въ своемъ вооруженномъ дворянствѣ и, наконецъ, въ городовой милиціи, въ которой начальниками были поляки. За то евреи оставались совершенно беззащитными, а на нихъ особенно, кажется, и было обращено свирѣпство гайдамаковъ. Много уже успѣло погибнуть евреевъ, пока гайдамаки двигали свои нестройныя массы отъ Смилой до Лисянки. Вдали представлялись еще большіе ужасы и поголовная смерть всему еврейскому населенію. Въ ихъ памяти воскресали ужасныя воспоминанія и передъ ними вставали кровавыя расправы съ евреями временъ Морозенка, Нечая, Павлюка и Кривоноса, когда въ одномъ Барѣ предано было смерти, пыткамъ и всевозможнымъ истязаніямъ болѣе 15.000 евреевъ, да столько же въ Немировѣ да въ Бердичевѣ, Погребищахъ, Тульчинѣ, Умани и въ трехъ стахъ другихъ городахъ Украины, Подоліи и Волыни, когда убивали самымъ ужаснымъ образомъ все что только носило имя или обликъ еврейскій. Къ довершенію ужаса, въ эти самые дни, въ концѣ мая, когда гайдамацкая рѣзня разгаралась все болѣе и болѣе, евреи должны были исполнять такъ называемый „постъ помилованія“ и невольно припоминать всѣ ужасы, обрушившіеся на ихъ племя въ Украинѣ за восемьдесятъ лѣтъ до этого. Въ „постѣ помилованія“ евреи должны были пѣть, „съ воплемъ и завываніями,“ во всѣхъ своихъ синагогахъ молитву, сочиненную въ память избіенія евреевъ украинскими казаками. Постъ этотъ установленъ навѣчно, и каждый годъ евреи въ молитвенныхъ домахъ своихъ должны пѣть потрясающій душу гимнъ, который пѣли они и въ тѣ самые часы, когда гайдамаки уже рѣзали ихъ единовѣрцевъ по окрестнымъ селамъ и на распутьяхъ. Вотъ этотъ гимнъ: „Господи всемилосерд-

ный, сущій въ небесахъ, пріими души мучениковъ, дай имъ насладиться миромъ хотя послѣ смерти. Это души праведныхъ учителей и пастырей твоего избраннаго народа. И вотъ они теперь закланы, какъ стадо звѣрей безсловесныхъ. Орда проклятыхъ нападаетъ на нихъ, завладѣваетъ ими и заставляетъ ихъ испить всю чашу злополучія. Сердца наши раздрались отъ горести, узнавъ, что въ эти несчастные дни, въ эти злопамятныя ночи, погибли отъ меча убійцъ величайшіе изъ нашихъ книжниковъ, толкователей священнаго закона. Тѣ, которые день и ночь изучали священный завѣтъ твой, пролили ручьи своей крови. Множество учащагося юношества и дѣтей пало отъ ударовъ истребителей. Ихъ стяжанія сдѣлались добычею пламени. Преклонные лѣтами старцы, младенцы у грудей матерей своихъ напрасными воплями наполняли воздухъ. Господь отмститъ за неправду. Священная книга, божественный законъ осквернены руками нечестивыхъ. О, нѣтъ! они попраны ихъ ногами. „Гдѣ вашъ Богъ?—говорили эти варвары, эти страшилища,—пусть защититъ онъ васъ.“ О, Господи! взгляни на насъ горѣ и всѣ нечестивые разсѣятся и падутъ какъ плевела изъ колосьевъ. О, заповѣди! О, святой завѣтъ! прикройтесь рубищемъ, посыпьте главу вашу пепломъ! Кто теперь будетъ читать васъ, кто васъ истолкуетъ намъ? Излей, милосердный отче, твои милости на этихъ мучениковъ, да пріютятся они подъ сѣнію твоихъ крыльевъ и да насладятся миромъ, хотя послѣ смерти.“

И евреи должны были пѣть эту раздирательную молитву, потому что то, что въ ней упоминалось, повторилось вновь на ихъ глазахъ.

Другая молитва, тоже сочиненная въ память истребленія евреевъ во время войнъ казаковъ съ поляками, не менѣе по-

разительна по содержанію: „Господи милосердный, сущій въ небесахъ (говоритъ эта молитва), успокой души мучениковъ Немирова, Бердичева, Погребищъ, Тульчина, Пулинъ, Бара, Умани, Краснаго и 300 другихъ городовъ Руси (галицкой), Украины, Подоліи, Литвы и Волыни. Эти несчастныя жертвы были великіе учители, писатели, просвѣщенные служители божества, отличные проповѣдники, посвятившіе всю свою жизнь изученію закона (слѣдуютъ имена однихъ погибшихъ равиновъ). Мужчины, жены, дѣвицы, младенцы—всѣ были умерщлены. Ихъ кровь текла ручьями въ этомъ злосчастномъ году. Эти мученики не хотѣли измѣнять своему закону: „Богъ есть единъ!“ восклицали они и пали подъ ножами убійцъ. Разбойники не пощадили ни пола, ни возраста. Земля была усѣяна убіенными. Ихъ кровь дымилась какъ ѳіаміамъ предъ алтаремъ всемогущаго. О, Господи милосердный! успокой души мучениковъ сихъ, награди ихъ за ихъ испытанныя добродѣтели“ (1).

Такимъ образомъ положеніе евреевъ было гораздо хуже, чѣмъ положеніе самихъ поляковъ. Обремененные большею частью огромными семействами, особенно бѣднѣйшіе изъ нихъ, эти несчастные, которыхъ во всѣ времена такъ безчеловѣчно преслѣдовали всѣ европейскіе народы, не имѣли даже возможности убѣжать куда-либо, какъ бѣжали поляки, потому что самымъ бѣднымъ изъ нихъ не на что было подняться, а многочисленность семейства не всякому позволяла даже спрятаться гдѣ нибудь въ лѣсу, въ болотѣ или въ оврагѣ, и онъ долженъ былъ пѣть ужасную молитву, какъ бы совершая

---

(1) Обѣ эти молитвы находятся у Скальковскаго.

панихиду надъ самимъ собой. Даже гайдамацкія пѣсни говорятъ, что разбойникамъ легче было справляться съ евреями, чѣмъ съ поляками, и гайдамаки прямо грозятъ, что они всѣмъ имъ снимутъ головы, начиная „отъ Нухима“ и кончая „Борохомъ“. Одна такая пѣсня говоритъ:

Ой, полковнику Желізняку!
Ходімъ же ми палити,
Кого спершу начнемъ бити,
А кого будемъ полонити,
Ляхівъ будемъ бити,
А жидівъ шаблями христити:
Ляшина превража дитина,
А жидовинъ зайцеві дружина.
Изъ жидомъ усе втнешь,
Куди треба, то й пошлешь.
А не хоче, то й обдерешь,
А вражаго ляха того не вжуешь
. . . . . .
Ой, братці, годиночка дорога.
Требажь намъ начинати,
Отъ Нухима до Бороха
Всімъ голови стинати.

Тѣ изъ евреевъ, которые имѣли возможность бѣжать, бѣжали въ Россію, за Днѣпръ; иные спѣшили укрыться въ Умани; наконецъ тѣ, которые не считали и Умань безопасною отъ нападенія гайдамаковъ, поспѣшали на Волынь и даже перебирались въ Галицію.

XV.

Желѣзнякъ, говорятъ, скучалъ этими кровавыми подвигами

своихъ шаекъ, считая ихъ для себя слишкомъ мелкими. Онъ мечталъ о болѣе крупномъ дѣлѣ, которое бы прославило его имя. Ему хотѣлось помѣряться силами съ Потоцкими, о которыхъ вообще такъ много говорили на Украинѣ, и не всегда эта народная молва щадила Потоцкихъ. Такъ по всей Украинѣ ходило много толковъ о Потоцкомъ, извѣстномъ подъ именемъ „пана Канёвскаго", и о той исторіи, которую онъ имѣлъ въ Луцкѣ съ красавицей Бондаровной, которую Потоцкій убилъ изъ ружья за ея непреклонность, а потомъ хоронилъ съ музыкой и выкинулъ на столъ сто червонцевъ „за черныя брови" покойницы. Много толковали и о другихъ Потоцкихъ, и слава ихъ имени привлекала честолюбиваго Желѣзняка столкнуться съ ними съ оружіемъ въ рукахъ.

Вотъ почему Желѣзнякъ повернулъ свои толпы отъ Лисянки по направленію къ Умани, главному городу обширной и цвѣтущей въ то время „уманской области", которая представляла какъ бы средоточіе польскаго элемента всей польской Украины. Историческій очеркъ уманской волости покажетъ намъ, какую роль играла она въ исторіи польской Украины второй половины XVII вѣка и первой половины XVIII, въ какія столкновенія входила она съ остальной Украиной, съ Запорожьемъ и со всѣмъ казацкимъ и украинскимъ элементомъ.

Со времени возсоединенія восточной половины Украины съ Россіею до самаго раздѣла Польши, а слѣдовательно и до уманской рѣзни, на границахъ русскаго государства, на юго-западѣ, и на смежныхъ съ этою частью Россіи юго-восточныхъ границахъ Польши, за которою оставалась западная половина Украины, лежало широкое пространство земли, ров-

ное и почти никѣмъ не заселенное, и только изрѣдка перерѣзываемое небольшими рѣками Бугомъ, Синюхою и другими. Это была безграничная степь, которую такъ любили запорожцы и на которой они прежде сталкивались съ татарами, а потомъ съ поляками. Гдѣ оканчивалась эта степь, тамъ границы Россіи и Польши составлялъ Днѣпръ. Границы эти были вновь тщательно обозначены особымъ трактатомъ между двумя государствами около пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда только что начало обуздываться своевольство запорожскаго казачества и вмѣсто него выступило на сцену и наводнило степь гультайство гайдамацкое. Для наблюденія за казацкою вольницею, и впослѣдствіи за гайдамаками съ давнихъ поръ въ пограничныхъ польскихъ мѣстностяхъ, по старымъ конституціямъ (porządek strony nizowców i Ukrainy), существовали особые польскіе правительственные „дозорцы", которые должны были наблюдать за границами со стороны преимущественно этихъ „низовцовъ" и украинцовъ. Дозорцы зависѣли отъ великихъ коронныхъ гетмановъ и обязанность ихъ состояла въ томъ, что они, подобно русскимъ разъѣзднымъ командамъ, должны были недреманнымъ окомъ смотрѣть за границей, доносить немедленно правительству о серьезныхъ нападеніяхъ со стороны сосѣдей, а противъ мелкихъ набѣговъ и своевольствъ принимать мѣры и укрощать виновныхъ. Послѣднимъ изъ этихъ дозорцевъ былъ уманскій полковникъ Ортынскій, о которомъ мы уже говорили прежде, злѣйшій врагъ гайдамачества и при томъ такой ревностный блюститель польскихъ интересовъ, что, какъ жаловались запорожцы, онъ „съ злодѣйскою партіею своею безпрестанно наѣзжалъ на запорожскія земли и найденныхъ тамъ казаковъ, скотарей и табунщиковъ убивалъ, кололъ,

ранилъ, захватывалъ въ плѣнъ, а стада ихъ и особенно табуны лошадей уводилъ съ собою въ Польшу.“ Другіе дозорцы или ничего не дѣлали, или скорѣе были похожи на правительственныхъ гайдамаковъ Рѣчи Посполитой, чѣмъ на блюстителей порядка. Кромѣ того воеводы кіевскій (въ польской части кіевской области) и брацлавскій наблюдали за охраненіемъ правильности и безопасности пограничныхъ сношеній Польши съ Россіею. Съ русской стороны этимъ дѣломъ занятъ былъ кіевскій военный губернаторъ, который управлялъ также и частью Малороссіи, кромѣ самаго города Кіева. Но этихъ трехъ лицъ было недостаточно для охраненія такой границы, какъ степь, и притомъ въ виду такихъ сосѣдей, какъ запорожцы и татары, а потомъ гайдамаки, и съ русской и съ польской стороны. Границы, можно сказать, при такомъ слабомъ надзорѣ, кипѣли и крупными и мелкими разбоями, а Польша между тѣмъ, тратя огромныя суммы на свое довольство, на роскошь двора, на безобразную расточительность магнатовъ, не имѣла ни войска для защиты своей страны, ни денегъ для содержанія его.

При этомъ надо принять во вниманіе еще слѣдующія обстоятельства. Россія, которая, какъ выражались современники, желала убрать въ мѣшокъ не только Запорожье, но и многихъ изъ своихъ сосѣдей, на юго-западныхъ окраинахъ своихъ возводила укрѣпленія и зорко слѣдила за своими сосѣдями, тогда какъ сосѣди эти продолжали оставаться въ спокойномъ невѣдѣніи того, что вокругъ нихъ дѣлалось. Кромѣ Каменецъ-Подольска и Крылова на Днѣпрѣ, Польша, на пространствѣ всѣхъ южныхъ границъ своихъ, не имѣла ни одного укрѣпленія. Ея земли не только со стороны Запорожья, но и со стороны Бессарабіи были открыты для втор-

женій. Мы видѣли, какъ гайдамаки (шайки Чуприны и Чортоуса), боясь показаться въ виду русскихъ шанцовъ на границѣ, уходили изъ польской Украины черезъ Волынь и возвращались домой съ юга. Польша потому такъ была безсильна на югѣ, что по всей южной границѣ не имѣла ни одного морга казенной земли. Все что ей принадлежало тамъ и что она и не хотѣла и не могла оберегать, она раздарила своему дворянству, которое и должно было само защищать свою собственность. Другими словами, южная Польша и большая часть западной Украины не принадлежали Польшѣ, а составляли вотчины князей Любомирскихъ, Сангушковъ, Радзивилловъ, Яблоновскихъ и Чарторійскихъ, а также пановъ Потоцкихъ, Браницкихъ, Мнишковъ и Ржевускихъ. Это были, если можно такъ выразиться, турецкіе, неограниченно владѣемые пашами, пашалыки въ республиканскомъ государствѣ. Паши эти были или благодѣтельные Гарунъ-аль-Рашиды въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, дѣлали крестьянъ своихъ помѣщиками, какъ Потоцкій Гонту, или, смотря по капризу, убивали изъ ружей своихъ подданныхъ, какъ Потоцкій же убилъ Бондаровну. Магнаты въ этихъ пашалыкахъ должны были содержать на свой счетъ войска, такъ называемые регименты или хоругви, и этими хоругвями оберегать государство, т. е. свои собственныя помѣстья. Это-то и была та „кавалерія народова“, или „народная гвардія“, а впослѣдствіи милиція или городовые казаки. Въ гвардію шло мелкое дворянство, составлявшее собственно дворню магнатовъ, а въ казаки набирались ратники изъ поселянъ. И дворяне и казаки служили, впрочемъ, больше для увеселенія господъ, чѣмъ для защиты страны, какъ мы это и видѣли выше при описаніи увеселеній у кня-

зей Любомирскихъ, которымъ за обѣдомъ, вмѣстѣ съ лакеями, должны были прислуживать и войска, стрѣляя по воздуху изъ пушекъ и играя въ трубы и другіе военные инструменты. А такъ какъ магнаты рѣдко жили въ своихъ южныхъ имѣніяхъ, а наѣзжали туда только поохотиться за вепрями или за гайдамаками, то вмѣсто себя оставляли въ своихъ вотчинахъ губернаторовъ, и такіе губернаторы были во время гайдамачины, какъ мы видѣли, въ Смилой, въ Лисянкѣ, въ Черкасахъ, въ Корсуни, въ Чигиринѣ, въ Умани и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ. Эти-то губернаторы, вмѣстѣ съ городовыми казаками, оберегали страну, въ случаѣ надобности, укрываясь въ укрѣпленныхъ замкахъ, которые находились въ каждомъ изъ упомянутыхъ городовъ. Эти городовые казаки, нѣчто въ родѣ нашихъ инвалидныхъ командъ, имѣли своихъ полковниковъ, сотниковъ и атамановъ, изъ которыхъ первыми были большею частью поляки, а послѣдними выборные изъ казаковъ. Казаки имѣли свои мундиры—нѣчто въ родѣ ливрей того пана, которому принадлежалъ городъ, и ливреи эти соблюдали цвѣта (барвы) своихъ господъ или своего герба, да и на знаменахъ ихъ всегда изображались гербы или шифры господскіе. Вообще все это было нѣчто въ родѣ барскихъ гайдуковъ, которыхъ у иного барина, какъ у Потоцкаго, напримѣръ, было по нѣскольку полковъ.

Когда не случалось никакой тревоги отъ гайдамаковъ и ни отъ ногайцевъ, казаки почти ничего не дѣлали или же служили своимъ господамъ, какъ напримѣръ гусары Потоцкаго, пана канёвскаго, которые съ голыми саблями ловили для него украинскихъ красавицъ или стрѣляли вмѣстѣ съ нимъ дикихъ кабановъ.

Въ Умани особенно было правильно устроено это казац-

кое войско, на помощь котораго и разсчитывалъ Желѣзнякъ, направляя свои толпы къ Умани. Умань же была, какъ мы сказали, средоточіемъ польскаго, католическаго и отчасти еврейскаго элемента польской Украины.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ образовался и укрѣпился тамъ польскій элементъ.

До XVII вѣка земли въ уманской волости жалованы были великими князьями литовскими русскимъ людямъ, въ родѣ Семена Кошки и другимъ „землянинамъ". Они владѣли этими землями, тогда еще довольно слабо заселенными, на правахъ помѣщиковъ. Потомъ земли эти, которыя назывались „уманскою пустынею" (pustynia humańska), пожалованы были Валентину Александру Калиновскому, старостѣ винницкому и брацлавскому, и при этомъ королевскіе комисары размежевали эту землю и сдѣлали ей законный „обводъ". Сообразно этому обводу, уманская волость захватила огромное пространство земель, которыя главнымъ образомъ соприкасались съ тѣми пунктами, гдѣ обыкновенно проходили прежде татары, дѣлая набѣги на Польшу и Малороссію, и гдѣ потомъ подвизались казаки и гайдамаки. Уманская волость упиралась въ рѣку Синюху—а тутъ-то и лежитъ знаменитый „Черный шляхъ" или „татарская дорога". Изъ-за Синюхи выходили также всегда и гайдамаки на Польшу. Далѣе уманская волость упиралась въ рѣчку Удычь, которая впадаетъ въ Бугъ, а потомъ волость эта тянется до Брацлава. Такимъ образомъ Умань лежала почти на распутьѣ татарскихъ набѣговъ, которые въ половинѣ XVIII вѣка замѣнились набѣгами гайдамацкими, и отъ Умани вообще не далеко было пробраться до татарскихъ дорогъ, изъ которыхъ

одна называлась „криво-саровскою“, или „криво-сарайскою“, а другая „удычскою“.

Прежніе владѣльцы Умани, Калиновскіе, постоянно воевали съ казаками. Сынъ Валентина Калиновскаго, Мартынъ, воевода черниговскій и гетманъ польскій коронный, былъ разбитъ казаками подъ Корсуномъ и взятъ ими въ плѣнъ. Подъ Уманью же польскія войска сражались съ русскими при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1762 году Умань съ частью Украины была захвачена турками, а потомъ отбита у нихъ гетманомъ Собѣсскимъ, впослѣдствіи королемъ Іоанномъ III. Въ 1726 году Умань, въ числѣ другихъ сорока городовъ, перешла во владѣніе Потоцкихъ. Во время гайдамачины, Францъ Салезій Потоцкій, воевода кіевскій, имѣлъ въ кіевской и подольской Украинахъ до 50,000 семействъ крестьянъ, неизмѣримыя пространстза земель и лѣсовъ.

„Черный шляхъ“, проходившій не далеко отъ Умани, былъ причиною того, что городъ этотъ во всѣ времена подвергался частымъ нападеніямъ или со стороны ногайскихъ татаръ, или со стороны гайдамаковъ. Эти нападенія, всегда соединявшіяся съ пожарами, которыми заканчивали обыкновенно свои внезапные штурмы гайдамаки, сдѣлали то, что за девять лѣтъ до уманской рѣзни городъ этотъ, собственно же укрѣпленная часть его, представлялъ однѣ развалины. На этомъ-то „древнемъ пепелищѣ“, какъ выражаются объ Умани офиціальныя бумаги того времени, въ 1761 году былъ заложенъ новый городъ, и къ 1768 году онъ представлялъ уже богатое, цвѣтущее и многолюдное поселеніе, съ замкомъ, сильно укрѣпленнымъ, съ костеломъ, синагогою и училищемъ базиліянъ, которое имѣло до 400 студентовъ.

Чтобы ближе видѣть, почему Умань считалась лестнымъ

пріобрѣтеніемъ для Желѣзняка, возьмемъ современное описаніе этого города, оборонительныя силы, которыми онъ располагалъ и, по возможности, самое экономическое его состояніе.

Городъ этотъ обведенъ былъ высокимъ дубовымъ палисадомъ съ двумя башнями, чрезъ которыя въѣзжали въ самый городъ. Каждая башня имѣла по двѣ пушки съ принадлежностями и съ ящиками для картечъ. Стража, оберегавшая башни, принадлежала къ шляхетству. Такъ какъ городъ самъ по себѣ лежалъ на значительномъ возвышеніи и со стороны предмѣстій огражденъ былъ буераками, да кромѣ того съ тѣхъ сторонъ, которыя были открыты, его ограждали валъ, острогъ и ровъ, то въ отношеніи безопасности онъ былъ довольно хорошо обезпеченъ. Въ центрѣ города находился замокъ, съ большимъ каменнымъ магазиномъ и службами. Здѣсь было новое укрѣпленіе—другой валъ и другіе палисады. На верхнемъ ярусѣ магазина находилась башня съ бойницами. Городъ могъ располагать цѣлымъ коннымъ полкомъ, состоящимъ изъ 2000 казаковъ, набранныхъ въ имѣніяхъ Потоцкаго. Кромѣ этого у Потоцкаго было еще 500 человѣкъ пѣхоты, предводителемъ которыхъ былъ Майоръ ([1]). Впрочемъ, большая часть этой пѣхоты стояла въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, тоже принадлежавшемъ Потоцкому. Пѣхота была тамъ для огражденія границъ. Часть этой пѣхоты находилась въ гарнизонѣ города Тульчина, тоже принадлежавшаго Потоцкому. Шестьдесятъ человѣкъ пѣхоты находилось въ Умани ([2]). Пѣхота эта, называвшаяся „надвор-

---

([1]) ...„od rządu krajowego patentowany". Lip.

([2]) Krebsowa такъ говоритъ; у Тучапскаго же до ста человѣкъ пѣхоты.

ною“, состояла подъ начальствомъ капитана Ленарда и должна была содержать въ городѣ караулы, а также стеречь арестантовъ, число которыхъ иногда доходило до ста человѣкъ, *„преимущественно изъ запорожцевъ,“* выбѣгающихъ на грабежъ (гайдамаки) и захватываемыхъ уманскими казаками. Наконецъ въ Умани было двѣсти конфедератовъ. Кромѣ значительнаго числа пушекъ, городъ располагалъ большимъ запасомъ ручнаго оружія, имѣлъ много пороху, пуль, картечи.

Къ числу средствъ обороны слѣдуетъ прибавить еще такъ называемый „экономическій домъ“ (dom ekonomiczny), который былъ укрѣпленъ на подобіе цитадели, обведенъ палисадомъ и защищенъ четырьмя бастіонами. Эта цитадель неоднократно обороняла городъ отъ нападеній гайдамаковъ.

Между многолюднымъ населеніемъ Умани находилось много купцовъ—русскихъ (rossyan), греческихъ, армянъ и евреевъ. Въ лавкахъ имѣлось много товаровъ. Сверхъ того было болѣе двадцати дворовъ (dworków), въ которыхъ жили нѣкоторые изъ посесоровъ, укрывавшіеся въ Умани для безопасности отъ нападеній гайдамаковъ. Такихъ посесоровъ было до шестидесяти семействъ, которыя съ позволенія Потоцкаго жили тамъ безъ всякой платы.

Правителемъ или комисаромъ уманской волости былъ Младановичъ. Оставшись сиротой, онъ былъ воспитанъ въ домѣ князя Яблоновскаго, старосты ковенскаго, и имъ же былъ рекомендованъ воеводѣ Потоцкому, который и назначилъ его губернаторомъ уманскихъ имѣній за одинадцать лѣтъ до уманской рѣзни. Полкомъ командовалъ полковникъ Обухъ. „Началъ“ (nacza!) или старшину составляли сотники, и главнѣйшимъ изъ нихъ былъ Гонта. Весь полкъ имѣлъ одно-

образную форму. У каждаго казака былъ желтый жупанъ, кунтушъ и шаравары голубые, „еломы“ или шапки желтыя, съ чорною барашковою опушкою, пояса ременные. На поясахъ, на ремневыхъ перевязяхъ, „шабатуры“ или продолговатые картузики для пуль и кремней, изогнутый рогъ для пороху, обтянутый кожею, съ оправою изъ красной мѣди. Длинный ножъ и *ложка за поясомъ,* какъ еще недавно водилось это у чумаковъ. У каждаго ружье, которое, по казацки, а не по солдатски, вѣшалось черезъ плечо на погонѣ. У сѣдла пара пистолетовъ, а третій на шнуркѣ за поясомъ. Въ рукѣ пика и нагайка. Начальники имѣли подобную же форму, только жупаны ихъ были лучшаго достоинства, шелковые (materyalne), а остальная одежда изъ добраго сукна. Начальники имѣли сабли, чего не имѣли рядовые казаки. У начальниковъ же и оправа на оружіи была серебряная. Кони у казаковъ сортировались по мастямъ, и на каждыя двѣ сотни была особая масть.

Что украинскому поспольству, а въ особенности казакамъ, было хорошо и привольно жить въ польской Украинѣ въ половинѣ XVIII вѣка, и во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ ихъ собратамъ на русской сторонѣ, и что польская Украина поднялась въ гайдамачину не изъ-за матеріальной нужды, можно судить по слѣдующему обстоятельству:

Уманскій полкъ составляли такіе поселяне этой волости (gospodarze), которые уволены были отъ всякихъ господскихъ повинностей, отъ такъ называемыхъ „данинъ“ и „платъ“. Пять „дымовъ“ или семействъ давали въ помѣщичью милицію одного казака. Эти служилые люди имѣли свои табуны лошадей, стада рогатаго скота, овецъ и огромныя пасики, которыя если бы сложить и взять съ нихъ хоть

одинъ годъ такъ называемую „пчелиную десятину“, то помѣщику приходилось бы получить пчелъ десять тысячъ пеньковъ или ульевъ. Они имѣли, слѣдовательно, сто тысячъ пеньковъ въ своихъ собственныхъ пасикахъ, и ничего не давали помѣщику. Даже тѣ крестьяне, которые не давали казаковъ, имѣли очень много достатка, отбывали самыя незначительныя повинности ([1]), давали небольшую подать и были очень богаты ([2]).

Гонта, который съ Желѣзнякомъ пріобрѣлъ такую печальную извѣстность, происходилъ изъ поселянъ и родился въ деревнѣ Росушкахъ, въ имѣніи Нелицкихъ. Та деревня, въ которой онъ считался казацкимъ сотникомъ, отдана ему была со всѣми доходами. Мало того, когда онъ съ своею сотнею былъ на очереди въ Кристинополѣ, резиденціи Потоцкихъ, ему пожаловано было въ пожизненное владѣніе село Орадовка. Гонта умѣлъ говорить, читать и писать по польски.

Уманскій полкъ, гдѣ Гонта былъ старшимъ сотникомъ, не всегда находился въ сборѣ, а только собирался въ необходимыхъ случаяхъ, или же однажды въ годъ на смотръ (popis), который продолжался нѣсколько дней. Полкъ становился тогда лагеремъ, бралъ изъ городоваго штаба знамена, на которыхъ изображены были гербы Потоцкихъ (półtrzecia krzyża), прапоры, бунчуки, и при звукѣ трубъ, котловъ, съ колокольнымъ звономъ въ церквахъ, послѣ литургіи, отправлялся изъ города въ лагерь. По окончаніи смотра, съ тѣми же церемоніями полкъ возвращался въ городъ, и тогда для начальниковъ полка устраивалось у губернатора пиршество.

([1]) ...„Nic nieznające odbywali powinności.“ Krebsowa. Lip.
([2]) ...„Byli bardzo zamożni.“ Id.

Казаки пировали также въ лагерѣ, и тутъ пѣлись пѣсни и думы казацкія ([1]). Затѣмъ полкъ расходился по домамъ.

Всѣхъ сотниковъ въ полку было три. Имена другихъ сотниковъ, кромѣ Гонты, намъ не извѣстны, хотя одного изъ нихъ нѣкоторые и называютъ Еремою Панкомъ. Къ знаменамъ, которыя были въ каждой изъ трехъ частей полка, приставлены были особые хорунжіе и такъ какъ это была почетная должность, то хорунжими назначались большею частью дворяне. Сотники же, есаулы и атаманы были выборные, изъ самихъ же казаковъ, какъ и въ русской Украинѣ. Въ уманскомъ гарнизонѣ была еще сотня пѣшихъ казаковъ, которые назывались „улитками“ или „лизнями“ (liznie). Они были большею частію вѣстовые и разсыльные, когда не было войны; но во время стычекъ съ гайдамаками, они употреблялись въ дѣло и были искусны, когда нужно было выслѣдить гайдамаковъ, добыть языка, захватить часоваго и пр. Внутренняя оборона замка возложена была уже не на казаковъ, а на болѣе довѣренныхъ лицъ, на поляковъ же изъ дворянъ. Это былъ особый корпусъ въ 60 человѣкъ, и, при бытности въ Умани самого Потоцкаго, этотъ маленькій корпусъ составлялъ почетныхъ тѣлохранителей своего „дѣдича“. Не только полковникъ Обухъ и Гонта, какъ наиболѣе почетныя лица въ уманскомъ войскѣ, получали отъ помѣщика въ пожизненное владѣніе какую-нибудь деревню или село, но и другіе сотники имѣли отъ дѣдича по нѣскольку дворовъ крестьянъ съ землею, доходами съ которыхъ и пользовались.

([1]) ...„przy wesolości i śpiewach i dum kozackich“.

Кромѣ губернатора или комисара, которымъ былъ Рафаилъ Деспотъ Младановичъ, верховный начальникъ волости и уманскій комендантъ, въ Умани былъ еще казначей или „подскарбій“, повѣренный по дѣламъ или „пленипотентъ“ и нѣсколько „официалистовъ“ или канцелярскихъ чиновниковъ. Всѣ они имѣли свои пожизненныя аренды отъ помѣщика.

Вообще жизнь въ Умани и во всей волости представляла всѣ удобства, и знаменитый польскій поэтъ Станиславъ Трембецкій съ полнымъ правомъ могъ сказать о ней:

Kraina mlekiem płynąca i miodem.

Впрочемъ, не болѣе какъ за десять лѣтъ до уманской рѣзни, вся эта страна, извѣстная подъ именемъ уманской волости, представляла такую же пустыню, какъ вся польская Украина послѣ „сгону“. Города лежали въ развалинахъ, земли были не обработаны, въ населеніи замѣчался недостатокъ. Самая Умань, представлявшая пепелище послѣ нѣсколькихъ разгромовъ, не была возобновляема, потому что хотя и находилась въ странѣ, „текущей медомъ и молокомъ“, однако представляла легкую добычу и для крымцевъ, и для запорожцевъ, и для гайдамаковъ. Волость начала заселяться только тогда, когда польскіе землевладѣльцы кликнули кличъ по всей Украинѣ, что они зовутъ поселянъ на свободныя земли, и на всѣхъ межахъ своихъ выставили кресты съ возможно большимъ числомъ льготныхъ колышковъ. Тогда-то потянулись сюда безземельные южно-русскіе крестьяне, которые и заселили пустыню въ нѣсколько лѣтъ. До переселенія украинцевъ въ уманскую волость, всѣ ея обширныя земли и лѣсныя угодья не приносили Потоцкому и 50,000 руб., между тѣмъ какъ въ годъ уманской рѣзни,

при всѣхъ огромныхъ издержкахъ экономіи на устройство уманской крѣпости и самаго города, на содержаніе войска и войсковыхъ начальниковъ, на жалованье всѣхъ служащихъ по городамъ и мѣстечкамъ, Потоцкіе получили уже до 1,200,000 руб. асигнаціями. Этому процвѣтанію уманской волости помогли благоразумныя распоряженія губернатора Младановича, которому Потоцкіе выправили у короля позволеніе устроить крѣпость и ввести магдебургію въ Умани. Крѣпость эта получила такъ называемый „инструментъ“ или положеніе объ устройствѣ и о всѣхъ правахъ и привилегіяхъ, 32 пушки, и вступила въ разрядъ государственныхъ пограничныхъ крѣпостей, съ правомъ военнаго суда. Все это послѣдовало въ то именно время, когда гайдамаки начали особенно угрожать этимъ мѣстностямъ и послѣ того какъ въ польской Украинѣ былъ уже введенъ „laudum boni ordinis“ или положеніе о милиціи. Для устройства волости въ военномъ отношеніи присланъ былъ туда старый служака, генеральный полковникъ Горжевскій, родственникъ Младановича. Горжевскій вмѣстѣ съ тѣмъ считался пограничнымъ комендантомъ и кригсъ-комендантомъ „партіи войскъ украинскихъ.“

При нихъ-то вновь заложенъ былъ городъ на развалинахъ старой Умани и укрѣпленъ замокъ. Потоцкій не предвидѣлъ, что крѣпость, возводимая имъ съ особою торжественностью, черезъ семь лѣтъ сдѣлается добычею какъ Желѣзняка, такъ и тѣхъ казаковъ, которые присутствовали при великолѣпной церемоніи закладки города и замка. А этотъ „церемоніалъ торжественной закладки новаго города на древнемъ его пепелищѣ“ происходилъ слѣдующимъ образомъ: „Сперва для извѣщенія народа о началѣ торжества сдѣлано

было нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ, при крѣпости имѣющихся, послѣ сего барабаннымъ боемъ и призывомъ трубъ и литавровъ собраны были войска здѣшней милиціи, которыя стройными рядами въ замокъ прибыли. Отсюда все собраніе выступило въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой линіи шла сотня стрѣлковъ, при замкѣ постоянно находящихся (это „улитки“ или „лизни“, о которыхъ мы упомянули). Далѣе по эскадронно маршировалъ казачій полкъ, имѣя впереди свои знамена, барабаны, трубы и литавры и всю свою старшину. За нимъ слѣдовалъ собственно гарнизонъ или пѣхота (дворянская); наконецъ среди многочисленнаго стеченія собравшагося на это торжество народа слѣдовало мѣстное начальство, владѣльцы и арендаторы (possessorowie) сосѣднихъ имѣній, сюда приглашенные, и духовенство (utriusque ritus) въ полномъ церковномъ облаченіи. Прибывъ на одинъ бастіонъ основывающейся крѣпости, войска выстроились въ боевой порядокъ, а духовенство обоихъ вѣроисповѣданій, при многихъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ и громѣ военной музыки, отслуживъ приличное молебствіе, благословило мѣсто основанія бастіона, а послѣ трехъ другихъ и всей линіи возводимаго вокругъ города укрѣпленія, и окропило ихъ святою водою. По окончаніи священнаго обряда, всѣ присутствующіе были приглашены въ замокъ, гдѣ было приготовлено для нихъ богатое угощеніе.“

Торжественность эта прикрывала чисто практическіе разсчеты Потоцкаго, который объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что „причиною столь великолѣпнаго торжества была истинная любовь къ отечеству и къ своимъ согражданамъ“, что онъ, „зная очень хорошо, что уманская его вотчина, со всею тою околицею ему принадлежащая, находится на самой

границѣ трехъ государствъ—россійскаго, турецкаго и татарскаго, и, по близости важнѣйшихъ дорогъ, съ этими странами соединенная, для торговли и слѣдственно для пользы здѣшняго народа весьма способна“, что „городъ Умань съ давнихъ уже временъ своею торговлею какъ въ Польшѣ, такъ и за границею былъ извѣстенъ, *такъ что многіе географы называли его—одни столицею всей Украины, другіе предверьемъ пограничнымъ*“, что онъ „многими преимуществами отъ польскихъ монарховъ обогащенъ“, но что „всѣхъ такихъ выгодъ своихъ лишился современемъ какъ отъ внутреннихъ въ королевствѣ смятеній, такъ и отъ частыхъ наѣздовъ разныхъ заграничныхъ негодяевъ (гайдамаковъ и ногайцевъ), отчего этотъ городъ многократно былъ разграбленъ, сожженъ, разоренъ и почти съ землею сравненъ, къ крайнему для сего края вреду и опустошенію“, что „желая, слѣдственно, воскресить помертвѣвшую въ немъ дѣятельность, владѣлецъ его рѣшился собственнымъ иждивеніемъ эти развалины въ такое привести положеніе, которое бы для отечества славу, для здѣшняго края защиту, для народа польскаго и здѣшнихъ жителей безопасность, пользу и разныя выгоды приносило“. Вотъ съ этой-то цѣлью городъ былъ укрѣпленъ палисадами, валами и возведеніемъ на трехъ углахъ „пентагономъ бастіоновъ“, такъ что, при расположеніи улицъ въ городѣ, эти бастіоны и батареи могли обстрѣливать всѣ входы и выходы, которые, кромѣ того, укрѣплялись рогатками. На рыночной площади устроена была „гіельда“ (gielda), ратуша, вмѣстѣ съ гостинымъ дворомъ на 20 лавокъ, и все это защищалось четырьмя бастіонами, устроенными въ центрѣ города.

Таково было значеніе Умани для всего этого края. Такимъ же считали этотъ городъ и гайдамаки, которые видѣли въ немъ новую Варшаву, только построенную поляками на *чужой*, украинской землѣ.

Дѣйствительно, этотъ городъ быстро выросъ какъ бы изъ земли, благодаря своему счастливому положенію и тѣмъ льготамъ, которыя были ему даны. Въ семь лѣтъ онъ оставилъ далеко назади за собою старые, славные казацкіе города и мѣстечки—Чигиринъ, Крыловъ, Черкасы, Каневъ, Бѣлую Церковь, и казачеству, въ томъ числѣ и гайдамакамъ, не могло не быть завидно, какъ растетъ польскій городъ у нихъ подъ бокомъ, а ихъ славный Чигиринъ лежитъ въ запустѣніи и развалинахъ, такъ что слѣды рукъ батька Хмѣльницкаго годъ отъ году стирались съ лица украинской земли. Въ Чигиринѣ была бѣдность, а въ Умани было житье привольное. Всѣмъ городскимъ обывателямъ, имѣвшимъ дома въ Умани, дозволялся всякій родъ торговли, незапрещенной закономъ, безъ платы какихъ бы то ни было податей и сборовъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, а по прошествіи этого срока, хотя платежъ и установлялся, однако гораздо меньше противу другихъ городовъ. „Для вящей городу и его жителямъ безопасности“, число казачей и иностранной милиціи было умножено до тѣхъ размѣровъ, какъ мы видѣли выше. Въ Умани учреждено было нѣсколько ярмарокъ, всѣ трехдневныя и одна двухдневная „съ свободной винной продажей“. Торговля на ярмаркахъ была свободная же, *безъ всякихъ торговыхъ пошлинъ* какъ для мѣстныхъ обывателей, такъ и для пріѣзжихъ. На ярмарки привозились: медъ, воскъ, хлѣбъ, сало, водка, мѣха, кожа, рыба, сукна, мануфактурныя издѣлія и всѣ другіе предме-

ты, равно какъ лошади, скотъ и овцы. Для поощренія торговли и для „умноженія дружескихъ сношеній съ сосѣдними государствами“, дозволялось всѣмъ поселянамъ и жителямъ уманской волости, „уже не однимъ откупщикамъ“ (arendarzam), какъ это прежде водилось, но всѣмъ свободно торговать въ Умани на ярмаркахъ медомъ, воскомъ и другими сельскими произведеніями. На ярмаркахъ этихъ, „для совершенной купечества и покупателей безопасности“, къ обыкновенному гарнизону, всегда находившемуся въ городѣ, еще прибавлялась военная сила. Всѣмъ отправлявшимся на ярмарки, особенно же заграничнымъ купцамъ, какъ русскимъ, такъ турецкимъ и татарскимъ подданнымъ, „для вящей ихъ безопасности“, посылался военный конвой, когда они присылали въ уманскій замокъ извѣщенія о томъ, что приближаются къ польскимъ границамъ. Равнымъ образомъ конвой сопровождалъ и тогда, когда они возвращались изъ Умани. Все это, конечно, дѣлалось въ предупрежденіе набѣговъ со стороны гайдамаковъ. Мало того, иностранные гости, какъ изъ восточныхъ народовъ, такъ и русскіе подданные, перевозились черезъ рѣку Бугъ безденежно, а въ самой Умани получали квартиры и сѣно для лошадей. Для пригоняемыхъ на ярмарку стадъ овецъ и рогатаго скота, для табуновъ лошадей отводились нужныя и выгодныя пастбища, а на ярмаркахъ площади. „Для пріохоченія иностранныхъ торговцевъ и усиленія репутаціи самыхъ ярмарокъ“, Потоцкій изъ своихъ доходовъ отпускалъ нѣсколько тысячъ злотыхъ. Если иностранцамъ не удавалось продать на ярмаркѣ свои товары, какъ-то: сукна, мануфактуры, бакалію, соль, рыбу, кожи, медъ, воскъ, сало, горячее вино и пр., то имъ дозволялось всѣ эти товары складывать въ городѣ

и хранить до слѣдующей продажи безъ всякой за то платы. Наконецъ, всѣмъ иностраннымъ подданнымъ, русскимъ, турецкимъ, татарскимъ, молдавскимъ и другихъ государствъ, также всѣмъ принадлежащимъ къ уманской волости и внутри королевства живущимъ всякаго званія людямъ давалось всеобщее позволеніе—основывать себѣ жилища въ Умани, строить тамъ дома, заниматься торговыми и другими промыслами, винною продажею и проч., подъ защитою и покровительствомъ Потоцкаго ([1]).

Не удивительно, что Умань въ нѣсколько лѣтъ такъ поднялась, что стала завистью для всей Украины. Дочь Младановича, которой во время уманской рѣзни было восемнадцать лѣтъ и которая оставила намъ записки объ этомъ несчастіи своего города, говоритъ по поводу торговли, богатства и дешевизны въ Умани: „Въ лавкахъ было мало жидовъ, а больше грековъ и турокъ, оттого не только множество бакаліи, но апельсинъ мы имѣли по двѣ копѣйки, каштаны все равно что жолуди, икру бочками, а семга, какъ свиное сало, въ большомъ количествѣ продавалась.“

Кромѣ уманскихъ богатствъ, которыя не могли не дѣйствовать обаятельно на гайдамаковъ, кромѣ средоточія въ Умани польскаго элемента, который также, не менѣе богатой добычи, манилъ къ себѣ этихъ злѣйшихъ враговъ всего польскаго, уманская волость должна была сдѣлаться жертвою народнаго возмущенія ужъ и потому, что она сама представляла въ то время какъ бы гайдамацкую колонію. Въ уманской волости находилось до тысячи семействъ, главы

([1]) Скальковскій.

которыхъ въ молодости были гайдамаками, а потому и не могли не вспоминать иногда дѣянія своей молодости. Это случилось такимъ образомъ: Младановичъ, желая истребить какимъ бы то ни было способомъ гайдамачество и бродяжничество, вздумалъ прибѣгнуть къ самому романтическому, чисто сказочному способу для обузданія гультаевъ. Каждый годъ гайдамаки нападали на уманскую волость, грабили ее, жгли, и каждый годъ Младановичу удавалось ловить гайдамаковъ десятками и сотнями. Какъ комендантъ пограничной крѣпости, владѣя правомъ военнаго суда, а слѣдовательно правомъ живота и смерти, Младановичъ обыкновенно судилъ взятыхъ въ плѣнъ гайдамаковъ военнымъ судомъ, по магдебургскому закону. Въ ратушѣ же писалъ онъ виновнымъ смертные приговоры и выводилъ на площадь для казни. Но прежде, чѣмъ гайдамака посадятъ на колъ или повѣсятъ, Младановичъ показывалъ его уманскимъ дѣвушкамъ, которыя славились красотой. Такъ какъ гайдамаки были съ ними одной и той же украинской крови, то и они были не менѣе красивы, какъ эти дѣвушки, можетъ быть сестры ихъ товарищей—гайдамаковъ. Если какая нибудь дѣвушка выбирала себѣ какого-нибудь изъ осужденныхъ на смерть гайдамаковъ, и если этотъ послѣдній давалъ присягу сдѣлаться земледѣльцемъ и селяниномъ, то его немедленно прощали, давали ему свободу и, какъ бы въ приданое, онъ получалъ еще землю, скотъ, хлѣбъ и на постройку избы лѣсъ и даже деньги. Этимъ способомъ, говорятъ современники, Младановичъ далъ уманской волости до тысячи семействъ въ десять лѣтъ, что̀ даетъ, въ свою очередь, сто прощенныхъ каждый годъ гайдамаковъ.

Эти бывшіе гайдамаки съ своей стороны тянули къ себѣ толпы Желѣзняка, и толпы эти дѣйствительно шли на Умань.

XVI.

Посмотримъ теперь, что дѣлается въ Умани, въ то время, когда гайдамаки свирѣпствовали въ Смилой, въ Черкасахъ и въ Лисянкѣ.

Едва только разнеслась страшная вѣсть (1) о гайдамацкомъ ополченіи, которое принимало размѣры поголовнаго народнаго возстанія, и когда въ странѣ распространились слухи о томъ, какими опасными мотивами руководилось это движеніе, польское и еврейское населеніе Украины (szlachta i zydowstwo), съ ужасомъ бросилось искать спасенія кто въ Лисянку, кто въ Бѣлую Церковь, кто въ Умань. Мы уже видѣли, какая участь постигла тѣхъ, которые укрылись въ Лисянкѣ. Спаслась только Бѣлая Церковь. Но единственная надежда оставалась на Умань, и „несчастные великими толпами бѣжали“ въ этотъ городъ. Бѣжавшихъ было столько, что городъ, не смотря на то, что былъ довольно обширенъ, не могъ всѣхъ помѣстить въ себя. Площадь, улицы, предмѣстья—все наполнилось обозами съ имуществомъ и спасающимися поляками и евреями. Однихъ посесоровъ насчитывалось до 226. Прочихъ бѣглецовъ можно было считать тысячами.

---

(1) ...„jak przerażająca błyskawica z ogromnemi piorunami“, по выраженію польскихъ писателей.

Когда не оставалось никакого сомнѣнія, что возстаніе не ограничивается одной Смилянщиной, но что бунтовщики, подвигаясь далѣе и далѣе, буквально „хлюпаютъ по крови“ и „плещутся“ въ ней, по выраженію очевидцевъ, Младановичъ приказалъ всему казачьему полку, который не квартировалъ въ городѣ, немедленно собраться въ Умань какъ бы на смотръ (na popis). Когда всѣ собрались, Младановичъ счелъ нужнымъ секретно переговорить съ сотниками, въ числѣ которыхъ, какъ мы сказали выше, былъ и Гонта и на котораго болѣе всего и надѣялся Младановичъ и вся Умань. Младановичъ объяснилъ имъ причины, заставившія его собрать полкъ. Онъ заговорилъ объ опасности, которая грозитъ краю, о томъ, что полкъ долженъ выступить противъ Желѣзняка, чтобы не дать возмущенію усилиться и принять болѣе грозные размѣры. Онъ старался поощрить сотниковъ къ этому подвигу. Затѣмъ вся полковая старшина съ знаменами отправилась въ православную церковь св. Николы, присягнула вновь, какъ того требовала важность обстоятельствъ. По совершеніи этой церемоніи, знамена были отнесены въ казачій лагерь, расположенный подъ небольшимъ лѣсомъ у самой Умани, который назывался Грековымъ. Между тѣмъ Обухъ, Гонта и прочіе сотники со всею казацкою старшиною вновь пошли къ Младановичу.

„Тогда-то я разсмотрѣла хорошо черты лица Гонты и слышала, съ какимъ искуствомъ говорилъ онъ по польски и какія краснорѣчивыя дѣлалъ обѣщанія. О, еслибъ сдержалъ онъ все то, что тогда обѣщалъ!“—говоритъ въ своихъ запискахъ дочь Младановича, Вероника, которой тогда было восемнадцать лѣтъ и которая спаслась отъ смерти, оставивъ

послѣ себя записки объ уманской рѣзнѣ, извѣстныя подъ именемъ записокъ вдовы Вероники Кребсъ (Krebsowa).

Вскорѣ потомъ уманскій полкъ выступилъ на встрѣчу гайдамакамъ по звенигородской дорогѣ, обѣщая уничтожить бунтовщиковъ. Эти же послѣдніе съ своей стороны подвигались къ Умани, разсыпаясь иногда по сторонамъ, выискивая, не скрылись ли гдѣ поляки и евреи.

Вслѣдъ за уходомъ полка новыя толпы поляковъ и евреевъ стекались въ городъ, убѣгая изъ губерній лисянской, звенигородской, бѣлоцерковской, смилянской и другихъ мѣстъ, гдѣ уже свирѣпствовали гайдамаки, добивая, дограбливая и сожигая все, что осталось тамъ. Число этихъ бѣглецовъ до того увеличилось, что городъ не могъ уже принимать ихъ къ себѣ, и они должны были становиться таборомъ вблизи города, котораго однако запереть нельзя было, такъ какъ въ немъ не было воды и за нею обыкновенно ѣздили версты за три къ ручью, называемому Каменка, гдѣ теперь находится знаменитый садъ Потоцкихъ—Софіевка. Къ этому табору прибывали новыя массы, искавшія спасенья отъ смерти. Иждивеніемъ Потоцкаго въ Умани устроены были школы, которыми завѣдывали базиліяне, и въ школахъ этихъ, какъ мы сказали, было до четырехъ сотъ студентовъ. Начальникъ школъ, съ титуломъ ректора, ксендзъ Ираклій Костецкій, въ виду грозившей городу опасности, велѣлъ прекратить ученье и позволилъ не только студентамъ, но и професорамъ уѣхать изъ города. „Но куда они могли уѣхать—спрашиваетъ Липоманъ — когда со всѣхъ мѣстъ люди искали спасенья въ Умани?“ Тѣ, которые были въ таборѣ, за городомъ, везли все, что у нихъ было цѣннаго (swoje precyosa), въ городъ и отдавали на сохраненіе Младановичу и ксендзу Костецкому.

Страшные слухи росли между тѣмъ съ каждымъ часомъ. Толпы бѣглецовъ не переставали прибывать къ городу и тѣмъ увеличивать страхъ, который началъ уже тревожить и тѣхъ, которые сидѣли въ Умани за башнями и крѣпкими палисадами. Страхъ переходилъ въ ужасъ, и Младановичъ нашелъ необходимымъ запереть городъ, не смотря на недостатокъ воды въ то жаркое лѣтнее время. Въ городѣ вырыли было глубочайшій колодезь, прорыли до двухъ сотъ саженъ глубины, но воды не нашли даже на этой глубинѣ.

Но вотъ на таборъ какъ бы упала (gruchnęła—какъ говорятъ польскіе писатели) ужасная вѣсть, будто Гонта вошелъ въ сношеніе съ Желѣзнякомъ и дѣйствуетъ съ нимъ за одно. Послѣдняя надежда, слѣдовательно, пропадала, и спасенія уже не было ни откуда. Нѣсколько почтенныхъ особъ явилось изъ табора къ губернатору, передали ему эту страшную вѣсть, говоря, что узнали ее отъ преданныхъ имъ поселянъ, которые завѣряли, что „Гонта измѣнилъ, что онъ сообщникъ Желѣзняка, того самаго, который получилъ благословеніе въ лебединскомъ монастырѣ и который былъ главою смилянскаго мятежа.“ Эти дворяне просили губернатора, чтобъ онъ принялъ какія нибудь мѣры для своего спасенія и для защиты города, чтобы онъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, для предупрежденія несчастія, могущаго разразиться надъ ними, вызвалъ Гонту и, при помощи магдебургскаго права, лишилъ бы его жизни немедленно. „Мой отецъ—говоритъ Кребсова—отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ благородному человѣку; но Гонтѣ съ другими сотниками приказалъ явиться къ нему.“ Сотники немедленно явились, и тогда Младановичъ, вызвавъ изъ табора значитель-

ное число обывателей, вышелъ съ ними и съ сотниками на рынокъ и обратился къ Гонтѣ съ такими словами:

— Пане Гонто! мнѣ доносятъ, что ты въ заговорѣ съ Желѣзнякомъ. Я этому не хочу вѣрить. Если ты теперь пользуешься столькими благодѣяніями отъ нашего пана (Потоцкаго), то чего можешь ожидать еще, когда имѣнія его спасешь отъ бунта, поднятаго Желѣзнякомъ!

Говорятъ, что Гонта съ удивительнымъ краснорѣчіемъ оправдывалъ себя отъ этого обвиненія, и когда говорилъ о своей благодарности къ Потоцкому, то плакалъ ([1]). „Надо было слышать (прибавляетъ Вероника Кребсъ), какъ онъ защищался!“ Гонтѣ написали особенную присягу и дали, чтобъ онъ прочиталъ ее, потому что онъ умѣлъ и читать и писать. Гонта потребовалъ, чтобъ его къ этой присягѣ приводили публично и торжественно. Желаніе его исполнили. Изъ трехъ церквей вышли священники обоихъ исповѣданій, капеланы и ректоръ базиліянъ, ксендзъ Костецкій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, евангеліемъ и хоругвями. Вмѣстѣ съ Гонтою пришли на площадь и другіе сотники. Эту повторительную присягу онъ принималъ на крестѣ и евангеліи и притомъ „цѣловалъ руку ксендза ректора Костецкаго, *а этотъ мученикъ благословлялъ своего палача.*“ Никто не можетъ постигнуть, къ чему все это Гонта дѣлалъ. Или, по мнѣнію однихъ, онъ еще не рѣшился тогда на столь кровавую измѣну и притворною готовностью хотѣлъ усыпить бдительность Младановича и города, или, по мнѣнію другихъ, въ то время онъ еще не былъ втянутъ въ

([1]) При этомъ Липоманъ восклицаетъ: «takto ten zdrajca miał łzy na pogotowiu».

бунтъ Желѣзнякомъ, потому что, еслибъ это было, то едва ли онъ послушался бы приказа Младановича, или же онъ не успѣлъ еще преклонить на свою сторону всѣхъ казаковъ, потому что въ томъ положеніи, въ какомъ казаки находились, они, можно сказать, плавали въ довольствѣ и не легко могли склониться къ бунту. Можетъ быть, потому онъ и прибѣгъ къ этой хитрой и измѣннической уклончивости, что хотѣлъ успокоить Младановича, очень къ нему преданнаго и при томъ находившагося съ нимъ въ кумовствѣ, и чтобы своимъ довѣріемъ достигнуть, на случай неудачи, возможности оправдать свое двусмысленное поведеніе. Какъ бы то ни было, но эта торжественная присяга закрыла всѣмъ глаза, но только очень не надолго.

До сихъ поръ остается не вполнѣ разъясненнымъ то обстоятельство, гдѣ и когда Гонта первоначально вошелъ въ заговоръ съ Желѣзнякомъ. Шевченко, на основаніи разсказовъ очевидцевъ уманской рѣзни, увѣряетъ, будто въ первый разъ сошлись они въ Лисянкѣ, гдѣ оба заговорщика вмѣстѣ „закурили люльки“ (1) на пожарѣ, и гдѣ Желѣзнякъ, послѣ всѣхъ описанныхъ нами выше неистовствъ, велѣлъ ставить на базарѣ столы, за которыми гайдамаки пировали ночью при заревѣ пожара, а Желѣзнякъ предлагалъ *тосты за убитыхъ*:

---

(1) Шевченко говоритъ:

Смеркалося. Изъ Лисянки
Кругомъ засвітило:
Ото Гонта съ Залізнякомъ
Люльки закурили,
Страшно, страшно закурили,
И въ пеклі не вміють
Такъ закурить...

«За прокляті ваші трупи,
За душі прокляті
Ще разъ випью. Пийте діти!
Випьемъ, Гонто, брате!»

Народное преданіе добавляетъ къ этому, что въ Лисянкѣ же Желѣзнякъ и Гонта разрушили „старосвѣтскій будинокъ“—зданіе, построенное будто бы Хмѣльницкимъ, но въ которомъ въ то время засѣли поляки.

Есть основаніе полагать, что Гонта не самъ рѣшился на измѣну, но что онъ вовлеченъ былъ въ это преступленіе обманомъ. Мы уже упоминали выше, что Умань была ненавистна Желѣзняку, какъ средоточіе польскаго элемента и польской силы. Религіозный или казацкій фанатизмъ (что почти одно и тоже), которымъ, какъ видно, руководился во всемъ Желѣзнякъ, бывшій до того времени монастырскимъ послушникомъ, и разжигаемый въ этомъ фанатизмѣ хитрымъ Мельхиседекомъ, былъ причиною того, что Желѣзняку захотѣлось подрубить на Украинѣ польское дерево въ самомъ корнѣ, а этотъ корень былъ—въ Умани. Прочіе гайдамаки, не чуждые тоже своего рода религіознаго фанатизма въ отношеніи къ полякамъ и евреямъ, ненавидѣли Умань еще и потому, что городъ этотъ велъ съ ними въ послѣдніе годы самую ожесточенную войну, такъ что каждый такой годъ стоилъ гайдамакамъ десятковъ, а иногда и сотенъ своихъ товарищей, которыхъ или казнили въ Умани, или женили на уманскихъ красавицахъ. Уманскій губернаторъ называлъ себя даже стражемъ Польши со стороны Синюхи, то-есть со стороны казацкихъ и гайдамацкихъ вторженій. Неудивительно, что Умань всѣхъ ихъ тянула къ себѣ, даже и тѣмъ, что они ожидали себѣ тамъ такой богатой добычи, какой не

могъ имъ дать ни одинъ городъ въ польской Украинѣ. Но городъ этотъ былъ въ тоже время и страшенъ для нихъ. Бастіоны его стрѣляли довольно далеко, что̀ уже не разъ испытали на себѣ гайдамаки. Въ Умани было много войска, больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ польскихъ городахъ всей той мѣстности. Но съ казаками можно бы было еще сладить, потому что между ними было не мало людей гайдамацкаго происхожденія. Притомъ всѣ они были православные. Но за то въ Умани было много дворянъ, постоянно тамъ жившихъ, и кромѣ того до двухъ сотъ барскихъ конфедератовъ, которыхъ Потоцкій и держалъ тамъ съ тою именно цѣлью, чтобъ они были странниками города отъ гайдамачины. Сверхъ всего этого въ Умань прибыло нѣсколько десятковъ радзивиловскихъ казаковъ, которые провожали туда *сестру Младановича*, комисаршу Бендзинскую. Такимъ образомъ Желѣзняку страшно было идти къ Умани, не переманивъ къ себѣ уманскій полкъ и въ особенности Гонту, на котораго всѣ возлагали надежду, — и Младановичъ, и Потоцкій, и весь городъ; Потоцкій, сдѣлавъ Гонту, простаго казака, помѣщикомъ села Орадовки, надѣялся посредствомъ него овладѣть расположеніемъ всего казацкаго полка и держать его въ своихъ рукахъ противъ всякихъ невзгодъ со стороны гайдамаковъ и всего украинскаго элемента, въ случаѣ его волненія.

Желѣзнякъ, такъ сказать, обошелъ довѣрчиваго Гонту мнимымъ манифестомъ русской императрицы. Между гайдаками и уманскими казаками были товарищи по прежней жизни, по гайдамачеству и родственники по вѣрѣ, по крови и по общности историческихъ воспоминаній. У уманскихъ казаковъ была таже родина, что и у гайдамаковъ

и у запорожцевъ—Украина. У всѣхъ у нихъ былъ одинъ батько Богданъ. Всѣ они пѣли однѣ и тѣже думы о Морозенкѣ, о Харькѣ, о Савѣ Чаломъ.—Замѣчательно, что пѣсня о Савѣ Чаломъ:

Ой бувъ Сава въ Немірові
Въ ляхівъ на обіді...

приводила въ такой опасный экстазъ уманскихъ казаковъ, когда ее пѣли бандуристы во время торжественныхъ обѣдовъ полка послѣ смотровъ, и такъ воспламеняла казацкія сердца, которыя легко могли обратить воинственный жаръ казаковъ на самую Умань же, что Младановичъ запретилъ бандуристамъ пѣть не только ее, но и думы о Хмѣльницкомъ и вообще всѣ былевыя пѣсни казацкія. Такъ съ этими-то казаками легко сошлись гайдамаки и сообщили имъ, что у нихъ есть приказъ царицы рѣзать ляховъ и жидовъ. Пѣсни того времени вполнѣ подтверждаютъ это, особенно одна, изданная Максимовичемъ:

Да стоявъ, стоявъ сотникъ Гонта въ степу три неділі,
Наіхали смілянчики, да вінъ ся имъ ввіривъ.
«Годі, годі, сотнику Гонто, у степу стояти,
Ходи зъ нами козаками Умань грабовати.»

Пѣсня говоритъ о томъ времени, когда Гонта выступилъ съ своимъ полкомъ изъ Умани противъ гайдамаковъ и стоялъ въ степи или въ нерѣшимости, или ожидая ихъ. Гонта отвѣчаетъ „смилянчикамъ:“

Ой якъ мині, пани—молодці, Умань грабовати
И на свого батька—пана руку подіймати?

Увѣряютъ, что Желѣзнякъ еще раньше познакомился и подружился съ Гонтою. Когда послѣдній выступилъ съ своимъ полкомъ противъ гайдамаковъ, между ними завязалась переписка, и твердость Гонты была поколеблена. Другая пѣсня уже какъ бы отъ лица уманскихъ казаковъ говоритъ, что Гонта далъ имъ бумагу отъ царицы, которая повелѣвала кошевому идти на Польшу:

А намъ сотникъ Гонта папиръ отъ цариці давъ,
Та й давши, намъ всімъ въ голосъ сказавъ:
Що цариця кошевому звеліла такъ служити.
Щобъ ити въ Польшу жидову и ляха палити,
И ляхамъ и жидамъ ратунку не робити,
А всіхъ жидівъ та ляхівъ колоти та палити,
А добро ихъ и пожитки межъ нами ділити.

Вообще тутъ главнымъ образомъ дѣйствовало на всѣхъ, въ томъ числѣ и на Гонту, имя русской царицы. Когда состоялось свиданіе между Гонтою и Желѣзнякомъ, послѣднему легко было дѣйствовать на перваго, имѣя въ рукахъ грамату съ позолочеными буквами. Притомъ же Желѣзнякъ умѣлъ затронуть самую чувствительную сторону въ казацкомъ сотникѣ—его безграничное честолюбіе. Гонта былъ прежде простымъ казакомъ, такимъ, какъ всѣ казаки его полка. Хорошія качества, цѣнныя въ казакѣ, дали ему возвыситься надъ другими. Его выбрали сотникомъ. Такъ какъ онъ пользовался вліяніемъ на свой полкъ, то на него и обращено было особое вниманіе властей: самъ Потоцкій отличалъ его передъ другими, не только казаками, но и сотниками. Кромѣ обыкновенной сотницкой аренды ему дали особое имѣніе, слѣдовательно возвели въ званіе дворянина

и помѣщика. Это до того возвысило Гонту въ его собственныхъ глазахъ, что онъ не только не боялся своего полковника, не хотѣлъ уже какъ бы стать на одну доску съ губернаторомъ и питалъ къ нему зависть и скрытую злобу. Желѣзнякъ и билъ уже по этимъ слабымъ струнамъ. Сначала онъ, говорятъ, показалъ ему сочиненный Мельхиседекомъ манифестъ или именной указъ императрицы, который если не обманулъ Глобу, писаря запорожскаго войска, и кошеваго, привыкшихъ видѣть именные указы, то легко могъ обмануть Гонту, который никогда не видалъ ничего подобнаго. Желѣзнякъ подарилъ при этомъ Гонтѣ письменное благословеніе лебединскаго игумена. Онъ говорилъ ему о рыцарской славѣ истребленія католиковъ, какъ это дѣлалъ славный Хмѣльницкій, о распространеніи православія, о торжествѣ казачества и въ тоже время обольщалъ его богатою добычею. Завоевателямъ польской Украины русская царица, въ лицѣ Желѣзняка, своего посланца, дарила всѣ богатыя имѣнія Потоцкихъ, самую Умань могъ взять себѣ Гонта. Русская царица дѣлаетъ сотника воеводою русскимъ на мѣсто Потоцкаго. Гонта не могъ не вѣрить этому, видя своими глазами золотую грамату и другія доказательства истины словъ Желѣзняка. Русскія войска подъ предводительствомъ Кречетникова и другихъ начальниковъ уже воевали съ поляками, усмиряли конфедератовъ. Умань тоже принадлежала къ партіи конфедератовъ, потому что была собственностью Потоцкихъ и даже вмѣщала въ себѣ нѣсколько сотъ конфедератовъ. Все говорило въ пользу того мнѣнія, что русскіе не въ ладахъ съ поляками, особенно съ конфедератами. Желѣзнякъ былъ представитель русскихъ отъ лица запорожскаго коша и потому ему нельзя было не вѣрить.

И не одного Гонту могли смутить всѣ эти обстоятельства. Мало того, Гонта видѣлъ явное подтвержденіе справедливости доводовъ Желѣзняка. Всѣ городовые казаки въ губерніяхъ черкасской, смилянской, лисянской, звенигородской, бѣлоцерковской передались на сторону гайдамаковъ. Не передалась одна только казацкая милиція Гранова, гдѣ было пять сотъ храбрыхъ и хорошо вооруженныхъ казаковъ, и не передалась потому именно, что ей не для чего было измѣнять своему помѣщику, князю Адаму Чарторійскому. Чарторійскій не принадлежалъ къ партіи Потоцкихъ, слѣдовательно къ партіи конфедератовъ. Онъ принадлежалъ къ партіи Понятовскаго, какъ его родственникъ и, слѣдовательно, былъ сторонникъ Россіи. Всѣ же прочіе были враги Россіи, а слѣдовательно и Желѣзнякъ долженъ былъ быть имъ врагомъ, какъ представитель Россіи въ польской Украинѣ. Всѣ эти соображенія, а вдали воеводство русское, владѣніе Уманью, слава, богатство, почести—не могли не поколебать Гонту. Когда Желѣзнякъ говорилъ ему, что онъ будетъ воеводою русскимъ на мѣсто Потоцкаго, Гонта спросилъ:

— Добре: а ви, пане Максиме, чимъ будете—полковникомъ, чи що?

— Отъ дурень!—отвѣчалъ на это Желѣзнякъ: та я жъ буду гетманомъ обоихъ сторонъ, якъ панъ Хмѣльницкій.

Желѣзнякъ, какъ видно, самъ увлекался своими мечтами, самъ вѣрилъ своему высокому призванію, въ которое заставилъ его увѣровать Мельхиседекъ, и увлекъ за собою другаго честолюбца. Убѣжденіе, съ которымъ говорилъ Желѣзнякъ, убѣдило и Гонту. Онъ повѣрилъ, что будетъ рус-

скимъ воеводою, и рѣшился дѣйствовать за одно съ Желѣзнякомъ.

Что же дѣлалъ въ то время полковникъ Обухъ, прямой начальникъ Гонты, который вмѣстѣ съ нимъ выступилъ противъ гайдамаковъ, когда Гонта входилъ въ сношенія съ Желѣзнякомъ и оба они рѣшали участь всей польской Украины и гибель Умани? Тучапскій говоритъ, что когда получено было достовѣрное извѣстіе, что болѣе 500 гайдамаковъ находятся уже по пути къ Умани, въ селѣ Соколовѣ, и что они уже пробираются къ этому городу, тотчасъ приказано было казачьему полку, оставя въ городѣ пѣхоту, идти на „подъѣздъ“ противу гайдамаковъ. Вся надежда, по его словамъ, была на Гонту: таково было значеніе Гонты во всей казачьей милиціи, между тѣмъ какъ онъ былъ только подчиненное Обуху лицо и отъ него могъ зависѣть только его отрядъ. Этой экспедиціей командовали оба полковника—и Обухъ, и Магнушевскій. Едва полкъ выбылъ изъ Умани, какъ казаки, по настоянію Гонты, тотчасъ отрѣшили отъ должности обоихъ полковниковъ, давая тѣмъ знать, что между ними и Желѣзнякомъ уже все улажено. Тучапскій прибавляетъ, что Гонта, изъ уваженія къ давней къ нему дружбѣ Обуха и Магнушевскаго и во вниманіе къ ихъ заслугамъ, далъ имъ средства уйдти заграницу. Однако нѣсколько казаковъ и тамъ ихъ преслѣдовали, изъ опасенія, чтобъ они не предувѣдомили Умань и чтобы городъ этотъ, вполнѣ положившійся на Гонту, легче было захватить въ свои руки.

Свидѣтельство это доказываетъ, что Гонта, когда вторично давалъ торжественную присягу на вѣрность своему долгу, уже былъ въ сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ и рѣшилъ

гибель Умани. Ложной присягой онъ хотѣлъ только усыпить Младановича и остававшееся въ городѣ войско подъ начальствомъ капитана Ленарда и хорунжаго Марковскаго. Этимъ еще болѣе подтверждается то извиняющее Гонту обстоятельство, что онъ далеко былъ не злодѣй, а несчастная жертва обмана ([1]). Такой-же жертвой былъ и самъ Желѣзнякъ, котораго обманулъ Мельхиседекъ, и на этого монаха должна падать вся тяжесть тѣхъ преступленій, которыя совершены были тысячами обманутаго имъ народа.

На другой день по выбытіи казаковъ изъ Умани на встрѣчу гайдамакамъ, безпокойство въ городѣ не уменьшилось, а постоянно возрастало. Приходили слухи за слухами, что гайдамаки приближаются къ городу, а что дѣлали казаки и Гонта никто не могъ сказать ничего опредѣленнаго, и страшныя подозрѣнія стали колебать всю массу, съ часу на часъ ждавшую рѣшенія своей участи. Въ невыразимомъ ужасѣ всѣ католики начали готовиться къ смерти: а кто имѣлъ что-либо цѣнное, спѣшилъ скрыть, и потому въ землю зарывалось золото, серебро и всѣ драгоцѣнности, „которыя и до сихъ поръ откапываютъ“, добавляетъ Тучапскій въ 1787 году, почти черезъ десять лѣтъ послѣ рѣзни. Католическое духовенство, ректоръ Ираклій Костецкій, второй мисіонеръ Епифаній Сахоцкій, третій мисіонеръ Леберій Очаскій, всѣ три монаха базиліянскаго ордена, и другіе рѣ-

---

[1]) Липоманъ замѣчаетъ по этому поводу: „Gonta nie był tak ciemny, żeby nie oparłszy się na jakiejs podstawie, chociaż zrecznie wymyślonej, i będąc tyle udobrodziejstwowany od wojewody kijowskiego, dał się uludzic, co się przy zgonie jego, jak się niżej powie, okazało, wreszcie jak nastąpiła zmowa jego z Żelezniakem, o tej nic statego powiedzieć nie można“.

шились остаться въ монастырѣ, другіе же монахи-учители, числомъ шесть, съ позволенія своего ректора, уѣхали на Волынь. Оставшіеся въ городѣ монахи, въ теченіе трехъ дней, въ пятницу, суботу и воскресенье, т. е. 5, 6 и 7 іюня; до 8 часовъ утра, всѣхъ къ нимъ прибѣгающихъ, исполненныхъ ужаса, обывателей утѣшали, въ вѣрѣ святой утверждали, исповѣдывали и причащали, а въ четвертый день 8 іюня, въ понедѣльникъ, и они—заключаетъ Тучапскій—вмѣстѣ съ другими ужасной смерти были преданы."

Но между тѣмъ, пока еще не насталъ этотъ роковой день, когда наведенный гайдамаками всеобщій ужасъ умножилъ таборъ бѣглецовъ, стоявшихъ у Грекова, всеобщая паника заставила многихъ изъ обывателей, особенно дворянъ, собраться къ Младановичу и уговорить его отправить женщинъ и дѣтей въ Тарговицу, мѣстечко, лежащее недалеко отъ Умани на рѣкѣ Синюхѣ, на самомъ берегу русской границы и какъ разъ противъ русской крѣпости Новоархангельска, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти несчастныя могли перейдти на русскія земли и тамъ укрыться отъ неминуемой гибели подъ защитой русскаго оружія. Все уже было готово къ отъѣзду. Но въ эту же самую ночь, когда уманскіе обыватели, жившіе по предмѣстьямъ, узнали, что жены и дѣти лучшихъ фамилій бѣгутъ спасаться на русской землѣ, и когда эти женщины и дѣти садились уже въ экипажи, въ замокъ вбѣжали толпы женщинъ, мѣщанъ, священники и евреи, съ плачемъ и просьбами, умоляя, чтобы тѣ, которые приготовились къ побѣгу, не дѣлали этой тревоги, что въ противномъ случаѣ и они всѣ убѣгутъ изъ города. Они увѣряли, что казаки уничтожатъ сволочь (motloch) Желѣзняка. „Ихъ слезы и просьбы убѣдили насъ—говоритъ Вероника

Кребсъ, которая тоже собиралась съ матерью и сестрами уѣзжать изъ Умани—и мы остались, радуясь, что не покидаемъ отцовъ и мужей въ опасности.“

Но не такъ смотрѣли на это другіе современники поляки. Вероника Кребсъ, какъ дочь Младановича, естественно одобряла распоряженія своего отца, не позволившаго женщинамъ и дѣтямъ искать спасенія на русской землѣ, и потому она говоритъ, что рада была остаться, тѣмъ болѣе, что ей удалось спастись отъ смерти какимъ-то чудомъ. Но Липоманъ прямо упрекаетъ его за то, что онъ отступилъ отъ своего спасительнаго рѣшенія и другихъ потянулъ за собою въ бездну ([1]).

Въ продолженіе всѣхъ этихъ дней, когда тревога въ Умани дошла до крайнихъ предѣловъ, отъ казачьяго полка не приходило положительно никакихъ вѣстей, и это еще больше усиливало ужасъ. Думали, что по звенигородской дорогѣ и не могли дойдти вѣсти, потому что вѣстниковъ не допускали гайдамаки. А между тѣмъ неопредѣленныя, но тѣмъ болѣе страшныя вѣсти не переставали облетать весь городъ и таборъ, и всѣ ждали смерти. Одни говорили, что было письмо отъ полковника Обуха, ушедшаго вмѣстѣ съ казаками, другіе—что вѣсти приходили невѣдомымъ образомъ, и вѣсти все безотрадныя, и тѣмъ напряженнѣе и безвыходнѣе становилось состояніе города, съ часу на часъ ожидавшаго гибели.

Былъ въ это время въ Умани землемѣръ Шафранскій, присланный для измѣренія земли. Человѣкъ этотъ находился прежде въ военной службѣ, у короля прусскаго, и потому былъ знатокъ военнаго дѣла. Шафранскій, говорятъ, былъ

([1]) ...„i innych pociągnął za sobą.“

человѣкъ замѣчательный. Онъ безпрестанно говорилъ о Берлинѣ и Фридрихѣ Великомъ, котораго зналъ лично. Хотя одѣвался въ старинный польскій костюмъ и по званію своему былъ землемѣромъ и архитекторомъ, но по всему видно было, что онъ служилъ въ военной службѣ, и—какъ предполагали—въ Пруссіи. Графъ Потоцкій прислалъ его въ Умань, какъ архитектора и инженера, для возведенія крѣпости и городскихъ зданій, для основанія базиліянскаго монастыря и отвода дарованныхъ ему земель и имѣній. Шафранскій одинъ не потерялся въ самый день уманской рѣзни, и еслибъ польскіе дворяне, защищавшіе вмѣстѣ съ евреями городъ, не перепились до пьяна, можетъ быть единственно за недостаткомъ въ Умани воды, и еслибъ они дѣйствовали также добросовѣстно и самоотверженно, какъ дѣйствовали робкіе и никогда не бравшіе въ руки ружья евреи, которыхъ Шафранскій поощрялъ и училъ стрѣлять, то Умань, можетъ быть, была бы спасена, благодаря дѣятельности и распорядительности Шафранскаго и удивительной отвагѣ, съ которою дѣйствовали евреи, робкіе и не воинственные по природѣ.

Этого Шафранскаго, вмѣстѣ съ казначеемъ Рогашевскимъ, Младановичъ послалъ за городъ узнать расположеніе табора, собравшагося у Грекова, и сосчитать число этихъ несчастныхъ таборитовъ. Шафранскій воротился и увѣдомилъ, что въ таборѣ находится до шести тысячъ человѣкъ, но что число это постоянно возрастаетъ.

Нѣсколько дней, какъ видно, гайдамаки боялись идти прямо на Умань и оставались въ нерѣшимости, не смотря на то, что они уже заручились союзомъ уманскихъ казаковъ. Нерѣшительность эта выражается и въ народной пѣснѣ объ

„уманской бѣдѣ.“ Гайдамаки обращаются къ своимъ отцамъ-начальникамъ:

Ой, батьки-начальники,
Що то буде зъ нами?
Здается, що наше житье мине,
И насъ візьмутъ зъ вами.

На это Желѣзнякъ отвѣчаетъ твердой увѣренностью, что имъ нечего бояться, что они еще дадутъ Умани крови пить:

Не тужіте, мої діти,
Не журітесь, бистрні орленята!
Ще ми дамо Уманеві крові пити,
Ще дадуть намъ горілки ляхи й жидинята.

Тогда гайдамаки съ своей стороны выражаютъ, что съ Желѣзнякомъ имъ бояться нечего и что съ нимъ они готовы идти въ адъ:

Охъ, батьку Максиме, прости,
Ми й забули, що ми зъ тобою:
Кажи, вели куди йти,
А ми хоть въ пекло зъ тобою.

Тутъ они спрашиваютъ Желѣзняка, называя его „полковникомъ“,—кого прежде имъ начать бить, а кого брать въ плѣнъ. Желѣзнякъ объясняетъ, что бить будутъ ляховъ, а жидовъ будутъ крестить саблями, потому что „ляшина—превража дитина“, а робкій еврей, „жидовинъ—зайцеві дружина“. Онъ говоритъ, что съ евреемъ можно все сдѣлать: и послать куда нужно, и ободрать его, а „вражаго ляха не ужуешь.“ Далѣе гайдамаки говорятъ:

Охъ, Максиме Железняку!
Ходімо въ Смілу ляхівъ гафтовати.
А після тої поживи
Підемъ Уманъ штурмовати.

Отвѣчая на это, Желѣзнякъ одно твердитъ, именно то, что нашептываетъ ему его религіозный и казацкій фанатизмъ:

Ой, ходімо, діти, Умань штурмовати
И свою братську кровъ відъ католика відбивати.

23 апрѣля гайдамаки присутствовали при освященіи ножей въ лебединскомъ монастырѣ, а 8 іюня они были подъ Уманью и готовились этими ножами вырѣзать всѣхъ „до ноги.“

XVII.

Шафранскій, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ, избралъ для своего пребыванія одну изъ башень, находившихся около экономическаго дома, и выбралъ самую высокую изъ нихъ, съ которой бы виднѣе было въ подзорную трубу наблудать окружающія городъ окрестности. Тамъ онъ занимался своими математическими работами.

8 іюня утромъ, по направленію къ Грекову, показалось облако пыли. Шафранскій прибѣжалъ къ Младановичу и объявилъ, что въ зрительную трубу онъ замѣтилъ, какъ вдали показался полкъ уманскихъ казаковъ, который приблизился къ Грекову и тамъ у лѣска остановился. „Сердца наши—говоритъ Вероника Кребсъ — наполнились страхомъ

и надеждою.“ Всѣ съ радостью предполагали, что уманскій полкъ, разбивъ гайдамацкое ополченіе, возвращался въ Умань, или же, въ крайнемъ случаѣ, что казаки спѣшатъ на защиту своего города, къ которому скоро должны подойдти гайдамаки. Но радость и надежда тотчасъ смѣнились отчаяньемъ, когда, вслѣдъ затѣмъ, вновь сбѣжалъ съ башни Шафранскій и принесъ печальную вѣсть, что онъ замѣтилъ толпу конныхъ, приближающихся туда же, и притомъ въ различныхъ одеждахъ и различно вооруженныхъ. Видно было, что это уже не уманскіе казали, которые имѣли извѣстную мундирную форму и однообразное вооруженіе, одинаковыхъ лошадей. Шафранскій видѣлъ, какъ предводитель этой новой толпы, приблизившись къ Гонтѣ (котораго Шафранскій узналъ) и сошедши съ лошади, привѣтствовалъ его какъ пріятеля, что они подали другъ другу руки и обнялись. Но полковника Обуха между ними не было видно. Наступила страшная тревога, потому что уже не оставалось сомнѣнія, что Гонта соединился съ Желѣзнякомъ и что этотъ послѣдній прибылъ къ Умани по слѣдамъ Гонты. Это страшное опасеніе окончательно подтвердилось, когда вся эта нестройная орда, вмѣстѣ съ уманскими казаками бросилась на таборъ у Грекова и начала всѣхъ колоть и вырѣзывать „до ноги“, какъ выражаются свидѣтели этой страшной сцены. А свидѣтели эти дѣйствительно видѣли эту рѣзню изъ города, но ничего не могли сдѣлать для спасенія убиваемыхъ, потому что сами ждали той же участи.

Шафранскій не ошибся: то были гайдамаки. Отчаянье вынуждало прибѣгнуть къ защитѣ, хотя надежда на успѣхъ была менѣе, чѣмъ сомнительна. При слабости и нерѣшительности губернатора, Шафранскій самъ принялъ въ свои руки

защиту города и тотчасъ же распорядился обороной, какъ главный командиръ. Онъ тотчасъ же роздалъ оружіе евреямъ и поставилъ ихъ у палисадовъ, приказывая стрѣлять, лишь только гайдамаки покусятся приблизиться. Въ башенныхъ воротахъ, при пушкахъ, онъ поставилъ надворную пѣхоту и самъ распоряжался дѣйствіемъ артилеріи. Хорошо вооруженные пѣшіе казаки — "лизни" — также посажены имъ за палисадами вмѣстѣ съ еврейскими стрѣлками. Мосты, которые вели въ городъ, были подняты.

Гайдамаки, вырѣзавъ таборъ, подступили къ городу. Нѣкоторые изъ нихъ, переходя предмѣстья, бросались къ воротамъ, но картечь остановила ихъ, и они, подобравъ раненыхъ, съ воплемъ бросились назадъ. Тогда нахлынула гораздо бо́льшая толпа — и это уже были не только гайдамаки, но и измѣнившій Умани казацкій полкъ. Одна часть толпы бросилась къ палисадамъ, другая къ крѣпостнымъ воротамъ, намѣреваясь штурмомъ взять или башни, или деревянныя стѣны. Но изъ башень ихъ посыпали картечью изъ пушекъ жолнѣры, а изъ-за палисадовъ били ихъ ружейными выстрѣлами евреи и „лизни", которые просовывали ружья въ отверстія, сдѣланныя въ палисадахъ, и пускали пули прямо въ толпу. Робкіе евреи, не смотря на свою національную антипатію къ войнѣ, дѣйствовали отлично, и сами поляки отдавали имъ справедливость въ той энергіи, съ которою они исполняли обязанность стрѣлковъ ([1]). Отбиваемые картечью и ружейнымъ огнемъ, гайдамаки съ бѣшенствомъ спускались внизъ отъ замка, рыскали по предмѣстьямъ и

([1]) „Żydzi czynnie i gorliwie przyczyniali się do obrony i wszelkie rozporządzenia Szafrańskiego wypełniali."

убивали безъ разбору попадавшійся имъ на встрѣчу народъ, и поляковъ, и мѣщанъ. Потомъ гайдамаки съ новой силой бросались на башни и палисады, и вновь были отбиваемы.

Эти отчаянныя нападенія и эта защита тянулись очень долго, между тѣмъ какъ гайдамацкія ядра и пули летали уже въ городѣ и падали между народомъ. Ни гайдамаки, ни осажденные ими поляки и евреи, по видимому, не уставали и на первое время всѣ дѣйствовали съ полною энергіею. Конфедераты съ своей стороны отважно помогали защитѣ города. Къ этой стойкости, говорятъ, въ началѣ осады города, поощряли всѣхъ и прусаки, которые прибыли въ Умань, въ числѣ пятидесяти человѣкъ, за ремонтомъ лошадей, но когда приготовленія къ битвѣ уже были готовы, они, не имѣя приказанія отъ своего начальства на участіе въ битвѣ съ той или другой стороны, спокойно ретировались въ тѣ ворота, которыя не были атакованы гайдамаками.

„Защищаться было легко—говоритъ Тучапскій—ибо имѣлись пушки осадныя и полевыя, множество оружія и довольно пороху, картечи и пуль.“

Атака продолжалась, такимъ образомъ, цѣлый день и всю слѣдующую ночь. Но вдругъ „лизни“, наскучивъ трудною обороною и вѣроятно сомнѣваясь въ успѣхѣ, такъ какъ гайдамаки рѣшительно не показывали признака утомленія,—перелѣзли черезъ ограду и соединились съ разбойниками. Мало того, арестанты, сидѣвшіе въ уманской тюрьмѣ, оставленные, во время штурма, безъ надзора, разломали колодки, разбили тюремныя двери и также передались гайдамакамъ.

Во время этой осады, ректоръ Костецкій и другіе католическіе и уніятскіе священники, видя всеобщій ужасъ и

уныніе, вышли изъ церквей въ полномъ облаченіи, и предшествуемые святыми дарами, въ продолженіе двадцати восьми часовъ ходили по улицамъ съ пѣніемъ и молитвами. Ихъ сопровождали вопли, слезы и крики слѣдовавшаго за ними народа. Гайдамаки завладѣли уже форштатами и стрѣляли оттуда по городу. „Я помню — говоритъ Вероника Кребсъ — что пули изъ предмѣстья Турокъ, лежавшаго на возвышеньѣ, но ниже стараго города, долетали до насъ, слѣдовавшихъ за крестнымъ ходомъ,“ но только никого не убили. Несчастные осажденные—замѣчаетъ съ своей стороны Липоманъ—почитали это предсказаніемъ благопріятнаго исхода обороны. Шафранскій, видя малое число шляхты и измѣну лизней, не переставалъ учить и поощрять жидовъ стрѣлять чрезъ палисады. Но въ это время гайдамаки со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень, изъ Помыйника, Маньковки, Ивановки, Полковничей и другихъ, нагнали цѣлыя толпы крестьянъ, которые бросились на палисады и начали подрубывать сваи. „Въ столь грозный часъ опасности — продолжаетъ Вероника Кребсъ—мужество многихъ поколебалось, и неудивительно: кромѣ трудной защиты обширнаго города и страха неумолимаго и дикаго врага, къ тому же еще дни были знойные, а воды въ городѣ ни капли. Жажда, а быть можетъ и отчаянье, заставило дворянъ пить вино, медъ и наливки, которыми вели торговлю евреи, и большое ихъ количество хранили всегда въ погребахъ. Это иногда уничтожало всякій порядокъ. Одинъ Шафранскій не терялъ духа: онъ вездѣ былъ лично, и правду сказать — онъ одинъ и распоряжался“ (въ этомъ случаѣ уже разскащица не можетъ скрыть полной бездѣятельности своего отца, который, какъ видно по послѣдующимъ его дѣйствіямъ, окончательно поте-

рялъ голову). „Гдѣ былъ тогда командиръ регулярнаго, пѣхотнаго отряда, поручикъ Ленардъ—не знаю. Что дѣлали конфедераты? почему они, привыкшіе къ битвамъ, не защищали Умани, трудно сказать. Шафранскій жаловался на эту толпу дворянства и въ упрекъ ставилъ имъ примѣръ жидовъ, твердо державшихъ свои посты, не смотря на труды и раны. Со стороны гайдамаковъ видно было, что только Желѣзнякъ дѣйствовалъ, ибо онъ ни на минуту не оставлялъ предмѣстій.“

Но и въ этомъ отчаянномъ положеніи осажденные все еще держались. Хотя Желѣзнякъ и зналъ, что взять Умань было не такъ легко, какъ всѣ другіе города, имъ уже взятые и разоренные, однако онъ не ожидалъ такого упорнаго сопротивленія, не смотря на то, что на его сторонѣ было уже все уманское войско. Объ этомъ упорствѣ осаждаемыхъ говоритъ и пѣсня, прославляющая подвиги Желѣзняка:

Ой пішовъ Желізнякъ до ворітъ,
Та й здибавъ три копи клопітъ.

Это единственное мѣсто въ пѣснѣ, гдѣ сами гайдамаки сознаются, что у замковыхъ воротъ Умани они встрѣтили „три копы хлопотъ.“ Въ другихъ мѣстахъ они только хвалятся своими удачами и своей жестокостью. Въ то время, когда изъ замка еще отражали ихъ нападенія выстрѣлами изъ пушекъ и ружей, они уже успѣли завладѣть всѣми предмѣстьями, и Асташевымъ, и Бабанкой, и Туркомъ, и Новымъ Мястомъ. Весь городъ былъ въ ихъ рукахъ, а оставался цѣлъ только замокъ (stare miasto), господствовавшій надъ всею мѣстностью, да овраги и палисады, которые гай-

дамаки хотя и подрубали и подкапывали, однако въ самый замокъ не могли ворваться, а между тѣмъ насчитывали все большее и большее число убитыхъ и раненыхъ своихъ товарищей. Гонта, знавшій лучше своихъ товарищей оборонительныя средства города, по видимому выжидалъ: онъ зналъ, что тамъ пить нечего осажденнымъ, такъ какъ въ городѣ не было ни капли воды; онъ же зналъ сколько въ уманскомъ цейхгаузѣ артилерійскихъ и ружейныхъ припасовъ; онъ зналъ болѣе какого количества зарядовъ городъ не можетъ выпустить, и когда должна будетъ по необходимости умолкнуть канонада. Онъ вѣрно разсчиталъ это, и медлилъ, вполнѣ увѣренный, кромѣ того, что Умани ждать помощи не откуда, по крайней мѣрѣ на первое время, а до той поры осажденные сами попросятъ пощады.

Дѣйствительно, 9 іюня, около втораго часа пополудни, Шафранскій увидѣлъ, что у него не осталось уже ни одного пушечнаго заряда. Запасъ былъ небольшой, а между тѣмъ во все время осады изъ города безпрестанно стрѣляли по осаждающимъ картечью, и только этимъ прогоняли ихъ, а потому на третій день осады стрѣлять уже было нечѣмъ. Дольше отражать нападенія оставалось невозможнымъ. Въ это время и Гонта, вѣроятно сообразивъ, что средства обороны города истощились, а также разсчитывая, что при помощи хитрости легко завладѣть замкомъ, приблизился къ замковымъ воротамъ со всѣми своими „началами“ и со всѣми признаками того, что онъ желаетъ вступить въ переговоры съ осажденными. Тучапскій говоритъ, что, сидя на лошади, Гонта, въ знакъ мира и безопасности для города, показывалъ осажденнымъ бѣлый платокъ на пикѣ, а другой такой же послалъ къ Младановичу, приказавъ сказать ему,

что такъ какъ онъ обѣщалъ вѣрность помѣщику и городу, то и теперь не намѣренъ дѣлать имъ никакого вреда, лишь бы его съ казаками впустили въ замокъ. Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ самымъ жестокимъ мщеніемъ. Слѣдуетъ припомнить, что къ подобному же парламентерскому средству, для обмана поляковъ, прибѣгли гайдамаки и въ Лисянкѣ, гдѣ имъ вполнѣ удалась ихъ злая выдумка. Здѣсь произошло тоже. Гайдамацкіе посланцы говорили, хотя просто, но такъ хитро, что убѣжденный ими губернаторъ не позволилъ, или—какъ говорятъ другіе—рѣшительно запретилъ защищать городъ. Тогда-то, по словамъ очевидца-монаха, осажденные, не надѣясь спасти жизнь свою, тщились только о спасеніи души, а потому одни въ базиліянской церкви, другіе въ приходской исповѣдывались и получили полное разрѣшеніе грѣховъ, какъ передъ смертью. Иные же, не помѣщаясь въ церквахъ, пріобщены были святыхъ тайнъ чрезъ базиліянъ на рынкѣ или на улицахъ. Ужасъ объялъ всѣхъ, страхъ извлекалъ слезы и стоны, всѣ другъ съ другомъ прощались, какъ бы разставаясь на вѣки (что̀ дѣйствительно и случилось). Тучапскій присовокупляетъ, что капитанъ Ленардъ и хорунжій Марковскій не соглашались съ Младановичемъ на сдачу города и хотѣли изъ пушекъ и ружей стрѣлять по идущимъ къ воротамъ гайдамакамъ; но губернаторъ опять-таки запретилъ. Послѣ недолгаго спору, ворота были отперты.

Въ фактической точности этихъ показаній мы сомнѣваемся. Ни Ленарду, ни Марковскому спорить съ губернаторомъ не приходилось, потому что стрѣлять было нечѣмъ. Притомъ же, какъ видно и изъ предыдущихъ свѣдѣній, защитой замка распоряжался Шафранскій, чего и не скрываетъ дочь

Младановича, знавшая, что отецъ ея такъ растерялся, что не могъ дѣйствовать. А что касается до Ленарда и Марковскаго, то она—Вероника—сама же спрашиваетъ гдѣ они были и что дѣлали конфедераты? Если бы они были на виду и дѣйствовали какъ Шафранскій, то свидѣтельница всѣхъ ужасовъ, происходившихъ въ Умани, Вероника Кребсъ, все время осады вмѣстѣ съ другими слѣдовавшая за крестнымъ ходомъ, не стала бы спрашивать гдѣ были въ то время Ленардъ и Марковскій, которые тотчасъ же успѣли бѣжать изъ города, лишь только ворота его были отворены для осаждавшихъ.

Вообще Вероника Кребсъ разсказываетъ исторію сдачи города нѣсколько иначе и, по нашему мнѣнію, правдоподобнѣе Тучапскаго.

Она говоритъ, что когда Шафранскій замѣтилъ, что боевые запасы истощены и отстаивать замокъ уже невозможно и что съ своей стороны Гонта приблизился къ замку, онъ посовѣтовалъ Младановичу испытать средства къ примиренію. Рѣшились дѣйствовать на слабую сторону Гонты, на которую дѣйствовалъ и Желѣзнякъ, переманивая его на свою сторону—именно на непомѣрное честолюбіе сотника. Младановичъ и Шафранскій для этой цѣли приказали мѣщанамъ выйдти на встрѣчу къ Гонтѣ съ хлѣбомъ, солью и подарками, а Младановичъ долженъ былъ войдти съ нимъ въ переговоры. Шафранскій же, какъ бы не желая никакихъ сношеній съ измѣнникомъ, долженъ былъ показывать видъ запальчивости и непреклонности. Когда Младановичъ выйдетъ за ворота, вмѣстѣ съ прочими депутатами отъ города, для встрѣчи Гонты, Шафранскій долженъ былъ стоять у пушекъ съ зажженными фитилями, и, когда приблизится Гонта, онъ

долженъ былъ показать видъ, что хочетъ приложить фитиль къ пушкѣ, чтобы выстрѣлить, а Младановичъ долженъ былъ удержать его руку ([1]).

Совѣтъ Шафранскаго былъ принятъ и все было сдѣлано какъ онъ предполагалъ сдѣлать, но все было напрасно.

Ворота были отворены. Младановичъ, сопровождаемый властями города и почетнѣйшими обывателями, съ хлѣбомъ и солью, вышелъ къ приближавшимся Гонтѣ и Желѣзняку. Но они, зная состояніе гарнизона и недостатокъ въ боевыхъ припасахъ и водѣ, съ презрѣніемъ отвергли всѣ условія. Гонта не хотѣлъ даже говорить съ Младановичемъ и, отвернувшись ([2]) отъ него, въѣхалъ въ городъ. Младановичъ, отступивъ отъ него и обратившись къ своимъ, сказалъ: „Нѣтъ никакой надежды—надо поручить себя Богу и погибать.“

Толпы гайдамаковъ тотчасъ же ворвались въ городъ, поставили свои караулы у обѣихъ церквей и у еврейской синагоги, окружили ратушу со всѣхъ сторонъ и разсѣялись по городу. Но убійство еще пока не начиналось. Младановичъ прибѣжалъ къ своему семейству и сказалъ съ отчаяньемъ: „Я говорилъ съ Гонтою. Нѣтъ никакой надежды—остается поручить себя Богу и умирать.“ Тогда-то поднялись вопли

([1]) Липоманъ же сомнѣвается, чтобы Шафранскій могъ подать такой совѣтъ, когда онъ самъ и вооружалъ евреевъ, и отражалъ бунтовщиковъ пушечною пальбою и ружейнымъ огнемъ, а потомъ и самъ оборонялся съ оружіемъ въ рукахъ до послѣдней минуты своей жизни, когда городъ уже былъ взятъ, когда все въ немъ было вырѣзано и оставался нетронутымъ почти одинъ Шафранскій. Lip. § VII.

([2]) Липоманъ говоритъ даже, что Гонта «oburzył się na Mładanowicza.»

и стоны, еще болѣе раздирающіе, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни. Младановичъ и все его семейство, а также духовенство, бросились въ базиліянскую домовую церковь, „чтобы въ этихъ, Богу посвященныхъ зданіяхъ, положить животъ свой.“ Остальные католики и уніяты толпились въ своей приходской церкви. Евреи заперлись въ своей синагогѣ, кто могъ въ ней помѣститься.

— Ну-те, братці, пора начинати діло, сказалъ Гонта, посовѣтовавшись съ Желѣзнякомъ и видя, что весь замокъ былъ уже въ ихъ рукахъ.

Тогда начались убійства во всѣхъ концахъ города, и при этомъ совершались такія жестокости, которыхъ, по словамъ очевидца, случайно спасшагося, и описать невозможно. Первыми жертвами гайдамаковъ были тѣ, которые попались на площади: ихъ кололи, рѣзали, убивали на улицахъ и по домамъ, безъ всякаго сожалѣнія къ лицамъ, къ ихъ просьбамъ и слезамъ. Несчастныхъ дѣтей подкидывали вверхъ или съ крышъ бросали на пики, и пробитыхъ такимъ образомъ, если они оставались еще живы, добивали чѣмъ попало. Плачъ, крики и моленія наполняли воздухъ. Тамъ стонали беременныя женщины, которымъ пороли животы, чтобы вырванный плодъ убивать жестокимъ образомъ. Остальная, неизмѣнившая милиція и конфедераты защищались еще, но недолго, бывъ лишены предводителей. Ленардъ, тотчасъ послѣ открытія воротъ, ускользнулъ изъ города. Оставшіеся конфедераты, убивъ и ранивъ многихъ гайдамаковъ, всѣ безъ исключенія были истреблены.

Народное преданіе разсказываетъ, что этой страшной рѣзнѣ предшествовали торжественныя похороны, которыя гайдамаки велѣли своимъ жертвамъ справить по себѣ еще при жизни.

Это опять-таки было то злое глумленіе надъ несчастными, которое гайдамаки дѣлали въ Черкасахъ надъ двѣнадцатью еврейками, а въ Лисянкѣ надъ ксендзомъ и евреемъ, повѣшенными на одну балку съ собакой. Преданіе говоритъ, что когда гайдамаки взяли Умань, то сѣли на стульяхъ посреди города и велѣли позвать къ себѣ духовныхъ. Къ нимъ привели базиліянъ. Атаманъ и говоритъ:

— Ну что, паны-отцы? Мы васъ слушаемся: послушайтесь же вы насъ хоть одинъ разъ, и мы васъ наградимъ.

— Что прикажете, вельможные паны? говорятъ базиліяне, дрожа отъ страху.

— Возьмите вы кресты, пройдите по улицамъ и справьте похороны.

Базиліяне взяли кресты и пошли по улицамъ, отправляя свои похороны. Народъ плачетъ по всему городу. И базиліяне, отправляя похороны, плачутъ.

Когда кончилась похоронная процесія, атаманъ наградилъ базиліянъ червонцами и обратился къ гайдамакамъ:

— Ну что, молодцы, видите какіе хорошіе жупаны на панахъ? А у васъ, бѣдныхъ, иной разъ и рубашки нѣтъ. А нуте-ка, принимайтесь за дѣло.

Тогда уже и началась рѣзня ([1]).

Самъ Гонта съ другими сотниками и цѣлою толпою казаковъ подошелъ къ базиліянскому монастырю, гдѣ скрывался Младановичъ и другіе, ожидавшіе смерти католики. Остановясь у церковныхъ дверей, Гонта приказалъ, чтобы Младановичъ и подскарбій Рогашевскій явились къ нему. У Младановича была жена, 84 лѣтняя мать, четыре сестры,

---

([1]) Кулишъ, Записк. о Южной Руси.

*

два шурина, трое дѣтей, въ томъ числѣ Вероника, разсказомъ которой мы теперь пользуемся, и нѣсколько племянниковъ. Рогашевскій имѣлъ жену и четырехъ дѣтей. Прежде вызвали Младановича ([1]). Онъ вышелъ на церковную паперть и вмѣстѣ съ женою и дѣтьми подошелъ къ Гонтѣ. Вероника была около отца и хорошо слышала что онъ говорилъ Гонтѣ:

— Пане Гонто! (сказалъ онъ)—ты уже много милостей получилъ отъ нашего пана, и получишь еще больше, когда его имѣнія и этотъ городъ спасешь отъ новыхъ бѣдствій.

Не знаю, что отвѣчалъ Гонта—замѣчаетъ дочь Младановича—но я помню свирѣпое выраженіе лица его.

Говорятъ, что Гонта, указавъ Младановичу на убійцъ и на бывшій лагерь у Грекова, сказалъ:

— Дивись, панъ подстолій, якъ гуляють.

Тогда Младановичъ, обращаясь къ другому уманскому сотнику, изъ села Хващеватой, Ереміи Панку, сказалъ въ полголоса:

— Пане Еремо, спасай насъ.

— Нехай васъ Богъ ратуе, а я уже васъ не обороню, отвѣчалъ тотъ со слезами.

Младановичъ, услышавъ это, обратился къ Вероникѣ, какъ къ старшей дочери, имѣвшей 18 лѣтъ, и, возлагая на нее снятую съ себя небольшую икону Божіей Матери, сказалъ: „Это наслѣдіе моихъ предковъ. Пусть Пресвятая Дѣва, здѣсь изображенная, защититъ тебя. Если переживешь наше бѣд-

---

([1]) Липоманъ говоритъ только, что въ костелѣ «dał się słyszeć głos jakiegoś z tych zbójców naczelnika, iżby wyszedł z kościoła do Gonty komisarz i kassyer z cała rodzina».

ствіе, то храни свято послѣдній даръ мой.“ Потомъ, вынувъ кошелекъ и положивъ его въ карманъ Вероники, присовокупилъ: „Вотъ все, что тебѣ могу оставить.“ Это былъ кошелекъ съ золотыми деньгами. Но тутъ Гонта крикнулъ, чтобъ оба семейства, и Младановичей, и Рогашевскихъ, увели прочь.

Были причины, по которымъ Гонта такъ ожесточенъ былъ противъ Младановича. Потоцкій, узнавъ о волненіяхъ на Украинѣ и желая обезопасить свои имѣнія, особенно Умань, за нѣсколько недѣль до взятія этого города гайдамаками, написалъ Гонтѣ очень ласковое письмо (1) и обѣщалъ ему подарить въ полную собственность хутора (folwarki), которыми уже владѣлъ Гонта, а двѣ деревни оставить ему въ пожизненное владѣніе, если онъ въ охраненіи Уманщизны, и въ особенности Умани, останется вѣрнымъ и старательнымъ (2). Младановичъ изъ зависти ли, или изъ презрѣнія къ Гонтѣ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, письма этого ему не отдалъ и даже не сказалъ объ немъ ничего. Но Гонта какимъ-то образомъ узналъ объ этомъ письмѣ, когда еще не выходилъ противъ гайдамаковъ, а потомъ, когда имущество Младановича было разграблено и принесено къ Гонтѣ, между разными бумагами найдено было и это письмо, за которое Гонта и возненавидѣлъ Младановича. Онъ велѣлъ привести къ себѣ губернатора и со злобой сказалъ ему:

— „Зрадца! измѣнникъ! почему ты не показалъ мнѣ этого письма? Что ты выигралъ, утаивъ его? Ты далъ поводъ ко всѣмъ этимъ жестокостямъ! Ты (показывая на трупы)

---

(1).... „pełen łaskawych wyrazów list.“
(2).... „wiernym, czułym i starannym.“

причина разлитія этой крови!“—и ударилъ его саблею по открытой головѣ.

Окровавленный Младановичъ упалъ у ногъ Гонты и тутъ же изрубленъ былъ въ куски казаками. Его жена и остальное семейство, за исключеніемъ дочери Вероники и маленькихъ сыновей, не смотря на просьбы и горькія слезы, были раздѣты до нага и среди безстыдныхъ ругательствъ и насмѣшекъ исколоты пиками. Тутъ же разбойники привели эконома уманскаго замка, Скаржинскаго, босаго и одѣтаго въ рубище, и не смотря на то, что Гонта хотѣлъ защитить его, крестьяне, которыхъ онъ по своей должности иногда наказывалъ, требовали, чтобъ онъ былъ убитъ. И онъ былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ (z tłumu zażartego pospolstwa).

Вероника Кребсъ говоритъ, что когда ее увели отъ отца, она почти безъ памяти прошла на церковный дворъ. Но тутъ кто-то ударилъ ее пикою и она упала. Ударившій поднялъ ее за волосы, чтобы отнять отцовскія деньги. „Я думала— говоритъ она — что уже пришелъ мой послѣдній часъ, что онъ убьетъ меня, но толстый на косточкахъ корсетъ, который тогда носили, спасъ меня отъ смерти: пика причинила мнѣ только легкую рану.“

Вскорѣ пригнали къ нимъ еще большую толпу людей, и они всѣ, посреди мертвыхъ тѣлъ, брошенныхъ на улицахъ, добрались до „комисарни,“ которая была огорожена палисадомъ на подобіе замка. Вероника Кребсъ говоритъ, что съ нею была одна ея тетка, дѣвица, которая занималась ея воспитаніемъ. Вероника и десятилѣтній братъ ея, Павелъ, держались этой тетки и среди двора ожидали такимъ образомъ своей участи. Когда тамъ набралось довольно дворянскихъ и еврейскихъ дѣтей, согнанныхъ гайдамаками, то всѣхъ

ихъ повели въ церковь св. Николая, чтобы обращать въ православіе. Тетка Вероники, услышавъ это, упала на колѣни и воскликнула: „я хочу лучше умереть, нежели измѣнить вѣрѣ, въ которой родилась.“ Но она не успѣла выговорить этихъ словъ, какъ сторожъ губернаторскаго дома однимъ ударомъ топора убилъ ее на мѣстѣ ([1]). „Тутъ уже я совсѣмъ лишилась чувствъ—говоритъ Вероника — и не знаю какъ очутилась въ церкви, среди поддерживавшихъ меня мѣщанокъ, а брата моего увидѣла на рукахъ у какого-то казака.“

Тогда началось крещеніе католиковъ и евреевъ. Крещеніе это происходило при колокольномъ звонѣ, среди священныхъ хоругвей. Священникъ дрожалъ отъ страху, совершая это странное крещеніе,—и нельзя было не дрожать: другой священникъ, который отказался совершать этотъ обрядъ, былъ убитъ. Кумовьями были тѣже самые гайдамаки, которые согнали въ церковь толпу православныхъ по неволѣ. Когда начали крестить дѣтей Младановича, старикъ-священникъ, совершавшій этотъ обрядъ, съ горькими слезами спросилъ: „Гдѣ же воспріемники отъ купели?“ Толпа казаковъ закричала: „христить! христить! Желѣзнякъ и Гонта кумы!“

Послѣ церемоніи всѣхъ перекрещенцевъ погнали въ казармы, гдѣ прежде содержались преступники. Туда они шли буквально по трупамъ. Въ казармахъ было уже такое множество народа и такая тѣснота, что даже стоять свободно нельзя было. Крики убійцъ, вопли и стоны убиваемыхъ раздавались безпрестанно. Уже смеркалось, когда Вероника уви-

---

([1]) Липоманъ, говоря, что эта женщина «od chłopa miała rozcięta głowę i tak życie skończyła», прибавляетъ, что подобныхъ жертвъ (ofiar) пало еще двѣ.

дѣла, что какой-то молодой казакъ пробивался въ толпѣ и громко спрашивалъ: „Есть тутъ діти Младановича?“ Когда онъ приблизился, Вероника узнала въ немъ старшаго сына Рогашевскаго, бывшаго казначея, который уже былъ убитъ въ этотъ день. Молодой Рогашевскій былъ переодѣтъ въ казацкое платье, и потому не могъ возбуждать въ гайдамакахъ подозрѣнія. Онъ разсказалъ, что ни родителей Младановичъ, ни его собственныхъ родителей и даже никого изъ родныхъ не осталось въ живыхъ. Всѣхъ ихъ привели къ дому городскаго головы (wojta) Игната Богатаго, гдѣ поселились Желѣзнякъ и Гонта, и тамъ немедленно приговорили къ смерти и казнили: всѣхъ этихъ несчастныхъ, безъ различія пола и возраста, покололи пиками. Молодаго же Рогашевскаго, вмѣстѣ съ его двумя младшими братьями, спасъ одинъ казакъ изъ той деревни, которая дана была Потоцкимъ Рогашевскому вмѣсто жалованья. Этотъ казакъ схватилъ ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы убить на просторѣ, а между тѣмъ спряталъ на время въ какомъ-то подвалѣ. Вскорѣ потомъ этотъ казакъ воротился въ подвалъ, принесъ Рогашевскому казачій нарядъ и пику и совѣтовалъ „погулять“ подобно прочимъ. А маленькихъ братьевъ спряталъ на предмѣстьѣ у какого-то поселянина ([1]).

Липоманъ говоритъ, что не одинъ Рогашевскій спасся подобнымъ образомъ. Злоба гайдамаковъ направлена была на поляковъ и на евреевъ, а потому, чтобы спастись, надо было скрыть свое польское или еврейское происхожденіе и свой

([1]) Липоманъ говоритъ, что молодой Рогашевскій, когда явился въ казармы, чтобы спасти дѣтей Младановича, то именемъ Гонты приказалъ, чтобъ никого изъ крещеныхъ не убивали.

шляхетскій или еврейскій обликъ и выговоръ. Въ пугачевщину такимъ образомъ спасались отъ смерти дворяне, одѣваясь въ крестьянское платье и пачкая себѣ лице и руки, чтобъ они казались загрубѣлыми, мужицкими. Такъ и поляки дѣлали въ Умани. Иные изъ шляхтичей, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, особенно знавшіе нѣкоторыя православныя молитвы и умѣвшіе пѣть русскія пѣсни, выдавали себя за крестьянъ, и такимъ образомъ избѣжали смерти. Липоманъ прибавляетъ, что особенно спасительнымъ въ этомъ случаѣ оказывалось пѣніе или молитва о святомъ Николаѣ ([1]). Были случаи, что гайдамаки и уманскіе казаки, присутствовавшіе при крещеніи шляхтянокъ и евреекъ, выбирали себѣ тѣхъ, которыя имъ нравились, и женились на нихъ; другіе же брали себѣ знакомыхъ мужчинъ и посредствомъ крещенья старались избавить ихъ отъ смерти; третьи же просто изъ жалости заступались за незнакомыхъ, крестили ихъ и потомъ выпускали на свободу. Но бывали и такіе случаи, что казаки убивали евреекъ уже окрещенныхъ, особенно когда узнавали о ихъ родителяхъ, на которыхъ прежде, во время стоянокъ въ Умани, казаки могли имѣть какое-либо неудовольствіе.

Но самыя страшныя жестокости ожидали базиліянъ, спрятавшихся въ своемъ костелѣ, и евреевъ, запершихся въ синагогѣ. Тучапскій, какимъ-то чудомъ спасшійся отъ смерти, такъ описываетъ нападеніе гайдамаковъ на католическія церкви: „Когда уже не осталось никакого сопротивленія, гайдамаки бросились какъ бѣшеные—одни въ базиліянскую, а

([1]) ...«umiejący dobrze pacierze i spiewać ruskie pieśni, osobliwie o s. Mikołaju». Какія это молитвы и пѣсни?

другіе въ приходскую католическую церковь (kościoł farny). Въ сей послѣдней одинъ изъ атамановъ вбѣжалъ на амвонъ, и тамъ, ругая безстыднымъ образомъ присутствующихъ дворянъ, осмѣивая святые обряды и литургію, богохульствуя, ругаясь даже надъ святыми тайнами, иконами и вѣрою латинскою, закричалъ на своихъ: „Ну-жъ, братці, убивайте!“ гайдамаки ринулись на самыхъ важнѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей. Настоятель церкви, отецъ Вадовскій, приколотъ копьями у самаго алтаря. Дворянъ—однихъ обнажали и топорами рубили, другихъ пиками, ножами, дубинами смерти предавали. Сѣдовласыхъ старцевъ за волосы вытаскивали, женщинъ (delikatne damy) публично безчестили и убивали. Дѣтей въ куски раздирали. Тоже происходило въ церкви базиліянской (kaplica ks. bazylianów). Ранивъ ружейными выстрѣлами отца ректора Костецкаго, когда онъ, не смотря на свои мученія, разбросанные по землѣ для поруганія святые дары (hostiae) собиралъ и съѣдалъ, пиками добили и въ канаву бросили. Другихъ базиліянскихъ монаховъ, вице-ректора Яна Левицкаго, Илію Магеровича, Епифанія Кахоцкаго, Либерія Очаскаго и Маевскаго, извлекши изъ церкви и раздѣвъ, жестоко били, требуя, чтобы они показали скрытое имущество церковное и то, которое дворянство отдало имъ на сохраненіе (obywatelskie depozyta). Но не нашедъ ничего въ указанномъ мѣстѣ, ибо другіе грабители все расхитили, привязали этихъ монаховъ къ большимъ шестамъ, били ихъ по головѣ, по лицу и по всему тѣлу (po plecach i brzuchu) нагайками, древками отъ пикъ и палками, кололи ихъ, водя съ ругательствами вокругъ ратуши и уже полумертвыхъ отдали подъ стражу въ домѣ мѣщанина и войта Игната Богатаго, гдѣ уже содержались Младановичъ и Рогашевскій.

Но вскорѣ крики фанатиковъ ихъ оттуда вывели, и несчастные были влечены вторично по улицамъ и близъ православной церкви умерщвлены, а послѣ брошены на поруганіе черни“ (1).

Надо замѣтить, что сцену эту описываетъ Тучапскій, монахъ базиліянскаго ордена, свидѣтель этихъ убійствъ, чудесно спасшійся отъ смерти. Можетъ быть, жестокости эти изображены имъ слишкомъ густыми красками. Онъ говоритъ даже, что всѣ эти монахи были взяты изъ дома Игната Богатаго, выведены на улицу и мучительски умерщвлены, „по просьбѣ православнаго священника св. михайловской церкви“, около которой и брошены тѣла замученныхъ базиліянъ. Но во первыхъ, церкви св. Михаила и небыло въ Умани, а православная церковь была тамъ во имя св. Николая (sw. Mikołaja). Во вторыхъ, Липоманъ говоритъ, что базиліяне были взяты изъ-подъ стражи и замучены на улицѣ (2). Тучапскій, какъ врагъ православія, могъ и самъ выдумать эту клевету на извѣстное лице, и могъ слышать ее отъ другихъ. Безъ сомнѣнія, казнь всѣхъ почетныхъ лицъ Умани, взятыхъ подъ арестъ и содержавшихся въ домѣ городскаго войта, Игната Богатаго, гдѣ была квартира Желѣзняка и Гонты, послѣдовала не безъ вѣдома этихъ начальниковъ возмущенія. Такъ молодой Рогашевскій тайно передалъ Вероникѣ Кребсъ, когда она послѣ крестинъ заперта была вмѣстѣ съ прочими въ казарменной кордегардіи, что ея и его отца *приговорили* къ смерти въ домѣ Игната Богатаго, въ квартирѣ Желѣзняка и Гонты, и что тѣла ихъ

---

(1) Скальковскій, Наѣзды гайдамаковъ.
(2) „Za nastaniem jednego z współeczników.“

тамъ же и брошены на улицѣ. Въ этой же главной квартирѣ или въ штабѣ предводителей мятежа, безъ сомнѣнія, послѣдовалъ смертный приговоръ и базиліянскимъ монахамъ, и мисіонерамъ, а только ректоръ Костецкій убитъ въ самомъ костелѣ, когда съѣдалъ святые дары ([1]). Объ измѣнникѣ войтѣ, Игнатѣ Богатомъ, народное преданіе говоритъ, по свидѣтельству Скальковскаго, что „перстъ божій“ наказалъ его вскорѣ по совершеніи жестокостей надъ жителями Умани: черезъ два или три дня послѣ главной рѣзни въ Умани, находясь на банкетѣ съ гайдамаками, онъ умеръ въ самыхъ жестокихъ мученіяхъ: его животъ лопнулъ и вся внутренность вылѣзла наружу.

Еще болѣе страшныя жестокости обрушились на евреевъ. Въ одной синагогѣ перерѣзали ихъ 3000 душъ обоего пола. Страшно было видѣть, говоритъ Тучапскій, какъ они плавали въ собственной крови, безъ рукъ, безъ ногъ, безъ ушей, обнаженные, которые сами просили, чтобы ихъ добивали,—и ихъ добивали собравшіеся изъ ближнихъ селъ поселяне. Многихъ изъ погребовъ, рвовъ и другихъ мѣстъ, гдѣ они скрывались, вытаскивали и какъ стадо животныхъ въ одно мѣсто сгоняли. Тутъ ихъ, самыя даже женщины,

---

([1]) «Г. Скальковскій говоритъ, что въ 1843 году онъ видѣлъ въ уманскомъ монастырѣ одну большую картину, «съ изображеніемъ въ ростъ мученичества несчастнаго Ираклія Костецкаго.» Монахъ, судя по рисунку, былъ еще очень молодъ, бѣлокуръ и имѣлъ весьма кроткую и привлекательную наружность. Подъ картиною была слѣдующая надпись: R. P. Heraclius Kostecky O. S. Basilii, primus collegii Humanensis rector, zelosissimus missionarius, qui magna suae sanctitatis dedit documenta in provincia Russiae, cumsuis sociis, crudeliter occisus, anno D-ni 1768 г. die 9 iunii.»

ожесточенныя примѣромъ мужей, дубинами, ножами, лопатами, серпами рѣзали и убивали, даже дѣтей своихъ къ этой жестокости принуждая.

Г. Скальковскій приводитъ отрывокъ изъ сказанія самихъ евреевъ объ уманскихъ жестокостяхъ. Сказаніе написано очевидцемъ, въ видѣ дневныхъ записокъ о нападеніи гайдамаковъ на Умань, и, при всей наивности и библейской манерѣ описанія, не можетъ не поражать очевидностью фактовъ, которые подтверждаются другими документами. Вотъ что говоритъ еврей—самовидецъ о „третьемъ днѣ“ уманскихъ жестокостей.

„Войдите въ городъ—всѣ жители онаго, евреи и христіане, издаютъ вопли и стоны, даже иностранцы, искавшіе убѣжища въ Умани, падаютъ подъ ножами убійцъ. Такого жалобнаго и ужаснаго плача не слышно было отъ сотворенія міра. Тысячи евреевъ были умерщвлены, малолѣтнія ихъ дѣти, связанныя вмѣстѣ, были брошены кучами на улицахъ подъ ноги лошадей. Была въ Умани одна дѣвица несравненной красоты. Гайдамаки хотѣли ее обезчестить насильно, но вѣрные обычаямъ своей страны, которые не позволяли убійцамъ осквернять себя прикосновеніемъ къ жидовкѣ, они принуждали ее перемѣнить вѣру,—и она отвѣчала: „Мою душу предаю Богу, а съ тѣломъ дѣлайте что хотите.“ Они навострили ножъ въ ея глазахъ и сказали: „Ты видишь этотъ ножъ? если не будешь повиноваться намъ, мы изрѣжемъ тебя въ куски.“ Но она отвѣчала съ гордостью: „подлые и нечистые люди, вы не принудите меня оставить вѣру отцовъ моихъ, убейте меня, дѣлайте что хотите.“ Они связали ее и бросили въ колодезь, гдѣ она погибла. Всѣ жиды заключились внутри своей синагоги.

Враги наши, узнавъ объ этомъ, бросились за ними, но евреи стали защищаться. Одинъ изъ нихъ, называвшійся Лейбою, выхватилъ мечъ у одного разбойника и убилъ двадцать враговъ. Другой, нѣкто Мозесь Мохерь, защищаясь отчаянно, убилъ ихъ тридцать. Наконецъ разбойники, видя невозможность ворваться въ синагогу, привезли пушки и ядрами стрѣляли по чей. Тысячи евреевъ лишились тамъ жизни, но они сдѣлались мучениками за вѣру. Одна женщина, именемъ Брейла, боясь, чтобы послѣ ея смерти дѣти не были обращены въ другую вѣру, несчастная!—утопила ихъ въ рѣкѣ. Гонта извергъ—да будетъ имя его проклято!—прибывъ въ Умань, издалъ объявленіе, чтобы богатые еврейскіе купцы, если пожелаютъ спастись отъ гибели, принесли ему немедленно значительный окупъ. Купцы повѣрили и принесли оный въ ратушу. Гонта взялъ деньги, а несчастныхъ, выбросивъ въ окошко, лишилъ жизни. Уманскій проповѣдникъ, балъ-аршолъ, со многими своими братьями скрылся въ глубокомъ погребѣ и тамъ проводили время въ молитвѣ, прося Бога спасти ихъ отъ гибели. Но счастіе имъ измѣнило. Враги пробрались и въ это убѣжище. Они сперва отрубили голову проповѣднику на самомъ порогѣ подвала, а послѣ умертвили такимъ же образомъ и другихъ евреевъ. Отсюда убійцы пошли въ молитвенные домы. Евреи немедленно вынесли оттуда святое писаніе (пятикнижіе), наполняя воздухъ криками, воплями и молитвами; но это не остановило убійцъ. Они отняли эти священные свитки, попрали ихъ ногами и тутъ же убили цѣлыя тысячи евреевъ. Ихъ кровь переливалась за порогъ синагоги. Кто когда видѣлъ столь кровавыя сцены? Безчисленное множество сыновъ Израиля было заклато какъ стадо овецъ; но они умерли муче-

никами. Убійцы топтали младенцевъ въ глазахъ ихъ матерей, живыхъ дѣтей вбивали на острія пикъ и съ торжествомъ носили по улицамъ, какъ бы торжествуя побѣду. Трупы побіенныхъ они бросали за городомъ безъ погребенія и гнали туда собакъ и свиней."

Въ то время, когда одни гайдамаки занимались крещеніемъ поляковъ и евреевъ въ православной церкви, убивали тѣхъ, которые не повиновались, когда другія толпы ихъ рыскали по улицамъ, добивая недобитыхъ и грабя недограбленное, когда пушками разбивали еврейскую синагогу и выискивали въ подвалахъ и по крышамъ своихъ жертвъ,— въ это время продолжались безобразія въ католическихъ церквахъ: „Одни—говоритъ Тучапскій—снявъ съ убитыхъ одежду, немедленно скидывали свои лохмотья и въ нее наряжались. Другіе, сидя на алтарѣ, лапти скидали и захваченные сапоги надѣвали. Одинъ изъ гайдамаковъ, именемъ Тытыкъ (1), сохранившій еще немного уваженія къ святынѣ, схватилъ было чашу съ дарами (puszkę z eucharystyą), завернутую въ воздухи, и уносилъ ее въ церковь православную; но гайдамаки, отобравъ ее, бросили святые дары и топтали ихъ ногами въ крови, наполнявшей помостъ церковный. Одни ломали кресты и, ругаясь, плевали на нихъ. Другіе въ церковныхъ облаченіяхъ пускались на безчинства. Третьи, завладѣвъ дискосами (patyny), дырявили ихъ и носили на лентахъ вмѣсто орденовъ, или изъ священныхъ сосудовъ пили горячіе напитки (opilstwa)." Вообще не только богатые домы съ бывшимъ въ нихъ имуществомъ были

---

(1) У другихъ—Tytek, который и названъ: «bogobojny ataman».

разграблены, но ободраны были и мертвыя тѣла, церкви, лавки разграблены.

Польскіе писатели говорятъ, что вся награбленная добыча сносима была къ Гонтѣ. Вѣроятно, награбленное имущество приносилось въ квартиру Гонты и Желѣзняка, чтобы послѣ все это отдать въ общественный дѣлежъ, какъ мы это и увидимъ ниже.

XVIII.

Когда всѣ начальники города, Младановичъ, Рогашевскій, Скаржинскій, а равно представители католическаго духовенства были убиты, никто не могъ ничего сказать о томъ, что сталось съ Шафранскимъ, энергіею и искуствомъ котораго городъ держался нѣсколько дней, не смотря на всѣ приступы гайдамаковъ.

Когда ворота замка были отворены гайдамакамъ, и Гонта ясно показалъ Младановичу, что никого не намѣренъ миловать, Шафранскій еще думалъ сопротивляться съ помощью евреевъ. Онъ убѣждалъ ихъ не бросать оружія и защищаться до послѣдней крайности. Но евреи, до того времени стойко державшіе свои посты за палисадами, тотчасъ потеряли мужество, когда увидѣли гайдамаковъ въ самомъ замкѣ. Они бросили оружіе и почти всѣ заперлись въ главной синагогѣ, чтобы тамъ ожидать смерти. Шафранскому ничего не оставалось, какъ искать спасенія въ какомъ либо по возможности безопасномъ мѣстѣ и, въ случаѣ нападенія, не отдавать даромъ своей жизни убійцамъ. Онъ засѣлъ въ той самой башнѣ,

на которой занимался своими математическими работами, и тамъ ожидалъ рѣшенія своей участи. Оттого никто и не зналъ, куда дѣлся Шафранскій, хотя гайдамаки не могли не искать его, такъ какъ они хорошо знали, что защита Умани, стоившая имъ многихъ жизней, велась Шафранскимъ.

Случайно и изъ любопытства гайдамаки стали добывать ту башню, на которой сидѣлъ Шафранскій. Когда они начали ломать дверь, Шафранскій пистолетнымъ выстрѣломъ убилъ одного изъ нападателей. Испуганные гайдамаки пригнали къ дверямъ поселянъ съ топорами; но Шафранскій не переставалъ защищаться: нѣкоторые изъ крестьянъ и гайдамаковъ были убиты имъ пистолетными и ружейными выстрѣлами, и потому рѣшились подвезти къ убѣжищу Шафранскаго пушку. Пушечнымъ выстрѣломъ былъ убитъ слуга Шафранскаго, скрывавшійся подъ крышей башни, но самъ онъ не сдавался. Наконецъ гайдамаки взяли башню и Шафранскій былъ схваченъ и изрубленъ въ куски.

Для полноты картины уманской рѣзни мы не считаемъ себя въ правѣ обойдти молчаніемъ разсказъ о томъ, какъ Гонта во время уманскаго погрома зарѣзалъ своихъ собственныхъ дѣтей. Преданіе говоритъ, что дѣти Гонты учились въ уманской базиліянской школѣ и тайно, при посредствѣ матери, обращены были въ католичество.

Въ поэмѣ Шевченка (который въ этомъ случаѣ ссылается на свидѣтельство Павла Младановича, учившагося вмѣстѣ съ дѣтьми Гонты и спасшагося отъ смерти съ сестрою своею Вероникою) обстоятельство это описано такимъ образомъ: Когда Гонта вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ распоряжались описанными нами выше неистовствами, гайдамаки привели къ нимъ ксендза и двухъ мальчиковъ. Ксендзъ, обращаясь къ

Гонтѣ, сказалъ: „Гонта! это твои дѣти? Ты насъ рѣжешь — зарѣжь и ихъ: они католики. Чего-жъ ты сталъ? Что не рѣжешь? зарѣжь ихъ, пока они маленькія, а то выростутъ и тебя зарѣжутъ.“

— Убейте его, закричалъ Гонта къ гайдамакамъ, а этихъ щенятъ я своей рукой зарѣжу. Зовите громаду. Признавайтесь (къ дѣтямъ), что вы католики.

— Католики, отвѣчали дѣти,—потому что насъ мать...

— Молчите! молчите! я все знаю! вскричалъ Гонта.

Собралась громада.

— Мои дѣти католики, сказалъ Гонта,—чтобъ не было измѣны, чтобъ не было поговору, панове громада,—я присягалъ, бралъ свяченый ножъ, чтобъ рѣзать католика... Сыны мои! отчего вы не велики? Зачѣмъ вы ляха не рѣжете?

— Будемъ рѣзать, тату.

— Не будете! Не будете!.. Будь проклята мать—католичка, что васъ народила. Зачѣмъ она не утопила васъ до восхода солнца? Меньше бы грѣха, вы бы умерли не католиками. А теперь, сыны мои, горе мнѣ съ вами! Поцѣлуйте меня, дѣти,—не я васъ убиваю, а присяга.

Махнулъ ножемъ—и дѣтей не стало. Попадали зарѣзанные и, умирая, бормотали: „тату, тату, мы не ляхи.“

— Не похоронить-ли? спрашиваютъ.

— Не надо, они католики... Сыны мои! Зачѣмъ вы не рѣзали? Зачѣмъ не убили мать, ту проклятую католичку, что васъ народила?

Сказавъ это, Гонта взялъ Желѣзняка, оба пошли вдоль берега и оба закричали: „кары—ляхамъ! кары!“

И карали!.. Страшно, страшно
Умань запалала,
Ни въ будинку, ни въ костелі
Нігде не осталось—
Всі полягли... Того лиха
Не було ніколи,
Що въ Умані робилося:
Базиліянъ школа,
Де учились Гонти діти,
Самъ Гонта руйнуе:
«Ти поіла моіхъ дітокъ!»
Гукае, лютуе:
«Ти поіла невеликихъ,
Добру не навчила...
Бийте стіни!..» Гайдамаки
Стіни розвалили;
Розвалили—объ каміння
Ксёндзівъ розбивали,
А школярівъ у криниці
Живихъ поховали.

Не смотря на то, что колодезь этотъ (криница) былъ глубиною до двухъ сотъ сажень, онъ весь наполненъ былъ трупами. Дѣтей же своихъ Гонта, розыскавъ ночью между грудами убитыхъ, вынесъ тайно за городъ и похоронилъ. Неудивительно, что когда всѣ гайдамаки пировали по совершеніи своего страшнаго дѣла, одинъ Гонта, говорятъ польскіе писатели, тосковалъ и далеко не былъ счастливъ торжествомъ своихъ товарищей.

Болѣе сутокъ провели гайдамаки въ этомъ опьяненіи. По свидѣтельству однихъ писателей, полегло въ Умани до 18,000 убитыхъ и замученныхъ всякими муками жертвъ

*

народнаго ожесточенія ([1]). По другимъ—въ уманской рѣзнѣ погибло до двадцати тысячъ ([2]). Только подъ конецъ, утомившись жестокостями, гайдамаки „начали смиряться и, желая пощадить остальныхъ жителей, постановили окрестить или обратить ихъ въ православіе посредствомъ прежде употреблявшагося обряда троекратнаго погруженія въ святой купели.“ Подобная пощада оказана была и дѣтямъ Младановича, которыхъ даже позволили увезти изъ Умани. „10 числа передъ полуднемъ—говоритъ Вероника Кребсъ—услыхали мы (въ казармахъ) голоса казаковъ, говорящихъ, что Желѣзнякъ и Гонта прибыли къ казарнамъ и приказали отыскать дѣтей Младановича. Я почти радовалась этой участи, думая, что мой послѣдній часъ насталъ... Когда мы вышли на улицу, то увидѣли Гонту, сидящаго на лошади, а подлѣ него какого-то старика поселянина, низко кланяющагося и усердно цѣловавшаго его ноги. Гонта, увидя насъ, сказалъ ему: „Отъ тобі собакъ двое — бери ихъ.“ Желѣзнякъ, стоявшій немного подальше, тоже верхомъ, приказалъ подвести насъ къ себѣ. Долго глядѣлъ онъ на насъ молча, и я могла замѣтить, что онъ былъ русоволосый, большаго росту, хорошей наружности и одѣтъ въ богатое польское платье. Тотъ же старикъ поселянинъ подошелъ къ нему и, цѣлуя въ ногу, что-то говорилъ. Желѣзнякъ сказалъ кротко, обращаясь къ Гонтѣ: „тось, пане воеводо, подаровавъ тіі діти?“ Гонта отвѣчалъ: „нехай до чорта беруть,“ и, обратившись къ старику, сказалъ: „беріть ихъ собі, бо и панъ

([1]) ...„w krótkim czasie więcéj ośmnastu tysięcy ludzi tyrańską śmercią zginęło“ Tuczap.

([2]) Lip.

Желѣзнякъ проситъ, щобъ ихъ вамъ подаровати.“ Услышавъ это, старикъ еще разъ поклонился, взялъ насъ за руки и, пробираясь чрезъ груды труповъ, довелъ до своей телѣги, въ которой сидѣлъ другой старикъ, немного помоложе перваго. Насъ усадили на телѣгѣ, которая и поѣхала довольно скоро. Когда мы выбрались въ поле, нашъ путеводитель сказалъ: „мої бідние діти, Богъ зъ вами, не лякайтесь—я осадчій зъ Оситни, а то мій братъ.“ Такъ насъ привезли въ Оситну, гдѣ и переодѣли въ крестьянское платье. Днемъ съ поселянами ходили мы въ поле какъ бы для работы, а ночью прятались въ камышахъ. Добрые избавители наши боялись еще поселянъ, которыхъ часть пристала къ гайдамакамъ. Дня два спустя, пришелъ туда молодой учитель брата моего Павла, Хмѣлевичъ, спасшійся тѣмъ, что, переодѣтый казакомъ, рыскалъ по городу съ гайдамаками, и потому невольно былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что видѣлъ, какъ много мертвыхъ тѣлъ бросали въ упомянутый выше колодезь, передъ ратушею, и что тамъ же погребены тѣла несчастныхъ нашихъ родителей.“

Въ исторіи пугачевщины представляется тотъ замѣчательный фактъ, что крестьяне *весьма рѣдко* спасали своихъ господъ отъ мщенія пугачевцевъ: такъ были случаи, что крестьяне изъ любви и жалости къ „доброму барину“ укрывали или его самого или его дѣтей, наряжая въ крестьянское платье, иногда крестьяне пачкали барчатамъ лице и руки, чтобъ они болѣе походили на крестьянскихъ дѣтей. Но эти случаи, повторяемъ, были весьма рѣдки, тогда какъ случаи противоположнаго свойства представляются на каждомъ шагу: то госпожу, которая давала мало соли своимъ дворовымъ, сѣкли до крови и по избитымъ мѣстамъ посыпали

солью; то выдавливали у беременныхъ дворянокъ „дворянское отродье“; то вѣшали помѣщиковъ за члены, съ помощью которыхъ они особенно злоупотребляли своею властью. Такихъ возмутительныхъ примѣровъ пугачевщина представляетъ такъ много, что перечисленіе ихъ и утомительно, и оскорбительно для нравственнаго чувства человѣка. Эта же возмутительная сторона весьма ярко выступаетъ и въ исторіи гайдамачины, а въ особенности въ уманской рѣзнѣ. Но послѣдняя представляетъ особенное явленіе, отличающее ее отъ пугачевщины.

Въ пугачевщину, русскій человѣкъ, вовлеченный въ общее народное движеніе, является только какъ крестьянинъ по отношенію къ помѣщику, и потому на помѣщикѣ, какъ и на всякомъ представителѣ власти, вымещаетъ всѣ свои жизненныя невзгоды. Движеніемъ южно-русскаго народа во время уманской рѣзни руководили болѣе сложные нравственные мотивы: южно-русскій народъ ставилъ себя не только въ положеніе крестьянина по отношенію къ помѣщику, но и въ положеніе русскаго по отношенію къ поляку. Вотъ почему въ исторіи гайдамачины насъ поражаетъ слѣдующее явленіе, котораго мы не замѣтили въ исторіи пугачевщины: Когда украинецъ сталкивался съ полякомъ, какъ съ полякомъ и латинцемъ, или съ евреемъ, какъ съ христопродавцемъ, онъ былъ неумолимъ и ожесточеніе его являлось какъ бы безсмысленнымъ. Тутъ шло выдавливаніе дѣтей изъ материнскихъ утробъ, битье младенцевъ объ камни, бросанье юныхъ студентовъ базиліянской школы живьемъ въ глубокій колодезь, вѣшанье поляка, еврея и собаки на одной балкѣ. Противъ поляка и еврея шли поэтому и женщины съ лопатами и серпами (z ożogami, nożami, rydłami, serpami). Но когда украинецъ сталкивался

съ полякомъ какъ съ помѣщикомъ, онъ былъ милостивѣе къ нему, чѣмъ великорусскій крестьянинъ къ своему барину въ пугачевщину. Фактъ этотъ стоитъ вниманія. Въ XVIII вѣкѣ полякъ, какъ помѣщикъ, былъ добръ къ своему крестьянину и—какъ мы сказали въ своемъ мѣстѣ — несравненно добрѣе, чѣмъ украинскій панъ и старшина къ своему брату украинскому крестьянину. Въ первомъ случаѣ являлось чисто національное а историческое, хотя, можетъ быть, не вполнѣ логическое озлобленіе. Оттого гайдамакъ, не будучи крестьяниномъ, а изображая изъ себя нѣчто въ родѣ казака, былъ неумолимѣе къ поляку, чѣмъ крестьянинъ, поднятый въ гайдамачину общимъ движеніемъ. Гайдамакъ имѣлъ дѣло только съ полякомъ, тогда какъ крестьянинъ—и съ полякомъ, и съ помѣщикомъ, и какъ помѣщика онъ щадилъ поляка и при возможности спасалъ его, что̀ казалось бы совершенно негармонирующимъ съ общимъ народнымъ настроеніемъ того времени.

Вотъ почему для насъ становится весьма понятнымъ, что при такомъ страстномъ напряженіи національнаго чувства, какъ въ уманскую рѣзню, южно-русскій крестьянинъ осмѣливается цѣловать ноги у разсвирѣпѣвшихъ Гонты и Желѣзняка и просить пощады дѣтямъ Младановича и Рогашевскаго. Вотъ почему въ Черкасахъ гайдамаки наказали смертью своего товарища за то, что онъ убилъ черкасскаго губернатора, котораго всѣ называли „добрымъ паномъ.“ Дѣтей Рогашевскаго спасъ казакъ изъ села Градзіевой. Это село было дано Рогашевскому въ аренду, вмѣсто жалованья, и за добрыя качества Рогашевскаго, какъ помѣщика, казакъ изъ его имѣнія спасъ его дѣтей, рискуя самъ быть заколотымъ гайдамацкими пиками. Дѣтей Младановича спасъ осадчій изъ

села Оситны, которое тоже дано было Потоцкимъ Младановичу вмѣсто жалованья. Осадчимъ (основателемъ) назывался обыкновенно тотъ изъ крестьянъ, который первымъ сѣлъ на свободныя помѣщичьи земли, а такимъ осадчимъ былъ тотъ крестьянинъ, который вымолилъ у Желѣзняка и Гонты дѣтей своего „добраго пана“, въ благодарность за его добро.

Когда Желѣзнякъ и Гонта увидали себя полными и самовластными обладателями Умани, а вмѣстѣ съ нею и всей польской Украины, они начали приводить въ исполненіе свои честолюбивые планы и такъ сказать заканчивать то дѣло, которое стоило столько слезъ и крови. Въ освобожденной изъ подъ польскаго владычества Украинѣ необходимо было назначить новыхъ начальниковъ, ввести новые порядки и установить правительство, если не постоянное, то временное, на мѣсто опрокинутаго польскаго государственнаго строя. Къ этому начальники мятежа приступили немедленно. Когда рѣзня въ городѣ кончилась и уже не оставалось никого ни изъ поляковъ, ни изъ евреевъ, кромѣ новообращенныхъ женщинъ и дѣтей, казаки и гайдамаки собрали все оставшееся въ живыхъ населеніе Умани, и въ ратушѣ произвели торжественное избраніе новаго правительства. При громѣ пушекъ, ружейной пальбѣ и восклицаніяхъ толпы, Желѣзнякъ провозглашенъ былъ „гетманомъ и княземъ смилянскимъ“, а Гонта уманскимъ полковникомъ и русскимъ воеводою на мѣсто Потоцкаго (1). Казакъ Уласенко, бывшій тарговицкимъ сотникомъ, назначенъ былъ губернаторомъ Умани (2) на мѣ-

---

(1) Липоманъ говоритъ, что Гонта, кромѣ того, получилъ титулъ «князя уманскаго», какъ Желѣзнякъ «князя смилянскаго».

(2) „Huma szczyzny rzadca.“

сто убитаго Младановича. Другіе гайдамаки получили назначеніе, соотвѣтствовавшее ихъ заслугамъ въ кровавомъ дѣлѣ истребленія поляковъ и евреевъ, и, какъ выражаются польскіе писатели, тотъ изъ нихъ получилъ высшую должность, кто наиболѣе совершилъ убійствъ ([1]). Между приближенными къ Желѣзняку и Гонтѣ лицами были: жаботинскій сотникъ Мартынъ Бѣлуга, который, какъ мы видѣли выше, водилъ по рынку, въ Жаботинѣ, губернатора Вичалковскаго и говорилъ, что „не одного теперь ляха голова заляже,“ уманскій сотникъ Ерема Панко, котораго Младановичъ передъ своей смертью просилъ о пощадѣ, балтенскій сотникъ Попатенко, запорожецъ Шило, передъ которымъ такъ унижался черкасскій губернаторъ, запорожецъ Семенъ Неживый, бывшій горшечникомъ и давшій себѣ слово хоть на одинъ день быть паномъ, Швачка и наконецъ Журба и Мотылица, которыхъ г. Скалковскій называетъ „бездомными разбойниками.“ Пѣсня, прославляющая „уманскую рѣзню,“ такъ изображаетъ, кромѣ Желѣзняка и Гонты, второстепенныхъ начальниковъ мятежа:

Ой пішовъ Швачка голкою шити,
Ляхівъ, жидівъ по Умані лупити,
А нашъ Неживий цокоче,
Ажъ Умань зубами скригоче.
А Журба ходячи зажурився,
Що, головка бідна, Умань загорівся,
Та въ бандуру міцно грае,
Себе козака пісню розважае.

Журба изображается, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ ка-

([1])…. „dając temu urzęd wyzszy, kto więcej popełnił „zabójstw.“

зака—бандуриста, тогда какъ, по свидѣтельству Шевченка,—за гайдамаками вездѣ слѣдовалъ слѣпой кобзарь, котораго называли Волохомъ. Гонта изображается съ „указомъ царицы.“ Между тѣмъ Мотылица является довольно загадочною личностью. Хотя г. Скальковскій называетъ его, вмѣстѣ съ Журбою, „бездомнымъ разбойникомъ“, однако въ пѣснѣ объ уманской рѣзнѣ передъ нимъ стоитъ эпитетъ „сотника“ и въ этой же пѣснѣ говорится, что Мотылица почему-то измѣнилъ гайдамакамъ и былъ ими казненъ (1).

Въ то время, когда Вероника Кребсъ съ ея братомъ прятались отъ гайдамаковъ въ селѣ Оситномъ, приходившій къ нимъ тайно въ казацкомъ платьѣ молодой Хмѣлевичъ опять возвратился въ Умань, чтобы развѣдать о дальнѣйшихъ происшествіяхъ. Онъ дѣйствительно успѣлъ пробраться въ поко-

---

(1) Въ пѣснѣ такъ говорится о Мотылицѣ:

Тілько сотникъ Мотилиця
Ні къ чорту—батькові не годиться:
Мабудь онъ хотівъ змиліти
И на насъ залізни цяцьки надіти.
«Знай, кобило, де брикати,
А тутъ тобі вже не фицяти:
О такъ, сотнику Мотилиця,
Такъ робити не годиться».
Каже ему Швачка и Желѣзнякъ:
«Ти хотівъ насъ въ шори убрати,
Теперъ же тобі світа не видати».
—«Слухай, Максиме, Швачко и Неживий,
Бодай же кінецъ вашъ бувъ нудний та гіркий!»
Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два—
Покотилася Иванова на землю голова.

ренный городъ, не будучи ни кѣмъ узнанъ, и принесъ довольно важныя и повидимому утѣшительныя вѣсти. Видно было, что гайдамаки уже утомились разбоемъ или только отдыхали, собираясь съ силами для новыхъ неистовствъ. Шайки ихъ только грабили въ окрестностяхъ Умани или занимались пьянствомъ въ своемъ лагерѣ. Хмѣлевичъ передавалъ при этомъ, что небольшой русскій отрядъ неизвѣстно откуда прибылъ въ Умань, но что гайдамаки, сознавая превосходство своей силы передъ этимъ отрядомъ, приняли его хорошо и оставались спокойны. Русскимъ отрядомъ, какъ сообщалъ Хмѣлевичъ, командовалъ генералъ Кречетниковъ, дѣйствовавшій въ Польшѣ противъ конфедератовъ, тотъ самый Кречетниковъ, который—замѣтимъ кстати—былъ потомъ астраханскимъ губернаторомъ и такъ странно дѣйствовалъ во время пугачевщины. Хмѣлевичъ встрѣтилъ въ Умани тоже переодѣтаго въ казачье платье молодаго Рогашевскаго, и они вмѣстѣ проникли до гайдамацкаго табора. Тамъ они своими глазами видѣли, какое множество труповъ лежало безъ погребенія, и собаки пожирали эти трупы, между тѣмъ какъ большая часть убитыхъ была брошена въ глубокій городской колодезь или вывезена въ поле, къ селу Карповкѣ. Хмѣлевичъ видѣлъ цѣлыя горы пограбленнаго имущества, сундуки серебра и денегъ, и все это добро дѣлили между собою гайдамаки, почти всегда пьяные. Между тѣмъ тамъ же толпились купцы изъ Кіева и Балты и хладнокровно закупали у грабителей добытыя кровью богатства за самыя малыя деньги.

Дѣйствительно, по совершеніи убійствъ и избраніи Желѣзняка гетманомъ и княземъ Смилянскимъ, а Гонты воеводою русскимъ, гайдамаки выбрались съ своею добычею за

городъ. „Ужасное зрѣлище! (говоритъ Тучапскій). Множество мертвыхъ тѣлъ, вездѣ валявшихся, и потоковъ крови, которою земля и даже стѣны домовъ были обагрены, и ожиданіе смрада отъ ихъ гніенія, — такъ какъ гайдамаки никого не погребали, считая убитыхъ недостойными преданія землѣ (1),—не давали покоя душамъ убійцъ и не позволяли имъ долго оставаться въ городѣ.“ Притомъ же дни стояли знойные и, если не отъ труповъ, то отъ одной человѣческой крови могъ заразиться воздухъ, ибо этой крови пролито было столько, что она долго не могла высохнуть. Одинъ гайдамакъ, спасшійся отъ казни и бывшій слугою у Желѣзняка въ дни уманскаго погрома, разсказывалъ послѣ своимъ односельцамъ, что во время самой рѣзни кровь бѣжала изъ замка по косточку человѣческой ноги, такъ какъ замокъ былъ на возвышеніи и кровь оттуда стекала въ предмѣстья...

Въ виду этого неудобства, гайдамаки выбрались въ поле, къ югу отъ Умани, къ такъ называемому мѣстечку Карповкѣ. Тамъ они остановились лагеремъ, обвели его валомъ и укрѣпили пушками, которыхъ у нихъ было пятнадцать. Знамени въ войскѣ гайдамацкомъ считалось тридцать. Тутъ же въ лагерѣ Желѣзнякъ и Гонта приступили къ правильному сформированію своего нестройнаго войска, раздѣлили его на сотни или „громады“, назначили сотниковъ и другихъ отрядныхъ начальниковъ. Тутъ же начался „дуванъ“ награбленныхъ богатствъ. Изъ суконъ, шелковыхъ матерій, мѣховъ, парчей и разныхъ другихъ вещей и одеждъ, сложили нѣсколько грудъ или „могилъ“, какъ называютъ ихъ польскіе

---

(1) Липоманъ тоже говоритъ, что «zbrodniarze ci osądzili że wymordowani przez nich niegodni są iżby ich zwokłi ziemia pokryła».

писатели. Кромѣ значительнаго количества денегъ и часовъ, одного серебра въ ломѣ было шесть сундуковъ. Желѣзняку, кромѣ множества разныхъ дорогихъ вещей, досталось три сундука серебра, которое онъ тотчасъ же и продалъ одному кіевскому купцу за 10,000 злотыхъ, хотя оно стоило гораздо дороже. Остальное серебро и драгоцѣнности достались Гонтѣ. Прочее имущество раздѣлено было между гайдамаками, „сообразно съ заслугами всякаго во время убійствъ.“

Мы видимъ здѣсь черту, рѣзко отличающую предводителей южно-русскаго народнаго движенія, Желѣзняка и Гонту, отъ предводителя движенія народныхъ массъ въ Великой Россіи, Пугачева. Гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и князь смилянскій и воевода русскій и князь уманскій участвуютъ въ общемъ дѣлежѣ награбленныхъ богатствъ и не стыдятся захватить себѣ половинную долю. Между тѣмъ русскій лже-императоръ всѣ захваченныя имъ при взятіи городовъ богатства и царскую казну отдавалъ „на общество“, когда появлялся среди народа, то сыпалъ въ него горстями деньги, а когда его уже везъ Суворовъ закованнаго и загороженнаго, какъ звѣря, деревянною клѣткою, то нашли при немъ зашитые въ птаткѣ только четыре червонца, которые онъ, какъ видно, оставилъ себѣ на черный день изъ всего того добра, которымъ онъ владѣлъ, владычествуя надъ половиной Россіи.

Когда раздѣлена была добыча, въ гайдамацкомъ таборѣ начались пиршества. Пиры давались новоизбранными начальниками своимъ повелителямъ и товарищамъ. Простое гайдамачество вело свои шумныя и дикія оргіи. Припасовъ было вдоволь: вся околица и несчастный городъ довольствовали славное воинство. Въ польскихъ и еврейскихъ погребахъ

были въ изобиліи всякіе напитки, меды, вина, водки, и гайдамаки всего этого натащили въ свой таборъ до ста шестидесяти бочекъ. Пиры шли каждый день, и цѣлыхъ двѣ недѣли, говорятъ поляки, пьянствовали и веселились гайдамаки среди восклицаній, музыки, танцевъ и разврата. Одинъ Гонта, говорятъ, не участвовалъ въ банкетахъ, потому ли, что его тяготила память о гнусной измѣнѣ, или онъ тосковалъ по убитыхъ имъ дѣтяхъ, или былъ онъ дальновиднѣе другихъ и предчувствовалъ, что все ихъ страшное дѣло не кончится добромъ, — только его видѣли въ вѣчномъ безпокойствѣ, замѣшательствѣ и тревогѣ. Онъ постоянно тосковалъ и, потирая чубъ, не разъ говорилъ своимъ товарищамъ: „ой, братці отамани! не випьемъ ми того пива, що теперъ наварили!“

Пиршества тянулись слишкомъ долго, чтобы не повредить дѣлу, которое, по видимому, кончилось такъ легко и скоро, а между тѣмъ для будущаго никакихъ мѣръ не принималось. Желѣзняку и Гонтѣ слѣдовало упрочить свое положеніе или продолжать свое дѣло, не останавливаясь на полдорогѣ. Но какъ продолжать это дѣло? Куда вести его и гдѣ остановиться? Тутъ уже, по видимому, у предводителей мятежа не хватало болѣе политическихъ соображеній. Польская Украина завоевана, народъ поднялся вездѣ; и далеко отъ Умани распространилось народное волненіе, которое уже шло помимо распоряженій Желѣзняка и Гонты. Дѣло освобожденія страны отъ поляковъ принялъ народъ въ свои руки, а руководителя не было, хотя и избранъ былъ гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ и русскій воевода. Идти на Варшаву, завоевать всю Польшу? Это можно бы было сдѣлать при той внутренней слабости Польши, о которой мы говори-

ли; вся Рѣчь Посполитая не имѣла въ то время подъ ружьемъ и 20,000 регулярнаго войска; но и эти ничтожныя силы разбились на конфедераціи; мало того, конфедератовъ еще недавно разбили русскія войска подъ начальствомъ русскихъ генераловъ Кречетникова и графа Апраксина,—однако ни Желѣзнякъ, ни Гонта не могли загадывать о Варшавѣ, пока не узнаютъ, какъ посмотрятъ на ихъ подвиги „москали", которые еще не подавали своего голоса изъ-за Днѣпра. Гайдамаки хорошо расположились въ польскихъ земляхъ, которыя они считали своими; Желѣзнякъ чинилъ судъ и расправу именемъ „москалей" и своего коша:—но что скажутъ эти „москали", особенно кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ и суровый кошевой Калнишъ? Какъ посмотритъ на все это великъ свѣтъ матушка государыня?

Вотъ, что, безъ сомнѣнія, западало въ голову Желѣзняку и Гонтѣ во время ихъ пиршествъ, и вотъ почему тосковалъ послѣдній. Между тѣмъ кучи мертвыхъ польскихъ и еврейскихъ тѣлъ, брошенныя безъ погребенія и тлѣвшія подъ знойнымъ солнцемъ, наполняя ужаснымъ зловоніемъ воздухъ, мѣшали этимъ пиршествамъ. Хотя эти валявшіеся вездѣ трупы и пожираемы были собаками, хищными звѣрями и птицами ([1]), однако ни звѣри, ни птицы не въ состояніи были съѣсть всѣхъ мертвыхъ тѣлъ; и оставшіеся въ живыхъ обыватели города просили Желѣзняка и Гонту, чтобы они дозволили убрать мертвецовъ. Но выкопать нѣсколько тысячъ могилъ не было никакой возможности, да и одну громадную яму, которая могла бы вмѣстить въ себѣ нѣсколько тысячъ труповъ, также было не легко выкопать,

---

([1]) ... «pożarcie psom, bestyon i drapieżnym ptakom».

то и рѣшили всѣ валявшіяся по городу тѣла „купою на купѣ“ (груды на грудахъ) бросить въ тотъ колодезь, вырытый на площади около ратуши, въ которомъ уже было похоронено живьемъ значительное число студентовъ базиліянской школы ([1]). О числѣ жертвъ уманской рѣзни приблизительно можно судить и потому, что, по свидѣтельству Тучапскаго, основанному на актахъ уманскаго монастыря, колодезь этотъ былъ совершенно наполненъ мертвыми тѣлами, хотя часть труповъ и была пожрана собаками. Извѣстно, что колодезь рыли въ замкѣ для того, чтобы во время осады замка непріятелями или на случай такого несчастія, какъ описываемая нами „уманская бѣда“, городъ могъ не нуждаться въ водѣ, имѣя свой колодезь. Но какъ замокъ стоитъ на возвышеніи, то сколько ни рыли землю, а вода не показалась въ колодцѣ и на глубинѣ двухъ сотъ саженъ. Слѣдовательно, колодезь, глубиною въ двѣсти саженъ, былъ весь наполненъ трупами. Полагая, что въ одной кубической сажени можетъ помѣститься до пятидесяти человѣческихъ тѣлъ, мы получимъ страшную пропорцію на двѣсти кубическихъ саженъ пространства, которое все было наполнено трупами.

Какъ бы то ни было, трудно рѣшить, не имѣя никакихъ данныхъ, что̀ думали предпринять Желѣзнякъ и Гонта, оставаясь въ бездѣйствіи около Умани цѣлыхъ двѣ недѣли. Не могли же они думать, что дѣло ихъ кончено благополучно, и хотя они считали себя вполнѣ безопасными со стороны поляковъ, не могли же они постоянно оставаться около Умани. Всего скорѣе, что зная слабость Польши и

([1]) «Studentòw żywych wrzucono».

считая свое дѣло правымъ, и убійства свои — славными дѣяніями, воскресившими геройскіе подвиги Остраницы, Наливайка и Хмѣльницкаго, они не спѣшили уходить куда-либо, и выжидали, что Россія и запорожская сѣчь похвалятъ ихъ за освобожденіе половины Украины отъ поляковъ и евреевъ. Еслибы политическая близорукость не позволяла имъ надѣяться, что Россія наградитъ ихъ за то, что они „лядскую землю до грунту зруйновали", они бы не тратили время въ бездѣйствіи, а ушли бы съ своею богатою добычею куда глаза глядятъ.

Безъ сомнѣнія, Желѣзнякъ говорилъ искренно, когда на просьбы уманскихъ жителей поставить на мѣсто убитыхъ другихъ начальниковъ города и губернатора, отвѣчалъ, что онъ уже „послалъ въ Кіевъ письмо къ главнокомандующему тамъ генералитету, съ просьбою о присылкѣ оттуда погребныхъ начальниковъ." Нѣтъ сомнѣнія также, что за уничтоженіемъ губернаторовъ и всего польскаго правительства въ томъ краѣ, онъ по праву считалъ себя распорядителемъ и устроителемъ страны, имъ завоеванной, и потому распоряжался въ ней какъ глава временнаго правительства въ государствѣ, въ которомъ или оружіе или внутренній политическій переворотъ ниспровергли существовавшій до того порядокъ и кассировали прежнее правительство. Пріѣзжавшіе туда должны были являться къ нему съ почтеніемъ, какъ къ главѣ вновь установленнаго правительства, а отъѣзжающимъ въ другія страны онъ выдавалъ отъ своего имени открытые листы и паспорты, подъ которыми впрочемъ подписывался не какъ гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и свѣтлѣйшій князь смилянскій, а скромно, сообразно тому чину, на который онъ считалъ себя достойнымъ въ своей странѣ, и именно въ Россіи

или въ запорожскомъ войскѣ: подъ паспортами онъ подписывался какъ „полковникъ Максимъ Желѣзнякъ“. Въ паспортѣ, напримѣръ, данномъ торговавшимъ въ Польшѣ обывателямъ (Остапу Поломанному и Остапу Бочкѣ), значится, что „объявители сего“ такіе-то съ товарищами, что „слѣдуютъ они съ горѣлкою, въ возы девятьнадесять, въ Сѣчь“, слѣдовательно въ другое государство, въ Россію изъ Польши, что „сіе свидѣтельство“ дано имъ, „явившимся въ лагерь войска запорожскаго, зъ канцеляріи.“ Ватагу свою, расположившуюся таборомъ подъ Уманью, считалъ онъ, слѣдовательно, „лагеремъ войска запорожскаго“, который при штабѣ своемъ имѣлъ канцелярію. Желѣзнякъ, такимъ образомъ, не отдѣлялъ себя и своего войска ни отъ Россіи, ни отъ Запорожья, а во всемъ предполагалъ съ ними полную солидарность, и потому на командующихъ русскими войсками въ Польшѣ, отправленными противъ конфедератовъ, на генерала Кречетникова и на графа Апраксина, смотрѣлъ какъ на сослуживцевъ, какъ на товарищей по оружію, хотя и ставилъ себя ниже ихъ чиномъ, а только выше званіемъ своимъ, какъ князя смилянскаго. Въ паспортѣ рекомендуется всѣмъ подлежащимъ властямъ, чтобы предъявителямъ того паспорта „свободный былъ пропускъ вездѣ, такъ отъ проѣзжающихъ войска запорожскаго казаковъ, *яко и на границѣ*, до уроченнаго имъ мѣста, сюда и туда обратно, былъ чиненъ, *по силѣ высочайшихъ указовъ*.“ Мало того, какъ во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ, Желѣзнякъ прибавляетъ въ паспортѣ фразу: „не дѣлать и малѣйшей обиды *просимъ*.“ Наконецъ, вѣря въ законность своихъ распоряженій, Желѣзнякъ добавляетъ: „а для нужнаго вѣроятія и подтвержденія, собственною своею рукою подписуюсь.“ Что

еще болѣе замѣчательно, такъ это то, что въ законность распоряженій Желѣзняка увѣровалъ даже строгій исполнитель закона, русскій нѣмецъ, именно маіоръ Владиміръ Вульфъ, начальникъ пограничнаго форпоста Орловскаго, которому на границѣ предъявленъ былъ выданный Желѣзнякомъ паспортъ и который на этомъ паспортѣ сдѣлалъ помѣту: „по сему билету, означенные въ немъ польскіе жители, слѣдующіе до сѣчи запорожской чрезъ форпостъ Орловскій з Польщи, съ указнымъ досмотромъ пропущены, въ 1768 году іюня 19.“

Что Желѣзнякъ считалъ себя представителемъ Россіи и товарищемъ по оружію съ генераломъ Кречетниковымъ, видно изъ того, что онъ постоянно показывалъ всѣмъ данное ему русскимъ правительствомъ „позволеніе“ воевать польскую землю, и позволеніе это онъ не считалъ вымышленнымъ. Какъ полковникъ запорожскаго войска, онъ смотрѣлъ на себя какъ на предводителя части этого войска, посланной по повелѣнію императрицы исключительно на истребленіе въ польской Украинѣ ляховъ и жидовъ, и хотя лично отъ коша, ни отъ кошеваго онъ не получалъ такого приказа, но у него было нѣчто сильнѣе этого приказа, именно золотая грамата „великъ свѣтъ матушки государыни.“ Это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что воротившійся изъ Польши въ Сѣчь 4 іюля того года запорожецъ Лавринъ Кантаржей показывалъ въ войсковой канцеляріи, что когда онъ, „по купечеству польской области въ разныхъ дальныхъ городахъ былъ и слѣдовалъ уже обратно въ Сѣчь запорожскую, натоварясь разными товарами, чрезъ польскій городъ Умань, 9 числа, то засталъ подъ Уманью стоящаго въ двухъ тысячахъ войска, называющаго себя запорожцами, при 30 прапорахъ и 15 пушкахъ, подъ командою полковника Максима Желѣзня-

ка, къ которому какъ онъ явилъ себя и просилъ его, чтобъ отъ его команды, какъ тамъ въ простойкѣ, такъ и въ пути ему не учинилось какого худа и на товаръ бы его, который стоялъ подъ селомъ Берездною, нападенья не было, — то оный Желѣзнякъ созвалъ своихъ сотниковъ двухъ человѣкъ и далъ ему, Кантаржею, отъ себя свидѣтельство, чтобъ вездѣ отъ его команды свободный проходъ, даже до границы россійской былъ.“ При этомъ случаѣ Желѣзнякъ „хвалился“ Кантаржею, *„что-де состоящій съ дивизіею въ Польшѣ русскій генералъ Кречетниковъ его благодарилъ чрезъ письмо, что онъ Умань въ конецъ разорилъ и всѣхъ въ ономъ Умани ляховъ и жидовъ вырѣзалъ.“* Съ своей стороны Кантаржей прибавлялъ, что онъ видѣлъ тамъ, какъ многіе „зъ польскихъ подданныхъ, каѳолическаго закона люде, пріѣзжаютъ къ Желѣзняку съ разныхъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ уже есть ляхи и жиды въ конецъ разорены, прося въ него, Желѣзняка, начальства, и онъ Желѣзнякъ всякаго съ ихъ по достоинству жалуя, и даетъ отъ себя всѣмъ людямъ письменный приказъ, чтобы въ точномъ его всѣ смотрѣніи были и всѣ происходящіе отъ него порядки оставались бы въ его власти, а ослушника жестокимъ штрафомъ стращая (1).

Хотя по извѣстію, принесенному въ запорожскую Сѣчь Кантаржеемъ, ватага Желѣзняка, стоявшая таборомъ подъ Уманью, состояла изъ двухъ тысячъ вооруженныхъ людей, однако, по свидѣтельству польскихъ писателей, эта толпа гайдамаковъ постоянно возрастала отъ прибывавшаго со всѣхъ сторонъ хлопства (2). Съ своей стороны Тучапскій говоритъ,

---

(1) Скальковскій (изъ запорожскаго войсковаго архива).
(2) Lip.

что гайдамаки, „опомнившись послѣ пьянства какъ отъ омертвенія“, вмѣсто того, чтобы „смириться и прекратить убійства, составили совѣтъ, на которомъ положили разсылать въ ближайшія мѣстечки и села свои отряды на разбои и грабежи и для набора новыхъ ватагъ, которыя и безъ того увеличивались наплывомъ крестьянъ. Тому изъ нихъ, кто больше убивалъ поляковъ или жидовъ, обѣщаемо было высшее званіе.“ Такимъ образомъ гайдамацкіе отряды разсѣялись по мѣстечкамъ и селамъ, лежавшимъ въ районѣ мятежа. Уманскія жестокости повторялись, вслѣдствіе того, въ Тепликѣ, Дашовѣ, Тульчинѣ, Монастырицѣ, Гайсинѣ, Копелахъ, Босовкѣ, Жибычинѣ, Ладыжинѣ и въ Грановѣ, хотя въ этомъ послѣднемъ, по свидѣтельству другихъ писателей, городовые казаки остались вѣрны своему помѣщику, князю Чарторійскому, можетъ быть потому, что князь считался сторонникомъ короля Понятовскаго, а слѣдовательно и Россіи, и врагомъ польской патріотической партіи или конфедератовъ, и не допустили до разоренія волостей своего помѣщика. Прочія мѣстечки были разграблены, польское и еврейское населенія истреблены и награбленное имущество стекалось въ главный штабъ гайдамацкаго войска, подъ Умань.

Сотникъ Шило, который и прежде дѣйствовалъ независимо отъ главныхъ силъ гайдамацкихъ и съ своими собственными шайками дѣлалъ набѣги на Черкасы и другіе города, по взятіи Умани пошелъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для кровавыхъ подвиговъ. Взявъ съ собой пятьдесятъ хорошо вооруженныхъ конныхъ казаковъ и двѣ пушки, онъ бросился къ турецкой границѣ, на мѣстечко Балту. Его влекло туда извѣстіе, что многіе поляки и евреи, спасаясь отъ гайдамацкаго погрома, забрали свое имущество и ушли за рѣку

Кодыму, въ турецкія области, какъ поднѣпровскіе и потясминскіе обыватели польской Украины уходили или за Тясминъ, или за Днѣпръ въ русскія владѣнія. Шило, прибывъ въ Балту и желая вырѣзать поляковъ и евреевъ, какъ онъ рѣзалъ ихъ во всѣхъ польскихъ мѣстечкахъ, требовалъ у турецкаго каймакана, чтобы онъ ихъ выдалъ. Надо замѣтить, что Балта одною частью своей принадлежала Польшѣ, а другою Турціи, подобно тому какъ городъ Крыловъ одной половиной своей стоялъ на польской землѣ, а другою на русской. Слѣдовательно, поляки и евреи, спасавшіеся отъ гайдамаковъ, перебрались въ турецкую половину Балты. Паша, не смотря на требованіе Шила, не выдавалъ гайдамакамъ польскихъ подданныхъ, просившихъ покровительства турецкихъ властей, и гайдамаки хотѣли было уже воротиться въ свой таборъ, но неизвѣстно почему—какъ говоритъ Тучапскій—одинъ турокъ убилъ грека изъ гайдамацкаго отряда. Грекъ этотъ, вѣроятно, принадлежалъ къ гайдамакамъ, потому что въ шайкахъ ихъ и прежде находился всякій сбродъ—волохи, молдаване, греки, турки и татары. Сотникъ, разгнѣванный убійствомъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, собралъ вдвое большую толпу, и такъ сильно ударилъ на турокъ, что тѣ, не смотря на храбрую защиту, не выдержали натиска и бѣжали изъ города, захвативъ изъ своего имущества все что у нихъ было поцѣннѣе. Шило потерялъ при этой битвѣ одного изъ своихъ атамановъ и нѣсколько гайдамаковъ, которые были убиты въ схваткѣ, однако до тѣхъ поръ не прекращалъ атаки, пока не завладѣлъ всею турецкою стороною Балты и пока не умертвилъ всѣхъ находившихся въ городѣ. Хотя на помощь городу и явились потомъ буджакскіе ногайцы, однако было уже поздно, пото-

му что гайдамаки, разоривъ мѣстечко и захвативъ съ собой все что могли найдти тамъ лучшаго, возвратились къ своему главному лагерю, подъ Умань.

Вообще сотники, атаманы и начальники отдѣльныхъ гайдамацкихъ шаекъ, желая отличиться и снискать большее уваженіе своихъ начальниковъ, Желѣзняка и Гонты, всѣхъ поляковъ и ереевъ, которые попадали въ ихъ руки и которыхъ они не хотѣли убивать своею властью, приводили съ собою въ Умань и тамъ, передъ толпами своихъ товарищей и въ виду начальства, или закалывали несчастныхъ пиками, или стрѣляли въ нихъ изъ ружей какъ въ мишени ([1]). При самомъ же возвращеніи этихъ сотниковъ и начальниковъ отрядовъ изъ отдѣльныхъ экспедицій съ добычею, новобранцами и плѣнными, въ главномъ лагерѣ встрѣчали ихъ пушечною и ружейною пальбой, восклицаніями и похвалой за удальство, а потомъ угощали пирами въ гайдамацкомъ и казацкомъ вкусѣ—попойкой, пляской, пѣснями и всѣмъ дикимъ разгуломъ.

XIX.

Въ то время, когда, по взятіи гайдамаками Умани, вся польская Украина находилась въ ихъ рукахъ, Польша была до того безсильна, что не въ состояніи даже была со всѣми силами своего государства справиться съ толпою гуль-

---

[1]) На основаніи показаній современника, Квасневскаго, съ которымъ Липоманъ жилъ вмѣстѣ около полугода и все это записалъ отъ него въ 1780 году.

таевъ, которые неограниченно владѣли богатѣйшими ея провинціями, и вырвать диктатуру изъ рукъ Желѣзняка. Сами поляки не скрываютъ своего безсилія и той неладицы, въ которой изнывала Рѣчь Посполитая въ то несчастное время ([1]), и потому мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что гайдамаки могли бы безпрепятственно дойдти до Варшавы и завоевать всю Польшу, если бы не защитили ее русскія войска. Собственно польскаго правительственнаго войска въ то время почти не существовало. Часть его соединилась съ конфедератами и должна была раздѣлять съ ними общую участь. Конфедератамъ было не до спасенія Украины, когда они сами должны были отбивать съ оружіемъ въ рукахъ и свою свободу, и свои земли, тогда какъ русскія войска тѣснили ихъ на каждомъ шагу и оттѣснили далеко отъ Украины, гдѣ распоряжался Желѣзнякъ, и гдѣ въ огнѣ и подъ гайдамацкими ножами погибало все польское. Феликсъ Потоцкій, необъятныя имѣнія и богатства котораго погибали теперь на Украинѣ вмѣстѣ съ имѣніями другихъ Потоцкихъ, его родственниковъ, долженъ былъ унижаться передъ турецкими визирями, нищенски вымаливая у нихъ себѣ защиты противъ Россіи. Знаменитый и гордый „Щенсный“ Потоцкій, у котораго въ свитѣ находилось 150 конныхъ жолнѣровъ и уланъ и 12 колясокъ, не смотря на такую царскую обстановку, ползалъ у ногъ великаго визиря и, простершись передъ нимъ на землѣ, какъ рабъ передъ своимъ господиномъ, долженъ былъ „цѣловать полу одежды его и въ самыхъ уничижительныхъ выраженіяхъ

([1]) „Polska w tym czasie zostawała w okropném domowém zamieszaniu i ostatecznym nieładzie“. I. Lip.

изъяснять нужды собратій своихъ (конфедератовъ), что хотя гордынѣ и величавости ихъ вовсе противно, но несказанная ихъ противъ Россіи злоба, неудовлетворенная никакимъ мщеніемъ, преклоняла чело ихъ къ самой персти, сущей подъ ногами турковъ". Когда же Потоцкимъ было думать о польской Украинѣ и своихъ имѣніяхъ, которыми распоряжались гайдамаки? Потоцкіе въ это время рабски докладывали великому визирю, что конфедераты „повергаютъ себя подъ защищеніе лучезарнаго, непобѣдимаго и святѣйшаго магометанства знамени, которому да пошлетъ Богъ на россіянъ совершенную побѣду." Потоцкіе ждали, что визирь „благоволитъ" дать имъ войска, и должны были выслушивать „гнѣвныя" выраженія гордаго турка, который, не стѣсняясь, въ лице Щенсному бросалъ такимъ оскорбленіемъ на всю польскую націю, что „онъ, визирь, никогда не можетъ и не долженъ ввѣрить мусульманскаго войска таковымъ безвѣрнымъ, каковы суть поляки, а что ежели султану угодно будетъ послать имъ помощь, въ такомъ случаѣ можетъ онъ поручить начальство надъ войскомъ своимъ достойнымъ пашамъ." Потоцкій долженъ былъ все это выслушивать и не оскорбляться и, „безмѣрно оробѣвъ и упавъ визирю въ ноги, просить рабски у него извиненія въ дерзновеніи своемъ", предавать себя во всемъ волѣ его и „молитъ только о помощи изъ единаго великодушія его султанскаго величества и его свѣтлѣйшей особы" (1).

Въ такомъ-то жалкомъ и унизительномъ положеніи были владѣльцы польской Украины, а войско ихъ было разгоняе-

---

(1) Плѣнъ и страданіе россіянъ у турокъ. Спб. 1790.

мо русскими отрядами и вытѣсняемо съ одного мѣста на другое, когда Желѣзнякъ увидѣлъ себя главою южныхъ польскихъ провинцій. Другая часть польскаго войска оставалась при правительствѣ и королѣ ([1]), однако разбросана была по разнымъ мѣстамъ или „оберегала Варшаву отъ поляковъ“ же или въ Варшавѣ содержала караулы. Эта часть, слѣдовательно, также не могла оставить Варшавы на произволъ полякамъ (странное и обидное положеніе страны) и идти спасать польскую Украину отъ Желѣзняка, Гонты, Шила, Швачки и проч. Хотя, затѣмъ, третья, ничтожная часть польскаго войска и находилась вблизи гайдамацкаго мятежа, на Подоліи, однако она была слишкомъ безсильна для того, чтобы одолѣть гайдамачину и усмирить крестьянское волненіе.

Не было такимъ образомъ надежды ни на свои войска, ни на помощь Турціи: оставалась одна надежда на русскихъ, которые и должны были усмирить русскій же мятежъ на польской землѣ.

Какимъ образомъ поляки исходатайствовали себѣ въ этомъ случаѣ помощь русскихъ войскъ, обращались ли они прямо къ петербургскому кабинету или къ какому либо изъ представителей русскаго правительства въ Польшѣ, объ этомъ польскіе писатели говорятъ неопредѣленно, и при томъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, именно—что польское правительство обратилось съ просьбою о помощи къ русскому двору и получило ее ([2]). Безъ сомнѣнія, помимо императрицы

([1]) Т. е. защищала интересы правительства (stała przy rządzie i królu).

([2]) „Udał się więc rząd polski z prośbą o pomoc do dworu rossyjskiego, i tę otrzymał“. Lip.

и нельзя было исходатайствовать помощь, потому что было бы несовмѣстно съ принципами международныхъ сношеній какому бы то ни было войску вмѣшаться, безъ разрѣшенія высшаго правительства, во внутреннія дѣла другаго государства, и особенно странно было русскимъ войскамъ, воевавшимъ противъ конфедератовъ, не получивъ дозволенія императрицы, тотчасъ же обратить свое оружіе какъ бы въ защиту тѣхъ же конфедератовъ, имѣнія и подданные которыхъ подверглись жестокому преслѣдованію со стороны не только русскихъ гайдамаковъ, но и такихъ людей, какъ Желѣзнякъ, которые говорили, что они дѣйствуютъ отъ имени императрицы, подобно тому, какъ дѣйствовали съ своими войсками графъ Румянцевъ, Кречетниковъ и графъ Апраксинъ. У г. Скальковскаго мы находимъ только, что помощь эту выпросилъ у Кречетникова графъ Ксаверій Браницкій. Г. Скальковскій говоритъ, что въ эпоху этихъ ужасныхъ происшествій, графъ Браницкій, главный врагъ короля, по обычаю польскихъ вельможъ, занимавшихся или пиршествами или политическими интригами, угощалъ въ своемъ имѣніи, въ Шаргородѣ (въ Галиціи), русскихъ генераловъ—Кречетникова и графа Апраксина, побѣдителей барскихъ конфедератовъ (которыхъ Браницкій въ то время уже оставилъ),—когда до него дошла вѣсть о томъ, что гайдамаки завладѣли всею польскою Украиною и неистовствуютъ въ Умани. Не смѣя послать противъ гайдамаковъ свою дивизію польской народовой кавалеріи, потому что гайдамаки черезъ слугъ и „цюровъ“ (фурлейтовъ) немедленно бы узнали о приближеніи польскаго войска и легко могли скрыться въ Турціи и на Запорожьѣ, Браницкій просилъ русскихъ генераловъ взять на себя это щекотливое дѣло. Мы думаемъ, что Бра-

ницкій не могъ послать свою кавалерію потому, что силы гайдамаковъ были нешуточныя и войско Браницкаго было слишкомъ недостаточно, чтобъ подавить бунтъ во всей Украинѣ, на что, по видимому, едва ли хватило бы всѣхъ военныхъ силъ Польши.

Когда Кречетниковъ узналъ, какими мотивами руководилось народное движеніе въ польской Украинѣ и какія разглашались вѣсти объ участіи русскаго правительства въ поднятіи польскихъ крестьянъ, онъ рѣшился дѣйствовать и безъ прямаго разрѣшенія высшей власти, такъ какъ обстоятельства были такого рода, что медлить было невозможно, и только поспѣшилъ донести обо всемъ какъ въ Петербургъ, такъ и въ Кіевъ, къ тамошнему генералъ-губернатору. Онъ взялъ съ собой одинъ полкъ донскихъ казаковъ и отрядъ гусаровъ и поскакалъ въ Умань. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увѣряютъ поляки, онъ приказалъ везти вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ нѣсколько повозокъ цѣпей и веревокъ, которыми можно было бы перевязать всѣхъ плѣнныхъ гайдамаковъ.

Слѣдовавшіе съ Кречетниковымъ отряды по всей дорогѣ видѣли признаки необычайной тревоги въ населеніи, которое по видимому не знало кого считать врагомъ и кого спасителемъ. Они постоянно встрѣчали обозы, нагруженные разнымъ имуществомъ, какъ польскимъ, такъ и еврейскимъ, и всѣ эти обозы тянулись въ ближайшія, а иногда и отдаленныя польскія крѣпости, не зная гдѣ искать спасенія. Мало того, когда донцы спрашивали евреевъ, куда они намѣрены идти съ своимъ имуществомъ, тѣ отвѣчали, что „за наступившимъ на нихъ великимъ гоненіемъ,“ они дошли „даже до послѣдняго отчаянія,“ и если ихъ не примутъ въ „нѣмецкихъ странахъ,“ то они намѣрены изыскивать средства

какъ бы имъ, „всѣмъ еврейскимъ народамъ, въ Іерусалимъ переселиться и, получивъ отъ кого слѣдовать будетъ законное дозволеніе, тамъ на вѣчно остаться“. Слухи ходили и между евреями, что гайдамаки высланы въ Польшу „по указамъ“, и что цѣль Россіи въ этомъ случаѣ состояла въ томъ, чтобы, очистивъ Польшу отъ евреевъ, заселить ее „великороссійскими людьми“ ([1]).

Само собою разумѣется, что такіе странные слухи могли родиться въ Польшѣ, особенно между еврейскимъ населеніемъ, когда гайдамаки вездѣ разглашали о своей солидарности съ русскимъ правительствомъ, которое положило будто бы въ конецъ истребить Польшу, особенно ту ея часть, въ которой преобладаетъ элементъ украинскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить всѣ слѣды и еврейскаго элемента, сильно тамъ преобладавшаго. Эти-то слухи, подтверждавшіеся истребленіемъ польскаго и еврейскаго элемента въ Черкасахъ, Смилой, Лисянкѣ, Умани и во всѣхъ тѣхъ областяхъ, заставили евреевъ подумать о переселеніи въ Іерусалимъ, чтобы хоть тамъ преклонить свою голову. Слухи эти подтверждались также и появленіемъ донскихъ казаковъ, хотя эти послѣдніе весьма мирно относились къ евреямъ, которыхъ они встрѣчали на пути, и даже совѣтовали имъ не дѣлать „напрасной порухи“, а оставаться на мѣстахъ, такъ какъ — прибавляли донскіе казаки — „отъ великороссійскихъ людей, такъ же и отъ

([1]) Объ этомъ походѣ Кречетникова съ донскими казаками подъ Умань мы нашли любопытныя подробности въ рукописномъ дневникѣ одного донскаго казака или офицера Калмыкова, который, какъ видно, участвовалъ и въ польскомъ и въ турецкомъ походѣ 1769—1774 г. Выдержки изъ этого дневника обязательно сообщены намъ г. Кузнецовымъ.

донскихъ казаковъ имъ никакого истязанія и разоренія чинимо не будетъ.“ Въ одномъ мѣстечкѣ, до котораго, какъ видно, еще не успѣлъ дойдти украинскій пожаръ, а между тѣмъ слухи самаго страннаго свойства держали населеніе въ постоянномъ ожиданіи тревоги, донской полкъ былъ встрѣченъ со всѣми признаками величайшаго смятенія; но когда мѣстные жители узнали, что донцы обращаются съ ними какъ съ людьми „одинаковаго закона“, то полкъ, который долженъ былъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлать кратковременный „маршевой роздыхъ“, былъ буквально заваленъ съѣстными припасами, притащенными со всѣхъ сторонъ „возрадовавшеюся о своемъ спасеніи жидовою“, какъ выражается въ своемъ дневникѣ Калмыковъ. „Нанесла намъ оная жидова — говоритъ Калмыковъ—винъ угорскихъ и сантуринскихъ, всѣмъ казакамъ навязали въ торока курятины и гусятины, и лошадей нашихъ изъ своихъ рукъ поили, ровно бы мы къ родной матери на постой прибыли.“ Когда Кречетниковъ послѣ роздыха, велѣлъ сняться своимъ отрядамъ и слѣдовать дальше, еврейки, боясь, что за уходомъ донцовъ на нихъ нагрянутъ „хохлы“, съ воплемъ бѣжали за генераломъ, умоляя его остаться, и бросились цѣловать его ноги, хватали его за стремена, и за „чумбуръ“ удерживали его лошадь.

Чѣмъ дальше подвигались отряды Кречетникова, тѣмъ болѣе поражаемы были или запустѣніемъ нѣкоторыхъ селеній, или необычайнымъ въ нихъ движеніемъ, которое предсказывало, что и тамъ скоро долженъ вспыхнуть мятежъ. Въ одномъ мѣстѣ они встрѣтили огромный чумацкій обозъ, при приближеніи къ которому увидѣли, что всѣ чумаки, сбившись въ кучу у самой дороги, стояли на колѣняхъ и земно кланялись.“ Оказалось, что обозъ принялъ казаковъ за гай-

дамацкій отрядъ и, опасаясь, чтобъ гайдамаки не разграбили чумацкаго добра, не отняли воловъ и денегъ, чумаки заранѣе повалились въ землю и просили пощады. На другой день казаки встрѣтили въ степи, на перекресткѣ двухъ дорогъ „латинскій голубецъ“ (вѣроятно часовня), на верху котораго, на крестѣ, повѣшенъ былъ еврей, „коему лице уже изрядно было птицами поклевано.“ Это было вѣрнымъ признакомъ, что въ окрестностяхъ или уже разыгрывается гайдамачина, или только что подготовляется. Казаки, снявъ трупъ еврея съ креста, тотчасъ же его „по человѣчеству погребенію предали“, выкопавъ неглубокую могилу имѣвшимися въ обозѣ лопатами и казацкими шашками.

Но дальше трупы убитыхъ попадались все чаще и чаще, такъ что отряды Кречетникова, спѣшившіе къ Умани, уже не находили времени убирать эти тѣла и предавать землѣ. На какомъ-то уединенномъ хуторѣ, встрѣтившемся имъ на дорогѣ, они не нашли ни одной живой души, но только у колодца, вырытаго подъ хуторомъ, увидали нѣсколько труповъ, пожираемыхъ собаками и хищными птицами. „Завидѣвъ насъ—говоритъ Калмыковъ — воронье разлетѣлось, а собаки, отбѣжавъ въ сторону отъ колодца, выли жалостными голосами, потому наиболѣе полагать должно, что кормились они тѣломъ своихъ хозяевъ, кои ихъ при жизни своей кормили.“ Въ одномъ домикѣ (въ куренѣ), въ который зашли казаки на этомъ хуторѣ, они ничего не нашли, кромѣ мертваго ребенка, лежавшаго въ колыбели, а полъ въ домѣ былъ весь изломанъ и подполье изрыто.

За нѣсколько переѣздовъ до Умани, казаки проѣзжали черезъ одно селеніе, крестьяне котораго всѣ были вооружены

чѣмъ попало. Когда казаки спрашивали ихъ куда они собираются и для чего вооружились, поселяне отвѣчали:

— Засылаетъ къ намъ государыня ваша граматы и даруетъ всѣмъ намъ вольность, чтобъ казаками впредь именоваться.

— Граматы тѣ подлинно-ль вы видѣли? спрашивалъ ихъ Калмыковъ.

— Видѣли подлинно, и на граматѣ печать царская.

При этомъ поселяне говорили, что грамату привозили къ нимъ запорожскіе казаки и велѣли имъ немедленно вооружиться и идти подъ Умань, чтобы „царскимъ посламъ присягу дать на вѣрность россійскому престолу.“

Отряды Кречетникова прибыли наконецъ къ самой Умани, но изъ осторожности не подъѣхали къ городу, а остановились въ небольшомъ отъ него разстояніи, въ сельцѣ Соколовочкѣ. Чтобы судить о силѣ гайдамаковъ и расположеніи ихъ стана, Кречетниковъ оставилъ весь полкъ въ помянутомъ сельцѣ и съ нѣсколькими донцами отправился къ гайдамакамъ. Подъѣзжая къ ихъ лагерю, онъ былъ сначала остановленъ передовыми ихъ караулами, но когда начальники освѣдомились о томъ, кто прибылъ, то его тотчасъ же пропустили въ самый станъ. Липоманъ говоритъ, что Кречетниковъ, прибывъ подъ Умань, не тотчасъ же поѣхалъ въ гайдамацкій станъ, а послалъ просить къ себѣ Желѣзняка и Гонту, велѣвъ сказать, что ему нужно посовѣтоваться съ ними объ очень важномъ для нихъ и выгодномъ дѣлѣ. Но осторожные предводители черни не сразу поддались на уловку москаля. Они велѣли отвѣчать Кречетникову, что ихъ нѣтъ въ станѣ.

Кречетникову приходилось хитрить, тѣмъ болѣе, что силы

гайдамаковъ были весьма не ничтожны. Двухтысячная ватага ихъ была хорошо вооружена; гайдамацкая кавалерія имѣла добрыхъ коней, потому что было изъ чего выбирать. Артилерія ихъ имѣла пятнадцать пушекъ. Кромѣ того значительныя шайки гайдамаковъ рыскали по всей странѣ, и эти шайки съ своими ватажками могли явиться на помощь своей главной арміи. Наконецъ сторону гайдамаковъ держали крестьяне, и они легко могли поголовно двинуться на русскіе отряды, если бы провѣдали, что Кречетниковъ держитъ сторону поляковъ.

Кречетниковъ, взявъ съ собой нѣсколько офицеровъ, самъ поѣхалъ въ гайдамацкій станъ. Онъ нашелъ этотъ станъ довольно укрѣпленнымъ и хорошо оберегаемымъ разставленными вездѣ караулами, которые находились и въ городѣ, и за городомъ. Вокругъ стана, на большомъ разстояніи, бродили табуны лошадей, стада овецъ, рогатаго скота, оберегаемые стражей. Въ станѣ лежало кучами награбленное польское и еврейское имущество, мѣдныя деньги ссыпаны были въ особыя кучи, а серебро въ кадочки. Желѣзнякъ и Гонта приняли Кречетникова дѣйствительно по княжески. И тотъ и другой были въ богатой одеждѣ, въ шелковыхъ цвѣтныхъ „чекменяхъ“ съ золотыми украшеніями. Около нихъ стояли есаулы съ булавами. Въ лагерѣ слышенъ былъ шумъ и говоръ. Въ иныхъ мѣстахъ гайдамаки играли въ карты и шашки. Кречетникова приняли какъ гостя, и онъ старался обходиться съ коноводами гайдамаковъ самымъ вѣжливымъ образомъ, показывая видъ, что нуждается въ ихъ помощи.

— Прослышали мы, сказалъ Желѣзнякъ, обращаясь къ Кречетникову,—что россійская армія надъ проклятыми поляками не безъ побѣды.

Кречетниковъ отвѣчалъ, что они дѣйствительно „надъ бунтовниками и ослушниками указовъ ея императорскаго величества знатныя баталіи обдерживали и впредь таковыя обдерживать не безнадежны.“

— Великой государынѣ и мы служить охотны, сказалъ Гонта, и за ея интересы до пролитія всей своей крови стоять будемъ.

Тогда Желѣзнякъ, подходя къ двери своей палатки и указывая рукою по направленію къ Умани, спросилъ Кречетникова:

— А вы бачили, пане-генерале, що мы въ Умани наробили?

— Видѣлъ, отвѣчалъ Кречетниковъ.

— И то мы наробили по указу и по благословенію владыки, замѣтилъ Гонта.

А Желѣзнякъ, показывая на свои ноги, обутыя въ желтые съ серебряными подковами сапоги, сказалъ:

— Отъ сими подковками я буду и въ Варшавѣ брязчати, ляхамъ жалю завдавати.

Кречетниковъ сталъ объяснять имъ свои намѣренія, которыя главнымъ образомъ и привели его къ гайдамакамъ. Кречетниковъ передалъ Желѣзняку и Гонтѣ, что хотя войска конфедератовъ и разбиты русскою арміею, однако часть конфедератовъ заперлась въ Бердичевѣ, въ кармелитскомъ монастырѣ, который былъ достаточно укрѣпленъ. Русское войско держало Бердичевъ въ осадѣ, но крѣпости взять не могло, и потому Кречетниковъ просилъ Желѣзняка и Гонту дѣйствовать за одно съ русскими войсками и помочь ему добыть Бердичева. Желѣзнякъ и Гонта охотно согласились на это предложеніе.

Тучапскій между тѣмъ говоритъ, что въ Умань прибылъ прежде не Кречетниковъ, а поручикъ Кривой только съ шестьюдесятью казаками, а что уже послѣ подоспѣлъ цѣлый полкъ карабинеровъ подъ командою полковника Нолкина. Показаніе это впрочемъ не противорѣчитъ и другимъ показаніямъ историковъ и хроникеровъ объ этой эпохѣ, такъ какъ и поручикъ Кривой и полковникъ Нолкинъ могли оба состоять подъ командою генерала Кречетникова. По словамъ Тучапскаго, гайдамаки сильно испугались, узнавъ о прибытіи русскихъ, и положили было вести себя осторожно и избѣгать сношеній съ русскими солдатами; но умный поручикъ (Кривой) такъ ловко успѣлъ увѣрить гайдамаковъ въ своей искренней дружбѣ, что убѣжденные Желѣзнякъ и Гонта не только его къ себѣ на банкеты приглашали и подарки ему дѣлали, но даже согласились, чтобы онъ свои вмѣстѣ съ разбойничьими поставилъ караулы. Чтобы однакожъ оправдать свои дѣйствія передъ русскимъ офицеромъ и тѣмъ болѣе съ нимъ сблизиться, гайдамаки показали ему упомянутый выше указъ императрицы, Мельхиседекомъ изобрѣтенный, изъявляя ему готовность исполнить всѣ повелѣнія ея императорскаго величества и въ ея службѣ и послѣднюю каплю крови пролить. Для того они предлагали вмѣстѣ съ казаками (донскими) идти въ Бердичевъ, для уничтоженія тамъ конфедератовъ. Все это похвалилъ поручикъ, обѣщая, что имъ будетъ сопутствовать цѣлый полкъ карабинеровъ, который уже приближался къ Умани. Но онъ требовалъ прежде, чтобы тѣ изъ поселянъ (вооруженныхъ), которые имѣютъ свое хозяйство и семейства, были оставлены въ домахъ, ибо они не могутъ выдержать военныхъ трудовъ и невзгодъ, а привязанность ихъ къ своему достоянію и семей-

ствамъ, кромѣ замѣшательства и непорядка, ничего другаго принести не можетъ. Между тѣмъ край опустѣетъ, не имѣя рукъ для занятія хлѣбопашествомъ. Мнѣніе его одобрено и сдѣлано обѣщаніе, что всѣ вышеупомянутые люди, равно какъ и тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ довольно мужества къ перенесенію трудовъ и приключеній, свойственныхъ военному быту, особенно во время похода, могутъ оставить войско (гайдамацкое ополченіе) и въ домы свои возвратиться. Въ самомъ дѣлѣ, многіе крестьяне этого приказу послушались, но гораздо большее число осталось на мѣстѣ.“

Дѣйствительно, и по свидѣтельству другихъ писателей, сношенія Кречетникова съ гайдамаками происходили почти такимъ образомъ, какъ выше описано. Когда Желѣзнякъ выразилъ русскому генералу согласіе идти не только подъ Бердичевъ, но обѣщалъ потоптать своими серебряными подковками даже Варшаву, Кречетниковъ, желая окончательно выиграть расположеніе гайдамаковъ, сталъ учащать къ нимъ свои визиты. Всякій разъ, пріѣзжая къ нимъ, онъ обходился съ Желѣзнякомъ и Гонтою съ притворною вѣжливостью ([1]), и наконецъ снискалъ со стороны ихъ такое довѣріе, что и они осмѣлились заплатить Кречетникову визитъ въ его ставкѣ ([2]).

([1]) ...«z udaną grzecznością.» Lip.

([2]) Эти посѣщенія Кречетникова съ донскими казаками гайдамацкаго лагеря разумѣетъ, вѣроятно, и народный разсказъ, который говоритъ, что когда гайдамаки завладѣли Уманью и поставили вездѣ свои караулы, вдругъ ѣдутъ два «доны» („донцы), „одинъ какъ бы старшина, а другой простой. Желѣзнякъ принялъ ихъ какъ гостей: такъ угощаетъ что куды! Какъ вотъ спустя немного времени, ѣдутъ опять три донца. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ вотъ ѣдетъ уже человѣкъ пять гусаръ. Тогда онъ и догадался, что будетъ бѣда...» Зап. о южн. Рус.

Калмыковъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ объ одной случайности, которая вполнѣ обрисовываетъ честолюбивую натуру Желѣзняка. Кречетниковъ, ласково принявъ Желѣзняка и Гонту, которые пріѣхали въ сопровожденіи есауловъ съ булавами, сталъ радушно угощать ихъ. Въ это время донскіе казаки, собравшись въ кружокъ, по приказанію Кречетникова запѣли военныя пѣсни для увеселенія гостей. Желѣзнякъ долго слушалъ и потомъ, подпивши немного, обратился къ Гонтѣ съ такими словами:

— И объ насъ, пане Гонто, будутъ пѣть такія пѣсни, ибо мы, подражаючи Хмѣльницкому, землю русскую отъ ляховъ и жидовъ чистою сдѣлали.

Вообще Кречетниковъ обходился съ начальниками мятежа самымъ предупредительнымъ образомъ, желая польстить ихъ самолюбію и чрезъ то усыпить ихъ бдительность. Онъ устраивалъ имъ попойки, на которыхъ гайдамаки, впрочемъ, вели себя по видимому сдержанно. Кречетниковъ ласкалъ ихъ сколько могъ и даже провожалъ ихъ домой, какъ бы между ними существовала самая искренняя пріязнь ([1]). Гайдамаки все болѣе и болѣе поддавались на ласки и любезности, и Кречетниковъ все болѣе пріобрѣталъ ихъ довѣріе. Особенно же, по свидѣтельству Калмыкова, гайдамакамъ нравились донскіе казаки, которые хвастались передъ украинскими казаками своею ловкою ѣздой на коняхъ, стрѣльбою въ цѣль и разными воинскими артикулами, такъ что Желѣзнякъ не разъ говорилъ одобрительно:

([1]) Кречетниковъ Желѣзняка и Гонту «jak przyjaciel wyprowadzał, i u nich tak'e często bywal, dom nawet Gonty i jego familią, jak swiadczy Krebsowa, odwiedział.“ Lip.

— У нашей матушки государыни добрыхъ воинскихъ людей не безъ достатка.

Съ своей стороны Гонта похвалялся „городскими казаками“, а Желѣзнякъ на это замѣтилъ:

— Съ донскими, такожъ и съ запорожскими казаками мы своей матушкѣ подъ ея царскую руку не токмо Польшу, но и весь свѣтъ покорить не сумнѣваемся.

Когда такимъ образомъ установилось видимое довѣріе съ обѣихъ сторонъ, Кречетниковъ напомнилъ Желѣзняку и Гонтѣ, что пора уже готовиться къ началу соединенныхъ военныхъ дѣйствій. При этомъ онъ указалъ имъ на отсутствіе военнаго порядка въ ихъ станѣ, на неправильность въ распредѣленіи отрядовъ и неудобства въ передвиженіи обоза. Онъ совѣтовалъ имъ привести обозъ въ возможный порядокъ и такой же порядокъ установить въ гайдамацкомъ войскѣ. Онъ просилъ дозволить ему вмѣстѣ съ начальниками гайдамаковъ осмотрѣть ихъ войска, вооруженіе, если можно раздѣлить гайдамаковъ на сотни и, исправивъ всѣ военныя потребности, тогда уже назначить походъ противъ Бердичева.

Какъ ни былъ остороженъ и догадливъ Желѣзнякъ, не даромъ проведшій и дѣтство и молодость въ Запорожьѣ, видавшій всякіе воинскіе порядки, наученный быть вѣчно на сторожѣ, особенно съ москалями, которые между украинцами всегда пользовались репутаціей хитрыхъ и вѣроломныхъ, однако московское лукавство побѣдило и его запорожскую осторожность. Гонта, по видимому, былъ довѣрчивѣе своего товарища и потому во всемъ шелъ по слѣдамъ Желѣзняка. Притомъ же и тотъ и другой все еще сомнѣвались нѣсколько въ правотѣ своего дѣла и, зная московскую строгость, боялись отвѣтственности, смутно сознавая, что въ ихъ казацкихъ под-

вигахъ не все можетъ быть одобрено русскимъ правительствомъ, и потому желали заручиться такимъ товарищемъ, какъ генералъ Кречетниковъ, который, въ случаѣ невзгоды, могъ бы служить для нихъ защитой. Въ виду этихъ соображеній, Желѣзнякъ и Гонта велѣли собраться своему войску для смотра, привели въ порядокъ обозъ, коней, оружіе, и когда все было готово и люди (1) заняли свои мѣста,— они пригласили къ себѣ Кречетникова.

Кречетниковъ пріѣхалъ въ гайдамацкій лагерь съ своими офицерами. Калмыковъ говоритъ, что когда они проѣзжали мимо одного оврага, подъ самымъ городомъ, то на днѣ оврага они видѣли множество костей, изъ коихъ многія были обглоданы собаками и обнажены отъ тѣла хищными птицами, но на иныхъ еще оставалось „черное мясо“, однако, прибавляетъ очевидецъ, различить было невозможно, „всѣ ли въ томъ баракѣ (буеракѣ) кости были отъ людей, въ бывшее въ томъ городѣ рѣзовище побитыхъ, или же часть оныхъ были кости конскія.“ Въ гайдамацкомъ лагерѣ Кречетниковъ тотчасъ занялся, вмѣстѣ съ гайдамацкимъ начальствомъ, осмотромъ ихъ обоза, дѣлалъ смотръ людямъ, пересмотрѣлъ все ихъ вооруженіе, лошадей, сѣдла и проч. Гайдамаки тотчасъ были раздѣлены на сотни, по тому указанію, какъ дѣлалъ Кречетниковъ. Наконецъ онъ посовѣтовалъ имъ ввести въ гайдамацкомъ войскѣ такіе же порядки, какіе были въ его отрядахъ, а главное онъ рекомендовалъ имъ устроить особую гауптвахту (odwach), гдѣ, подъ присмотромъ часовыхъ, сложено было бы оружіе. Затѣмъ онъ совѣтовалъ, чтобы

---

(1) ....jeżeli ich godzi się nazwać ludzmi,—прибавляетъ при этомъ Липоманъ.

каждая гайдамацкая сотня имѣла особый станъ (stanowisko). Гайдамаки, слѣдуя совѣтамъ Кречетникова, все это исполнили. Затѣмъ Кречетникову оставалось только привести къ окончанію свой губительный для гайдамаковъ планъ.

Донскіе казаки и русскіе солдаты, прибывшіе съ Кречетниковымъ, приблизились также къ гайдамацколу табору и стали особымъ обозомъ.

Когда Кречетниковъ, такимъ образомъ, подготовилъ все, чтобы гайдамацкихъ начальниковъ и всю ихъ ватагу забрать живьемъ въ руки. Желѣзнякъ неожиданно исчезъ... Этотъ коноводъ гайдамачины, прибавляетъ при этомъ Липоманъ, — былъ дальновиднѣе всѣхъ своихъ сотоварищей, и, какъ надо полагать, давно подозрѣвалъ, что Кречетниковъ задумалъ что-то недоброе, хотя сомнѣній своихъ не довѣрилъ даже Гонтѣ, вѣроятно зная, что и помощь Гонты не спасетъ его отъ русской силы. Когда другіе гайдамаки пьянствовали, онъ одинъ оставался трезвымъ и, видя, что русскіе отряды уже стали бокъ о бокъ съ его отрядами, сказалъ своимъ товарищамъ, съ которыми началъ гайдамацкое дѣло еще въ лебединскомъ монастырскомъ лѣсу:

— Не уберетъ меня, запорожца, москаль въ свои шоры.

Это было въ ночь съ 16 на 17 іюня: Желѣзнякъ ускользнулъ изъ рукъ Кречетникова въ то самое время, когда его оставалось связать веревками и желѣзными путами, какъ потомъ донцы и карабинеры перевязали всѣхъ остальныхъ гайдамаковъ.

Желѣзнякъ бѣжалъ изъ гайдамацкаго стана съ нѣсколькими изъ приверженцевъ своихъ, не предувѣдомивъ даже Гонту. Кречетниковъ, узнавъ обѣ этомъ раньше Гонты и видя, что исчезновеніе Желѣзняка привело Гонту въ смуще-

ніе, поспѣшилъ окончаніемъ своего плана, изъ опасенія, чтобъ и Гонта не ускользнулъ у него изъ рукъ. Онъ шутя сказалъ Гонтѣ:

— Поспѣшимъ, пане Гонто, къ Бердичеву, а то панъ Желѣзнякъ одинъ его добудетъ и намъ передъ людьми будетъ стыдно.

— Желѣзнякъ безъ меня не станетъ добывать Бердичева, отвѣчалъ Гонта.

Но когда Кречетниковъ сказалъ ему, что Желѣзнякъ исчезъ, Гонта, видимо раздосадованный, замѣтилъ:

— Запорожцу, яко сущему вору, вѣрить не слѣдуетъ,— или обманетъ, или украдетъ.

— А панъ Гонта не запорожецъ? спросилъ Кречетниковъ.

— Я обыватель и дворянинъ, отвѣчалъ Гонта,—у меня жена и хозяйство въ изобиліи.

Воспользовавшись неудовольствіемъ Гонты на исчезнувшаго Желѣзняка, Кречетниковъ сталъ обходиться съ нимъ еще ласковѣе и дружественнѣе и, думая назначить на другой день походъ, просилъ Гонту показать ему свое имѣніе, находившееся въ селѣ Росушкахъ. Предлогомъ этого визита служило отчасти то, что Гонта, передъ походомъ долженъ былъ проститься съ своимъ семействомъ, а главное — что Кречетниковъ, льстя Гонтѣ и другимъ гайдамакамъ-атаманамъ, выразилъ желаніе лично познакомиться съ семействомъ новаго русскаго воеводы и князя уманскаго. Гонта, говорятъ, охотно согласился угостить у себя генерала съ его штабомъ, и потому всѣ тотчасъ же собрались въ путь. Гонта ѣхалъ на бѣломъ, „знатной крови“ турецкомъ конѣ, окруженный своими атаманами и сотниками въ богатыхъ на-

рядахъ. Впереди и позади скакали гайдамаки. Въ Росушкахъ, во время пиршества, русскіе офицеры употребляли всѣ усилія, чтобы гайдамацкіе атаманы и самъ Гонта перепились окончательно, а между тѣмъ сами должны были воздерживаться отъ питья. „Русскіе офицеры и донцы, говоритъ г. Скальковскій, — исполнили это дѣло весьма удачно, даже гусары водки не пили.“ Подъ вечеръ вся компанія воротилась въ лагерь подъ Умань.

Между тѣмъ Кречетниковъ распорядился, чтобы въ то время, когда они съ старшиною будутъ пировать въ Росушкахъ, въ лагерѣ тоже должна была происходить попойка въ обоихъ войскахъ, какъ въ гайдамацкомъ, такъ и въ русскомъ. Гайдамакамъ выкатили нѣсколько бочекъ горѣлки. Солдатамъ своимъ, стоявшимъ особымъ обозомъ, въ виду гайдамацкаго табора, Кречетниковъ строго запретилъ напиваться; но чтобы легче обмануть гайдамацкую подозрительность, онъ велѣлъ своимъ солдатамъ показывать видъ, что и они пьютъ въ своемъ лагерѣ, но только чтобы вмѣсто водки солдаты пили простую воду, „выкрикивая здоровье“ гайдамаковъ ([1]). Гайдамаки, накинувшись на водку, пили ее до отвалу (do zbytku), и наконецъ перепились до того, что потеряли всякое сознаніе и забыли всякую осторожность. Часовые ихъ также перепились.

Гонта, воротившись изъ Росушекъ пьяный, не отдалъ никакихъ приказаній, а сотники съ своей стороны не сдѣлали никакихъ распоряженій, не имѣя приказа отъ главы всего

([1]) «Swoim sołdatom, osobnym obozem stojącym, zakazał (Кречетниковъ), iżby jéj (горѣлки) nie pili i nie łączili się z tymi buntownikami, lecz żeby pili wodę, wykrzykując za ich zdrowie».

гайдамацкаго ополченія, и такимъ образомъ настала ночь, столь памятная въ исторіи уманской рѣзни. Въ этотъ же вечеръ, послѣ захожденія солнца, прибыли и каргопольцы и расположились биваками подъ самымъ гайдамацкимъ лагеремъ. Гайдамаки, видя возы, нагруженные цѣпями, колодками и веревками, спрашивали казаковъ:

— Чего это вы, москали, привезли къ намъ?

— Сухари, отвѣчали казаки.

— А мы сухарей не ужуемъ, говорили пьяные гайдамаки: у насъ вся страва мягкая.

— Мы ѣдимъ только курятину и баранину, хвастались другіе: поживите, москали, съ нами, и вы богатыми быть должны.

— Долой московскіе сухари, кричали третьи (1).

Казаки едва могли успокоить этихъ недовольныхъ „московскими сухарями,“ и когда наступила ночь, весь гайдамацкій станъ погрузился въ глубокій сонъ.

XX.

Въ эту ночь у Кречетникова было уже въ распоряженіи довольно значительное войско, такъ что онъ могъ бы при дружномъ нападеніи на толпы гайдамаковъ разбить ихъ и безъ помощи обмана, безъ спаиванья гайдамацкихъ начальниковъ и всего гайдамацкаго ополченія. У него былъ полкъ донскихъ казаковъ, въ количествѣ, по свидѣтельству Липо-

(1) Дневникъ Калмыкова.

мана, до тысячи коней, полкъ карабинеровъ, гусары и драгуны. Но ему недостаточно было разбить на голову и даже уничтожить гайдамацкія ватаги: въ его разсчеты входила та цѣль, чтобы, если возможно, всѣхъ ихъ забрать живьемъ, не употребляя кровопролитія.

Онъ такъ и поступилъ. Когда въ гайдамацкомъ станѣ уже не было видно никакихъ признаковъ бодрствованія, когда главные гайдамаки заснули въ своихъ палаткахъ, а вслѣдъ за ними уснули и пьяные часовые, равно и караульные посты, стерегшіе лошадей, Кречетниковъ скомандовалъ начинать дѣло. Донскіе казаки, ловкіе загонщики табуновъ, тотчасъ же отбили гайдамацкихъ коней отъ лагеря и угнали въ степь, такъ что караульные ничего не слыхали. Остальные отряды оцѣпили весь гайдамацкій станъ, такъ что никто не могъ пробраться, еслибъ и произошла нечаянно тревога. Пушки, боевые припасы и другое оружіе, сложенное особо, по совѣту Кречетникова, немедленно было обведено особой цѣпью, и такимъ образомъ спящіе гайдамаки очутились отрѣзанными какъ отъ своихъ коней, такъ и отъ артилеріи. Донцы, гусары и драгуны явились въ лагерь съ веревками, цѣпями, колодками и „кляпами“ для забиванья ртовъ гайдамакамъ, въ случаѣ если который либо изъ нихъ сталъ бы кричать.

Захватъ всей гайдамацкой старшины сдѣланъ былъ необыкновенно быстро и успѣшно. Сонныхъ и полусонныхъ сотниковъ, атамановъ и прочихъ пьяныхъ гультаевъ вязали веревками, забивали въ колодки, связывали попарно, забивая рты кляпами. Нѣкоторые изъ гайдамаковъ, пробужденные шумомъ и крикомъ товарищей, хватались было за оружіе и убили нѣсколько солдатъ; но донцы такъ ловко и скоро вязали ихъ, что весь лагерь скоро былъ перевязанъ. Когда

нѣкоторые изъ гайдамаковъ спасались бѣгствомъ, въ нихъ не велѣно было стрѣлять, а хватать живьемъ и безъ всякаго шума завязывать ротъ. Старый гайдамакъ, служившій вмѣсто конюха у Желѣзняка и случайно спасшійся отъ общей участи, разсказывалъ впослѣдствіи, что донцы вязали гайдамакъ подвое вмѣстѣ: свяжутъ двоихъ руками и спинами одинъ къ другому, да и земли мѣшокъ положатъ—такъ они бѣдные и стоятъ вмѣстѣ.“ Одинъ изъ гайдамацкихъ есауловъ, по имени Ѳома, схвативъ оружіе, сталъ кричать: „измѣна! измѣна!“—но окруженный донцами, онъ былъ схваченъ, хотя и убилъ нѣсколько донцовъ. Другіе связаны были сонными, не понимая что съ ними дѣлается. Другіе, пользуясь темнотою ночи и общимъ смятеніемъ, успѣли было проскользнуть изъ лагеря, пробравшись ползкомъ подъ брюхомъ лошадей, на которыхъ сидѣли русскіе гусары, окружая таборъ живою стѣною, но и этихъ послѣ переловили. Гайдамаковъ было такъ много, что у русскихъ не достало веревокъ и колодокъ, и тогда ихъ продержали до утра подъ карауломъ, а утромъ уже позапирали въ погреба и ямы.

Гонта былъ захваченъ въ числѣ первыхъ. Когда стали вязать его есаула, спавшаго съ нимъ въ одной палаткѣ, есаулъ закричалъ:

— Гонта! Гонта! мы пропали.

— Спи, чертовъ сынъ,—не мѣшай мнѣ спать, отвѣчалъ полусонный Гонта, и былъ тотчасъ же связанъ.

На утро, когда Гонту привели къ Кречетникову и генералъ сказалъ ему, что долженъ „препоручить его законной власти,“ Гонта мрачно спросилъ:

— Какой? Вашей россійской или же моей польской?

— Ты польскій подданный, отвѣчалъ Кречетниковъ, и польскимъ закономъ судиться долженъ.

— Такъ закуй и себя вмѣстѣ со мною: ты самъ говорилъ, что въ баталіяхъ до нѣсколько тысячъ ляховъ вырѣзалъ.

Кречетниковъ приказалъ увести его подъ стражу ([1]).

([1]) У Тучапскаго разсказъ объ арестованіи Гонты и Желѣзняка въ главныхъ чертахъ расходится съ приведеннымъ нами разсказомъ. Тучапскій говоритъ, что когда въ лагерѣ отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ гайдамаки готовились вмѣстѣ съ русскими въ походъ подъ Бердичевъ, русскій поручикъ Кривой, заправлявшій всею этой военной выдумкой, посовѣтовалъ гайдамакамъ приготовить пиръ для всего своего табора, какъ бы для возбужденія въ нимъ охоты и отваги. На этомъ пиру всѣ гайдамаки такъ употчивались водкою и медомъ, что едва ли кто-либо изъ нихъ остался въ силахъ или при здравомъ умѣ, между тѣмъ русскіе солдаты, которые заохочивали ихъ къ пьянству, сами остались совершенно трезвы. Когда Желѣзнякъ и Гонта совершенно опьянѣли, Кривой, притворясь тоже пьянымъ, пригласилъ Желѣзняка и Гонту на свою квартиру въ городъ. Тѣ согласились, и когда пробыли тамъ нѣсколько времени, въ дружеской бесѣдѣ, какъ поручикъ получилъ наконецъ свѣдѣніе, что карабинеры, которыхъ онъ ждалъ, прибыли и уже близко отъ гайдамацкаго табора,—тогда онъ приказалъ тотчасъ же заковать въ желѣза и Гонту и Желѣзняка, и съ ними еще нѣсколько гайдамаковъ, находившихся въ томъ же домѣ. «Оцѣпенѣли отъ ужаса Желѣзнякъ и Гонта, когда донцы бросились на нихъ и, изъ опасенія, чтобы крикомъ не возмутили другихъ, забили имъ рты кляпами и послѣ били ихъ по лицу, и крѣпкими цѣпьми связали. Сидя въ одномъ углу комнаты, только кивая головою, они могли оплакивать горькую участь, которую вмѣстѣ заслужили». Точно также донцы и карабинеры окружили таборъ. Гайдамаки не испугались этого движенія русскихъ, потому что считали ихъ союзниками. Но когда услышали приказъ немедленно положить оружіе, то есаулъ Ѳома, закричавъ: «измѣна! измѣна!» и схвативъ оружіе, убилъ нѣсколько донцовъ, а потомъ, окруженный другими, погибъ самъ. Другіе гайдамаки, бросившіеся тоже защищаться,

Вмѣстѣ съ Гонтой взяты были и другіе коноводы мятежа. Мартынъ Бѣлуга, бывшій жаботинскій сотникъ, Василій Шило, Попатенко—балтскій сотникъ. Но не нашли между плѣнными ни Желѣзняка, ни Семена Неживаго, ни Швачки, ни Журбы. Оказалось, что Желѣзнякъ, наканунѣ этой катастрофы, захвативъ вѣрнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ Неживаго, Швачку, Журбу, а также Василія Волошина, молдавскаго чабана, и Ивана Саражина, бѣглаго изъ Новороссійскаго поселенія гусара, какъ самыхъ опытныхъ и самыхъ отчаянныхъ гайдамаковъ, достойныхъ своего предводителя, ушелъ изъ подъ Умани съ отрядомъ не болѣе двадцати человѣкъ. Бывшаго тарговицкаго сотника Власенка (или Уласенка), котораго Желѣзнякъ, по разореніи Умани, поставилъ въ губернаторы этого города, давно не оказалось въ гайдамацкомъ войскѣ. Послѣ кратковременнаго управленія Уманью, этотъ импровизированный губернаторъ изъ гайдамаковъ, захвативъ свои деньги и сколько могъ изъ награбленнаго польскаго и еврейскаго добра, черезъ Балту пробрался въ Буджакъ, а оттуда за Дунай въ Молдавію ([1]).

объяты были паническимъ страхомъ и, не видя предводителей, тотчасъ же покорились. Большая часть или такъ были пьяны, или такъ крѣпко спали, что даже ничего не могли знать, какая постигла ихъ участь. Когда солдаты вязали ихъ веревками и забивали въ колодки, то въ этомъ помогали имъ и крестьяне, призванные изъ села Городецкаго, ближайшаго къ Умани. Все взятое у гайдамаковъ имущество было передано полковнику Нолкину. Но и послѣ того цѣлыми десятками приводили гайдамаковъ и записывали въ реестры. «Всѣхъ же со всего обдирали» (кто? русскіе?). Тоже самое почти говоритъ и Липоманъ на основаніи показаній Тучапскаго. Но что Желѣзнякъ не былъ взятъ вмѣстѣ съ Гонтою, это доказываютъ его подвиги въ Балтѣ и въ Голтѣ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

([1]) Польскіе писатели говорятъ о немъ, что Уласенко, назна-

Захвачено было всего 887 гайдамаковъ. Если судить по этому числу, то уничтоженіе Кречетниковымъ гайдамацкой ватаги было далеко не полное, такъ какъ подъ Уманью стояло болѣе двухъ тысячъ гайдамаковъ. Число это, впрочемъ, мы находимъ только у г. Скальковскаго. Что же касается до польскихъ писателей, то они, какъ напримѣръ Липоманъ, говорятъ, что число это было несравненно больше. У Липомана положительно упоминается, что „таковымъ мудрымъ распоряженіемъ тотъ достопочтенный и достойный (czcigodny i dostojny) предводитель (Кречетниковъ) съ далеко меньшимъ числомъ людей, безъ потери хотя бы одного человѣка и безъ выстрѣла, захватилъ до *четырехъ тысячъ* вооруженныхъ и имѣющихъ пушки бунтовщиковъ“ (1). Остальная ихъ часть, въ такомъ же, а можетъ быть и большемъ числѣ, находилась по деревнямъ и селамъ около Умани. Имѣя своихъ предводителей, а иногда и завися отъ ватажковъ, которые оставались въ главномъ таборѣ, всѣ эти толпы не могли быть въ одно время въ Умани, отчасти потому, что занимались разбоями на сторонѣ, и отчасти потому, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и какъ это уже было и въ пугачевщину, не всегда слушались приказаній своихъ предводителей (2) и бродили вездѣ по своему собственному усмотрѣнію, такъ что Кречетниковъ не могъ захватить сразу

ченный «humańszczyzny rządcą... najlepiéj na tym urzędzie wyszedł, bo zabrawszy pieniądze, na włoszczyznę uciekł». А потому мы не встрѣчаемъ его въ числѣ захваченныхъ Кречетниковымъ.

(1) Przyjaciel Ludu, стр. 171.

(2) „...Zwykłém, jak w takim lotrowskim zbiorze, nieposłuszeństwem i opieszałością w wykonaniu ich (watażków) rozkazów powadowana“ (część).

и десятой части бунтующаго и съ оружіемъ въ рукахъ вездѣ шатавшагося народа. Притомъ же, однихъ уманскихъ казаковъ, измѣнившихъ городу и приставшихъ къ гайдамакамъ, было около двухъ тысячъ кромѣ „лизней“, которые тоже соединились съ Желѣзнякомъ и Гонтою.

Но какъ бы то ни было, только распорядительности и находчивости русскихъ военачальниковъ (кто бы они ни были—генералъ ли Кречетниковъ, полковникъ ли Нолкинъ или Гурьевъ или, наконецъ, казацкій поручикъ Кривой) Польша была въ данномъ случаѣ обязана тѣмъ, что главное гнѣздо гайдамаковъ было разгромлено и въ народномъ движеніи, принявшемъ столь опасные размѣры, уже не было сосредоточенности. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, удачный ударъ въ центръ тяготѣнія разгулявшихся народныхъ силъ поколебалъ все остальное, и уже послѣ уманскаго погрома гораздо легче было тушить пожаръ, все еще продолжавшій перебѣгать съ мѣста на мѣсто по польской Украинѣ. Оттого польскіе писатели расточаютъ самыя лестныя похвалы Кречетникову, который, впрочемъ, оказался далеко не такимъ находчивымъ въ Саратовѣ и Астрахани, черезъ шесть лѣтъ, во время пугачевщины, какимъ оказался подъ Уманью. Съ гайдамачиной, какъ видно, легче было справиться, чѣмъ съ пугачевщиной. За то на мѣстныхъ польскихъ начальниковъ, и въ особенности на уманскаго губернатора, современные польскіе историки возлагаютъ тяжкое обвиненіе въ томъ, что ихъ бездѣятельность и отсутствіе находчивости были причиною не только пролитія рѣчекъ человѣческой крови, но и того, что эти слабые люди дали усилиться народному движенію, которое польскіе хроникеры называютъ „ядовитымъ гадомъ.“

Польскіе хроникеры уманской рѣзни утверждаютъ, что въ

томъ положеніи, въ какомъ находилась Умань во время нападенія на нее Желѣзняка, одна уманская милиція, еслибъ только ею расторопно и умно управляли, въ состояніи была загасить пожаръ, охватившій польскую Украину. Милиція эта была довольно многочисленна, хорошо организована и сконцентрирована въ одномъ мѣстѣ, а не была разбросана, какъ милиція другихъ губернаторовъ польскихъ. Она имѣла, кромѣ того, пѣхоту и пушки. У нея была, наконецъ, хорошо защищенная и всѣмъ необходимымъ для выдержанія осады снабженная крѣпость. При этомъ польскіе писатели указываютъ на расторопность и умъ русскихъ, преимущественно Кречетникова. Одинъ русскій полкъ подъ начальствомъ этого человѣка, вспомоществуемый (podsycony) тысячью донскихъ казаковъ, успѣлъ потушить пожаръ, когда сила этого пожара значительно возросла въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ моментъ приближенія Желѣзняка подъ Умань. Въ то время онъ располагалъ большею частью нестройными ватагами крестьянъ, между которыми былъ незначительный процентъ городовыхъ казаковъ изъ Лисянки, Черкасовъ и другихъ мѣстечекъ, уже взятыхъ Желѣзнякомъ, и еще менѣе значительный процентъ опытныхъ и хорошо вооруженныхъ воиновъ - запорожцевъ. У Желѣзняка не было тогда еще ни уманскихъ казаковъ, хорошо выдержанныхъ и привыкшихъ къ войнѣ, ни крѣпости, никакой артилеріи, какую онъ имѣлъ уже послѣ взятія Умани. Между тѣмъ „мудрый Кречетниковъ“, съ его слабыми средствами сравнительно съ войскомъ гайдамаковъ, умѣлъ задушить этого „ядовитаго гада“ уже послѣ разоренія Умани, хотя гадъ этотъ былъ несравненно сильнѣе того, что онъ былъ до разоренія Умани. Все это доказываетъ, по мнѣнію польскихъ писателей, что Умань дурно была защищае-

ма и что ея милиція управлялась недостойными начальниками. Вездѣ оплошность, недосмотръ, слабость, трусость.

Тоже явленіе бросалось намъ въ глаза при изученіи подробностей пугачевщины и тѣ же обвиненія обрушились на головы дѣйствовавшихъ тогда русскихъ и нѣмецкихъ начальниковъ, начиная отъ губернаторовъ, воеводъ, оберъ-комендантовъ и комендантовъ и кончая гарнизонною „негодницею“ и „срамцами“. Только одинъ Кречетниковъ въ гайдамачину дѣйствовалъ мудро и расторопно (rostropnie), а въ пугачевщину вяло и двусмысленно.

Правда—оговариваютъ польскіе писатели—что гайдамаки ни на какую уловку не поддались бы и никакою военною хитростью не могли бы быть проведены. Но если бы приняты были умныя мѣры, то и безъ всякихъ военныхъ уловокъ можно было бы ихъ и остановить во время и уничтожить во время. Въ Могилевѣ стояла надворная пѣхота, которая могла бы быть призвана въ Умань. Въ соединеніи съ уманскимъ полкомъ, хорошо выдержаннымъ и безукоризненно вооруженнымъ, съ прибавкою артиллеріи, „лизней“ и конфедератовъ, отрядъ этотъ, „если бы отданъ былъ умному и расторопному предводителю, однимъ ударомъ могъ разсыпать сволочь Желѣзняка и усмирить бунтъ.“

Таково мнѣніе польскихъ писателей. Мы же съ своей стороны полагаемъ, что въ обыкновенной войнѣ все это могло бы быть такъ, какъ предполагаютъ польскіе писатели. Но во время народныхъ смутъ, особенно когда народъ беретъ цѣпъ и вилы, а бабы хватаются за ухваты, чтобъ защищать свою религію или завоевать дешевый хлѣбъ и дешевую соль, чтобъ завоевывать свободу отъ барщины, отъ податей и рекрутчины — всѣ обыкновенныя средства оказываются недоста-

точными, и когда во главѣ движенія есть лице, говорящее или о всеобщей волѣ или о всеобщей безоброчности, и это лице не взято и не лишено свободы — тогда съ народнымъ волненіемъ не сладить и не такимъ силамъ, какими располагала тогда вся Польша, не только Умань.

Польскіе писатели говорятъ, что Умань была хорошо защищена, потому что всегда (задолго до уманской рѣзни) стояла на стражѣ противъ гайдамачины и противъ всякаго безъ цѣли и безъ дѣла бродившаго по южной Польшѣ гультайства. Но вѣдь и Казань была защищена въ свое время, и Саратовъ, и всѣ сибирскія крѣпости, взятыя Пугачевымъ, однако, когда на эти города нападаетъ не иноземный врагъ, а свой собственный народъ, братья и отцы котораго сидятъ и въ крѣпости и подъ крѣпостью, тогда ни крѣпость, ни пушки, ни войско ничего не значатъ. Дочь Младановича, выгораживающая передъ судомъ исторіи неумѣлость и слабость своего отца, пишетъ, что въ Умани находилось только шестьдесятъ жолнѣровъ пѣхоты, т. е. отрядъ изъ шляхты, нѣсколько пушекъ и всего только тридцать казаковъ „лизней,“ кромѣ того полка, который съ Обухомъ, Гонтою и другими сотниками пошелъ на встрѣчу Желѣзняку. Число это дѣйствительно ничтожно. Притомъ, „лизни,“ прежде отстаивавшіе крѣпость, когда увидѣли своихъ товарищей казаковъ на сторонѣ осаждающихъ, перелѣзли черезъ палисады и ушли къ гайдамакамъ, что̀ дѣлали обыкновенно и правительственныя войска, казаки и крестьяне во время пугачевщины, когда бѣлое знамя самозванца показывалось въ виду жителей осаждаемаго города. Но кромѣ лизней и жолнѣровъ, Умань была „полна шляхты,“ какъ говорятъ польскіе писатели, и шляхта эта была „не безъ оружія,“ потому что съ оружіемъ она

стекалась со всѣхъ сторонъ въ Умань, думая защищаться за ея стѣнами. Въ Умани находилось множество евреевъ, которые доказали, что умѣютъ защищать свою жизнь, свое достояніе и свои семейства не хуже самыхъ храбрыхъ воиновъ. Въ Умани, наконецъ, было четыреста студентовъ, „между которыми должно было находиться много взрослыхъ.“ Изъ этого множества народу, которому грозила неминучая смерть въ случаѣ взятія города, можно было, по мнѣнію поляковъ, организовать достаточную милицію, которая могла постоять и за цѣлость города, служившаго ей убѣжищемъ, и за свою собственную жизнь. Милиція эта могла не только защищать крѣпость, но, видя, что за городомъ, гдѣ стояли таборомъ не помѣстившіеся въ крѣпости бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ польской Украины, между которыми могли быть родственники, жены, дѣти и пріятели тѣхъ, которые успѣли спрятаться въ крѣпости, — уже начали гайдамаки свою рѣзню, эта милиція могла броситься на помощь этимъ жертвамъ съ мужествомъ, на которое способенъ всякій въ минуту отчаянія, могла помѣшать этой рѣзнѣ, могла даже если не разбить, то устрашить толпу гайдамаковъ, а въ случаѣ крайней неудачи могла снова запереться въ крѣпости, чтобъ оттуда дѣйствовать и пушками съ башень и ружейнымъ огнемъ изъ за палисадовъ, какъ это было и сдѣлалъ Шафранскій, который одинъ дѣйствовалъ съ толкомъ и даже изъ робкихъ евреевъ сдѣлалъ въ нѣсколько часовъ довольно искусныхъ стрѣлковъ. У гайдамаковъ же не было этихъ средствъ, и едва ли были осадныя орудія, такъ что крѣпость приходилось имъ брать чуть ли не съ голыми руками, въ то время, когда изъ крѣпости ихъ могли осыпать и картечью, которой было въ го-

родѣ достаточно, и ружейными пулями, въ которыхъ тоже недостатка не было.

Такъ думаютъ польскіе писатели. Но опять мы должны прибавить, что съ такими же средствами, какія были у гайдамаковъ, пугачевцы брали иногда русскія крѣпости: Пугачевъ взялъ сильную и неприступную Троицкую крѣпость „голыми руками,“ а другія крѣпости бралъ съ помощью соломы. И у гайдамаковъ, кромѣ пикъ и ружей, была другая сила—сочувствіе массъ.

Тучапскій, которому не изъ-за чего было заслонять неумѣлость Младановича, какъ заслоняетъ его родная дочь, насчитываетъ гораздо большее число вооруженныхъ людей, которыми могла защищаться Умань даже безъ своихъ казаковъ. Онъ утверждаетъ, что въ моментъ нападенія на Умань гайдамаковъ, въ городѣ находилось до ста человѣкъ пѣхоты, двѣсти конфедератовъ, достаточно разнаго оружія, военныхъ припасовъ и большее число пушекъ, чѣмъ говоритъ госпожа Кребсъ. Наконецъ, Тучапскій не говоритъ о томъ, что въ городѣ не было воды. Слѣдовательно, Умань, въ такомъ положеніи, въ какомъ описываетъ ее Тучапскій, могла еще удачнѣе или по крайней мѣрѣ долѣе защищаться противъ бунтовщиковъ. При стойкости защиты, оставалось бы время выждать помощь пѣшей милиціи того же Потоцкаго, стоявшей въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ въ Могилевѣ и въ Тульчинѣ. Наконецъ, могли подойдти русскія войска, особенно еслибъ во время были предувѣдомлены о грозившей городу опасности, что̀ потомъ и сдѣлано было, только уже поздно, когда Умань была затоплена кровью.

Младановича упрекаютъ во многихъ ошибкахъ. Во первыхъ, если все такъ было, какъ описываетъ его дочь, то

Младановичъ, высылая всѣхъ казаковъ противъ Желѣзняка, напрасно оставилъ городъ совершенно обнаженнымъ отъ войска и не позаботился своевременно о пополненіи запасовъ, которыхъ бы достало не на два дня обороны, а по малой мѣрѣ на двѣ недѣли. Во вторыхъ, если въ городскомъ колодцѣ не было воды, безъ которой осажденная крѣпость положительно не могла обойдтись, то отъ него зависѣло обезпечить городу приступъ къ ближайшей рѣкѣ ([1]), которая текла у самыхъ почти крѣпостныхъ палисадовъ. Въ такомъ разѣ не случилось бы того несчастія, что, во время самаго штурма города, дворянство польское, за неимѣніемъ воды, должно было пить водку и вино и такимъ образомъ перепилось до невозможности защищаться. Въ третьихъ, когда Гонту заподозрили въ сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ, а онъ для оправданія себя отъ подозрѣнія пріѣхалъ въ городъ, то отчего Младановичъ, имѣя его въ рукахъ, не воспользовался этимъ, потому что, если бы онъ и не вѣрилъ этому обвиненію, то все-таки долженъ былъ подъ какимъ нибудь предлогомъ задержать Гонту въ Умани. Тогда полковникъ Обухъ, по своему происхожденію долженствовавшій отстаивать интересы польскаго дворянства, съ остальными сотниками, которыхъ онъ могъ отвратить отъ измѣны, даже отъ сношенія съ гайдамаками, имѣлъ бы возможность помѣряться силами съ Желѣзнякомъ, еслибъ на его сторонѣ былъ даже и Гонта своею собственною особой, могъ бы и разбить его шайки, прогнать отъ Умани и остановить разлитіе крови, которой и безъ того было пролито уже слишкомъ много. Въ четвер-

---

([1]) ...«dla czego miał czas i ręce», прибавляетъ Липоманъ.

тыхъ, Младановичъ оказалъ крайнюю неспособность и оплошность въ томъ, что повѣрилъ обѣщаніямъ Гонты и, имѣя еще средства защищаться, впустилъ гайдамаковъ въ городъ, въ надеждѣ, что Гонта исполнитъ слово и пощадитъ покорившихся ему безусловно, между тѣмъ какъ Гонта поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно также, какъ поступилъ Желѣзнякъ въ Лисянкѣ, увѣривши тамошняго комисара Хичевскаго, что пощадитъ замокъ, когда Хичевскій сдастъ его гайдамакамъ безъ бою.

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Тучапскимъ, видно также, что наканунѣ осады Умани тамъ находился прусскій офицеръ, прибывшій туда для покупки лошадей въ Украинѣ, и съ этимъ офицеромъ было пятьдесятъ другихъ прусаковъ, но что прусаки, не желая участвовать въ защитѣ города, вышли изъ Умани въ ту сторону, на которой не было атакующихъ гайдамаковъ. Квасневскій же утверждалъ, что этотъ прусскій офицеръ, не видя возможности возвратиться въ Пруссію по случаю бунта на Украинѣ, укрылся было въ Умани, а замѣтивъ, что городъ этотъ намѣрены отдать гайдамакамъ, приказалъ своему отряду, чтобы онъ выбрался изъ города тайно, ночью, что пруссаки нашли отверстіе въ палисадѣ, въ которое и проѣхали гуськомъ, по одной лошади, оставивъ на произволъ судьбы городъ съ такимъ дурнымъ начальствомъ и со всѣми признаками того, что тамъ легко погибнуть.

Такимъ образомъ всѣ современныя свидѣтельства подтверждаютъ тѣ тяжкія обвиненія, обрушившіяся на голову Младановича, хотя обвинять его одного въ гибели Умани также несправедливо, какъ и взваливать всю отвѣтственность за пролитую въ описываемый нами мятежъ кровь на Желѣзняка или Мельхиседека. Въ такихъ историческихъ явленіяхъ, какъ

гайдамачина или уманская рѣзня, никогда не можетъ быть отвѣтственно одно лице, потому что уманская рѣзня, по закону исторической вытекаемости событій изъ условій жизни, была бы и тогда, когда бы ни Желѣзняка, ни Мельхиседека вовсе не существовало. Польскіе историки, обвинительно относящіеся къ памяти Младановича, не обвиняютъ его въ томъ, что онъ не казнилъ Гонту, когда на него пало подозрѣніе, и такимъ образомъ не отвратилъ послѣдовавшей затѣмъ измѣны уманскихъ казаковъ. Онъ не осмѣлился, можетъ быть, отнять жизнь у Гонты потому, что боялся раздражить народъ, въ которомъ имя Гонты пользовалось авторитетомъ. Онъ, быть можетъ, и потому не казнилъ Гонту, что не былъ увѣренъ въ его преступныхъ сношеніяхъ съ Желѣзнякомъ. Но онъ долженъ былъ, по мнѣнію польскихъ писателей, по крайней мѣрѣ задержать Гонту въ Умани и обезпечить городъ какъ военными припасами, такъ и водою, что вполнѣ было въ его власти. Во всякомъ случаѣ его ошибки ускорили гибель города.

„Но кто же—восклицаетъ одинъ изъ обвинителей Младановича, именно Липоманъ—кромѣ наивысочайшаго существа, свободенъ отъ ошибокъ. Людямъ легче судить о дѣлахъ своихъ ближнихъ, одинаково смертныхъ, нежели предвидѣть могущія послѣдовать событія. Вѣдь Младановичъ не хотѣлъ гибели самому себѣ и своимъ близкимъ, не хотѣлъ также погибели и иныхъ столькихъ тысячъ людей. Онъ дѣлалъ, какъ человѣкъ, что могъ, и ошибался, какъ приходилось ошибаться и гораздо выше поставленнымъ людямъ. Онъ имѣлъ основаніе вѣрить Гонтѣ. Это чудовище оказалось злѣе всѣхъ до него бывшихъ мятежниковъ. Отнятіе жены у Хмельницкаго, публичное наказаніе (zbicie publiczne) сына и за-

браніе имущества было причиною озлобленія этого человѣка и вызвало его на месть. Гонта же былъ облагодѣтельствованъ, и Младановичъ могъ надѣяться, что онъ приложитъ все свое стараніе, чтобы разгромить предводительствуемыя Желѣзнякомъ толпы и тѣмъ остановить кровопролитье и опустошеніе. Но видно, что непостижимый рокъ, котораго никто ни предвидѣть, ни предотвратить не можетъ, затемнивши прозорливость людскую, какъ то часто случается, для исполненія своего строгаго предопредѣленія, хотѣлъ, чтобы искавшіе спасенія своей жизни въ Умани пали жертвою взбунтовавшагося хлопства" (1).

Кречетниковъ, разгромивъ, такимъ образомъ, гайдамацкій таборъ и захвативъ значительную часть ихъ скопища и нѣкоторыхъ изъ главныхъ предводителей, тотчасъ же разсортировалъ ихъ по принадлежности; гайдамаки изъ польскихъ подданныхъ, какъ Гонта, Шило, Попатенко, вносились въ особый реестръ, съ показаніемъ ихъ преступленій, а русскіе гайдамаки, собственно запорожцы, вносились въ особый реестръ. Русскихъ подданныхъ въ числѣ плѣнныхъ насчитано было 150 человѣкъ, которые Кречетниковымъ и отосланы были въ Россію, къ кіевскому военному губернатору Воейкову *для производства надъ ними суда* и приличной ихъ преступленіямъ казни. Замѣчательно, что изъ русскихъ коноводовъ гайдамачины ни одинъ не былъ пойманъ Кречетниковымъ; всѣ они—Желѣзнякъ, Неживой, Швачка, Журба, Волошинъ и Саражинъ—ушли изъ подъ Умани, когда догадались съ какими намѣреніями пришелъ къ нимъ генералъ.

---

(1) Lip. § XII.

Желѣзнякъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что дѣло его, не смотря на золотую грамату императрицы, было не совсѣмъ чисто и потому во время успѣлъ убраться въ безопасныя мѣста. Польскимъ же подданнымъ, вовлеченнымъ имъ въ свою толпу золотою граматою и завѣреніемъ о своей солидарности съ запорожьемъ и русскимъ правительствомъ, какъ-то: Гонтѣ, Шилу, Попатенку и другимъ, онъ не сообщилъ своихъ сомнѣній и вѣроломно бросилъ ихъ на жертву русскому генералу. Гонта и его приближенные слѣпо увѣровали въ подлинность высочайшихъ указовъ, привезенныхъ имъ Желѣзнякомъ, и хранили эти указы какъ залогъ правоты своего дѣла. Изъ русскихъ подданныхъ попались въ руки русскихъ солдатъ только тѣ, которыхъ Желѣзнякъ не успѣлъ захватить съ собою и которые, можетъ быть, какъ Гонта, вѣрили въ золотую грамату и въ союзъ съ Россіею.

Этотъ странный фактъ—что *всѣ русскіе коноводы* уманской рѣзни ускользнули изъ рукъ русскаго генерала—невольно наводитъ на источникъ народной молвы, говорившей, что „свяченые ножи“ присланы были гайдамакамъ отъ „великъ свѣтъ матушки“ и что Россія участвовала въ возбужденіи бунта въ польской Украйнѣ, а потомъ, когда дѣло было сдѣлано, русскіе воины шепнули Желѣзняку, чтобъ онъ убирался изъ Польши съ своими ближайшими сотрудниками по рѣзнѣ. Молва эта распространилась въ народѣ вѣроятно на томъ основаніи, что если въ Петербургѣ не согласились на опасныя предложенія Мельхиседека и не дали ему прямаго разрѣшенія дѣйствовать именемъ Россіи, то почему человѣка съ такими опасными предложеніями не препроводили къ польскому правительству, а свободно дозволили возвратиться на родину сочинять золотыя граматы и бунтовать народъ.

Если бы между русскимъ и польскимъ дворомъ въ то время дѣла велись на чистоту, то Мельхиседека или задержали бы въ Петербургѣ и сдали на руки жившему тамъ польскому послу, или прямо отправили бы подъ карауломъ въ Варшаву. А его между тѣмъ отпустили и, какъ говоритъ молва (1), безмолвно согласились дозволить ему поднять южно-русскій народъ противъ Польши. Народная молва усилилась вѣроятно еще и тѣмъ, что во время пребыванія Мельхиседека въ Петербургѣ тамъ же готовились послать въ Польшу Кречетникова и другихъ генераловъ съ войскомъ, чтобы защищать права русскихъ дисидентовъ и воевать съ конфедератами. Чтобы дать время разыграться народному мятежу въ польской Украйнѣ, чтобы лишить Польшу послѣдней возможности послать туда и свои войска для подавленія мятежа, слѣдовало, какъ говорила молва, отвлечь силы Польши къ западу отъ Украйны, т. е. затѣять войну съ конфедератами. Оно на самомъ дѣлѣ такъ и было. Мало того, народное волненіе въ пользу Россіи вспыхнуло, какъ бы предумышленно, именно въ той части Польши, владѣльцы которой—Потоцкіе, Браницкіе, Радзивиллы, Огинскіе и Любомирскіе—заявили себя противниками Россіи и стали на сторону конфедератовъ. Тамъ же въ центрѣ гайдамацкаго мятежа, въ имѣніяхъ приверженца Россіи, князя Чарторійскаго, русскіе поселяне и даже казаки не бунтовали, а напротивъ, отстояли имѣнія своего дѣдича отъ гайдамаковъ. Все это дало новую силу всѣмъ народнымъ

---

(1) Впрочемъ, не одна молва, но и польскіе писатели, какъ Чайковскій (нынѣ Садыкъ-паша) въ „Hyst. Kolesz.“ и въ Wernygora и кс. Китовичъ въ „Pamiętnikach,“ о коихъ мы считаемъ необходимымъ умолчать.

подозрѣніямъ, и Мельхиседеку, при такомъ положеніи дѣлъ, оставалось идти домой, сочинить указъ, разрисовать его золотомъ и пустить въ народъ. Если бы даже конфедераты не подали повода посылать въ Польшу русскія войска, тогда по необходимости слѣдовало бы послать ихъ, если въ польской Украинѣ вспыхнуло волненье именемъ Россіи.

Кречетниковъ, захватывая весь гайдамацкій таборъ при этой опасной операціи *никого не убилъ* и не хотѣлъ даже этого дѣлать, не велѣлъ *ни въ кого* стрѣлять, а заранѣе, до прибытія въ Умань, запасся только цѣпами, колодками и веревками. *Русскіе коноводы* гайдамачины ушли изъ искусныхъ рукъ русскаго генерала, оставивъ въ его рукахъ только бездомныхъ гультаевъ и ни одного вліятельнаго гайдамака. Кречетниковъ могъ дать понять Желѣзняку, что его политическая мисія кончена и онъ можетъ спасать себя, если можетъ это сдѣлать. Все это было возможно въ то странное время, когда Фридрихъ Второй писалъ Даламберу, что онъ смотритъ на себя „какъ на Ликурга или Солона этихъ варваровъ“ — поляковъ, и австрійскому послу Фанъ-Свитену тихонько говорилъ, въ своемъ кабинетѣ, что онъ хочетъ и Польшу пріобщить къ магометанскому закону, т. е. подвергнуть ее обряду „обрѣзанія.“ Все это, повторяемъ, было возможно, когда для равновѣсія Европы рѣшено уже было въ тиши сосѣднихъ съ Польшею кабинетовъ „разчленить“ ее на такія части, чтобы, положа эти части на вѣсы, которыми измѣрялось равновѣсіе Европы, можно было привести вѣсы въ спокойное состояніе, когда наконецъ, Фридрихъ, имѣвшій подагру въ ногахъ, скорѣе готовъ былъ допустить „подагру у себя въ головѣ,“ чѣмъ отказаться отъ проекта „распластанія“ тѣла Польши.

Въ такомъ случаѣ уманскую рѣзню мы должны считать прототипомъ другой рѣзни, бывшей двадцать лѣтъ назадъ почти тамъ же, именно въ австрійской Галиціи, когда австрійское правительство, улыбнувшееся двусмысленно и кивнувшее головой по направленію къ Галиціи, подняло на него тѣхъ же малороссіанъ, которые рѣзали ляховъ въ уманскую рѣзню, и они стали рѣзать поляковъ-пановъ, обитавшихъ въ австрійской Галиціи.

Если же намъ замѣтятъ, что русское правительство не оставило безъ преслѣдованія и казни Желѣзняка и другихъ *русскихъ* коноводовъ уманской рѣзни, когда изловило ихъ, то на это мы можемъ отвѣчать, что лица эти были согнаны съ лица земли, когда въ нихъ уже не предстояла надобность и когда они выполнили свою политическую мисію.

Мы считали необходимымъ высказать все это какъ историческую догадку и считали себя обязанными не утаивать этой догадки въ надеждѣ, что возбужденный такимъ образомъ вопросъ будущіе историки рѣшатъ или отрицательно или утвердительно, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ. Если же историческая наука не будетъ допускать догадокъ, какъ вопросъ, предлагаемый будущимъ изслѣдователямъ, то въ исторіи тогда останется больше бѣлыхъ страницъ, чѣмъ исписанныхъ.

Во всякомъ случаѣ и пребываніе Мельхиседека въ Петербургѣ, и его разговоръ съ Екатериною, и его золотая грамата, и посольство Кречетникова въ Польшу, и—главное—взятая на себя Кречетниковымъ, самолично, безъ предварительнаго разрѣшенія правительства, защита польской Украйны въ то время, когда онъ воевалъ съ владѣльцами этой Украйны, съ Потоцкимъ и проч., и наконецъ непонятоое спа-

сеніе изъ подъ Умани Желѣзняка и всѣхъ русскихъ предводителей волненія—все это обстоятельства, требующія документальнаго разъясненія.

Народное преданіе говоритъ, что когда надъ польской Украйной разразилась уманская рѣзня, польскій король началъ писать къ „матушкѣ:“ „Великъ свѣтъ матушка! Что это дѣлается въ Польшѣ? Какіе-то бурлаки разбойничаютъ въ народѣ.“ Тогда императрица послала въ польскую Украйну одинъ полкъ „легкоконный,“ а другой—донцовъ. Гайдамаки стояли тогда въ Разсошинцахъ, говоритъ преданіе. Это, конечно, то селеніе Росушки, которое подарено было Потоцкимъ Гонтѣ и въ которомъ русскіе въ день взятія гайдамацкаго табора пировали съ главами гайдамачины.—Донцы прибыли въ Разсошинцы и говорятъ гайдамакамъ: „Примите и насъ къ себѣ. Мы къ вамъ пристанемъ.“ Гайдамаки приняли ихъ. Донцы же переловили и перевязали гайдамаковъ. Тогда донской полковникъ написалъ къ матушкѣ:“ „что съ ними дѣлать?“ Она ему отвѣчала: „Кому вредъ сдѣлали, тому ихъ и въ руки отдайте.“ Вслѣдствіе этого плѣнныхъ гайдамаковъ и отдали польскому правительству.

XXI.

По взятіи Кречетниковымъ уманскаго гайдамацкаго табора, прибылъ туда командиръ польско-украинской партіи графъ Браницкій. Русскій генералъ отдалъ ему часть своихъ плѣнныхъ, собственно польскихъ подданныхъ, въ числѣ которыхъ были Гонта, Мартынъ Бѣлуга, Шило и Попатенко.

— Ты сотникъ Гонта? спросилъ графъ Браницкій самопоставленнаго русскаго воеводу, который стоялъ передъ нимъ въ желѣзахъ, обвивавшихся вокругъ его шеи, пояса и ногъ, и въ богатомъ воеводскомъ нарядѣ.

— *Я былъ* сотникомъ Гонтою, отвѣчалъ бунтовщикъ.

— Тебя взыскалъ графъ Потоцкій знатными милостями, и не его ли, благодѣтеля, господскую руку укусилъ ты, песъ?

— Его графской руки я не кусывалъ, а бирюковъ да лисицъ, что въ нашу кошару повадились, я точно покусалъ и впредь таковыхъ кусать не премину.

„Въ семъ его, Гонты, иносказаніи подъ бирюками и лисицами тотъ разумъ понимать надлежитъ, яко бы тѣ волки, въ образѣ поляковъ и поповъ латинскихъ, малороссійскимъ народомъ правили,“ замѣтилъ Калмыковъ.

— Не на отца ли роднаго, измѣнникъ, поднялъ ты холопскую твою руку? замѣтилъ ему какой-то „знатный гусаринъ польскій.“

— Нѣтъ у насъ отца, а токмо мать всемилостивѣйшая, и передъ нею вамъ за меня въ отвѣтѣ быть.

Услышавъ эти слова, Кречетниковъ сказалъ „со строгостію“:

— Всемилостивѣйшая государыня за измѣнниковъ не заступница.

Гонта просилъ, чтобъ его по крайней мѣрѣ не отдавали полякамъ, а отправили въ Кіевъ. „Въ россійской землѣ, у всемилостивѣйшей государыни, правда не подъ замкомъ,“ говорилъ онъ, настаивая на томъ, чтобъ его отдали русскому правительству. Но графъ Браницкій велѣлъ привести

къ нему другихъ „злу начальниковъ.“ и Гонту увели подъ прикрытіемъ особой стражи (1).

Графъ Браницкій съ своей стороны сдалъ плѣнниковъ обозному региментарю украинской партіи Стемпковскому, впослѣдствіи воеводѣ кіевскому, такъ какъ главный региментарь Вороничъ, нѣкогда замучившій ктитора въ Мліевѣ, былъ боленъ и, отказашись на время отъ своей должности, жилъ въ своемъ помѣстьѣ. Болѣзнь его, впрочемъ, была, какъ можно догадываться, вызвана тѣмъ страшнымъ временемъ: подобно русскимъ губернаторамъ Бранту, Шетневу и Кречетникову, во время пугачевщины старавшимся держать себя въ отдаленіи отъ центра волненій, Вороничъ не выѣзжалъ изъ своего помѣстья, пока гайдамачина была въ апогеѣ своей страшной силы.

Начался судъ. Русскіе солдаты во все время суда содержали караулы, потому, вѣроятно, что на польскихъ караульныхъ не надѣялись. Судъ кончился довольно скоро, потому что бунтовщиковъ судили по военному уставу. Инстигаторомъ или королевскимъ прокуроромъ называютъ нѣкоего Ставскаго. Гонтѣ поставили на видъ, что онъ былъ причиною и главнымъ орудіемъ уманской рѣзни. Какъ измѣнникъ, мятежникъ, убійца и грабитель, взятый съ оружіемъ въ рукахъ и притомъ поднявшій оружіе и противъ своего правительства, и противъ своего роднаго края, вовлекшій съ собою въ пропасть цѣлыя тысячи народа — Гонта долженъ былъ понести жесточайшее наказаніе. У Гонты на груди нашли благословеніе, писанное Мельхиседекомъ и данное Желѣзняку, благословеніе, которымъ освящалось кровавое дѣло гайдамаковъ.

---

(1) Днев. Калмыкова.

Гонту приговорили къ самой безчеловѣчной казни, какую только способно было выдумать то жестокое время, отъ котораго мы, съ нашимъ временемъ, стоимъ такъ близко, что даже не вѣрится, чтобы все это было такъ недавно.

Гонта упрямо продолжалъ думать и доказывать, что онъ не бунтовщикъ, не разбойникъ.

— Чѣмъ мы хуже Хмѣльницкаго? говорилъ онъ графу Браницкому: подобно ему, мы съ Желѣзнякомъ рѣзали ляховъ и жидовъ.

— Тѣмъ—отвѣчалъ ему гетманъ—что Хмѣльницкій каралъ виновныхъ въ несправедливости къ Украйнѣ поляковъ, а ты терзалъ и мучилъ однихъ невинныхъ.

Послѣ суда Гонту повезли въ село Сербы, близъ Могилева на Днѣстрѣ. Во всю дорогу онъ, говорятъ, не переставалъ спрашивать: „Гдѣ Желѣзнякъ? Почему со мною нѣтъ Желѣзняка?“

Въ Сербахъ совершена была надъ нимъ казнь, такая изысканно-безчеловѣчная, что американскіе дикари не могли бы похвалиться, видя эту казнь, бо́льшей изобрѣтательностью, чѣмъ та, какою отличилось одно изъ славянскихъ государствъ во второй половинѣ прошлаго вѣка. Подобно американскимъ дикарямъ, скальпирующимъ черепа своихъ плѣнниковъ, поляки содрали кожу съ головы Гонты, когда онъ былъ еще живъ, и посолили эту голову. Кромѣ того съ живаго сдирали кожу въ продолженіи двухъ или трехъ дней ([1]). Другіе прибавляютъ, что его нагаго посадили на раскаленныя полосы желѣза, и потомъ палачи содрали съ него двѣнадцать полосъ или ремней кожи. Во время этихъ мукъ онъ продолжалъ

([1]) Липоманъ говоритъ, что «kat żywcem darł z niego pasy.»

спрашивать: „отчего же нѣтъ здѣсь Желѣзняка? Онъ обѣщалъ мнѣ, что я буду воеводой кіевскимъ и господиномъ Уманщины“ (1). Передъ казнью Браницкій велѣлъ отрубить ему правую руку и вырѣзать языкъ, „чтобъ Гонта не сказалъ чего-либо на Браницкаго.“ Тучапскій говоритъ, что, содравъ съ Гонты кожу, отрубили ему руки и ноги, а потомъ вырвали сердце. Послѣ уже, все еще дышащаго, четвертовали, по знаку, данному Браницкимъ, когда Гонта страшно повелъ глазами и глянулъ на своего мучителя. Тучапскій прибавляетъ: „Эту праведную казнь переносилъ онъ очень терпѣливо, ибо къ смерти онъ весьма прилично приготовился.“

Народная память сохранила въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ картину этой жестокой казни, и пѣсня до сихъ поръ поетъ о Гонтѣ:

Вони-жъ его насамперeдъ барзо привітали,
Черезъ сімъ дней зъ его кожу по поясъ здірали,
И голову облупили, солью насолили,
Потомъ ему какъ честному назадъ положили.
Панъ рейментарь похожае: «дивітеся, люде!
Хто ся тілько взбунтовалъ, то всімъ тее буде».

При этой казни присутствовалъ, въ числѣ прочихъ, поручикъ кавалеріи народовой, впослѣдствіи бригадиръ Голѣевскій, и какъ самовидецъ передалъ потомъ подробности казни Вероникѣ Кребсъ.

Ма же казнь исполнена была надъ Мартыномъ Бѣлугою и Шиломъ. Попатенко посаженъ на колъ или, по запорож-

---

(1) Говорятъ еще, что когда у Гонты сдирали со спины кожу, онъ говорилъ: «Отъ казали, буде боліти, а воно ні трішки не болить—такъ наче блохи кусають!»

*

скому выраженію, „на острую палю“. Больше семисотъ человѣкъ вѣшали въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Умани до самаго Львова въ нынѣшней австрійской Галиціи. Гайдамаковъ этихъ развозили по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ польской Украины и предавали смерти въ виду народа, чтобъ онъ видѣлъ и понималъ, что всякаго бунтовщика ждетъ жестокая казнь, что всѣмъ гайдамакамъ и непокорнымъ „тоже будетъ“. Такимъ образомъ казни гайдамаковъ видѣлъ народъ въ Брацлавѣ, въ Винницѣ, въ Каменцѣ-Подольскомъ, Кременцѣ, Житомирѣ, Могилевѣ и другихъ городахъ: гдѣ казнили 5 человѣкъ, гдѣ 7, гдѣ 8. Въ Львовѣ повѣшено было 200 гайдамаковъ. Другимъ рубили головы. По народному преданію, въ одномъ Монастырищѣ казнили девять сотъ гайдамаковъ. Казнь усѣченія головы производилась просто: выкапывали глубокую яму, клали колоду вмѣсто эшафота, и на этой колодѣ палачи рубили несчастнымъ головы, а потомъ и головы и туловища сбрасывали въ яму (1). Народное преданіе говоритъ, что въ Монастырищѣ, когда надъ этими ямами, наполненными обезглавленными гайдамаками, навалили земли, то кровь изъ ямъ пробивалась сквозь землю и фонтаномъ била въ вышину человѣческаго роста. Въ Монастырищѣ же разстрѣляли трехъ коноводовъ гайдамачины, которые подъ видомъ странниковъ жили, за нѣсколько лѣтъ до уманской рѣзни, въ тясминскихъ монастыряхъ и готовили для предстоявшаго возстанія гайдамацкія пики, шапки, кафтаны — именно Лусконогъ, Гнида и Шелестъ (2). Головы пред-

---

(1) ...«nad wykopaną głęboką jamą, na jéj brzegu do kłody każdemu z przysłanych kat toporem głowę ucinał i w jamę wraz z ciałem wrzucał».

(2) Зап. о южн. Руси.

водителей возстанія втыкались на колья и выставлялись по городамъ и перекресткамъ для народнаго зрѣлища.

Были и такіе счастливцы между гайдамаками, собственно не въ числѣ гайдамаковъ по профессіи, а между взбунтовавшимися крестьянами, которыхъ жизнь была пощажена, но за то имъ рубили по одной рукѣ и по одной ногѣ ([1]), правую руку съ лѣвой ногой или лѣвую руку съ правой ногой, и изувѣченныхъ такимъ образомъ „вылечивали“ и возвращали на родину. При этомъ мы не можемъ не припомнить, что участвовавшихъ въ пугачевщинѣ наказывали менѣе жестоко. Мы не говоримъ о коноводахъ пугачевской смуты, которыхъ и вѣшали, и четвертовали, и разстрѣливали; но обыкновенныхъ, рядовыхъ пугачевцевъ, собственно бунтовавшихъ крестьянъ, наказывали менѣе жестоко и менѣе увѣчили: ихъ сѣкли кнутомъ подъ висѣлицей или били плетьми „нещадно“, урѣзывали по одному уху или брили полъ головы, а потомъ на канатахъ возвращали на родину, къ помѣщикамъ. Въ Польшѣ же гайдамака или бунтовавшаго крестьянина дѣлали калѣкой и окончательно неспособнымъ къ работѣ. Иныхъ мучили тѣмъ способомъ, коимъ замученъ былъ мліевскій ктиторъ передъ уманской рѣзней: обмотавъ обѣ руки паклею, напитанною дегтемъ, зажигали и водили по селамъ и мѣстечкамъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ, г. Скальковскій, въ своей монографіи о гайдамакахъ, говорилъ, что „многіе старики, жители западной Россіи, помнятъ еще, что въ молодости видѣли такихъ несчастныхъ изувѣченныхъ въ глубокой уже старости, которые, сидя у церквей или на большихъ дорогахъ, просили милостыни. Народъ не отказывалъ имъ въ по-

---

([1]) Какъ говорили поляки—«na krzyż», т. е. крестъ на-крестъ.

даяніи, и на вопросъ любопытныхъ: что это за люди? — отвѣчалъ: „не пытайте; то люди бувалые“, т. е. гайдамаки.

Между тѣмъ, въ эти самые дни, когда южно-русскій крестьянинъ проявилъ столько безчеловѣчной жестокости къ своимъ панамъ и ко всѣмъ исторически, такъ сказать, враждебнымъ ему элементамъ и когда паны, въ свою очередь, безчеловѣчно мстили кровью за кровь всѣмъ тѣмъ, которые увлечены были потокомъ общаго волненія, этотъ же самый народъ, по свидѣтельству людей, близко жившихъ къ описываемой нами эпохѣ, проявлялъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, много великодушія въ отношеніи къ панамъ, такъ звѣрски убиваемымъ другими его братьями.

Польскій писатель, для котораго уманская рѣзня была самымъ свѣжимъ преданіемъ и который лично зналъ людей, оставшихся въ живыхъ отъ того времени, въ такихъ теплыхъ, хотя наивныхъ выраженіяхъ говоритъ о „людскости — какъ онъ выражается — нѣкоторыхъ крестьянъ въ то ужасное время.“

„Отвратимъ отъ этихъ страшныхъ картинъ мысль нашу, пораженную столь ужасными истязаніями несчастныхъ жертвъ, падшихъ подъ убійственною рукою обезумѣвшихъ отъ ярости злодѣевъ, истязаніями, совершенными потомъ надъ ними самими, а равно казнями подозрѣваемыхъ въ злодѣяніяхъ, и порадуемъ измученное столь безчеловѣчными происшествіями и удрученное болью сердце наше, обративъ вниманіе на тѣхъ поселянъ (wieśniaków), которые увезли къ себѣ двоихъ сиротокъ Младановича, и видя дальнѣйшую ихъ заботливость объ этихъ сироткахъ, укрѣпимся въ той увѣренности, что въ простыхъ сердцахъ крестьянскихъ, въ пору столь страшнаго озлобленія массъ, имѣла прибѣжище истинная христіанская

любовь къ ближнему. Любовь эта, не смотря на склонность человѣческой природы къ порчѣ, была бы въ сердцѣ каждаго человѣка, если бы добродѣтельные родители, сверхъ изящнаго воспитанія и высшихъ наукъ, вселяли эту любовь, въ ея истинной простотѣ, въ сердце каждаго дитяти съ самой колыбели, въ каждомъ состояніи, безъ различія вѣры и общественнаго положенія. Мы уже видѣли этихъ крестьянъ, съ какою горячностью цѣловали они ноги Гонты и Желѣзняка, прося ихъ, чтобъ они освободили и отдали имъ дѣтей Младановича, и какъ ихъ старый осадчій пряталъ у себя. Теперь посмотримъ, какъ дальше онъ заботился объ нихъ (1) и т. д.

Этотъ наивный панегирикъ „хлопскому" сердцу обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту наивность взгляда тогдашняго польскаго помѣщика на южно-русскаго крестьянина, наивность, которая и служила нравственною пропастью, отдѣлявшею поляка отъ южно-русскаго народа. Для поляка казалось удивительнымъ, что у крестьянина могло быть сердце и въ этомъ сердцѣ „имѣла убѣжище христіанская любовь." Этой наивностью пониманій отличаются впрочемъ всѣ „благородныя" сословія того жалкаго времени, не постигавшія, что именно эта самая наивность пониманій и была причиною какъ уманской рѣзни, такъ и пугачевщины.

Липоманъ разсказываетъ при этомъ, что когда въ селѣ Ситномъ узнали чрезъ Хмѣлевича, что главный таборъ гайдамаковъ былъ взятъ Кречетниковымъ, и большая часть начальниковъ смуты попались въ плѣнъ и когда прибѣжалъ

(1) Lipom.

одинъ изъ ушедшихъ отъ плѣна гайдамаковъ и подтвердилъ вѣсти, сообщенныя Хмѣлевичемъ, говоря, что причиною такого несчастія гайдамаковъ была измѣна,—осадчій рѣшился передать дѣтей Младановича въ болѣе надежныя руки. Онъ уже пересталъ съ ними прятаться въ лѣсу, въ оврагахъ и камышахъ, а осмѣлился держать ихъ у себя дома. Третьяго ребенка Младановича, которому было всего полгода и котораго онъ также выручилъ изъ рукъ убійцъ, препоручилъ кормилицѣ, а самъ поѣхалъ въ Умань удостовѣриться въ истинѣ дошедшихъ до его села извѣстій о трагической катастрофѣ, постигшей гайдамацкое ополченіе. Хотя извѣстія и подтвердились, однако все еще было страшно рисковать, когда все населеніе находилось въ такомъ напряженномъ состояніи, и когда гайдамачина, разбитая подъ Уманью, продолжала гнѣздиться въ каждомъ селѣ и при первомъ удобномъ случаѣ могла подняться съ новою силою. Воротившись изъ Умани, осадчій совѣтовался съ Хмѣлевичемъ, гдѣ бы найдти безопасное убѣжище для сиротъ, и Вероника Младановичъ сказала имъ, что у нея есть дядя на Подолѣ, около Каменца. Тогда рѣшились препроводить ихъ туда. Когда взбунтовалась Уманщина, и по приходѣ Желѣзняка подъ Умань, крестьяне села Оситнаго, по примѣру прочихъ крестьянъ, убили своего эконома, то разобрали между собой запасы помѣщичьяго сала, до котораго всѣ малороссіяне большіе охотники, и пшено, приготовленное къ отправкѣ для продажи. Осадчій былъ увѣренъ, что крестьяне, узнавшіе о происшествіяхъ подъ Уманью, возвратятъ награбленное сало и пшено, и потому обратился къ нимъ за помѣщичьимъ добромъ. Такимъ образомъ осадчій могъ набрать три воза сала, и уложилъ его въ этихъ возахъ такъ, что въ серединѣ каждаго оставалась пу-

стота, куда онъ и спряталъ своихъ барчатъ, въ каждой телѣгѣ по одному. Кормилица младшаго Младановича, хотя имѣла своего ребенка и семью, не хотѣла бросить барченка и также была спрятана подъ сало. Осадчій накрылъ потомъ телѣги лубьями, далъ къ каждой телѣгѣ по провожатому, а Хмѣлевича нарядилъ чумакомъ и отправилъ ихъ въ путь. Но такъ какъ въ краѣ было не покойно, то телѣги ѣхали закрытыми до самаго Тульчина, и только тамъ распаковали ихъ и вынули дѣтей на свѣжій воздухъ.

Такимъ образомъ спасены были дѣти Младановича, изъ которыхъ двое, дочь Вероника и сынъ Павелъ — оставили записки объ уманской рѣзнѣ.

„Этотъ поступокъ добродѣтельнаго старца и крестьянъ села Оситнаго заслуживаетъ памяти въ исторіи человѣчества (говоритъ Липоманъ послѣ разсказа о спасеніи дѣтей Младановича). Но не въ этомъ только одномъ мѣстѣ почтенные поселяне доказали великодушіе сердецъ своихъ, разными способами спасая жизнь несчастнымъ и не въ виду того, что за это получатъ награду отъ богатыхъ, а напротивъ, они спасали и тѣхъ, о которыхъ знали, что они не имѣютъ чѣмъ отблагодарить ихъ. Это доказываетъ, что простой народъ требовалъ только простаго признанія его нравственныхъ чувствъ и своей неприкосновенности (nietykalności). А когда затронута была въ немъ чувствительная струна, тогда вспыхнула та электрическая искра, которая и произвела огонь, превратила его потомъ въ пожаръ, съ каждымъ мгновеніемъ усиливавшійся и пожиравшій все, къ чему только ни прикасался— многія тысячи людей, безъ различія пола и возраста, а вмѣстѣ съ тѣмъ пожиралъ и ихъ добро. Подобныя печальныя событія должны были быть какъ-бы пророческими предосте-

реженіями для тогдашняго правительства. Но что могло сдѣлать правительство, лишенное всякой силы и само угрожаемое? Анархія ничему пособить не можетъ, а напротивъ все повергаетъ въ пропасть безначалія.“

Но мы сказали, что Кречетниковъ овладѣлъ гайдамацкимъ таборомъ подъ Уманью и, взявъ въ плѣнъ значительную часть гайдамацкаго ополченія вмѣстѣ съ его руководителями, сдѣлалъ только начало дѣла подавленія народнаго мятежа. Зачинщики смуты остались на свободѣ и передъ ними открывалось широкое поле для новыхъ подвиговъ. Обратимся же теперь къ похожденіямъ этихъ спасшихся гайдамаковъ и прослѣдимъ ихъ дѣятельность до того времени, когда и Польша и Россія могли сказать, что гайдамачина кончилась.

Мы сказали, что въ день разгрома гайдамацкаго табора ушли изъ подъ Умани Желѣзнякъ, Неживый, Волошинъ, Саражинъ, Швачка и Журба. Между ушедшими, надо полагать, былъ и знаменитый Галайда, о которомъ хотя мы не находимъ упоминаній у Скальковскаго, однако въ народной поэзіи лице это осталось, да и по народнымъ преданіямъ Ерема Галайда играетъ не послѣднюю роль въ исторіи гайдамачины. Галайда былъ наймитомъ у еврея и ушелъ къ гайдамакамъ, когда конфедераты похитили его невѣсту, дочь ктитора, о мученической смерти котораго мы говорили при началѣ разсказа объ уманской рѣзнѣ. Про Галайду сохранился отрывокъ пѣсни, записанный въ Харьковѣ гг. Бѣлозерскимъ и Метлинскимъ:

А въ нашего Галайди та сивиі коні,
Та сивиі коні, поводи шовкові...
А въ нашого Галайди та сивая шапка,
Та сивая шапка, за нимъ иде Гапка...

Достойно замѣчанія, что народная украинская поэзія почтила памятью преимущественно тѣхъ изъ гайдамаковъ, которые происходили или изъ запорожья или изъ русской Украйны. Такъ о Желѣзнякѣ, любимомъ народномъ героѣ, пѣсня говоритъ:

Максимъ козакъ Залізнякъ съ славного Запорожжа.
Процвітае на Вкраіні, якъ въ городі рожа.
Роспустивъ військо козацьке въ славнімъ місті Жаботині,
Гей разлилась козацька слава по всій Украіні! и т. д.

Такъ о Швачкѣ до сихъ поръ поется прекрасная пѣсня, напоминающая своими поэтическими оборотами лучшія думы о временахъ Хмѣльницкаго; но пѣсня эта относится уже къ той порѣ гайдамачины, когда на нее налегла „Москва“ своею желѣзною рукою:

Ой на козаченьківъ, ой на запорозцівъ та пригодонька стала.
Ой у середу та й у обідній часъ іхъ Москва забрала и т. д.

Всѣ эти пѣсни о гайдамакахъ *русскаго* происхожденія доказываютъ, по нашему мнѣнію, что подвиги ихъ были ближе къ сердцу южно-русскаго народа, чѣмъ подвиги тѣхъ изъ гайдамаковъ, которые, какъ Гонта, пристали къ Желѣзняку, и что русскіе гайдамаки смотрѣли на себя какъ на истинныхъ преемниковъ славы Хмѣльницкаго, Наливайка, Острапицы и др. Мало того, гайдамаки, ушедшіе изъ-подъ Умани и продолжавшіе свое кровавое дѣло, не считали для себя пораженіемъ то, что Кречетниковъ взялъ таборъ подъ Уманью и цѣлыя ватаги польскихъ гайдамаковъ, въ томъ числѣ и русскихъ, отдалъ въ руки правительства. Гайдамаки, ушедшіе изъ подъ Умани, такъ говорятъ о себѣ и о своихъ подвигахъ:

Умань до кілка спалили,
Жидівъ и ляхівъ до ноги побили.
А сами коні посідлали
Та й за Богъ и Синюху влупили.
Буде Сміла, Чигринъ насъ знати,
Коли були ми въ гостяхъ,
Буде Умань памятати,
Якъ бувъ въ нашихъ пазурахъ.

О пораженіи ихъ подъ Уманью — нѣтъ даже ни слова, точно дѣятельность ихъ ни на минуту не была прерываема приходомъ русскихъ войскъ.

У Желѣзняка подъ командою было не болѣе двадцати человѣкъ, когда онъ ушелъ изъ-подъ Умани, но вскорѣ шайка его возросла до двухъ сотъ человѣкъ, потомъ до трехъ сотъ, потомъ до пяти сотъ, далѣе у него очутилась артиллерія, и онъ могъ снова отважиться на крупные подвиги. Все это опять напоминаетъ намъ пугачевщину, когда самозванецъ всякій разъ, теряя все свое огромное войско, убѣгалъ отъ правительственныхъ войскъ въ числѣ десяти или двадцати человѣкъ, а черезъ нѣсколько дней снова стоялъ въ головѣ огромнаго „толпища“ и снова становился непобѣдимымъ, и снова бралъ города и крѣпости. Желѣзнякъ отъ Умани бросился на югъ, къ турецкой границѣ. Безъ сомнѣнія, онъ не безъ разсчета выбралъ эту мѣстность: недалеко отъ Балты сходились границы трехъ государствъ — Польши, Турціи и Россіи — и туда-то, къ равнинамъ, орошаемымъ вершинами Буга и Днѣстра, за рѣчки Синюху и Кодымь онъ направилъ свой путь, откуда обыкновенно гайдамаки выходили на Польшу и куда они обыкновенно уходили, когда ихъ разбивали польскіе отряды, или когда они, награбивъ польскаго и еврейскаго добра, сколько могли поднять ихъ вьючныя ло-

шади, сами возвращались въ Россію или въ свои уединенные притоны. Имя Желѣзняка сдѣлалось уже славнымъ. Опытные гайдамаки не сомнѣвались идти подъ команду этого покорителя Умани, хотя слышали, что русскія команды уже начали тушить пожаръ, раздутый Желѣзнякомъ. Желѣзнякъ продолжалъ являть передъ всѣми, что онъ представитель Россіи. Онъ окружалъ себя такими знаками, которые ясно говорили, что онъ смотритъ на себя какъ на власть имѣющаго. Есаулъ его, постоянно слѣдовавшій за нимъ, носилъ его серебряный перначъ или булаву, которая имѣла важное значеніе въ глазахъ не только казаковъ, но и всякаго гайдамака. Съ нимъ неразлучно находились и другіе атрибуты власти и официальности: хорунжіе возили впереди его отряда одно большое знамя и восемь малыхъ. Онъ продолжалъ смотрѣть на себя или по крайней мѣрѣ выдавалъ себя за представителя русской идеи и поборника православія.

Съ 16-го на 17-е число Желѣзнякъ ушелъ изъ подъ Умани, а 18 числа онъ уже имѣлъ 300 отчаянныхъ удальцовъ, съ которыми полетѣлъ на польское мѣстечко Палѣево Озеро, въ подольской губерніи. И здѣсь, какъ во всей его дѣятельности, имъ руководила одна и таже идея—добивать польскій и еврейскій элементъ, недобитый имъ въ Умани, въ Лисянкѣ и Черкасахъ. Взявъ это мѣстечко, онъ немедленно вырѣзалъ всѣхъ поляковъ и евреевъ, а чего не дорѣзалъ, то утопилъ въ рѣчкѣ. Нѣкоторые изъ жителей Палѣева Озера успѣли спастись бѣгствомъ въ Балту, куда прятались и другіе поляки и евреи, и гдѣ ихъ рѣзалъ Шило съ своимъ отрядомъ. Желѣзнякъ, считая этихъ несчастныхъ бѣглецовъ своими жертвами, послалъ въ Балту своего есаула и письменно требовалъ отъ балтскаго каймакана, чтобъ онъ немедленно выдалъ ему

всѣхъ укрывавшихся въ Балтѣ, подъ турецкою защитою, польскихъ подданныхъ. Желѣзнякъ, слѣдовательно, повторилъ тотъ же самый пріемъ, какой за нѣсколько дней до этого употребилъ Шило, приходившій въ Балту изъ подъ Умани. На требованіе Желѣзняка каймаканъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда Желѣзнякъ рѣшился напасть на Балту вооруженною рукою. Но прежде того онъ усилилъ свой трехъ-сотенный отрядъ новою партіею гайдамаковъ, бродившихъ по степямъ и состоявшихъ большею частію изъ уманскихъ казаковъ и крестьянъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ двухъ сотъ человѣкъ и имѣлъ четыре пушки. Это доказываетъ, что Кречетниковъ подъ Уманью захватилъ весьма незначительную часть гайдамацкаго ополченія, такъ что и уманскіе казаки не всѣ были взяты въ плѣнъ. Съ пятисотенной ватагой, съ пушками и знаменами, Желѣзнякъ пошелъ прямо на Балту. Атака была весьма удачна. Турецкій отрядъ, высланный каймаканомъ противъ гайдамаковъ, былъ разбитъ, Балта взята приступомъ и вторично опустошена: поляки и евреи, не только польскіе подданные, спасшіеся изъ Палѣева Озера и изъ другихъ областей польской Украины, но подданные крымскаго хана — были перебиты, имущество пограблено. Турецкій гарнизонъ, разбитый при самой атакѣ Балты, былъ выгнанъ изъ города.

Балтскимъ каймаканомъ или гетманомъ Балты былъ Якубъ-ага, подданный крымскаго хана. Онъ видѣлъ, что имѣвшихся подъ его командою отрядовъ было слишкомъ недостаточно, чтобъ положить преграду натиску гайдамаковъ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ ожидать скораго подкрѣпленія отъ своего правительства, такъ какъ неизвѣстно было, когда прибудетъ къ нему ногайская орда, кочевавшая въ то время въ степи. Чтобы выиграть время, онъ рѣшился начать переговоры съ

Желѣзнякомъ, и переговоры эти каймаканъ нашелъ всего болѣе удобнымъ вести чрезъ представителя Запорожья. Этимъ представителемъ былъ запорожскій полковой старшина Семенъ Галицкій, котораго Сѣчь выслала на турецкую границу для развѣдываній о томъ, что дѣлалось тогда въ польской Украинѣ и о чемъ приходили въ Сѣчь такія страшныя вѣсти, что нельзя было не принять какихъ либо мѣръ, чтобъ не остаться въ отвѣтѣ передъ русскимъ правительствомъ. Галицкій былъ тайнымъ агентомъ запорожскаго коша и присланъ къ польско-турецкой границѣ какъ бы по торговымъ дѣламъ, а между тѣмъ долженъ былъ наблюдать что вокругъ него дѣлалось и, по примѣру правительственныхъ агентовъ, доносить своему начальству о результатахъ своихъ „политическихъ наблюденій". Такимъ образомъ Якубъ-ага обратился къ посредничеству Галицкаго и далъ ему въ помощь двухъ своихъ сейменовъ. Чтобы не сдѣлать политической безтактности и не остаться въ отвѣтѣ передъ своимъ правительствомъ, Якубъ-ага долженъ былъ узнать навѣрное, кто такой этотъ Желѣзнякъ, какія его намѣренія, отъ кого онъ посланъ и по какому праву онъ, называющій себя представителемъ Россіи, распоряжается жизнью и имуществомъ не только польскихъ подданныхъ но и подданныхъ крымскаго хана. Якубъ-ага потому находился въ нерѣшительномъ положеніи, что сношенія съ нимъ Желѣзняка обставлены были нѣкоторыми признаками офиціальности. Гайдамацкій посолъ, прибывшій къ каймакану, увѣрялъ, что прибывшая съ Желѣзнякомъ шайка составляетъ часть запорожскаго войска и что войско это прислано по распоряженію коша для истребленія на Украинѣ поляковъ и евреевъ. Какъ доказательство своего посланничества, гайдамацкій посолъ показывалъ грамату или „листъ", безъ сомнѣнія ту самую зо-

лотую грамату или копію съ нея, которая уже успѣла надѣлать столько шуму и бѣдъ во всей польской Украинѣ. Якубъ-ага подозрительно относился къ этому посланничеству и не зналъ что ему дѣлать. Неловкость его положенія увеличивалась еще и тѣмъ, что толмачъ каймакана, родомъ грекъ, знавшій по-русски и неоднократно бывавшій по дѣламъ службы въ Новосербіи, собственными глазами видѣлъ, что на большомъ листѣ, предъявленномъ каймакану гайдамацкимъ посланцемъ, огромными буквами было написано: „указъ ея императорскаго величества самодержцы всероссійской и проч. и проч. Объявляется во всенародное извѣстіе“... Въ концѣ указа находилась слѣдующая подпись: „Атаманъ кошевой Петръ Калнишевскій, з'Петербурга“. Въ этихъ то сомнѣніяхъ Якубъ-ага обратился къ Галицкому и просилъ его принять на себя роль посредника.

Галицкій согласился отправиться къ гайдамакамъ, имѣя побудительныя къ тому причины, во первыхъ, въ томъ, что этимъ онъ исполнялъ свою прямую обязанность, возложенную на него кошемъ, во вторыхъ въ томъ, что дѣло шло „о чести и славѣ войска запорожскаго“, а въ третьихъ, къ этому примѣшались собственные интересы Галицкаго, потому что, во время наѣзда на Балту, гайдамаки ограбили домъ, въ которомъ онъ жилъ, захватили его пожитки и угнали лошадей.

Весьма любопытное посѣщеніе Галицкимъ гайдамацкаго стана выписано г. Скальковскимъ изъ архивовъ запорожской сѣчи, и мы приводимъ это показаніе какъ характеристику того времени и дѣйствующихъ лицъ:

„Балтскій каймаканъ Якубъ-ага, задержавъ сумнительство, что тѣ гайдамаки точно себя запорожцами называютъ его,

Галицкаго, спрашивалъ: *не дано ли имъ позволенія отъ коша такія шалости чинить?* А какъ онъ, Галицкій, въ самой точности его увѣрилъ, что никогда никому отъ войска такого дозволенія не давалось, то онъ, ага, къ лучшему еще того освѣдомленію, послалъ его, Галицкаго, придавъ ему двухъ своихъ сейменовъ конныхъ, къ онымъ гайдамакамъ. Когда онъ къ нимъ пришелъ, то увидѣлъ онъ ихъ всѣхъ вообще въ одной компаніи надъ разставленными напитками сидящихъ, гдѣ и его, Галицкаго, посадивъ, довольно подчивали и просили его о прощеніи, что съ нимъ нѣкоторые шалуны покушались въ обиду его товарища (запорожца Алексѣя Шульгу) взять и, при товарищѣ его, экипажъ разграбить. При томъ обрадовали его было тѣмъ, что все безъ потерянія его имущество они отыщутъ, а ежели не отыщутъ, то вдвое наградятъ. Между тѣмъ, любопытствуя съ нимъ въ разговорахъ, ни единаго съ нихъ, гайдамакъ, не призналъ запорожскимъ казакомъ, потому что они, по войсковымъ запорожскимъ обычаямъ лошади осѣдлать, на лошадь всѣдать, ратища въ рукахъ держать и лошади навьючить не умѣютъ. По большей части видѣлъ по нихъ, что они самые простые мужики безопасные, ибо когда они турокъ изъ Балты выгнали и до тысячи ногайцевъ встрѣтили, то, заряжая пушки рубленнымъ желѣзомъ, порохъ изъ висящихъ у нихъ роговъ за однимъ разомъ издержали, и если бы по счастію трехъ татаръ не убили и другихъ чрезъ то не разогнали, то долѣе съ своими пушками удержаться бъ не могли.“

Галицкій пробылъ у гайдамаковъ только нѣсколько часовъ и, воротившись къ Якубѣ-агѣ, передалъ ему сдѣланныя имъ „политичныя наблюденія.“ Главная цѣль Галицкаго состояла конечно въ томъ, чтобы выгородить подозрѣваемое въ

этомъ дѣлѣ участіе запорожскаго войска и тѣмъ защитить его честь.

„На другой день (говоритъ Галицкій въ своемъ показаніи) присланы были къ Якубѣ-агѣ отъ гайдамацкой шайки два человѣка, изъ которыхъ одинъ называлъ себя есауломъ, а другой сотникомъ, съ какими-то письмами. Въ тотъ же часъ подоспѣла къ Балтѣ орда и пришелъ отъ оной къ Якубѣ-агѣ мурзакъ. Къ чему и его, Галицкаго, призвалъ. Гдѣ онъ посидя, видѣлъ (ибо турецкаго языка не понималъ) между Якубъ-агою и мурзакомъ многіе разговоры, а потомъ Якубъ-ага сталъ сказывать присланнымъ отъ гайдамаковъ есаулу и сотнику ихъ: „что вы это сдѣлали и съ какимъ вы намѣреніемъ городъ Балту разорили? Видѣть можете сами, что орда подоспѣла, и она напрасно отойдти не можетъ. Отъ вы запропастили своимъ своевольствомъ Украйну.“ Получивъ отвѣтъ аги, посланцы уѣхали, но вскорѣ отъ оной гайдамацкой шайки прислано къ Якубѣ-агѣ письмо: „дабы онъ съ ними вступилъ въ перемиріе и росписался, а они его, аги, и его команды убытки съ избыткомъ будутъ награждать.“ И какъ то уже между ними постановлено, онъ, Галицкій, не знаетъ, а только видѣлъ, что турки вдоволь отъ гайдамаковъ арбами имущества своего (въ Балтѣ у нихъ заграбленнаго), польскаго и жидовскаго не мало на свою сторону везли. Причемъ и Галицкій къ гайдамацкой шайкѣ вторично поѣхалъ и требовалъ у нея возвращенія забранныхъ у него имущества и лошадей, а себѣ свободнаго отпуску. Но они, и его уже отъ себя не отпуская, велѣли при нихъ быть до тѣхъ поръ, пока они въ томъ мѣстѣ себя не успокоятъ и примутъ въ другое мѣсто походъ, гдѣ обѣщались его съ вознагражденіемъ отпустить. Того-жъ дня есаулъ гайдамацкой

шайки, выбѣжавъ въ замокъ (въ Балту), возвратился и отдалъ всѣмъ приказъ, чтобы всѣ не медля, на мелкія шайки раздѣлясь, къ походу готовились, а послѣ не медля и самъ есаулъ съ своими сотниками, сѣвъ на лошадей, а съ ними и Галицкій съ товарищемъ, подъ политичнымъ наблюденіемъ гайдамаковъ, при пушкахъ уѣхали. Когда выѣхали въ степь, то подъ часъ ночлегу, есаулъ съ старшинами дали всѣмъ лозунгъ, чтобы на запросъ: кто они такіе?—отвѣчать: „казакъ съ чаты“ (съ поста) (1). А кто этого приказу не исполнялъ, тѣхъ били или даже убивали. Когда они начали подъѣзжать къ рѣчкѣ Саврани (подольской губерніи) и входить въ село Песчаное, то онъ, Галицкій, видя, что они ему вознагражденія не чинятъ, за дозволеніемъ гайдамацкаго есаула, съ товарищемъ своимъ уѣхали въ свой путь къ Запорожью.“

Такимъ образомъ Галицкій благополучно воротился въ Запорожье, а куда прошла гайдамацкая партія, какіе были ея дальнѣйшіе подвиги — неизвѣстно. Извѣстно только, что шайка эта считала своимъ командиромъ Желѣзняка, есаулъ котораго и управлялъ ею во время отсутствія своего начальника; самого же Желѣзняка при шайкѣ не было.

Изъ показанія Галицкаго видно дальше, что когда онъ воротился на Запорожье и явился къ полковнику бугогардовской паланки, то почти вслѣдъ за нимъ прискакалъ изъ Голты, турецкаго мѣстечка, бешлей тамошняго гарнизона, нѣчто въ родѣ полицейскаго солдата, и привезъ письмо къ полковнику. Бешлей спрашивалъ:

---

(1) «Чаты» или сторожевые пикеты назывались: Тимошева, Бобринцева, Чаплынцева, Запорожцева, Смѣлянцева, Поповичева, Вербивцева и другія.

*

— Кто такіе запорожцы, которые Голту разорили? Если они не запорожцы, то ногайская орда, которая уже выступила, всѣхъ ихъ вырубитъ.

Полковникъ и Галицкій отвѣчали посланцу:

— Тѣ гайдамаки не запорожцы, а самосбройцы (бездѣльники), неизвѣстно какіе люди. Дѣлайте съ ними что хотите.

Оказалось, что это былъ Желѣзнякъ.

Но посмотримъ, что дѣлали въ эти самые дни русскіе отряды, прибывшіе подъ Умань съ Кречетниковымъ и захватившіе тамошній гайдамацкій таборъ.

XXII.

По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ дневника Калмыкова, видно, что въ то время, когда Кречетниковъ оставался еще подъ Уманью, нѣсколько сотенъ донскихъ казаковъ отправлено было имъ въ разныя мѣста для поисковъ за отдѣльными гайдамацкими шайками. Изъ народныхъ преданій можно заключить также, что донцы преслѣдовали бѣглецовъ по разнымъ направленіямъ, иногда мелкими партіями, иногда цѣлыми отрядами. Но и въ бѣгствѣ гайдамаки не переставали преслѣдовать идею, во имя которой погибли уже тысячи жертвъ ихъ фанатизма. Одна партія, человѣкъ въ десять, уходя въ Запорожье отъ русскихъ отрядовъ, кинулась къ Днѣпру и на лодкѣ поплыла внизъ по теченію этой рѣки. Приставъ около Черкасъ, они вошли въ городъ, явились на базаръ и тамъ, не боясь никого, дерзко захватили писаря, который перемѣнилъ православіе на католичество, и вывели его за городъ для казни. Несчастному связали назадъ руки, завязали глаза бѣлымъ платкомъ и велѣли стать на колѣни.

Тогда одинъ изъ гайдамаковъ, зайдя сзади, выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ „перехриста.“ Совершивъ этотъ подвигъ, гайдамаки поплыли далѣе, спасаясь отъ русскихъ.

Сохранился также разсказъ о бѣгствѣ Лопаты, бывшаго слугою у Желѣзняка во время его похожденій на Украйнѣ. Когда Желѣзнякъ, догадавшись о намѣреніи Кречетникова захватить гайдамацкое ополченіе, рѣшился бѣжать изъ подъ Умани, онъ призвалъ Лопату, далъ ему денегъ и коня и велѣлъ уходить куда глаза глядятъ. Лопата съ другимъ гайдамакомъ скакалъ цѣлыя сутки, преслѣдуемый двумя донцами, пока ночь не помѣшала донцамъ ловить бѣглецовъ. Тогда они пробрались на родину, въ Смилянщину, и уже оттуда Лопата переплылъ на лѣвый берегъ Днѣпра, выхлопоталъ у общества удостовѣреніе въ томъ, что во время уманской рѣзни онъ находился на русской сторонѣ Днѣпра, гдѣ „вѣялъ жито,“ и только съ этимъ свидѣтельствомъ онъ могъ не бояться, что его возьмутъ, какъ гайдамака, и отрубятъ голову.

Партія донскихъ казаковъ, въ которой находился Калмыковъ, преслѣдуя отдѣльныя ватаги бродягъ, дошла до самаго Днѣпра. Во всей странѣ казаки видѣли „крайнее разореніе и въ народѣ къ мятежу склонность.“ Хлѣбъ стоялъ въ поляхъ большею частію не убранный, во многихъ мѣстахъ „потолоченный (вытоптанный) проходомъ великаго множества народу.“ При входѣ въ села въ глаза бросалась какая-то пустота, „безлюдіе,“ тогда какъ въ другихъ мѣстахъ села наполнены были разнымъ сбродомъ, на улицахъ „великое смятеніе,“ по базарамъ „наглостные крики,“ въ шинкахъ „пьянственное веселіе и непотребное иныхъ пьяницъ между себя руганіе, свара, драка и смертное убивство.“ Казаки встрѣчали уже кое-гдѣ польскіе отряды, которые по видимо-

му осмѣливались показываться среди волнующагося населенія, ободряемые присутствіемъ русскихъ войскъ, и жестоко мстили народу за свой недавній страхъ, за свой срамъ и за погибшія жертвы. По крайней мѣрѣ, Калмыковъ говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ въ одно село „польскіе гвардейцы за ноги привязаннаго арканомъ къ сѣдлу бунтовщика, по землѣ волоча, наглостной смерти въ томъ селѣ предали. За то въ другомъ мѣстѣ донцы наткнулись на сцену, когда „малороссіянки съ малыми ребятами дѣвку изъ жидовскаго племени, найдя въ Ливадѣ на укрывательствѣ, собаками травили, за каковую провинность (прибавляетъ Калмыковъ) отъ насъ тѣ малороссіянки въ село приведены и нагайками высѣчены.“ Въ третьемъ мѣстѣ, при проѣздѣ черезъ лѣсъ, по донцамъ „изъ лѣсу того невидимо кѣмъ стрѣляно и одного станичника, прозваніемъ Дротика, въ плечо ранено.“ Въ четвертомъ мѣстѣ донцы проѣзжали мимо польскихъ „панскихъ куреней, изъ которыхъ одинъ до рундука огнемъ сожженъ, а въ другомъ оконницы выломаны.“ Захваченныхъ нѣсколько человѣкъ „невѣдомыхъ людей, въ коихъ примѣчены были бунтовщики и смертоубійцы,“ донцы сдавали польскимъ старшинамъ.

Около самаго Днѣпра донцы, какъ выражается Калмыковъ, имѣли „знатный случай и баталію.“ Дѣло въ томъ, что, подъѣзжая къ Днѣпру, они поймали какого-то бродягу, который на вопросы донцовъ—кто онъ такой и куда идетъ—отвѣчалъ, что онъ „съ того боку Днѣпра наймитъ и приходилъ въ монастыри, по усердію своему, для богомолья.“ Но когда казаки, при обыскѣ бродяги, показавшагося имъ подозрительнымъ, нашли зашитыми въ рубахѣ золотыя монеты, а въ нищенской сумкѣ пару заряженныхъ пистолетовъ и

дорогіе часы „съ боемъ и алмазами,“ то бродяга подвергнутъ былъ „немалому испытанію.“ Въ чемъ состояло это „не малое испытаніе,“ Калмыковъ умалчиваетъ, но безъ сомнѣнія оно было такого рода, что развязало языкъ упорному гайдамаку (это былъ дѣйствительно гайдамакъ), и онъ, „мало не умеревъ отъ истязанія, въ худостяхъ своихъ повинился.“ Перехваченный казаками гайдамакъ находился подъ командою „атамана Бабася, въ партіи коего подъ Умань ходилъ и онаго Желѣзняка милостями взысканъ.“ Шайка Бабася, какъ оказалось, бѣжала изъ подъ Умани въ ночь разгрома гайдамацкаго табора и, прискакавъ къ Днѣпру, послала своихъ эмисаровъ или, какъ ихъ называетъ Калмыковъ, „наборщиковъ“ на лѣвый берегъ, „въ малороссійскія слободы,“ для набора новыхъ ополченцевъ, а сама засѣла въ сосѣднемъ лѣсу, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленія. Въ шайкѣ находилось до пятидесяти человѣкъ хорошо вооруженныхъ гайдамаковъ, которые, послѣ роздыха и подкрѣпившись новобранцами, а также „выправивъ потомленныхъ многими походами коней своихъ,“ намѣрены были или идти на соединеніе съ Желѣзнякомъ, или, если не найдутъ его, то направитъ свои набѣги на такія мѣстности польской Украйны, куда еще не заходили гайдамаки и гдѣ „польскіе паны въ великихъ богатствахъ живутъ.“

Казаки увидѣли такимъ образомъ необходимость тотчасъ же напасть на шайку Бабася, пока она не подкрѣпилась „сикурсомъ“ и не пришла еще въ возможность мѣряться силами съ донскимъ отрядомъ. Перехваченный казаками гайдамакъ, у котораго пала лошадь, шелъ въ сосѣднее село для покупки лошади и на дорогѣ попался въ руки донской командѣ. Плѣнный бродяга долженъ былъ служить проводни-

комъ, и потому посаженъ былъ на вьючную казацкую лошадь подъ наблюденіе двухъ казаковъ, которымъ велѣно было немедленно убить проводника, если онъ покусится сдѣлать побѣгъ или что либо другое ко вреду казацкаго отряда. Въ строжайшей тишинѣ двинулись казаки впередъ и, дойдя до лѣсу, углубились въ чащу, по которой извивалась дорожка, шириною „до трехъ коней,“ т. е. такая, по которой могли рядомъ проѣхать три всадника. Но едва стали они выѣзжать на полянку, со всѣхъ сторонъ окруженную лѣсомъ, какъ раздался выстрѣлъ, и гайдамакъ, служившій проводникомъ, громко закричалъ: „москва иде! ратуйте!“ Оказалось, что то былъ выстрѣлъ гайдамацкаго часоваго, который находился при въѣздѣ на поляну и замѣтилъ приближеніе донцовъ. Едва эти послѣдніе успѣли выбраться на поляну и построить весь свой отрядъ четыреугольною „грубою,“ вѣроятно въ каре́, какъ снова раздались выстрѣлы изъ лѣсу, и донцы увидѣли перебѣгающихъ между деревьями гайдамаковъ. Донцы бросились по тому направленію, откуда раздались выстрѣлы, и завязалась перестрѣлка. Сидя за деревьями, гайдамаки защищались отчаянно. Пули донцовъ не всегда достигали по назначенію, потому что разбойники, послѣ каждаго выстрѣла, прятались за деревья, а донцы, ничѣмъ не прикрытые, представляли изъ себя мишень и въ эту мишень гадамацкія пули попадали довольно часто. Тогда часть донцовъ спѣшилась и кинулась въ лѣсъ „добывать тѣхъ разбойниковъ руками.“ Завязалась рукопашная схватка. „Оные разбойники, имѣя дратовища, не по обычаю донскаго воинства, длининою несравненно больше нашихъ, насъ къ себѣ не подпуская, кололи и до нѣсколько казаковъ поранили (говоритъ Калмыковъ). Когда-жъ въ шашки скомандовано было и оными ка-

заки наши тѣ ихъ разбойничьи дратовища перерубали и самихъ разбойниковъ окружа немилосердно кололи, оные злодѣи и того не убоясь, на ножахъ рѣзались и въ припоръ пистолетами стрѣляли.“

Схватка кончилась однако тѣмъ, что гай аманы были разбиты и разсыпались по лѣсу. Казаки бросились за ними въ чащу, но, по густотѣ лѣса, не могли продолжать преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что на сосѣдней полянѣ паслись ихъ лошади, и разбойники, захвативъ ихъ, ускакали. На мѣстѣ схватки осталось нѣсколько убитыхъ гайдамаковъ (одинадцать головъ) и пять донскихъ казаковъ. Нѣсколько донцовъ было ранено. Въ карманахъ и „сброе“ гайдамацкой найдено было много зашитаго золота и серебра. У одного убитаго, на шеѣ, на золотой цѣпи висѣлъ портретъ польскаго короля, оправленный въ золото (безъ сомнѣнія, захваченный при грабежѣ какого-нибудь богатаго польскаго дома). Но ни одинъ гайдамакъ не дался въ руки живымъ, кромѣ того, который служилъ донцамъ проводникомъ и котораго они, во время схватки, когда онъ покусился соединиться съ товарищами, „волосянымъ арканомъ къ сѣдлу привязали и ротъ заклепали.“

Похоронивъ на полянѣ убитыхъ товарищей, донцы въ тотъ же день, подъ вечеръ, выбрались изъ лѣсу и направились къ городу Крылову, чтобы сдать подлежащимъ властямъ своего плѣннаго и заявить о послѣдней битвѣ съ гайдамаками. Но когда провѣдали (отъ кого, Калмыковъ не говоритъ), что въ эту ночь изъ-за Днѣпра должна была перебираться на польскую сторону вновь навербованная гайдамаками въ малороссійскихъ слободахъ партія для соединенія съ шайкою Бабася, они рѣшились перехватить эту переправу. Дѣйствительно, въ эту же ночь они засѣли въ скрытномъ мѣстѣ у сама-

го берега Днѣпра, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ должны были переправляться гайдамаки, и ждали ихъ появленія. Когда начало уже свѣтать, казаки увидѣли, что отъ того берега Днѣпра, изъ камыша и прибрежнаго тальнику, отдѣлилось нѣсколько „каюковъ“ и большихъ лодокъ, наполненныхъ людьми. Казаки выжидали приближенія ихъ къ самому берегу, и едва лодки причалили, какъ казаки, выбѣжавъ изъ засады, бросились на нихъ и нѣсколько человѣкъ успѣли захватить. Прочіе же бросились опять въ лодки и отплыли къ тому берегу. Казаки кричали имъ вслѣдъ:

— Стойте. Ежели вы добрые люди, мы васъ не тронемъ.

— Ступайте къ чортовой матери, москали проклятые, кричали убѣгающіе гайдамаки: насъ вамъ не поймать.

— Воротитесь, снова кричали казаки, дабы напраснаго кровопролитія не учинилось. Мы по васъ стрѣлять будемъ.

Бѣглецы, „ругаясь неподобно,“ продолжали отплывать дальше. Казаки дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, „но за отдаленіемъ вреда онымъ разбойникамъ учинить было невозможно.“

Плѣнные изъ нихъ говорили, что они вовсе не гайдамаки, но что за ними пріѣзжалъ „польскаго господина писарь“ и нанялъ ихъ всѣхъ на „заработки.“ Какъ бы то ни было, ихъ, какъ подозрительныхъ людей, казаки слали по принадлежности и отправились въ дальнѣйшіе разъѣзды.

Эта вербовка гайдамаковъ въ русской Украйнѣ эмисарами гайдамацкихъ шаекъ доказываетъ, съ одной стороны, что гайдамачина пользовалась одинаковымъ сочувствіемъ народа въ обѣихъ Украйнахъ, съ другой—что мужское населеніе польской Украйны, безъ сомнѣнія, все пошло на кличъ Желѣзняка, если приходилось вербовать новыя партіи въ Гетман-

щинѣ. Гетманщина же и самый Кіевъ съ окрестностями, какъ мы видѣли выше, поставляли гайдамаковъ и въ шайку ватажка Найды.

Въ то время, когда казацкая разъѣздная команда повернула отъ Крылова вдоль по польской границѣ, въ направленіи къ рѣчкѣ Синюхѣ, ей представился еще болѣе знатный случай, чѣмъ тотъ, о которомъ мы говорили выше. Казаки ѣхали теперь по той полосѣ земли, черезъ которую обыкновенно врывались и въ прежніе годы гайдамацкія шайки въ польскую Украйну. Долго они ѣхали по степи, перерѣзывая широкія „сакмы“ или степныя дорожки, выбиваемыя конскими копытами. Нигдѣ не было ни жилья, не видѣлось слѣдовъ ни „косовищъ“, ни пахотныхъ полей — все была гладкая степь, подобіе имѣющая съ нашей маныцкой степью, прибавляетъ Калмыковъ. Казацкія лошади, хотя привыкшія къ донскимъ степнымъ переходамъ, уже начали истомляться, потому что нигдѣ не было ни рѣчекъ, ни озеръ, ни отдѣльныхъ водопоевъ. Къ вечеру уже они замѣтили, что подъѣзжаютъ къ такому мѣсту, по характеру котораго казаки могли догадаться, что здѣсь близко должна быть вода. И дѣйствительно, два казака поскакали впередъ и скоро воротились съ извѣстіемъ, что они видѣли пасущихся тамъ „въ треногахъ“ спутанныхъ коней, а около самаго водопоя „наподобіе майдана сидящихъ и пьющихъ невѣдомыхъ людей,“ что „изъ одѣяній оныхъ невѣдомыхъ людей примѣчаются въ нихъ не татары и не чумаки, а запорожскіе хохлы,“ и что людей этихъ „число безопасное.“

Предполагая, и весьма справедливо, что это гайдамаки, казацкій отрядъ тотчасъ же рѣшился употребить хитрость, чтобы, „не теряючи ни пыжа,“ захватить ихъ живьемъ, но

примѣру того, какъ они захватили уманскій таборъ. Остановившись на томъ мѣстѣ, гдѣ казаковъ застигла эта нечаянная встрѣча съ неизвѣстными людьми, начальникъ казачей команды (имя котораго намъ неизвѣстно, хотя Калмыковъ и называетъ его просто Захаромъ Ивановичемъ) отправилъ къ нимъ, какъ бы для переговоровъ, самого Калмыкова, бывшаго тогда молодымъ хорунжимъ, и съ нимъ другаго казака. Посланцы привязали на пику („дратовище") бѣлую „ширинку," въ видѣ парламентерскаго флага, и подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли невѣдомые люди. Когда присутствіе казаковъ было замѣчено, неизвѣстные вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились было къ лошадямъ, но, увидѣвъ вдали бѣлый платокъ, остановились и закричали:

— Что̀ за люди?

— Казаки съ Дону, отвѣчали тѣ.

— Для чего жъ вы въ степи безъ дороги ѣдете, куда и зачѣмъ?

— Ѣдемъ мы въ Польшу по наказу.

— По какому наказу и за кого стоять должны?

— По наказу царскому и стоять должны за россійскихъ людей.

— Идите къ намъ, сказали гайдамаки: ежели вы люди добрые, мы васъ примемъ и вмѣстѣ пойдемъ.

Посланцы донскихъ казаковъ подъѣхали ближе. Гайдамаки пригласили ихъ „въ кругъ."

— Такъ то правда, якобы Россія Польшу подъ свою руку забрать хочетъ? спрашивали гайдамаки.

— То подлинно правда, отвѣчалъ Калмыковъ, желая оныхъ вопрошателей мысли къ себѣ привернуть.

— А у насъ слышно было, что то враки, хотя жъ къ

тому и говорили, яко бы сіе дѣло государыня въ секретѣ держать велѣла, чтобъ на нее отъ иноземныхъ королей наговору не было, замѣтилъ одинъ изъ гайдамаковъ.

— А ваша команда по наказу лъ какому въ походѣ состоитъ? спросилъ Калмыковъ.

— По наказу, и тотъ наказъ секретный, отвѣчалъ гайдамакъ.

— Секретный былъ, а нынѣ не секретный, вмѣшался другой гайдамакъ;—сказываютъ, что въ польскихъ земляхъ свыше тысячнаго числа наши поляковъ и жидовъ вырѣзали.

Казацкіе послы ясно видѣли, что это гайдамаки, и такъ какъ ихъ было немного или — какъ выражается Калмыковъ — „безопасное число,“ то посланцы эти еще болѣе утвердились въ мысли, что гайдамаковъ этихъ можно будетъ захватить живыми, „не теряючи ни пыжа.“ Но они все-таки видѣли впереди затрудненіе—какъ свести оба отряда, чтобъ не возбудить въ гайдамакахъ подозрѣніе. Но гайдамаки сами разрѣшили это недоразумѣніе.

— Въ вашей командѣ много ли коней? спросили гайдамаки.

— Наша команда о стѣ конь, отвѣчалъ Калмыковъ.

— А при комъ оная состоитъ?

— При сотникѣ.

— По войсковому обычаю мнѣ подъ рукою сотника стоять было не безъ обиды, сказалъ тотъ изъ гайдамаковъ, который, по видимому, управлялъ этой шайкой:— хотя бъ мы и пошли вмѣстѣ, только бъ сотнику свою сотню вѣдать, а мнѣ свою, и въ наши войсковые порядки вамъ бы съ сотникомъ не мѣшаться.

— Правда, правда, говорили прочіе гайдамаки:—у васъ свои порядки, у насъ свои.

— Мы вашихъ порядковъ ломать не будемъ, отвѣчалъ на это Калмыковъ.

Такимъ образомъ правительственные переговоры кончились благополучно. Оставалось только соединиться обоимъ отрядамъ.

— Наши кони безъ воды потомлены, сказалъ Калмыковъ.—Можно ль нашей сотнѣ къ вашему водопою слѣдовать, дабы коней въ конецъ не заморить?

— Если вы люди добрые и съ нами въ одну мысль, то и водопой нашъ для васъ не заказанъ, отвѣчали гайдамаки.

Однако изъ осторожности гайдамаки оставили у себя Калмыкова заложникомъ, а прибывшаго съ нимъ казака послали за сотней, которая оставалась въ степи, ожидая конца переговоровъ. Возвратившійся къ сотнѣ казакъ объявилъ, что встрѣченная ими неизвѣстная команда послана „по секретному наказу“ въ Польшу, что по всѣмъ видимостямъ это гайдамаки, которыхъ онъ насчиталъ до сорока трехъ человѣкъ и которые соглашаются соединиться съ сотенною казацкою командою.

Казаки тотчасъ же двинулись къ водопою. Гайдамаки встрѣтили ихъ сидя уже на коняхъ, съ пиками на перевѣсъ и выстроившись по казацкому обычаю „лавою.“ Когда начальникъ казацкой команды, вмѣстѣ съ другимъ хорунжимъ, выѣхалъ впередъ, начальникъ гайдамацкой шайки также выдѣлился изъ своей „лавы“ и они съѣхались на довольно близкое разстояніе.

— Мы хотимъ быть съ вами за одно, сказалъ казацкій сотникъ:—вамъ дороги въ польской землѣ не безвѣстны, а мы въ Польшѣ какъ въ темномъ лѣсу бродимъ.

— Мы вамъ дорогу покажемъ, отвѣчалъ гайдамацкій начальникъ.

— Ежели вы будете съ нами за одно, и васъ въ Россіи за то великъ жалованьемъ наградятъ, сказалъ сотникъ.

— За Россію мы стоять рады противу оныхъ польскихъ людей, отвѣчалъ гайдамакъ.

— А вы гдѣ (куда) путь держите?

— До Брацлава.

— А на Умань вамъ иттить не наказано? спросилъ сотникъ.

— Въ Умани кормиться не чѣмъ.

— По какому приключенію въ Умани корму не стало?..

-- Казаки поѣли.

— Какіе казаки?

„На сіе оный разбойникъ въ смѣхѣ отвѣтствовалъ:— Наши казаки въ ономъ городѣ всѣхъ свиней посмалили и поросятъ поѣли, за тѣмъ и корму тамъ не стало. Нынѣ жъ, сказываютъ, Варшава насъ въ гости ждать должна.“

Изъ этихъ словъ ясно было видно, что настоящая партія гайдамаковъ еще ничего не знала объ участи, постигшей гайдамаковъ подъ Уманью, а до нея дошли вѣсти только о томъ, что Умань взята и разграблена. Оттого, безъ сомнѣнія, и эта гайдамацкая партія такъ неосторожно дозволила приблизиться къ себѣ разъѣздной казацкой командѣ. Нельзя не видѣть также изъ всего разсказа Калмыкова, что и эти гайдамаки шли въ полной увѣренности, что они дѣйствуютъ за одно съ Россіею и что сама императрица тайно сочувствуетъ гайдамацкимъ подвигамъ и тайно руководитъ движеніемъ. Оттого казацкій отрядъ они приняли за своихъ товарищей и соединились съ нимъ.

Увѣренные такимъ образомъ въ томъ, что донскіе казаки идутъ рѣзать поляковъ и евреевъ, гайдамаки свободно дозволи имъ подойдти къ водопою и сами оставались тамъ же.

Въ нихъ, по замѣчанію Калмыкова, не видно было никакой „торопливости“ (т. е. боязни, а не спѣшности), только соединиться въ одинъ отрядъ съ донцами они не хотѣли, и собственно потому, что гайдамацкій атаманъ не хотѣлъ быть подъ командою казацкаго сотника, а желалъ быть самостоятельнымъ вождемъ своей шайки и распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Эту ночь и казацкій и гайдамацкій отряды провели вмѣстѣ, только такъ, что гайдамаки расположились по одну сторону волопоя, а донцы по другую, гайдамацкія и донскія лошади паслись отдѣльно и караулы около каждой партіи дозорились отдѣльно.

На утро и тотъ и другой отрядъ снялись со состоянки и отправились далѣе. Впереди ѣхалъ гайдамацкій отрядъ, а за нимъ слѣдовали казаки. Оба отряда шли такимъ образомъ цѣлый день. Казаки сходились съ гайдамаками и разговаривали свободно „о походахъ и баталіяхъ,“ хотя казакамъ дано было наставленіе какъ держать себя въ отношеніи къ гайдамакамъ и о чемъ преимущественно говорить съ ними. По всему видно, что казацкая разъѣздная сотня повторила въ данномъ случаѣ съ гайдамаками туже военную уловку, съ помощью которой Кречетниковъ уничтожилъ главныя гайдамацкія силы подъ Уманью.

Въ предстоявшую ночь донцы порѣшили перевязать гайдамаковъ спящими. На ночлегѣ подъ небольшимъ лѣскомъ, обѣ партіи опять раздѣлились на двое, и расположились въ недалекомъ одна отъ другой разстояніи. И донцы и гайдамаки разложили костры и, поужинавъ, улеглись вокругъ тлѣвшихъ огней. Но казаки съ намѣреніемъ наложили въ свой костеръ слишкомъ мало дровъ, чтобъ онъ скорѣе потухъ, и гайдамаки смѣялись еще надъ донцами, говоря, что „моска-

ли не умѣютъ огня загнетить порядкомъ.“ Дѣйствительно, костеръ, разложенный „москалями,“ слабо освѣщалъ спящихъ и увеличивалъ темноту окрестностей. У казаковъ же все было готово для предстоящаго дѣла: при каждомъ находился арканъ, съ которымъ казакъ не разлучается въ походѣ, пистолеты и ружья ихъ были заряжены. По данному сотникомъ знаку, казаки поползли по направленію къ гайдамацкому костру, и когда уже были недалеко отъ костра, стремительно бросились на спящихъ и стали ихъ вязать. На каждаго гайдамака приходилось болѣе двухъ казаковъ, и потому сопротивленіе первыхъ оказалось безполезнымъ. Схватка была, однако, отчаянная. Гайдамацкіе часовые, дремавшіе въ сторонѣ отъ костра, только тогда замѣтили свою оплошность, когда нѣкоторые изъ донцовъ уже успѣли насѣсть на спящихъ гайдамаковъ, которые „въ великомъ изумленіи пробуждаясь, всего происходимаго съ ними въ разумъ взять не могли.“

Нѣкоторые донцы были поранены и искусаны гайдамаками. Донцы такъ увлеклись борьбой, что двухъ изъ сопротивлявшихся гайдамаковъ задушили до смерти. Успѣли ускакать только тѣ, которые стерегли гайдамацкихъ лошадей.

— За что вы насъ наподобіе воровъ связали? спрашивали нѣкоторые гайдамаки.

— Запорожцы до послѣдней души вырѣжутъ Донъ за то, что вы насъ повязали, говорили другіе.

— Наша всемилостивѣйшая государыня повелѣла намъ переловить всѣхъ разбойниковъ, что польскихъ людей мучили.

— Мы не разбойники, говорили гайдамаки.

— Вы разбойники и царскихъ указовъ ослушники, говорилъ предводитель гайдамацкой шайки.

Плѣнные гайдамаки были навязаны, въ видѣ вьюковъ, на

коней, которыхъ казаки переловили, и отправились съ казацкой командой до Умани.

„Увѣдавъ же отъ насъ (говоритъ Калмыковъ) оные разбойники о взятіи и разореніи россійскими и донскими командами городища, что подъ Уманью находилось, а наипаче узнавъ о разбитіи оной гайдамацкой сволочи, также и о взятіи начальниковъ злу и ихъ подкомандныхъ, оные разбойники, оторопѣвъ духомъ, говорили: „Пропали наши головы! Пропало славное войско запорожское.“

Не смѣя подозрѣвать Калмыкова въ хвастовствѣ, отъ котораго, какъ мы видѣли въ исторіи пугачевщины, не были свободны храбрые донцы даже въ офиціальныхъ своихъ реляціяхъ, мы должны однако замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его дневника, между замѣчаніями о погодѣ, о болѣзни лошади, о дороговизнѣ или дешевизнѣ въ Польшѣ грушъ, овса, наливокъ, какъ бы невольно пробивается наружу похвальба, будто одни донцы „оному польскому бунту конецъ положили“ и что безъ донцовъ, можетъ быть, конфедераты „арканъ на россіянъ накинули бъ и всекопечно бъ отъ Россіи отбились.“ Во всякомъ случаѣ донской полкъ игралъ важную роль въ прекращеніи гайдамачины, а окончательное ея исчезновеніе послѣдовало только тогда, когда русское правительство обратило на событія въ польской Украйнѣ серьезное вниманіе и, вмѣнивъ въ обязанность запорожью искоренить гайдамачество, въ тоже время послало въ польскую Украйну эскадроны гусаръ, составленные изъ сербовъ и другихъ славянскихъ колонистовъ въ Россіи, и эти гусары положили конецъ гайдамачинѣ, подобно тому, какъ гусары Михельсона нанесли рѣшительный и послѣдній ударъ пугачевщинѣ.

Конечное истребленіе гайдамачины составитъ содержаніе послѣднихъ главъ нашего очерка объ этомъ предметѣ.

XXIII.

Взятіе Умани гайдамаками и рѣзня въ этомъ городѣ происходили 9 и 10 іюня. Два мѣсяца русскія пограничныя власти спокойно смотрѣли на то, что дѣлалось въ польской Украйнѣ, и только уже черезъ двѣ недѣли послѣ разоренія Умани, кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ, 24 іюня, спрашивалъ запорожскія власти, какія отношенія имѣетъ кошъ къ предводителямъ народнаго бунта въ Польшѣ, такъ какъ молва говорила, что это дѣло запорожскихъ казаковъ.

„Появившаяся въ уманской, чигринской и смилянской губерніяхъ гайдамацкая шайка — писалъ Воейковъ къ кошевому—своими разбоями и грабительствомъ не только многія мѣстечки и села въ той околицѣ разорила, многихъ изъ шляхетства и изъ другихъ чиновъ, такожъ жидовъ, гдѣ только кого достать могла, безчеловѣчно мучила и умерщвляла, но и своими ложными разглашеніями простой, во тьмѣ невѣжества погруженный, народъ къ бунту противу властей, начальниковъ и помѣщиковъ воздвигнула.“ Но почему Воейковъ относился со всѣмъ этимъ въ запорожье, такъ это то, „что главный вождь помянутой гайдамацкой шайки сказывается полковникомъ войска запорожскаго низоваго и называется Максимъ Желѣзнякъ, при коемъ яко бы дѣйствительно до ста человѣкъ запорожскихъ казаковъ находится, имѣетъ нѣсколько хоругвь и перначей, разглашаетъ, что онъ по указу посланъ противу конфедератовъ, и такимъ образомъ, простой народъ прельщая, побуждаетъ къ бунтамъ и

къ своей привлекаетъ шайкѣ, чѣмъ не малое поношеніе и безславіе всему войску запорожскому наноситъ."

Что же дѣлалъ въ то время кошъ, когда на правой сторонѣ Днѣпра шла рѣзня и именемъ запорожья и русской императрицы, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ отчаянныхъ головъ, производилось фактическое отдѣленіе западной половины Украйны отъ Польши, съ которою эта страна давно соединена была политически? Какъ оказывается, кошъ ничего не дѣлалъ, безъ сомнѣнія полагая, что не его дѣло мѣшаться во внутреннія неурядицы другаго государства, хотя эти неурядицы, какъ оказалось впослѣдствіи, и исходили главнымъ образомъ изъ запорожья.

Въ 1768 году запорожская сѣчь переживала одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ своей исторической жизни. Въ это время для нея рѣшался вопросъ жизни и смерти, т. е. вопросъ о будущности ея политическаго существованія. Въ Москвѣ собрались представители всѣхъ частей государства, всѣхъ сословій и отъ всѣхъ отдѣльныхъ политическихъ единицъ и народовъ, входившихъ въ составъ русской имперіи, для присутствованія въ комиссіи, высочайше утвержденной на предметъ составленія новаго уложенія для Россіи. Съ дѣйствіями этой комиссіи для запорожской сѣчи соединялось ея политическое быть или не быть, потому что и запорожцы отправили въ эту комиссію своихъ депутатовъ. Между тѣмъ, по всѣмъ видимостямъ, хорошаго ничего нельзя было ожидать для запорожья. Новыя силы, проявившія о своемъ существованіи на югѣ Россіи, по видимому, начинали заѣдать старое, отживавшее запорожье. На этомъ югѣ Россіи запорожье и Малороссія не оставались уже единственными обладателями тѣхъ странъ, а тамъ какъ бы изъ земли выростала

неслыханная дотолѣ „Новая Россія.“ Съ разныхъ славянскихъ, нѣмецкихъ и турецко-молдавскихъ странъ тѣснились туда переселенцы и захватывали свободныя необозримыя пространства, по которымъ нѣкогда гуляли только запорожскіе казаки. Эти разноплеменные насельники мало того что захватывали земли, которыя запорожцы считали своими, но захватывали и самую свободу запорожцевъ, ихъ вольности и все, чѣмъ дорожили „изъ вѣковъ“ запорожцы. Ко всему этому на запорожское войско сыпались обвиненія отъ этихъ пришлецовъ и отъ ихъ начальниковъ, какъ русскихъ, такъ нѣмецкихъ и сербскихъ. Запорожцы дѣйствительно видѣли, что это былъ „мѣшокъ“, въ который „россіяне хотѣли убрать запорожье“ и только „не знали какъ завязать этотъ мѣшокъ.“ Къ довершенію зла въ самомъ войскѣ, подъ навѣсами „куреней“ и на войсковыхъ „радахъ“ (совѣты) пошли нелады. Мы уже говорили, что кошевые атаманы, пугаемые московскою и нѣмецкою строгостью, сами становились не въ мѣру строги къ вольному казачеству. Новые люди завелись и на запорожьѣ: Калнишевскій, шесть лѣтъ державшій казаковъ на сильно натянутой уздѣ, въ тоже время заводилъ новые порядки и россійскую субординацію, а стариковъ куренныхъ атамановъ возмущалъ противъ себя тѣмъ, что и ихъ держалъ грозно, по московски, ограничилъ ихъ патріархальную, доходившую до жестокости власть. Эти батьки-атаманы не смѣли уже, какъ прежде, „убивать въ смерть“ своихъ казаковъ по своему усмотрѣнію, не смѣли сажать безъ суда добрыхъ молодцовъ на колъ („на острую палю“), не могли даже бить ихъ у позорнаго столба кіями: на все это нуженъ былъ формальный судъ и формальный приговоръ войска съ конфирмаціею начальства. Казаки наказывались уже

за то, за что прежде награждались именемъ „славныхъ рыцарей“ —и рыцари эти уже съ острасткой пускались на войну во славу запорожья, т. е. въ гайдамачину. Между казаками, такимъ образомъ, накипало неудовольствіе, и въ 1768 г. разразилось бунтомъ, а потомъ, вслѣдъ за нимъ, другимъ бунтомъ, когда „нѣсколько буйныхъ головъ забушевало и подняло оружіе на кошеваго и войсковаго старшину.“

Среди такихъ-то неблагопріятныхъ условій застала запорожье уманская рѣзня. Офиціально оно, по видимому, ничего не знало, что подготовлялась общая гайдамачина, а если и доходили до него вѣсти, то оно смотрѣло на побѣги буйныхъ головъ въ Польшу какъ на обыкновенное гайдамачество, повторявшееся каждый годъ. Объ угрозѣ Мельхиседека—что онъ и безъ запорожскаго войска расправится съ поляками, да и запорожью отмститъ—оно, какъ видно, забыло. Объ „освященіи ножей“ запорожье также, надо полагать, ничего не знало офиціально. А между тѣмъ тамъ уже началась кровавая расправа именемъ запорожья и Россіи, и въ нѣсколькихъ губерніяхъ уже лилась кровь. Но вотъ въ маѣ кошъ получаетъ рапортъ полковника бугогардовской паланки, Моисея Головко, что „5 мая, ѣздивши по должности на низъ рѣчки Буга и вверхъ по Ингулу, узналъ онъ отъ нѣсколькихъ казаковъ, что изъ ингульскаго вѣдомства болѣе 30 казаковъ пѣшкомъ отправились въ Польшу, и что когда такихъ людей спрашивали, куды они идутъ, отвѣчали: „Куды намъ Богъ дасть, туды и пидемъ.“ Затѣмъ пришелъ въ кошъ другой рапортъ, отъ другаго паланкинскаго полковника, именно отъ Ѳедора Великаго, съ прогноинской паланки, что на другой сторонѣ соляныхъ озеръ Прогноевъ, около Кинбурна, „рыбалки, оставя своихъ хозяевъ, идутъ

на турецкую сторону рѣки Буга, на Киселевку и Гордѣеву балки, гдѣ составляютъ не малыя чаты для гайдамацтва. Хозяева не хотятъ объ этомъ говорить, а между тѣмъ полковнику и старшинѣ эти люди угрожаютъ, такъ что безъ особой помощи коша жить тамъ уже не можно.“

Для запорожья подобныя вѣсти были не новость. Уже нѣсколько лѣтъ, съ началомъ весны, оно командировало на цѣлыя лѣта казаковъ въ ту сторону, откуда обыкновенно выходили на Польшу гайдамаки, именно въ бугогардовскую паланку. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ самъ атаманъ отправлялся иногда съ войскомъ для истребленія гайдамацкихъ притоновъ, особенно по рѣкѣ Бугу. Такъ поступило запорожье и въ настоящее время. Оно немедленно командировало отъ всѣхъ куреней по нѣскольку человѣкъ для составленія разъѣздныхъ командъ и выслало эти команды на подкрѣпленіе бугогардовской и прогноинской паланокъ, съ наказомъ, учредивъ на всей польско-турецкой границѣ строгій кордонъ, бѣглецовъ и бродягъ останавливать и въ Сѣчь посылать, а куренямъ ни подъ какимъ видомъ въ Польшу и ханскую область своихъ казаковъ не отпускать. Кромѣ того, какъ мы упомянули выше, на эту границу посланъ былъ особый тайный агентъ для „политичныхъ наблюденій“ за ходомъ пограничныхъ дѣлъ. Это былъ полковой старшина Галицкій, котораго показаніе о разореніи гайдамаками Балты и о посѣщеніи имъ гайдамацкой стоянки мы привели въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, результаты „политическихъ наблюденій“ Галицкаго надъ тѣмъ, что происходило въ пограничныхъ областяхъ и что сдѣлала тамъ гайдамачина, поспѣло въ кошъ только тогда, когда гайдамачина почти уже не существовала, будучи задавлена въ Польшѣ русскими войсками.

Съ начала мая до начала іюля запорожье положительно ничего не знало офиціально о томъ, что въ то время происходило въ Польшѣ, хотя частно не знать оно *не могло*, потому что знали объ этомъ запорожцы и уходили цѣлыми десятками въ Польшу поработать вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ. Но только получивъ ордеръ отъ Воейкова о томъ, что въ польской Украйнѣ бунтъ и что этимъ бунтомъ заправляетъ Желѣзнякъ, называющій себя полковникомъ запорожскаго войска и наносящій тѣмъ „не малое поношеніе и безславіе всему войску запорожскому“, что въ польскомъ мятежѣ принимаютъ участіе до ста человѣкъ запорожскихъ казаковъ—кошъ взволновался и началъ собирать свѣдѣнія о польскихъ происшествіяхъ. Обвиненіе, выраженное Воейковымъ въ ордерѣ кошу, было слишкомъ важно для запорожья въ виду постоянныхъ подозрѣній русскаго правительства въ потворствѣ гайдамакамъ со стороны запорожья, чтобъ не встревожиться за серьезныя послѣдствія этого обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, собранныя кошемъ свѣдѣнія подтверждали, что польскій мятежъ столько же былъ поднятъ именемъ Россіи, сколько и именемъ запорожья.

2 іюля явились въ Сѣчь съ обозомъ уманскіе купцы Остапъ Поломанный и Остапъ Бочка и предъявили билетъ, выданный имъ изъ уманскаго лагеря Желѣзнякомъ. Разсматривая этотъ билетъ, запорожскій кошъ увидѣлъ, что документъ этотъ выданъ въ *лагерѣ войска запорожскаго*, въ Умани, изъ *канцеляріи* этого войска, и подписанъ *полковникомъ* Желѣзнякомъ. Ясно было, что именемъ запорожскаго войска распоряжались въ Польшѣ такіе люди, которымъ войско не давало этого полномочія. Мало того, документъ, предъявленный уманскими купцами, былъ визиро-

ванъ на границѣ, какъ подлинный, и комендантъ пограничнаго форпоста Орловскаго, маіоръ Вульфъ, при всей своей нѣмецкой исполнительности и акуратности, ничего не заподозрилъ въ этомъ документѣ и пропустилъ черезъ границу предъявителей его. Остапъ Поломанный и Остапъ Бочка, при допросѣ ихъ въ войсковой канцеляріи, показали, что „9 іюня гайдамацкая шайка въ 1,000 человѣкъ конныхъ, при одномъ большомъ и нѣсколькихъ меньшихъ знаменахъ, подъ начальствомъ какого-то полковника Максима Желѣзняка, подговоривъ четырехъ уманской губерніи сотниковъ, онаго города Умани Ивана Кузьменка и Гонту, хащоватскаго Панка, тарговицкаго Власенка и при нихъ казаковъ конныхъ и вооруженныхъ пятьсотъ, 10 числа іюня напавъ на этотъ городъ, бывшихъ въ немъ шляхтичей до 100 и жидовъ до 300, въ томъ числѣ женщинъ и младенцевъ, умертвили (такое число убитыхъ въ Умани показано Поломаннымъ и Бочкою неправильно, такъ какъ они, вѣроятно, показали это число наобумъ, не видавъ самой рѣзни и находясь по торговлѣ внѣ этого несчастнаго города). Все городское имущество, въ томъ числѣ знамена и пушки захватили, и расположились подъ онымъ городомъ въ полѣ лагеремъ. Тѣла умерщвленныхъ жидовъ и поляковъ были брошены и остаются безъ погребенія. Эта гайдамацкая шайка называетъ себя запорожскими казаками, но въ самомъ дѣлѣ они не запорожцы, но сущій сбродъ польскихъ мужиковъ, винокуровъ и обитающихъ въ Очаковѣ и его окрестностяхъ аргатовъ. Они разсказываютъ о себѣ, что имѣютъ какое-то позволеніе на истребленіе въ Польшѣ ляховъ и жидовъ. Этотъ Желѣзнякъ имѣетъ управленіе надъ городомъ Уманью и цѣлою этою губерніею, и между ихъ жителями производитъ судъ и расправу „, и т. д.

Такимъ образомъ только 2-го іюля запорожское войско узнало нѣкоторыя подробности о событіяхъ, которыя такой тяжестью обрушились на польскую Украйну, начавшись въ апрѣлѣ и окончательно разразившись надъ Уманью 10 іюня. Оно не могло, слѣдовательно, предупредить ни смилянской рѣзни, ни черкасской, ни лисянской, ни уманской, ни даже балтской, которая происходила уже послѣ взятія Кречетниковымъ уманскаго гайдамацкаго табора.

4 іюля явился въ Сѣчь другой свидѣтель уманской рѣзни, запорожскій казакъ Лавринъ Кантаржей, которому Желѣзнякъ тоже далъ свидѣтельство для проѣзда изъ Польши въ Россію и передъ которымъ хвастался, что-де состоящій „съ дивизіею въ Польщѣ русскій генералъ Кречетниковъ его благодарилъ чрезъ письмо, что онъ Умань въ конецъ разорилъ и всѣхъ въ ономъ Умани ляховъ и жидовъ вырѣзалъ.“ Отъ Кантаржея запорожское войско узнало, какъ велики силы этого новаго „запорожскаго“ войска, состоявшаго подъ командою Желѣзняка, какъ этотъ Желѣзнякъ самовластно, подобно диктатору, управляетъ всею польскою Украйною, выдаетъ всѣмъ билеты, принимаетъ и отпускаетъ приходящихъ къ нему съ почтеніемъ, „по достоинству жалуя“, раздаетъ письменные приказы—однимъ словомъ, царствуетъ, „ослушниковъ жестокимъ штрафомъ стращая.“

Наконецъ 11 іюля запорожское войско записало новое показаніе отъ третьяго очевидца уманской рѣзни, отъ запорожскаго же казака Максима Высоцкаго, который, какъ и Кантаржей, по торговымъ дѣламъ находился въ Польшѣ всю весну и былъ въ Умани на третій день послѣ его разоренія гайдамаками. Высоцкій сообщилъ кошу, что онъ слышалъ тамъ отъ одного обманщика, называвшагося тоже запорож-

скимъ казакомъ, будто онъ и три другіе казака прибыли недавно изъ Сѣчи съ письмомъ „отъ пана кошеваго къ полковнику Желѣзняку, *чтобы порядковалъ хорошо.*“ Этотъ казакъ-гайдамакъ также увѣрялъ Высоцкаго, что атаманы куренные уходу изъ запорожья казакамъ въ гайдамацтво не препятствуютъ, а напротивъ говорятъ: „Боже помогай, ступайте! А потомъ, можетъ быть, и сами пойдемъ, только теперь не можно, чтобъ граница безъ войска не оставалась и ногайцы напасть не могли.“ Этотъ же Высоцкій показалъ, что послѣ онъ самъ видѣлъ, какъ „имѣющуюся по Украйнѣ своевольствующую партію, состоящую въ немаломъ числѣ гайдамаковъ, между коею сказывался полковникомъ Максимъ Желѣзнякъ (кои-де по рѣчамъ, отъ нихъ слышаннымъ, вышли изъ монастыря мотронинскаго въ 30 человѣкахъ и насбираны тамо, жили-жъ съ мужиковъ, разоренія и умерщвленія чинили), прибывши подъ Умань находящагося въ Польшѣ россійскаго войска, каргопольскаго карабинернаго полка полковникъ Гурьевъ зъ донскимъ полковникомъ, а какъ его зовутъ не упомнитъ, съ командою его атаковалъ и, подъ караулъ взявши, всѣхъ въ колодки позабивалъ“ ([1]).

Со всѣхъ сторонъ, такимъ образомъ, приходили доказательства, что въ польской Украйнѣ мятежъ всеобщій, но что зачинщики его—запорожскіе самозванцы, а если не самозванцы, то тѣмъ болѣе тяжкое обвиненіе должно было пасть на запорожье. А запорожье все-таки бездѣйствовало, потому что не считало себя въ правѣ усмирять мятежъ въ чужой землѣ, особенно когда высшее правительство молчало, кромѣ того, что Воейковъ выразилъ свое неудоволь-

---

[1]) Наѣзды гайдамаковъ.

ствіе кошу, подозрѣвая, что Желѣзнякъ не безъ вѣдома коша увелъ въ Польшу своихъ сподвижниковъ-головорѣзовъ, да графъ Румянцевъ прислалъ ордеръ „объ азарничествахъ запорожскихъ гайдамаковъ, происходящихъ въ Польшѣ.“

Но вотъ вдругъ въ запорожьѣ получены разомъ два строгихъ ордера отъ упомянутыхъ высшихъ русскихъ властей, подписанные въ одно и тоже число, хотя въ разныхъ мѣстахъ— одинъ въ Глуховѣ, другой въ Кіевѣ, именно ордеръ графа Румянцева и ордеръ Воейкова. Оба подписаны были 2 іюля.

Румянцевъ, между прочимъ, писалъ запорожскому войску, что по рапорту пѣхотнаго козловскаго полка полковника Корфа, состоящаго въ крѣпости св. Елисаветы „объ азарничествѣ запорожскихъ гайдамакъ...“ — „сіи злодѣи не только умножаютъ лютости свои въ Польшѣ, но, пускаясь уже нападать и на области ханскія, какъ купцы крѣпости св. Елисаветы дали сказки, что 18 числа прошлаго іюня, въ бытность ихъ въ польскомъ мѣстечкѣ Палѣевомъ-Озерѣ. пріѣхало туды человѣкъ до 300 запорожскихъ казаковъ, и бывшихъ тамъ поляковъ и жидовъ умертвили, и когда-де нѣкоторые изъ нихъ спаслись бѣгствомъ въ ханское мѣстечко Балту, то они и оттудова требовали ихъ выдачи, и, получа отъ тамошняго каймакана въ томъ отказъ, оные гайдамаки, подкрѣплены будучи прибывшею къ нимъ еще партіею, въ нѣсколько сотъ человѣкъ съ 4 пушками, произвели съ турками сраженіе и, напавъ на самое мѣстечко Балту, убили тамъ многихъ жидовъ и поляковъ укрывшихся, и принудили оттуду турковъ бѣжать, чиня погоню за ними. Вездѣ же сіи злодѣи, такъ въ Польшѣ. яко и по границѣ турецкой разглашаютъ, якобы они посланы по ея императорскаго величества указу.“

Объ этомъ нападеніи на Балту одного изъ есауловъ Желѣзняка съ отрядомъ гайдамаковъ мы уже говорили. Но главное въ ордерѣ графа Румянцева—это обвиненіе запорожскаго войска въ солидарности съ гайдамаками, и даже въ посылкѣ подъ Умань особой команды запорожскихъ казаковъ.

„Находящійся въ Гарду запорожскій писарь Быстрицкій объявилъ маіору Вульфу (продолжаетъ Румянцевъ), что онъ чаетъ, яко тѣ нападатели изъ числа команды запорожской, отправленной въ Умань. Вы съ симъ нарочнымъ безъ малѣйшаго промедленія дайте мнѣ отвѣтъ: *какая и для чего отъ васъ команда отправлена въ Умань*, какъ означенный писарь показалъ? И извѣстны ли вы, кто сіи запорожскіе казаки, учинившіе вышеписанныя наглости въ областяхъ подольской и турецкой? И для чего вы столько слабое смотрѣніе имѣете, что могутъ свободно изъ вашихъ подчиненныхъ выходить такія разбойническія партіи, которыхъ своевольства, въ разсужденіе сосѣдственныхъ державъ, раждаютъ самыя худыя слѣдствія, И для того возмите самыя строгія мѣры къ наказанію повинныхъ и къ истребленію всѣхъ подобныхъ своевольствъ, ибо вся тягость сихъ важныхъ произшествій непремѣнно ляжетъ на вашемъ отвѣтѣ.“

Такимъ образомъ остается подозрительнымъ то обстоятельство, будто самъ кошъ оправлялъ въ Умань особую команду. Однако фактовъ, подтверждающихъ или опровергающихъ это обстоятельство, нѣтъ въ оставшихся отъ того времени документахъ.

Съ своей стороны генералъ-губернаторъ Воейковъ писалъ кошевому: „Прежнимъ моимъ, отъ 24 числа прошедшаго мѣсяца, ордеромъ вашему высокоблагородію предписано о проявившейся въ польской Украйнѣ вдругъ разбойнической,

такъ называемой подъ именемъ запорожскихъ казаковъ, гайдамацкой шайки справку въ подчиненномъ вамъ войскѣ сдѣлать, не отлучился ли кто изъ какого куреня на такое богопротивное и безчеловѣчное злодѣйство, и стараніе употребить такое въ кошѣ сдѣлать распоряженіе, чтобъ никто къ той шайкѣ, не только явнымъ, но и тайнымъ образомъ пристать не могъ. Но какъ между тѣмъ отъ находящагося при орловскомъ форпостѣ маіора Вульфа мнѣ рапортовано, что 21 числа прошедшаго мѣсяца, помянутой злодѣйской шайки, пріѣхавъ въ пограничную ханскую слободу Голту нѣсколько человѣкъ, яко бы запорожскихъ казаковъ, съ крайнею продерзостью и звѣрскою яростью напали на оную слободу, и укрывшихся отъ тиранства ихъ въ оной нѣсколько человѣкъ польскихъ шляхтичей и жидовъ, безчеловѣчнымъ образомъ измуча, покололи и убили, между коими и три голтянскіе жиды находились, а другихъ въ рѣку Бугъ потопили, — почему голтянскій каймаканъ, опасаясь своего живота, прибѣжище взялъ въ Орловскую слободу, и что при Гардѣ 24 числа минувшаго перешло черезъ Бугъ рѣку до 30 человѣкъ пѣшихъ и до 20 конныхъ запорожскихъ казаковъ, кои въ урочищѣ Романовской, разстояніемъ отъ Голты въ 15 верстахъ, расположились, и что главный начальникъ, рѣченной злодѣйской шайки, Максимъ Желѣзнякъ, называющійся полковникомъ, имѣетъ при себѣ есаула съ перначемъ, одну хороговъ и 8 прапоровъ, — то за необходимое признаваю вашему высокоблагородію чрезъ сіе, силу прежняго моего ордера подтверждая, наиприлежнѣйше препоручить удобовозможное съ вашей стороны распоряженіе и предосторожность употребить, чтобъ никто изъ подчиненныхъ вамъ войска запорожскаго казаковъ отъ своихъ мѣстъ

отнюдь отлучаться и къ сей шайкѣ пристать не осмѣлился, подъ опасеніемъ жесточайшаго по обыкновеннымъ войска запорожскаго правамъ наказанія. Впрочемъ предая сіе попеченіямъ и благоразсмотрительному вашему распоряженію, о исполненіи ожидать имѣю вашего обстоятельнаго рапорта“ (1).

Мы уже видѣли выше, что турецкія мѣстечки Балта и Голта были разорены гайдамаками, первое подъ предводительствомъ есаула Желѣзняка, второе подъ личнымъ предводительствомъ самого Желѣзняка. „Многіе евреи, говорятъ лѣтописцы этого народа, не надѣясь на покровительство Польши (въ то время, когда въ польской Украйнѣ свирѣпствовала гайдамачина), бросили свои города и ушли за границу въ Турцію, одни въ Балту, а другіе въ Бендеры. Но изверги кровожадные и тамъ ихъ преслѣдовали. Завладѣвъ городомъ, они собрали евреевъ и потребовали большаго окупа деньгами и вещами, обѣщая пощадить ихъ жизнь. Но лишь только злодѣи завладѣли имуществомъ, предали всѣхъ смерти немилосердной. Ихъ трупы вездѣ валялись по полямъ. Одинъ еврей съ опасностью жизни вошелъ въ городъ и нанялъ 20 турокъ, чтобы они собрали тѣла побіенныхъ и благочинно предали ихъ землѣ (2). Ушедшіе въ Бендеры были столь же несчастны: однихъ убили турки, другіе, ограбленные татарами, скитались безъ пищи и пристанища по степямъ, такъ что многіе съ отчаянія по-

---

(1) Тамъ же.

(2) Г. Скальковскій говоритъ, что въ лѣсахъ подольской губерніи по настоящее время сохранились такъ называемыя «еврейскія могилы». Одну изъ нихъ онъ видѣлъ въ 20 верстахъ отъ мѣстечка Вороновицы по дорогѣ къ Кальнишикѣ, въ тавровскомъ лѣсу. Имя этой могилы—«Жиды.»

гибли въ волнахъ Днѣстра или умерли отъ голоду.“ Голта разорена была вскорѣ послѣ Балты. Желѣзнякъ, говорятъ, не надѣялся на вѣрность своей шайки, особенно послѣ того, что потерпѣли гайдамаки подъ Уманью отъ донцовъ и русскихъ, и ушелъ къ Бугу. Тамъ въ окрестностяхъ мѣстечка Орлика (нынѣ Ольвіополь), онъ скрывался въ урочищѣ, Романкова балка, имѣя около себя не болѣе двадцати товарищей, на которыхъ онъ могъ положиться. Онъ выжидалъ случая пуститься на крупное дѣло, какимъ онъ считалъ разореніе Умани или завоеваніе всей польской Украйны, и положительно не хотѣлъ пускаться въ мелкій грабежъ и въ разбой по большимъ дорогамъ, не считая себя разбойникомъ, а понимая свою мисію, какъ защитника православія и представителя интересовъ древняго казачества. По всему видно было, что онъ не хотѣлъ стать въ уровень съ обыкновенными гайдамаками, а если и грабилъ, то лишь для удовлетворенія алчности своихъ ватагъ, между тѣмъ какъ самъ преслѣдовалъ болѣе высокія цѣли, хотя это преслѣдованіе и выражалось въ рѣзнѣ и разбояхъ. Но вѣдь не меньшую рѣзню производилъ и Хмѣльницкій. Еще большая рѣзня слѣдовала по стопамъ Наполеона I и всѣхъ завоевателей, такъ что исторіи трудно провести черту между завоевателемъ и гайдамакомъ въ родѣ Желѣзняка.

Какъ бы то ни было, Желѣзнякъ, дождавшись, когда къ нему прибыли другія ватаги гайдамаковъ, возвратившіяся изъ похода противъ Балты, повелъ свою толпу на Голту, не смотря на ближайшее сосѣдство этого мѣстечка съ русскимъ гарнизономъ. И здѣсь, какъ во всей польской Украйнѣ, онъ преслѣдовалъ польскій и еврейскій элементъ, не покушаясь грабить ни турокъ, ни татаръ. Напавъ

на Голту, онъ захватилъ спасавшихся тамъ польскихъ шляхтичей и евреевъ, безчеловѣчно ихъ мучилъ, а потомъ однихъ перекололъ, а другихъ въ рѣкѣ утопилъ. Голтянскій каймаканъ, боясь этихъ свирѣпыхъ нападателей, бѣжалъ изъ Голты и искалъ покровительства у русскихъ въ орловскомъ укрѣпленіи.

Объ этомъ-то нападеніи, какъ мы видѣли выше, спрашивалъ прискакавшій изъ Голты къ бугогардовскому полковнику турецкій бешлей, говоря, что если нападатели не запорожцы, то ногайская орда „всѣхъ ихъ вырубитъ.“

Но Желѣзнякъ не ограничился однимъ нападеніемъ на Голту. Въ концѣ іюня, послѣ схватки гайдамаковъ съ ордою, Желѣзняка опять видѣли въ Голтѣ, и опять онъ расправлялся въ этомъ мѣстечкѣ самымъ жестокимъ образомъ съ тѣми, на преслѣдованіе которыхъ онъ, по видимому, посвятилъ свою жизнь.

Это было такимъ образомъ: вслѣдствіе постоянно возраставшихъ опасеній относительно гайдамацкихъ неистовствъ и вслѣдствіе доходившихъ до запорожской Сѣчи неблагопріятныхъ вѣстей о томъ, что гайдамаки особенно часто появляются въ предѣлахъ и по сосѣдству съ бугогардовской паланкой, полковникъ этой паланки, Моисей Головко, былъ вызванъ въ Сѣчь для объясненій. 2 іюля, проѣзжая изъ своей паланки, собственно изъ лагеря, расположеннаго у Мертвоводья, въ мѣстечко Орликъ, съ двумя „компанейцами“ и миновавъ Мигейскій островъ на рѣкѣ Бугѣ, увидѣлъ онъ на той сторонѣ Буга, на турецкой землѣ, что гайдамаки выгоняютъ жителей изъ Голты въ ханское село Гидиримъ и занимаютъ скотъ. Когда же Головко подъѣхалъ къ самому берегу рѣки, то съ другой стороны подскакало, къ берегу тоже, семь человѣкъ конныхъ и стали спрашивать

„кто ѣдетъ? „Полковникъ назвалъ себя и взаимно спрашивалъ, что они за люди. Тогда одинъ изъ конныхъ отвѣчалъ:

— Я Желѣзнякъ.

Но когда Головко замѣтилъ, что Желѣзнякъ находится въ Умани, послѣдній отвѣчалъ:

— Меня великорусскія команды изъ подъ Умани выгнали. А давно ли ты былъ въ Сѣчи и скоро ли ты туда поѣдешь?

Полковникъ отвѣчалъ, что онъ немедленно, по возвращеніи изъ Орлика, отправляется въ кошъ, и Желѣзнякъ на это сказалъ ему:

— Егда поѣдешь, поклонись пану кошевому и скажи, что мы будемъ на той сторонѣ Буга и въ Сѣчи въ гостяхъ.

— Когда-бъ ты до Сѣчи пробрался, то-бъ уже больше *никуда не поѣхалъ*, замѣтилъ на это Головко.

Тогда Желѣзнякъ закричалъ ему:

— Пройдемъ такъ, что вы и прочіе тамошніе и въ Сѣчи и нигдѣ не удержитесь!

Послѣ этого о подвигахъ Желѣзняка уже не слышно было. Русскія, польскія и запорожскія команды со всѣхъ сторонъ обступили арену гайдамацкой кровавой расправы и все тѣснѣе и тѣснѣе становилось гайдамакамъ. „Уманскіе шалостники“ или сидѣли въ колодкахъ или давно лежали— кто въ сырой землѣ, кто брошенный въ оврагъ безъ погребенія, кто торчалъ на колу или ходилъ изъ села въ село съ обожженными руками. Донцы рыскали по всѣмъ направленіямъ и ловили „шалостниковъ.“ Шайка Бабася была разбита казаками и планы его—идти въ глубину Польши—разрушены. Другая шайка перевязана живьемъ. Гонты и другихъ уманскихъ сотниковъ уже давно не было. Наступали и для Желѣзняка съ его сподвижниками—Неживымъ, Швач-

кою, Саражиномъ, Волошиномъ, Журбою и Галайдою—послѣдніе дни.

Вообще надо замѣтить, что когда главныя силы гайдамаковъ были поражены русскимъ войскомъ подъ Уманью ([1]), оставшіеся гайдамаки, которыхъ, впрочемъ, оставалось гораздо болѣе, чѣмъ уничтожено, уже не продолжали дѣйствовать общею массою, какъ подъ начальствомъ Желѣзняка, а разбились на отдѣльныя шайки, можетъ быть изъ предосторожности, чтобы малыми отрядами удобнѣе было и дѣйствовать, и въ случаѣ опасности, убѣгать и скрываться отъ преслѣдователей. „Великое множество бунтующихъ ордъ—говоритъ Липоманъ—какъ вышедшихъ изъ Умани, такъ и особо повставшихъ, въ разныхъ мѣстахъ и на большомъ пространствѣ,“ продолжали производить „рѣзь и разбои.“ Желѣзнякъ дѣйствовалъ на югѣ польской Украйны. Неживый, отдѣлившійся отъ него, съ особою шайкою подвизался около Чигирина, на своей родинѣ, гдѣ онъ недавно „горшки обжигалъ.“ Журба и Бондаренко подвизались особо. Русскимъ и польскимъ отрядамъ приходилось гоняться за ними по всѣмъ направленіямъ. Кромѣ русскихъ карабинеровъ, донскихъ казаковъ, гусаръ, драгунъ и польскихъ коронныхъ, а также помѣщичьихъ надворныхъ командъ ([2]), противъ гайдамаковъ высланы были—сначала кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Воейковымъ три эскадрона новопоселенныхъ въ Новой Россіи гусаръ, подъ командою полков-

---

([1]) Или какъ выражаются польскіе писатели, „główna siedziba buntu. Humań, z gadu tego jadowitego m drem rozporządzeniem Kreczetnikowa był oczyszczony.»

([2]) „Oddziały wojsk rossyjskich i polskich koronnych, oraz nadworne panów komendy.“

ника Чорбы, а потомъ, когда въ запорожьѣ получены были строгіе ордеры графа Румянцева и генерала Воейкова—и команды запорожскихъ казаковъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность преслѣдовать и въ конецъ истреблять гайдамачину.

Желѣзнякъ схваченъ былъ однимъ изъ первыхъ, и, надо полагать, вскорѣ послѣ разоренія Голты, хотя есть преданіе, говорящее, что Желѣзнякъ, когда услыхалъ о страшной участи, постигшей его „названнаго брата", Гонту, когда онъ узналъ, какъ поляки замучили, съ согласія русскихъ, самоназваннаго воеводу русскаго, Желѣзнякъ не вынесъ этого извѣстія, захворалъ, заплакавъ первый разъ въ жизни, и умеръ. Гайдамаки похоронили его въ степи надъ Днѣпромъ, насыпали надъ нимъ высокую могилу (курганъ) и разошлись (1). По другимъ свѣдѣніямъ, надо полагать, болѣе достовѣрнымъ, Желѣзнякъ былъ отправленъ въ Кіевъ, гдѣ и казненъ, а всего вѣроятнѣе былъ сосланъ въ Сибирь по наказаній кнутомъ. Подробностей о поимкѣ этого главы гайдамачины мы не знаемъ.

Одновременно съ поимкою Желѣзняка произошла и поимка Швачки. Есть преданіе и пѣсня, что Швачка былъ застигнутъ русскими отрядами около Смилой, въ лозахъ". У гайдамаковъ нечѣмъ было стрѣлять—всѣ пули вышли, тогда они начали вырѣзывать пули изъ лозы, нарѣзывали на нихъ крестики, и стрѣляли. Но они все-таки не могли устоять

---

(1) На основаніи этого преданія Шевченко говоритъ о Желѣзнякѣ:

Нудьга его задавила
На чужому полі,
Въ чужу землю положила—
Така его доля.

противъ „москалей“, и всѣ были захвачены. Прекрасная народная пѣсня такъ передаетъ это событіе (мы приводимъ цѣликомъ эту пѣсню отчасти потому, что въ ней выражаются подробности самой поимки Швачки, отчасти и потому, что въ ней намекается какъ бы на тѣсную связь между гайдамаками и запорожскимъ кошемъ):

Ой на казаченьківъ, ой на запорозцівъ та пригодонька стала:
Ой у середу та й у обідній часъ іхъ Москва забрала.
Крикнувъ Швачка та на осаулу: «Изъ коней додолу!
Охъ и не даймося, панове молодці, ми москалямъ у неволю.»
Москалики умні, москалі розумні, розуму добрали:
Ой напередъ Швачку изъ осаулою докупи звязали.
Охъ извязали и попаровали й на вози поклали,
Изъ Богуславы до Білоі Церкви іхъ у неволю забрали.
Охъ дежъ ваші, панове молодці, воронні коні?
Ой нашні коні въ пана на припоні, а самі ми въ неволі.
Охъ а дежъ ваші, панове молодці, а срібнні узди?
Ой нашні узди въ коняхъ на занузді, а самі ми у нужді.
Охъ а дежъ ваші, панове молодці, ясненьки списи?
Ой нашні списи вже въ пана у стрісі, а самі ми у лісі.
Охъ а дежъ ваші, панове молодці, грімкні рушниці?
Ой наші рушниці въ пана у світлиці, а сами ми въ темниці.
Охъ а дежъ ваші, панове молодці, голубні жупани?
Ой наші жупани поносили пани, а самі ми пропали.
Охъ а дежъ ваші, панове молодці, чоботи саньянці?
Ой наші саньянці позабірали райці у неділеньку вранці.
Охъ пошлімо галку, охъ пошлімо чорну, а до січи рыбу
істи,
Охъ нехай донесе, охъ нехай донесе до кошового вісти,
Охъ уже жъ галці, охъ уже жъ чорній та назадъ не
вертаться:
Ой уже жъ намъ, панове молодці, изъ кошовимъ не
видаться.

XXIV.

Всеобщая гонка за гайдамаками началась съ первыхъ чиселъ іюля. Самыя крупныя личности гайдамачины уже лишены возможности дѣйствовать. Гонта, Бѣлуга, Шило, Попатенко—въ рукахъ поляковъ. Желѣзнякъ и Швачка—въ кіевской тюрьмѣ. Остаются еще на свободѣ Неживый, Бабась, Волошинъ, Саражинъ, Журба, Губа, Галайда, Дейнскій, Шереметъ; но это—свѣтила второй величины. Болѣе другихъ самостоятельно дѣйствуетъ Неживый, который нѣкогда, обжигая горшки, говорилъ: „хоть на одинъ день, а буду паномъ.“ Теперь онъ дѣйствительно панъ. Спасшись отъ русскихъ войскъ подъ Уманью и отдѣлившись отъ Желѣзняка, онъ направилъ свой путь туда, гдѣ и прежде дѣйствовалъ, когда гайдамачина только начинала вставать около лебединскаго и мотронинскаго монастырей и когда мятежъ только что разгорался въ Смилянщинѣ. Въ чигиринской губерніи онъ собралъ довольно значительную ватагу, и подобно Желѣзняку, разглашалъ, что онъ имѣетъ грамату отъ коша на истребленіе шляхетства и жидовства. Крестьяне, до которыхъ еще не достигла вѣсть о пораженіи гайдамаковъ подъ Уманью, довѣрчиво шли подъ команду Неживаго, тѣмъ болѣе, что служить у него было выгодно и въ нѣсколько дней можно было накопить не малыя деньги. Все пріобрѣтенное шайкою добро шло въ дуванъ. За Неживымъ пошло также нѣсколько человѣкъ запорожцевъ. Онъ говорилъ, что намѣренъ предпринять походъ въ самую „Лядщину“, хотя, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, долго оставался въ чигиринской губерніи и разъѣзжалъ съ своею шайкою по окрестностямъ, можетъ быть готовясь броситься въ глубину „Ляд-

щины“ только тогда, когда его шайка разрастется до значительныхъ размѣровъ, какъ это предполагалъ сдѣлать и Бабась. Въ это время онъ командовалъ сотнею гайдамаковъ, составленныхъ большею частью изъ крестьянъ, но не изъ одной голоты, а изъ людей достаточныхъ и семейныхъ, изъ такихъ, которые имѣли „не малыя имущества.“ Люди его команды (себя онъ называлъ „командиромъ“) были вооружены пиками, по обыкновенію гайдамацкому, иные мушкетами, а иные только саблями. Мѣстопребываніе Неживаго было въ селѣ Медвѣдовкѣ, кіевской губерніи, гдѣ онъ расположился какъ полный господинъ села. Онъ доходилъ впрочемъ до Бѣлой Церкви, и этотъ походъ, вѣроятно, и былъ причиною скорой погибели этого предводителя гайдамаковъ. Бѣлая Церковь отдалась подъ покровительство Россіи, и генералъ-губернаторъ Воейковъ выслалъ гарнизонъ для защиты этого города. О шайкѣ Неживаго узналъ также и высланный Воейковымъ противъ гайдамаковъ съ тремя эскадронами гусаръ сербскій полковникъ Чорба ([1]).

Мы уже сказали, что, какъ видно по дѣйствіямъ гайдамаковъ, въ голову каждаго изъ нихъ засѣло убѣжденіе, что они дѣйствуютъ за одно съ русскими. Ихъ не разубѣдила въ этомъ даже катастрофа подъ Уманью и арестованіе русскими войсками нѣкоторыхъ изъ ихъ коноводовъ. Безъ сомнѣнія, они полагали, что Кречетниковъ съ своими карабинерами и донцами измѣнили Россіи или подкуплены поляками, оттого и напали на гайдамацкій лагерь подъ Уманью. Гонта выразилъ это прямымъ обвиненіемъ Кречетникова въ

---

[1] „Неякись сербинъ Шорба“ (какой-то сербъ Шорба), какъ его называли гайдамаки. Липоманъ лично зналъ Чорбу, впослѣдствіи генералъ-поручика, который и бывалъ у него въ домѣ.

измѣнѣ и тѣмъ, что нагло сказалъ ему: „Закуй и себя вмѣстѣ со мною.“ Гайдамаки были убѣждены, что дѣлаютъ такое дѣло, за которое ихъ и похвалитъ и наградитъ Россія. Оттого они, по видимому, и не боялись русскихъ войскъ, какъ это мы видѣли въ дневникѣ Калмыкова при разсказѣ о томъ, какъ донцы перевязали цѣлую шайку гайдамаковъ потому только, что они думали вмѣстѣ съ донцами идти на Варшаву. Эта увѣренность гайдамаковъ въ сочувствіи къ ихъ подвигамъ Россіи погубила и Неживаго.

Полковникъ Чорба, явившись съ своими гусарами въ село Галагановку, пограничное съ польскими владѣніями, и, не входя въ Польшу, сталъ писать приглашеніе къ Неживому, чтобы тотъ пріѣхалъ къ нему съ своею шайкою для какихъ-то переговоровъ („для нѣякогось уговору и совѣту“). Гайдамаки говорятъ, что Чорба дѣлалъ это „подманомъ“. Польскіе же писатели сообщаютъ, что Чорба приглашалъ Неживаго на пиръ (zwabiwszy na ucztę). Долго гайдамаки не поддавались обману; но убѣжденіе въ солидарности своихъ дѣйствій и политическихъ плановъ съ дѣйствіями и тайною политикою Россіи побудило Неживаго, какъ и другихъ гайдамаковъ, довѣриться русскому командиру. Онъ оставилъ Медвѣдовку и двинулся съ своею шайкою къ Чигирину, гдѣ и велѣлъ ей дожидаться себя, а самъ съ есауломъ своимъ, которымъ назначенъ былъ медвѣдовскій писарь, и съ сотникомъ города Канева, который тоже служилъ у него подъ командою, отправился къ Чорбѣ. Вмѣсто пира и совѣщанія, Неживаго и его адъютантовъ ждали тамъ кандалы: Чорба тотчасъ же велѣлъ ихъ арестовать и забить въ желѣза. Оставшаяся подъ Чигириномъ шайка отправила въ Галагановку нарочнаго для развѣдыванья о томъ, какая участь

постигнетъ ихъ командира, и возвратившійся къ нимъ нарочный объявилъ, что Неживой, его есаулъ и каневскій сотникъ взяты подъ караулъ. Не имѣя предводителя, шайка тотчасъ же разсѣялась, а потомъ, снова собравшись малыми группами и избравши себѣ предводителей, гайдамаки шайки Неживаго продолжали свое дѣло въ меньшихъ размѣрахъ, выходя на добычу изъ лѣсовъ лебединскаго монастыря и вновь скрываясь въ этихъ лѣсахъ при малѣйшей опасности.

Предводителемъ подобной шайки, составившейся изъ раздробленныхъ частей шайки Неживаго, является Бондаренко.

Бондаренко былъ малороссіянинъ, русскій подданный, а не полякъ, и родился въ лубенскомъ полку, чигринъ-дубровской сотни, въ селѣ Могулевцѣ. Отецъ его былъ Василій Бондарь, „званія посполитаго". Когда сынъ его Ѳедоръ Бондаренко, будущій гайдамакъ, былъ еще ребенкомъ („будучему ему еще малолѣтну"), Бондарь перешелъ въ Польшу и поселился въ чигиринской губерніи, въ селѣ Чаплинцахъ. Въ этомъ селѣ по смерти отца и жилъ потомъ Бондаренко. Въ 1768 году, когда гайдамаки были разбиты подъ Уманью, „въ петровъ постъ", въ ихъ село пріѣхалъ Неживой, или, какъ выражался потомъ на допросѣ Бондаренко, „нѣякись (какой-то) Семенъ Неживой." Называя себя запорожскимъ казакомъ, „*уманскимъ* куреннымъ", Неживой „началъ объѣздить всѣ тамошнія околичныя села", прибылъ потомъ и на родину Бондаренка, объявляя при томъ, что у него есть *нѣякѣсь* (какое-то) *дозволеніе* — а отъ кого, онъ, Бондаренко, по своей простотѣ (какъ послѣ самъ говорилъ на допросѣ), не доискивался, — збирать чату, при коей быть ему командиромъ, и идти съ оною въ Лядщину, на искорененіе ляховъ и жидовъ."

Бондаренко, какъ самъ признался впослѣдствіи, можетъ быть и ложно, „будучи тѣмъ дозволеніемъ отъ него (Неживаго) объявленнымъ, увѣренъ, и при томъ смотрячи, что многіе тамошніе жители, оставя свои жилища и въ нихъ не малыя имущества, вдаются ему въ команду, и онъ вдался, и съ нимъ вмѣстѣ итить, куда прикажетъ, польстился. И такъ, оставя мать свою въ домѣ таможъ въ Чаплинцахъ и все свое имущество, къ нему, Неживому, въ тую чату, коей всей въ собраніи было до 100 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, иныхъ съ ратищами, а иныхъ съ мушкетами, иныхъ единственно только при шабляхъ, присовокупился.“

Вообще показаніе Бондаренка, отобранное у него въ запорожскомъ „войсковомъ секвестрѣ“, столько же относится къ обстоятельствамъ, объясняющимъ подвиги Неживаго, какъ и похожденія самого Бондаренка. „За собраніемъ же той чаты онъ, Неживый, въ Лядщину и никода не ходилъ, но стоялъ съ оною въ тамошнемъ же селѣ Медвѣдовцѣ, около двухъ недѣль и стоячи объѣздилъ околичныя чигринской губерніи села и по онымъ, гдѣ скотъ *самый только жидовскій* знаходилъ, оный весь забралъ, *не причиняя при томъ больше никакого грабительства, бою и обидъ*, продавалъ разнымъ мало и великороссійскимъ и лядскимъ купцамъ, и деньги отъ нихъ по договоренной цѣнѣ отбирая въ дувань пускалъ, по своему разсмотрѣнію, кому что дасть, коего дувану и ему, Бондаренку, довелось разными числами собрать сто рублей.“

Затѣмъ, какъ извѣстно, шайка Неживаго разсѣялась, когда Чорба „подманомъ“ зазвалъ къ себѣ главныхъ ея командировъ, и забилъ ихъ въ колодки. Бондаренко остался на свободѣ. Пойманный впослѣдствіи запорожскими командами въ

степяхъ и допрашиваемый въ кошѣ, онъ говорилъ о себѣ какъ о лицѣ совершенно неважномъ въ гайдамачинѣ, что будто бы, послѣ ареста Неживаго, его подговорилъ какой-то запорожецъ идти съ нимъ въ Сѣчь, что въ дорогѣ, около хутора полковника Щербина (коимъ владѣетъ, какъ онъ слыхалъ, нѣякись сербинъ Шорба), онъ тамошними жителями былъ пойманъ, но что потомъ „бѣгомъ оттуду спасшись, дошелъ до запорожскаго степу, на коемъ полковымъ старшиною Павломъ Попатенкомъ знайденъ, взятъ и представленъ въ войсковую пушкарню.“

Зачѣмъ онъ пробрался въ запорожскую степь изъ Польши, на какомъ дѣлѣ пойманъ, Бондаренко объ этомъ благоразумно умолчалъ, когда его допрашивали. Между тѣмъ польскіе писатели говорятъ, что у Бондаренко была большая „орда“, что онъ былъ не простой, не рядовой гайдамакъ, а предводитель, „ватажко“, что его шайку переловилъ Щербина, сотникъ изъ Макарова ([1]), съ своими казаками, и что за эту вѣрность и услугу, по представленію своего помѣщика, Каетана Лющанскаго, король по рѣшенію сейма наградилъ Щербину шляхетствомъ и денежнымъ жалованьемъ (kwota) для покупки земли.

Послѣ Неживаго и Бондаренка пойманъ былъ Саражинъ. Семенъ Саражинъ былъ гусаромъ въ 4-й ротѣ „чернаго“ сербскаго полка. Бѣжавъ изъ новороссійскихъ поселеній, Саражинъ скрывался въ Запорожьѣ; но тамъ былъ уличенъ въ воровствѣ и убійствѣ и приговоренъ къ смертной казни — посаженіемъ „на острую палю“ (на колъ).

При помощи своихъ сподвижниковъ онъ бѣжалъ отъ казни и сдѣлался однимъ изъ важныхъ предводителей гайдамаковъ,

---

([1]) ...„z dobr korniańskich, imienia proskurów dziedzicznych.“

отличаясь отъ прочихъ дерзостью и жестокостью. По примѣру всѣхъ буйныхъ головъ, онъ ушелъ въ Польшу въ то время, когда тамъ вспыхнулъ мятежъ, и участвовалъ въ уманской рѣзнѣ. Когда, съ прибытіемъ подъ Умань русскихъ отрядовъ, русскіе гайдамаки ушли оттуда, ушелъ и Саражинъ, чтобы дѣйствовать во главѣ отдѣльной шайки. Не смотря на то, что въ Запорожьѣ онъ приговоренъ былъ къ смерти, Саражинъ не побоялся явиться туда для вербовки себѣ товарищей. На рѣчкѣ Грузной онъ сошелся съ гайдамаками Остапомъ Дономъ, Иваномъ Вовкомъ, Олексою Дейнекомъ и Савкою Тараномъ и людей этихъ „совѣтомъ къ ходу въ Польшу на грабительство побудилъ.“ Они вышли въ Польшу, „подаваясь“ къ Бѣлой Церкви, и тамъ, ограбивъ на дорогѣ ляховъ, ѣхавшихъ въ Умань подъ защиту „отъ проходящихъ по тамошнимъ мѣстамъ гайдамацкихъ партій“, возвратились для дувана награбленнаго добра къ Найденовымъ байракамъ. Потомъ ограбили какой-то хуторъ и возвратились въ Запорожье, и изъ Запорожья вновь ходили на разбой. Но однажды, возвращаясь изъ своихъ гайдамацкихъ экскурсій, они настигнуты были запорожскими разъѣздными командами и взяты въ плѣнъ, кромѣ Саражина (1). Но и Саражину недолго пришлось гулять на волѣ:

(1) „По таковомъ возвращеніи (говоритъ гайдамакъ Таранъ), извѣстясь, что за поимкою таковыхъ, какъ и онъ, Таранъ, гайдамакъ разъѣздныя команды ходятъ, опасаясь тѣхъ командъ, найдовался по разнымъ рѣчкамъ на степу, довольствуясь харчами, просьбою съ зимовниковъ достаючими. Напослѣдокъ его, совокупшагося съ другими, съ имъ Тараномъ въ Польшѣ на грабительствѣ бывалыми Дономъ, Кравцемъ и Иваномъ Пастридою, на устьѣ рѣчки Плетенаго Ташлыка, находячаясь при войсковыхъ старшинахъ Макару Нагаю и Олексѣю Черномъ команда, сыскавъ, забрала, а отъ ихъ, старшинъ, присланы они до коша.“

подобно прочимъ ватажкамъ, Волошину, Шеремету и Губѣ, онъ былъ пойманъ и отданъ въ руки правосудія.

Журба и его тридцать товарищей были убиты въ сраженіи съ карабинерами.

Но за поимкою коноводовъ гайдамачины, самая гайдамачина все еще не прекращалась. Объ уманской рѣзнѣ и объ участіи въ ней запорожцевъ узнали наконецъ въ Петербургѣ. Государыня съ неудовольствіемъ приняла извѣстіе о событіяхъ въ польской Украйнѣ и въ строгой граматѣ высказала свой гнѣвъ запорожцамъ.

Чтобы отклонить отъ себя грозу, запорожскій кошъ представилъ свои оправданія и графу Румянцеву и государынѣ. Собраны были также свѣдѣнія какъ отъ взятыхъ въ плѣнъ гайдамаковъ, такъ и отъ запорожскихъ казаковъ, а равно извлечены изъ дѣлъ коша доказательства о томъ, что хотя Желѣзнякъ и принадлежалъ нѣкогда къ запорожскому казачеству, но еще въ 1762 году пересталъ числиться въ войсковыхъ реестрахъ и никогда не носилъ званія полковника запорожскаго войска. Свѣдѣнія эти запорожье представило русскому правительству для доказательства своей непричастности къ кровавому мятежу на польской землѣ и для защиты своей древней славы, которою такъ дорожило запорожье. Кошъ представлялъ, что онъ не имѣлъ никакой солидарности съ тѣми предводителями ватагъ, которые, набравъ со всѣхъ сторонъ бродягъ, наймитовъ и рыболововъ, никогда не принадлежавшихъ къ запорожскому товариществу, ложно выдавали себя за чиновныхъ людей запорожья, за его полковниковъ и атамановъ, а равно и своихъ соумышленниковъ называли запорожцами, когда они и не бывали на запорожьѣ, что захваченныхъ разными командами гайдамаковъ кошъ не находитъ въ своихъ куренныхъ спискахъ, и что

кошъ не только не посылалъ отъ себя командъ подъ Умань для истребленія поляковъ и евреевъ, но даже ни одного казака не отпускалъ въ Польшу на это гнусное дѣло. Какъ доказательство непричастности гайдамаковъ къ Запорожью, кошъ указывалъ на то обстоятельство, что гайдамаки нападали на имѣнія запорожскихъ казаковъ, и между прочимъ ограбили зимовникъ одного изъ заслуженнѣйшихъ запорожскихъ старшинъ, Сидора Бѣлаго, и что если бы гайдамачина была продуктомъ запорожья и его сыновъ, то менѣе всего гайдамаки могли рѣшиться дѣлать зло самимъ себѣ и своимъ товарищамъ. Кошъ доказывалъ, что гайдамаки были сбродъ, не принадлежавшій ни къ какой народности, хотя между ними и могли быть запорожцы. Затѣмъ кошъ отправилъ свои команды для преслѣдованія тѣхъ изъ гайдамаковъ, которые будутъ уходить изъ Польши съ добычею на запорожье или будутъ проходить запорожскими землями.

Гайдамаки, такимъ образомъ, были охвачены войсками со всѣхъ сторонъ. По границамъ ихъ стерегли русскія и запорожскія разъѣздныя команды. Русскія же и польскія команды (надворныя) выискивали гайдамаковъ внутри польской Украйны и попадавшихся имъ въ руки отдавали на казнь. Гонка была повсемѣстная. Ожесточенные поляки мстили страшно за все, что имъ сдѣлала гайдамачина. Региментарь Стемпковскій, явившись съ командою въ Лисянку, напомнилъ жителямъ этого мѣстечка, какъ они за одно съ гайдамаками повѣсили на одной балкѣ ксендза, еврея и собаку, и повторилъ надъ ними эту злую насмѣшку: безъ суда и слѣдствія (1), онъ приказалъ повѣсить въ Лисянкѣ шестьдесятъ

(1) Какъ говорятъ сами польскіе хроникеры — „bez żadnej formalności prawnej.“ Lip.

обывателей. Всѣ села и мѣстечки, волей и неволей принимавшія участіе въ возстаньѣ, пострадали: русскія и польскія разъѣздныя команды, вывѣдывая о всѣхъ крестьянахъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ бунту, брали ихъ и высылали по принадлежности для исполненія надъ ними судебныхъ приговоровъ или просто для казни безъ всякаго суда, и въ особенности такія жертвы мщенія отправлялись до мѣстечка Кодни, не далеко отъ Житоміра, гдѣ стояла „войсковая команда“, и тамъ, надъ выкопанной глубокой ямой, на краю которой устроена была плаха, палачъ топоромъ отрубалъ голову и сбрасывалъ въ яму вмѣстѣ съ туловищемъ ([1]). А когда наполнялась одна, копали другую. Въ этомъ мѣстѣ такимъ образомъ великое множество поселянъ лишилось жизни ([2]).

Могли пасть тамъ и невинныя жертвы, по злобѣ обвиненныя въ преступленіи (говоритъ Квасневскій), когда достаточно было малѣйшаго подозрѣнія, чтобы доказать прикосновенность того или другаго какимъ бы то ни было образомъ къ мятежу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ польскаго правительства шли награды и милости тѣмъ, которые во время мятежа остались вѣрны своимъ властямъ или дѣйствовали противъ бунтовщиковъ, не допуская и другихъ до возстанія. Такъ осадчій села Подвисокаго, лежащаго въ уманской волости и весьма многолюднаго, когда вездѣ по сосѣдству разгорѣлся бунтъ,

---

([1]) „Tam nad wykopaną głęboką jamą, na jéj brzegu, do kłody każdemu z przysłanych kat toporem głowę ucinał i w jamę wraz z ciałem wrzucał.“

([2]) Отсюда вышла пословица, уже забытая, впрочемъ, теперь: «А щобъ тебе святая Кодня не минула».

никого изъ крестьянъ не допустилъ до мятежа, а хотѣвшихъ пристать къ бунтовщикамъ отговорилъ отъ этого или усмирилъ (uskromił) и тѣмъ возстановилъ спокойствіе, за что по прекращеніи на Украйнѣ мятежа не только самъ уволенъ былъ помѣщикомъ отъ всѣхъ повинностей и платежей, но и селу своему доставилъ тѣмъ много добра (wiele dobrodziejstw). Казацкій полковникъ богуславскаго староства Шелестъ, принимавшій дѣятельное участіе въ успокоеніи крестьянъ своего староства и въ усмиреніи мятежа, награжденъ королемъ золотою медалью, съ портретомъ Станислава Августа, для ношенія на шеѣ. Королевскую награду получилъ также начальникъ надворной милиціи староства каневскаго, Оксентій (Oxenty).

До самой осени продолжалась гонка за гайдамаками и рубанье головъ правому и виноватому. Къ осени, когда гайдамаки, по обыкновенію, должны были возвращаться изъ Польши въ свои степные притоны, въ балки, въ буераки, на зимовники и на острова рѣки Буга, чтобы въ уединеніи и вдали отъ преслѣдователей провести зиму, запорожье выставило на границахъ Польши и по степямъ новыя разъѣздныя команды, такъ что въ полѣ у нихъ находилось до 3,000 казаковъ, командированныхъ отъ всѣхъ 38 куреней. Начальство надъ этимъ войскомъ поручено было храбрѣйшимъ изъ войсковыхъ старшинъ—Макару Нагаю, Алексѣю Черному, Андрею Лукьянову и полковнику Андрею Кійнашу.

Эти войска снабжены были отъ коша такою инструкціею: „Многими ордерами отъ его сіятельства господина генералъ-аншефа и кавалера графа Румянцова и господина генералъ-аншефа, губернатора кіевскаго Воейкова, кошу предлагано, дабы къ взбунтовавшимся въ польской области на Украйнѣ, тамошнимъ подданнымъ народамъ въ сообщество съ здѣш-

нихъ подчиненныхъ никто уходить и оттуда зъ нихъ же бунтовщиковъ въ сіи границы убѣгать не могли, къ сыску и переловленію таковыхъ взять отъ коша всевозможныя средства. О чемъ и высочайшею ея императорскаго величества граматою, съ нарочнымъ оберъ-офицеромъ присланною, войску запорожскому низовому строжайше подтверждено. И хотя ко истребленію таковыхъ злочинцевъ изъ войска запорожскаго низоваго отправлены съ командами господа войсковые старшины: Макаръ Нагай и Алексѣй Черный, но что и нынѣ полученными въ кошѣ отъ высокихъ генералитетовъ повелѣніями, притверждается означенныхъ *шалостниковъ* пересматривать и переловлять, для того въ кошѣ опредѣлено: къ онымъ господамъ старшинамъ еще команды пріумножить и къ оной съ довольнымъ наставленіемъ опредѣлить васъ (1) да полковника Андрея Кійнаша."

Командирамъ этимъ предписывалось, принявъ команду, слѣдовать въ бугогардовское вѣдомство, главное поприще гайдамачины, и, по прибытіи туда, всѣмъ старшинамъ съѣхаться въ одно мѣсто со всѣми командами. Тамъ Алексѣй Черный долженъ былъ взять въ свою команду казаковъ изъ деесяти куреней, Кійнашъ изъ девяти, Нагай тоже изъ девяти и Лукьяновъ изъ десяти куреней, и всѣ эти команды расположить особыми ставками: Алексѣй Черный долженъ былъ стоять въ низахъ рѣчки Еланки, въ Одерищахъ, Андрей Кійнашъ на рѣчкѣ Черномъ Ташлыкѣ, у Робленой могилы, Макаръ Нагай въ Бешбайракахъ, а Лукьяновъ у Мертвоводья, „въ закрытыхъ мѣстахъ", принадлежащихъ къ землямъ запорожскаго войска. Команды эти должны были по

(1) Лукьянова.

всей границѣ „ставка отъ ставки“ дѣлать „безпрерывные разъѣзды и всеприлежно пересматривать, не будутъ ли убѣгать зъ Польши въ здѣшнія мѣста или не отважится ли кто зъ тутейшихъ подвластныхъ въ польскую Украину въ единомысліе къ тамошнимъ бунтовщикамъ уходить.“ Такихъ велѣно было „переловить,“ а потомъ „по переловленіи присылать со всѣмъ, что при нихъ будетъ, до коша, къ поступленію съ ними по надлежащему.“

„Если бы надъ чаяніе (далѣе говорится въ инструкціи), зъ сихъ злочинцевъ, за многимъ ихъ сборищемъ, гдѣ либо кому изъ васъ взять неудобно могло казатись, при такомъ случаѣ одинъ къ другому въ ставки ваши нарочными о дачѣ вамъ вспоможенія давать знать; во время жь сопротивленія ихъ, поступать съ ними примѣрно, какъ съ разбойниками и нарушительми общаго блага.“

„Ежели вамъ при разъѣздѣ по границѣ въ какомъ мѣстѣ случиться съѣхаться съ крымскими татарами и оные васъ спрашивать имутъ, за чимъ вы съ командами ѣздите, вы имъ имѣете *съ учтивостью, не оказывая ничего суровости*, объявить, что вы для переловленія разсѣянныхъ россійскими командами въ Польшѣ гайдамацкихъ шаекъ находитесь. Однако жь того остерегаясь, чтобъ, при случиться могущей иногда встрѣчѣ съ татарскими разъѣздами, отнюдь никакой причины къ раздору не подавать, хотябъ иногда отъ татаръ къ тому и поводъ поданъ былъ; но всѣми мѣрами отъ ссоръ убѣгать и уклоняться, отговариваясь, что такіе поступки зъ сосѣдственною дружбою ни мало несходственны, и если имъ какія обиды причинены, то должно жаловаться начальникамъ, отъ коихъ и справедливаго удо-

вольствія ожидать имѣютъ. Въ крымскія жь границы отнюдь и малѣйше вамъ не въѣздить!“

Вообще, во всѣхъ распоряженіяхъ какъ высшаго русскаго правительства, такъ и запорожскаго коша въ отдѣльности, проглядываетъ боязнь и видимое нежеланіе столкновеній съ Крымомъ и Турціею. Такъ, когда гайдамаки разорили всю польскую Украйну и произвели неслыханную рѣзню въ Умани, русское правительство, по видимому, не особенно тревожилось этимъ явленіемъ: въ Украйнѣ погибало населеніе большихъ городовъ, подданные Рѣчи Посполитой истреблялись тысячами, а Воейковъ съ Румянцевымъ, которые могли остановить эти неистовства, слишкомъ поздно вздумали помочь Польшѣ. Но когда есаулъ Желѣзняка напалъ на Балту и самъ Желѣзнякъ завладѣлъ Голтою, мѣстечками, принадлежавшими Турціи, и когда въ этихъ мѣстечкахъ зарѣзано было всего три еврея турецкихъ подданныхъ да нѣсколько другихъ особъ не польскаго подданства, тогда и Румянцевъ и Воейковъ очень встревожились и поспѣшили отправить въ Сѣчь грозные ордеры. Точно такъ и запорожскій кошъ, давая ордеры своимъ разъѣзднымъ командамъ, строго предписываетъ, чтобъ при встрѣчѣ съ татарами, команды обходились съ ними „съ учтивостью, не оказывая ничего суровости,“ еслибъ даже отъ татаръ и былъ къ тому поданъ поводъ. По этому же самому, изъ чувства предосторожности, разъѣзднымъ командамъ вмѣнялось въ обязанность, во время разъѣздовъ „присматривать, нѣтъ ли гдѣ татарскихъ собраній, и ежели есть, то въ какомъ они обращеніи и войсковой исправности и намѣреніи, секретнѣйше развѣдать и, по достовѣрномъ увѣдомленіи, кошъ рапортовать.“

Наконецъ инструкція строго предписывала командамъ, „въ

своей дистанціи и въ разъѣздахъ будучи, имѣть крѣпкую и недремательную предосторожность зъ денными и ночными отводными караулами.“ Затѣмъ, „въ сей командировкѣ будучи, такъ у чабановъ крымскихъ, яко и ни въ кого заграничныхъ и здѣшнихъ народовъ отнюдь ничего не брать и не обижать и команды не роспускать и не сходить зъ степу, а быть всегда въ разъѣздахъ до нашего особаго къ вамъ повелѣнія, и что будетъ происходить, о томъ имѣете почасту кошъ рапортовать.“

И дѣйствительно, до самаго ноября разъѣздныя запорожскія команды не сходили со степи, не смотря на наступившее суровое время года, и, при постоянномъ и тяжеломъ трудѣ, терпѣли всевозможныя лишенія. Результатомъ стоянки въ степи этого трехтысячнаго войска было однако то, что ими захвачего было нѣсколько болѣе 200 гайдамаковъ менѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которые уже были переловлены въ польской Украйнѣ. Это были тѣ изъ запорожцевъ и бродягъ, которые, будучи преслѣдуемы разъѣздными русскими и польскими командами внутри польскихъ владѣній, и не находя тамъ пріюта у поселянъ, подвергавшихся отъ командъ великому гоненію, пробирались на зиму въ свои разбойныя захолустья. Всѣ они препровождены были въ кошъ для строгаго суда и строгой казни.

О послѣднихъ дняхъ Желѣзняка, Неживаго, Швачки, Бондаренка, Саражина, Губы, Дейнека, Волошина, Шеремета, Вовка Дона, Тарана и Галайды мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть, впослѣдствіи эти архивные документы отыщутся и публикуются; но теперь мы должны ограничиться только тѣмъ, что сохранила намъ народная память. Народная пѣсня говоритъ, что плѣнный Желѣзнякъ

находился въ Кіевѣ и въ „печерскомъ богу работалъ,“ т. е. сидѣлъ въ тюрьмѣ и выгонялся на работы вмѣстѣ съ другими арестантами. Гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра былъ сравненъ съ простымъ рядовымъ арестантской роты. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ пѣсня:

Ступай, ступай, Желѣзняку, годі вже гуляти,
Підемъ въ Кіевъ, въ печерское, богу работати.
И говоритъ Максимъ козакъ, сидючи въ неволі:
«Не будутъ мать вражі ляхи на Вкрані волі!
Течуть річки зъ всего світа до Чорного мори—
Минулася на Вкраіні жидівськая воля!»

Другая пѣсня, народность которой подлежитъ сомнѣнію и которая имѣетъ заглавіе „плачъ Желѣзняка въ тюрьмѣ,“ говоритъ отъ лица этого народнаго героя, обращающагося къ Днѣпру:

Батьку Дніпре, въ море течи
Тай назадъ вернися,
Мий каміньня та въ нихъ плещи,
Та звісточку дати не барися.

Народная память такимъ образомъ какъ бы сравняла Желѣзняка и Хмѣльницкаго, относя едва ли не одинаковое сочувствіе къ тому и другому, какъ къ поборникамъ народной воли, національности, религіи и политической независимости Украйны. Народъ видѣлъ въ результатѣ дѣйствій того и другаго ту идею, что „вражьи ляхи ужъ не будутъ имѣть на Украйнѣ воли“ и что вмѣстѣ съ тѣмъ „минулась на Украйнѣ и жидовская воля.“ Часто народныя симпатіи расходятся съ симпатіями историковъ, и какъ бы исторія ни изображала Желѣзняка извергомъ, въ народѣ все-таки останется о немъ воспоминаніе какъ о героѣ, пока у народа не выяснится взглядъ на его прошедшую исторію

и онъ не будетъ смотрѣть на народныхъ дѣятелей, какъ онъ самъ выражается, „по ученому,“ „по письменному.“ иоже самое, какъ бы историки, особенно александровской Тэпохи, ни превозносили память Аракчеева, какъ администратора и политика, народъ долго еще, вѣроятно, будетъ пѣть:

Охъ разсукинъ сынъ Ракшей дворянинъ,
Солдатъ гладомъ поморилъ...

Какая участь постигла игумена Мельхиседека, главнаго виновника уманской рѣзни и всѣхъ предшествовавшихъ ей и сопровождавшихъ ее ужасовъ, объ этомъ нѣтъ положительныхъ извѣстій. Г. Скальковскій, называющій Мельхиседека „жестокимъ игуменомъ“ и обвиняющій его во всемъ, что происходило на Украйнѣ въ 1768-мъ году, говоритъ, что „подъ его вліяніемъ пало столько невинныхъ жертвъ“ и что на запорожье, которому онъ желалъ мстить, легло вѣчное пятно безславія.“ Объ участи этой загадачной личности г. Скальковскій разсказываетъ со словъ г-жи Кребсъ, которая съ своей стороны повторяетъ то, что слыхала отъ польскаго бригадира Голѣевскаго, личнаго свидѣтеля происшествія. Голѣевскій, бывшій тогда поручикомъ гвардіи народовой и служившій въ командѣ жестокаго региментаря Стемпковскаго во время взятія гайдамаковъ по Уманью, присутствовалъ и при казни Гонты. По словамъ его, Смемпковскій, предводительствуя отрядомъ кавалеріи, составленной изъ одного польскаго католическаго дворянства, и съ восьмью пушками окружилъ лебединскій монастырь во время заутрени. Мельхиседекъ съ нѣсколькими монахами вышелъ навстрѣчу къ полякамъ, какъ бы къ богомольцамъ. Но увидя по грозному лицу Стемпковскаго, что тотъ пришелъ не

за благословеніемъ, предложилъ ему на серебряномъ блюдѣ четыре тысячи червонцевъ выкупа за себя и за монастырь. Но это не могло умилостивить жестокаго поляка, который не извѣстно гдѣ былъ и что дѣлалъ въ то время, когда Желѣзнякъ былъ къ силѣ. Стемпковскій приказалъ своимъ солдатамъ вкопать въ землю острый колъ, и по приказанію его палачи схватили игумена. На всѣ протесты и жалобы Мельхиседека региментарь отвѣчалъ тѣмъ, что показалъ ему благословеніе, данное имъ на письмѣ Желѣзняку и найденное на груди у Гонты во время его казни. Игуменъ былъ замученъ на колу, а двумъ монахамъ отрубили головы. Говорятъ, что монастырь былъ пощаженъ и что колъ, на которомъ умеръ игуменъ, видѣнъ былъ еще въ 1820-мъ году, хранимый поселянами, какъ память жестокаго обращенія поляковъ съ православными.

Тучапскій же говоритъ, что Мельхиседека вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и другими зачинщиками уманской рѣзни отправили въ Москву, гдѣ они были биты кнутомъ на площади и сосланы въ Сибирь. Мельхиседекъ будто бы скоро былъ прощенъ, возвращенъ въ Кіевъ и сдѣланъ архимандритомъ. Иные же говорятъ, что Мельхиседекъ раньше ушелъ въ Малороссію, оправдался тамъ отъ всѣхъ обвиненій и получилъ въ управленіе монастырь.

Вообще надо сказать, что тѣ изъ гайдамаковъ, которые попались въ руки польскаго правосудія, большею частью наказаны смертью. Тѣже, которыхъ судили въ Россіи, большею частью биты кнутомъ, въ то время національнымъ орудіемъ наказанія, которымъ били и сподвижниковъ Пугачева, и атамановъ понизовой вольницы, начиная отъ Иванова и кончая Заметаевымъ.

XXV.

Современники уманской рѣзни, люди, сужденія которыхъ имѣютъ цѣну въ глазахъ польскихъ писателей ([1]), удостовѣряютъ, что Польша, въ періодъ этого несчастнаго мятежа, кромѣ уничтоженія и потери на многіе миліоны имущества, утратила *до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ!* Въ это громадное число они включаютъ и тѣхъ, которые убиты гайдамаками, и тѣхъ, которые умерли съ голоду во время укрывательства отъ гайдамаковъ, которые погибли наконецъ отъ другихъ причинъ, не разрывно связанныхъ съ бунтомъ народа, включаютъ и самихъ гайдамаковъ, казненныхъ на плахѣ, на висѣлицѣ и на колу и убитыхъ въ схваткахъ съ войсками, которыхъ было, впрочемъ, очень немного, и поселянъ, наказанныхъ смертью за прикосновенность къ бунту. Включаютъ въ это число и тѣхъ, которые пали отъ гайдамаковъ уже вслѣдствіе ихъ кроваваго увлеченія: когда уже для бунтовщиковъ не стало ни поляковъ, ни жидовъ, они бросились на зажиточнѣйшихъ крестьянъ, сыпали имъ огонь за голенища, дабы тѣ сознались, гдѣ у нихъ спрятаны деньги.“

Двѣсти тысячъ человѣкъ, погубленныхъ гайдамачиною одного 1768 года, составляютъ такую громадную потерю, какую понесло человѣчество только отъ самыхъ опустошительныхъ войнъ. Новѣйшая исторія показываетъ намъ, что даже такія гибельныя войны какъ германская (австро-прусская 1866 года) и итальянская истребили народу меньше, чѣмъ бунтъ крестьянъ, поднятый Мельхиседекомъ и Желѣзнякомъ, и только крымская и сѣверо-американская междо-

---

([1]) Или по выраженію Липомана, „mogące dobrze sądzić o rzeczach ówcześni swiatli ludzie.“

усобная война превышаютъ гайдамачину своей опустошительностью. По свѣдѣніямъ, выведеннымъ г. Покровскимъ на основаніи изслѣдованія Леруа Болье“ (Les guerres contemporaines) оказывается, что войны, начатыя и оконченныя въ послѣднія 15 лѣтъ, погубили народу: американская 800,000 человѣкъ, крымская 784,000, экспедиція французовъ 65,000, итальянская и германская обѣ по 45,000, шлезвигская 3,500 человѣкъ ([1]).

Такія народныя движенія какъ пугачевщина и гайдамачина, тѣмъ именно и ужасны, что они истребительнѣе самыхъ ожесточенныхъ войнъ. Если въ крымскую и американскую войну погибло такъ много народу, то это весьма естественно, такъ какъ и та и другая война велись впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Между тѣмъ пугачевщина продолжалась ровно годъ и погубила народу можетъ быть не менѣе крымской войны. Гайдамачина же, собственно рѣзня, произведенная по зову Мельхиседека и Желѣзняка, въ какихъ нибудь три или четыре мѣсяца истребила 200,000 народу.

Но, при столь истребительномъ характерѣ гайдамачины, громадное значеніе ея въ исторіи Россіи только тогда вполнѣ опредѣлится, когда мы выяснимъ ея органическую связь съ пугачевщиной и при этомъ укажемъ на то обстоятельство, еще доселѣ никѣмъ не подмѣченное, по которому оказывается, что начало пугачевщины отчасти лежитъ въ гайдамачинѣ, и что гайдамаки были не послѣдними дѣятелями въ подготовкѣ пугачевскаго мятежа. Въ архивныхъ документахъ изъ времени Пугачева мы нашли указанія на прямую, непосредственную связь народнаго движенія въ Малой Россіи съ народнымъ движеніемъ въ Великой Россіи.

([1]) Отеч. запис. 1868 г., кн. 7.

Когда Россія, вмѣшательствомъ въ дѣла Польши, уничтожала планы барскихъ конфедератовъ, и когда коноводы конфедераціи, Пулавскій, Потоцкій и другіе, взятые въ плѣнъ русскими войсками, сосланы въ Казань и Сибирь, то изъ мести къ Россіи они принимали дѣятельное участіе въ пугачевщинѣ: помогая Пугачеву, Пулавскій и Потоцкій хотѣли выиграть въ Казани и вообще въ поволжьѣ то, что потеряли въ Барѣ, и вообще въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Какъ оказывается теперь, тоже самое дѣлали и гайдамаки. Уже въ исторіи понизовой вольницы мы не могли не обратить вниманіе на то обстоятельство, что между поволжскими разбойниками весьма часто попадались малороссіяне. Между поволжскими разбойниками находился не одинъ атаманъ, вышедшій изъ Малой Россіи. Такими были атаманы Шагала, Дегтяренко и Беркутъ. Простыхъ разбойниковъ изъ малороссіянъ было еще больше; малороссіяне участвовали во всѣхъ народныхъ смутахъ, происходившихъ въ Поволжьѣ. Малороссіяне являются дѣятельными помощниками всѣхъ самозванцевъ, какъ это и можно видѣть изъ нашихъ монографій о самозванцахъ Богомоловѣ и Ханинѣ. Мы замѣтили тогда гадательно, что между этими личностями были вѣроятно и такія, которыя участвовали когда-то въ гайдамачинѣ и въ уманской рѣзнѣ, и которые потомъ, по разгромѣ гайдамацкихъ шаекъ русскими, польскими и запорожскими отрядами, разбрелись по Россіи „съ ножами за голенищемъ.“

Въ настоящее время высказанныя нами предположенія подтверждаются документами, о которыхъ мы прежде не знали, и изъ этихъ документовъ видно, что дѣло Мельхиседека и Желѣзняка, начавшееся за Днѣпромъ, въ тясминскихъ лѣсахъ, не остановилось на Умани, а пошло вглубь Великой

Россіи, прошло черезъ Яикъ, Оренбургъ и Казань до Сибири, прошло по всему Поволжью, коснулось Нижняго, Воронежа, Тамбова, Саратова, Симбирска, даже Москвы и Петербурга, и кончилось казнью Пугачева. Въ одномъ архивномъ дѣлѣ, изъ эпохи пугачевщины (1), мы нашли допросъ одного пугачевца, который былъ участникомъ гайдамачины и уманской рѣзни, и изъ показаній котораго видно, что южно-русскіе гайдамаки не только участвовали въ пугачевщинѣ, но и подготовляли ее, желая мстить „великороссіянамъ" за то, что они тѣснили гайдамаковъ и урѣзывали права и вольности казацкія.

Участіе гайдамаковъ къ подготовкѣ пугачевщины задумано въ самый тотъ годъ, когда была уманская рѣзня. Изъ показаній малороссіянина Дударенка, отобранныхъ отъ него въ саратовской воеводской канцеляріи, мы узнаемъ эти любопытныя обстоятельства. Дударенко взятъ былъ за Волгой противъ Саратова, и обвинялся „въ подговорѣ" поселенныхъ за Волгою малороссіянъ къ „прилѣпленію всѣхъ тамо жительствующихъ къ злодѣйской Пугачева толпѣ." Дударенко самъ сознался, что шесть лѣтъ назадъ онъ былъ гайдамакомъ, и хотя не называлъ себя собственно этимъ именемъ, однако показывалъ, что „въ прилучившееся польскимъ господамъ и жидамъ отъ запорожскихъ казаковъ купно съ малороссійскими крестьянами разореніе" онъ былъ въ Польшѣ и „по наказу войсковаго начальства съ оными польскими людьми воевалъ." Потомъ, когда великороссійскія команды, по оговору польскихъ господъ, яко бы оное запорожское войско, въ коемъ и онъ, Дударенко, казакомъ состоялъ, суть

(1) Изъ стараго архива саратовскаго магистрата.

разбойники и гайдамаки,“ стали запорожцевъ (т. е. гайдамаковъ) изъ Польши выгонять, а многихъ подъ караулъ брали и въ смерть убивали,“ то Дударенко, вмѣстѣ съ прочими „запорожскими командами изъ Польши вышелъ, и совокупившись съ другими казаками, въ запорожскую землю прибыли, и тамо поживя, уговоръ имѣли запорожцы, какъ бы имъ въ Крымъ на волю изъ-подъ россійской руки выйдти.“ Тогда находившійся между ними одинъ запорожскій казакъ, который былъ родомъ съ Дону, сталъ говорить товарищамъ, что „какъ-де запорожскому войску и всему малороссійскому народу отъ великороссіянъ и великороссійскихъ господъ великое утѣсненіе учинено, и казакамъ тако-жъ и посполитымъ людямъ ходу нѣтъ,“ то онъ и предлагалъ охотникамъ перебраться на Донъ, а „съ Дону-де на Яикъ-рѣку рукой подать.“ Этотъ запорожецъ съ Дону говорилъ также, что донскіе казаки „великороссійскимъ господамъ въ обиду себя отъ вѣку не давали,“ а если и на Дону будетъ „таковое жъ какъ и въ малороссійскихъ областяхъ гоненіе,“ то „казаки-де, совокупившись, возьмутъ съ собою яицкихъ казаковъ и уйдутъ въ Турцію, изъ коей, поворотясь съ турецкою арміею, россійскую имперію вверхъ дномъ поставить могутъ.

Это совѣщаніе гайдамаковъ кончилось тѣмъ, что они переправились черезъ Днѣпръ, выше Самары, на русскую сторону, и тамъ прожили зиму въ разныхъ зимовникахъ, а весной собравшись, по уговору, у одного казака „камбулуцкаго куреня“ (имени его Дударенко припомнить не могъ), вся эта гайдамацкая партія вышла на Донъ, собственно на рѣчку Деркулъ, „вѣдомства донскаго войска на хуторъ старшины Лазарева.“ Что эта партія дѣлала тамъ, неизвѣстно, только

Дударенко отдѣлился отъ прочихъ гайдамаковъ, которыхъ было 27 человѣкъ, и, „опасаясь отъ донскихъ чиновныхъ людей взыску,“ бродилъ изъ одной мѣстности въ другую, жилъ большею частью у раскольниковъ, а съ Дону перебрался на Иргизы, гдѣ и жилъ по разнымъ скитамъ.

Это шатанье бѣглаго гайдамака по раскольникамъ и по скитамъ напоминаетъ такое же шатанье Пугачева, когда онъ вышелъ изъ Польши. Безъ сомнѣнія, раскольники жаловались на трудное житье въ Россіи, на гоненіе православія (т. е. старой вѣры) и на все, на что они жаловались и Пугачеву. Дударенко съ своей стороны говорилъ, что такія же трудныя времена настали и для Малороссіи и для запорожья, что никому тамъ „ходу нѣтъ,“ и при этомъ припоминались слова того гайдамака изъ донскихъ казаковъ, что „россійскую имперію“ слѣдовало бы „вверхъ дномъ поставить,“ чтобъ въ ней не было ни господъ, ни чиновниковъ, какъ это и думали сдѣлать запорожцы еще въ 1770 году, говоря, что они, „выбивши всѣхъ пановъ, и москаля не забудутъ“ или, что они всѣхъ пановъ побивши, другихъ себѣ пановъ найдутъ,“ и что у нихъ ужъ „давно готовое мѣсто есть“ (1).

Подтвержденіе этому мы находимъ въ показаніяхъ самого Дударенка. Когда онъ жилъ на Иргизахъ, то въ 1772 году, въ великій постъ пріѣхали съ Дону на Иргизы, въ скитъ старца Питирима, два донскихъ казака, изъ которыхъ одинъ назывался Забродею. Казаки пріѣхали въ скитъ „богу молиться.“ Однажды, „между разговоровъ, оный Забродя, жа-

---

(1) Показаніе іеродіакона Авмросія и казака Григорія Кренича на казаковъ Цыгана и Стороженка.

луясь на старшинскіе непорядки, какъ у нихъ подъ московскими генералитетами трудно жить стало,“ говорилъ:

— А впредь хуже того будетъ.

— Святой вѣрѣ гоненіе не престаетъ, и слышно, что церковныхъ поповъ брать будутъ и въ римское облаченіе одѣнутъ, замѣтилъ съ своей стороны старецъ Питиримъ.

— Я подлинно вѣдаю, сказалъ опять Забродя, что каково гоненіе на запорожскихъ казаковъ воздвигнуто господами, таковое же и на всѣхъ насъ казаковъ будетъ. Уже малороссійскіе люди, не стерпя того гоненія, всею землею къ намъ идти желаютъ.

— Помогай имъ Боже, прибавилъ на это Питиримъ: они люди добрые и съ московскими господами, чаю, тоже учинятъ, что и съ польскими было.

На это Дударевко, помнившій какъ приняло русское правительство ихъ гайдамацкіе подвиги въ Польшѣ, возразилъ:

— Упаси ихъ Богъ отъ таковаго дѣла.

Но когда Забродя спрашивалъ, почему онъ такъ думаетъ, Дударенко отвѣчалъ:

— Нашего-де брата, запорожца, за то россійское начальство на кобылу клало.

— Всѣхъ россійскихъ людей да и казаковъ донскихъ, такожъ и яицкихъ, буде одною мыслью бунтъ учинятъ, на кобылу не положишь, закричалъ Забродя.

„Не стерпя таковыхъ рѣчей и опасаясь за оныя взыску,“ Дударенко ушелъ изъ кельи Питирима. Дальнѣйшія похожденія Дударенка принадлежатъ уже къ исторіи пугачевщины, и потому мы объ нихъ не будемъ распространяться. Мы должны только замѣтить, что въ жизни этого стараго гайдамака какъ бы воплотилась исторія всего русскаго народа,

обѣихъ его половинъ, и именно исторія XVIII вѣка. Сначала русскій народъ поднимается на западѣ Россіи, желая уничтожить панство вмѣстѣ съ поляками, а потомъ, выбивши пановъ и добравшись до москаля, выбрать себѣ новыхъ пановъ, т. е. совершенно передѣлать государственный строй, которымъ народъ былъ недоволенъ. Но когда исполненію народнаго желанія помѣшали россійскія команды, западно-русскій народъ на время пріутихъ, покорился необходимости. Положеніе народа не измѣнилось къ лучшему, а напротивъ ухудшилось, и наименѣе терпѣливые изъ народа или наиболѣе притѣсняемые, „не стерпя того гоненія,“ потянулись на востокъ Россіи, гдѣ было тоже недовольство существующимъ ходомъ дѣлъ, что и на западѣ, гдѣ также были всесильные паны, также съ каждымъ годомъ урѣзывались казацкія вольности. И вотъ на востокѣ Россіи народъ также поднялся, только ужъ не подъ знаменемъ казака Желѣзняка, представителя Малороссіи, потому что казачество, вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, было ея идеаломъ, а подъ знаменемъ самозванца и мнимаго благодѣтеля народа. Дударенко, составлявшій малѣйшую единицу въ великомъ русскомъ народѣ, вмѣстѣ съ русскимъ народомъ страдавшій и въ западной и въ восточной половинѣ Россіи, принялъ участіе и въ томъ и въ другомъ движеніи народа. И такихъ гайдамаковъ, какъ Дударенко, было не мало въ то время, на что указываютъ малороссійскія фамиліи, часто попадающіяся и между понизовыми поволжскими добрыми молодцами, и между пугачевцами.

Въ заключеніе мы должны сказать, что хотя украинскій народъ въ своей поэзіи и выражаетъ сочувствіе къ самымъ выдающимся личностямъ гайдамачины, къ Савѣ Чалому, къ сотнику Харьку Жаботинскому, къ Желѣзняку, Гонтѣ, Швач-

кѣ, Мартыну Бѣлугѣ, Неживому, Журбѣ и Галайдѣ, о которыхъ онъ поетъ думы одинаково дорогія его сердцу, какъ и думы о Хмѣльницкомъ, которыхъ считаетъ носителями своей исторической славы, однако самое понятіе гайдамачины и идея, соединенная съ словомъ „гайдамака," не пользуются въ настоящее время общею симпатіею народа: собственно гайдамака онъ какъ бы отдѣляетъ отъ героевъ гайдамачины, и понимая послѣднихъ какъ защитниковъ Украйны и православія отъ польскаго панства и латинства, самихъ гайдамаковъ онъ понимаетъ не иначе какъ разбойниковъ, „злодіевъ" и душегубцевъ.

Поразительное подтвержденіе этому мы видимъ въ извѣстномъ разсказѣ старой Дубинихи, которая „обмирала" и, подобно Данту, была въ аду, гдѣ и видѣла ужасы, какіе ожидаютъ грѣшныхъ людей въ загробной жизни. Между прочимъ она видѣла тамъ гайдамака, мученія котораго были ужаснѣе всѣхъ грѣшниковъ, совершавшихъ въ земной жизни самыя страшныя преступленія.

Послѣ описанія всѣхъ ужасовъ ада, старая Дубиниха такъ говоритъ о своей встрѣчѣ на томъ свѣтѣ съ гайдамакомъ: „Идемъ мы — говоритъ она — дальше и видимъ — гайдамакъ, такой старый да здоровенный, змѣй руками изъ ямы въ яму переноситъ, а демоны его желѣзными острогами погоняютъ. Старичекъ и говоритъ (какъ Данта на томъ свѣтѣ водила тѣнь Виргилія, такъ Дубиниху водилъ какой-то старичекъ): „Этотъ много натворилъ грѣховъ на томъ свѣтѣ, и эпитимію великую выдержалъ — но и эпитимія его не освободила. Тяжки, велики грѣхи его. За то онъ и мучится горше всѣхъ грѣшныхъ душъ. Долго разбивалъ онъ народъ, рѣзалъ стараго и малаго, а потомъ одумался и пошелъ исповѣдываться. При-

шелъ къ одному священнику и говоритъ: „исповѣдай меня, отче, да наложи эпитимію“. — „Какіе же твои грѣхи?„ — „Вотъ какіе: много я душъ со свѣта согналъ, и отца съ матерью убилъ“. — „О, на такіе грѣхи нѣтъ у меня эпитиміи.“ Онъ взялъ да и убилъ того священника. Идетъ къ другому: „исповѣдай меня, отче, да наложи эпитимію“. — Какіе же твои грѣхи?“ такіе и такіе“ — тотъ и говоритъ: „нѣтъ на нихъ эпитиміи“. Онъ и этого убилъ. Потомъ видитъ, что никто его не исповѣдуетъ, онъ услышалъ, что есть гдѣ-то такой священникъ, что еще маленькимъ отецъ продалъ его нечистому, за то что нечистый помогъ ему высвободить возъ изъ лужи; такъ этотъ священникъ былъ уже и въ аду и оттуда какъ-то освободился и сдѣлался священникомъ. „Пойду, говоритъ гайдамакъ, искать этого священника: этотъ уже навѣрное наложитъ на меня эпитимію.“ Пошелъ, а этотъ священникъ и идетъ ему на встрѣчу. Гайдамакъ страшиваетъ: „Ты былъ въ аду?“ — Былъ. — „А видѣлъ ты тамъ мой образъ, мою душу?“ — Видѣлъ. — „Что она тамъ дѣлаетъ?“ — „Змѣй руками изъ ямы въ яму переноситъ, а демоны ее желѣзными острогами погоняютъ.“ — „Ну, когда ужъ ты и съ того свѣту вернулся, то ты на меня наложишь эпитимію.“ — „Какіе же твои грѣхи?“ — „Много я душъ со свѣта согналъ и отца съ матерью убилъ“ — „О, говоритъ, тяжки твои грѣхи!“ И повелъ его на гору, на курганы, и говоритъ: „Возьми ты эту яблонную палку — она мнѣ еще отъ дѣда досталась, да посади ее вотъ тутъ на курганахъ, да вонъ видишь ли тамъ далеко, далеко въ полѣ родникъ — ходи ты утромъ и вечеромъ до того родника, носи воду ртомъ и поливай эту палку. Когда она примется и выростетъ изъ нея яблоня, и поспѣютъ яблоки, и ты всѣ ихъ отрясешь съ дерева, тогда

спадутъ съ тебя и всѣ твои грѣхи". Сказалъ и поѣхалъ себѣ. Но вотъ лѣтъ черезъ тридцать ѣдетъ вновь тотъ священникъ черезъ тотъ лѣсъ, мимо тѣхъ кургановъ, ѣдетъ, а ему откуда-то и запахло яблоками. Видитъ, а на курганахъ такая хорошая да густая яблоня стоитъ, а на яблонѣ яблоки все серебряныя, только два золотыхъ, а подъ яблонею сидитъ старикъ сѣдой, сѣдой, какъ молоко. Увидѣлъ священника, узналъ да только рукой на яблоню показалъ: ужъ и слова не вымолвитъ.—„А!—говоритъ священникъ — это тотъ гайдамакъ, на котораго я эпитимію наложилъ... Ну, стряси яблоки."—Старикъ началъ встряхивать дерево—всѣ серебряныя яблоки обсыпались, а два золотыхъ висятъ. — „Вонъ, говоритъ священникъ, твои два грѣха висятъ, что ты отца съ матерью убилъ." Да набравши въ платочекъ яблокъ, и поѣхалъ. А гайдамакъ такъ и скончался. И мучится тутъ онъ горше всѣхъ грѣшниковъ, и никогда не будетъ ему прощенья. Всѣмъ будетъ когда нибудь прощенье, а ему не будетъ ([1]).

Этотъ суровый взглядъ на гайдамака создался уже впослѣдствіи, когда гайдамакъ превратился въ простаго разбойника и уже убивалъ не поляковъ и не евреевъ, а своихъ ближнихъ, не милуя ни отца, ни матери. Такіе разбойники были и въ Великой Россіи, между понизовыми добрыми молодцами, гдѣ особенно, по народнымъ пѣснямъ, извѣстенъ ужасный разбойникъ—женщина, именно „дѣвушка Пелагеюшка", которая убила отца съ матерью, убила роднаго брата и вынула изъ него живое сердце—„на ножѣ сердце встрепенулося", она, „красная дѣвица, улыбнулася", а „добрые мо-

---

([1]) Зап. о юж. Рус.

лодцы", которымъ она разсказала объ этомъ отвратительномъ убійствѣ, "ужасалися и въ воду покидалися".

Между тѣмъ въ свое время на сторонѣ гайдамачины были всѣ симпатіи народа, и эти симпатіи выразились въ народной поэзіи. Въ новѣйшее время выразителемъ народной симпатіи къ гайдамачинѣ, какъ къ послѣднему проявленію самобытнаго духа украинскаго народа, былъ популярнѣйшій южно-русскій поэтъ, который до конца жизни думалъ за одно съ своимъ народомъ и въ поэмѣ котораго („Гайдамаки") вполнѣ отразилось воззрѣніе украинскаго народа на описываемую нами смутную эпоху.

Вотъ заключительныя слова Шевченка о гайдамачинѣ:

„Посѣяли гайдамаки въ Украйнѣ жито, да не они его жали... что-жъ дѣлать! Нѣтъ правды, не выросла—кривда вездѣ гуляетъ. Разошлися гайдамаки куда глаза глядятъ, кто домой, кто въ лѣсъ, съ ножемъ за голенищемъ—жидовъ кончать: такая и до сихъ поръ осталась за ними слава. А тѣмъ временемъ стародавнюю Сѣчь разрушили: разошлись казаки—кто за Дунай, кто на Кубань, только и остались днѣпровскіе пороги, что ревутъ, завываютъ: „похоронили дѣтей нашихъ, и насъ разрываютъ." Ревутъ пороги, и будутъ ревѣть — ихъ люди миновали, а Украйна на вѣки, на вѣки заснула! Съ той поры въ Украйнѣ жито зеленѣетъ, не слышно ни плача, ни пушекъ, только вѣтеръ вѣетъ, нагибаетъ вербы въ лѣсу да траву въ полѣ... Все замолкло... И пусть молчитъ — на то божья воля."

Время доказало, что гайдамаки ошибались: ни послѣдовавшая вскорѣ за гайдамачиною пугачевщина, ни казачество—запорожское, донское, яицкое, волжское, астраханское, саратовское и иныя, ни даже Турція не въ силахъ были „рос-

сійскую имперію вверхъ дномъ поставить,“ какъ того надѣялись озлобленное казачество и гайдамачество. Правда, поставила было ее вверхъ дномъ пугачевщина, но Россія скоро опять встала на ноги, и стоитъ по сіе время, освобождая и просвѣщая тотъ самый народъ и тѣ отжившія казачества, которыя неразумно хотѣли ее вверхъ дномъ поставить ([1]).

([1]) Въ настоящей монографіи Гайдамачины мы обошли молчаніемъ польскія изслѣдованія этого предмета, въ которыхъ доказывается тайное участіе русскаго правительства въ поднятіи гайдамаковъ противъ Польши: это — Pamiętniki ксендза Китовича, Wernygora, а также «Historya Koleszczyzn» Чайковскаго, что нынѣ Садыкъ-паша. Этихъ сочиненій у насъ въ настоящее время нѣтъ подъ рукой, такъ какъ они въ Россіи считаются въ числѣ книгъ, недозволенныхъ цензурою, Мы надѣемся, впрочемъ, что опубликованіе документовъ государственнаго архива выяснитъ впослѣдствіи то, что до сихъ поръ остается тайною для исторіи, и докажетъ, что обвиненіе русскаго правительства въ тайномъ подстрекательствѣ южно-русскаго народа противъ поляковъ является умышленною клеветою политическихъ недоброжелателей Россіи.

КОНЕЦЪ.

3/1793

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 933 179 6